

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
ЖУРНАЛ

ПОДЪЁМ

Директор-главный редактор
государственного бюджетного
учреждения культуры
«Журнал «Подъём»
Иван ЩЁЛОКОВ

ОСНОВАН
В ЯНВАРЕ 1931 ГОДА

Редколлегия:

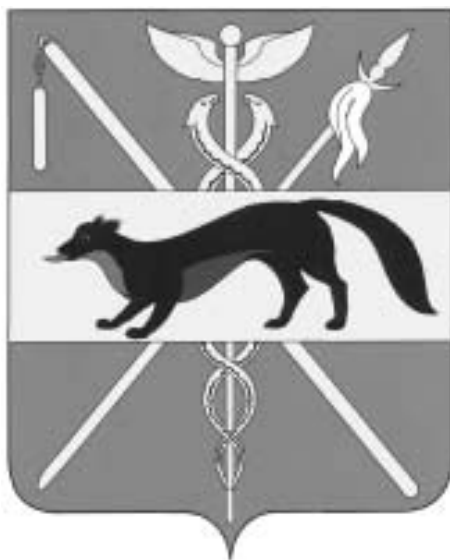
АКАТКИН В.М.
АРШАНСКИЙ В.С.
БОНДАРЕВ Ю.В.
ГОЛУБЕВ А.А.
ГУСЕВ В.И.
ЖИХАРЕВ В.И.
ИВАНОВ Г.В.
ЛЮТЫЙ В.Д.
МОЛЧАНОВ В.Е.
НЕСТРУГИН А.Г.
НИКИТИН В.Н.
НОВИЧИХИН Е.Г.
НОВОХАТСКИЙ В.Е.
САТАРОВА Л.Г.
СЫЧЁВА Л.А.
ТИХОНОВ В.А.

Воронеж ■ 2013

8

ПРЯМАЯ РЕЧЬ	Валерий КУЗНЕЦОВ, глава администрации Богучарского муниципального района. Богу чара сия! 5
ПРОЗА	Михаил ГРИБАНОВ. Отцовские рассказы про войну. Главы из повести 14 Иван АБРОСИМСКИЙ. Гость. Рассказы 73 Николай КОВАЛЁВ. Ну, что тебе сказать... Рассказ . 84 Николай НИКОЛЮКИН. Ответный выстрел. Рассказы 93 Василий НЕПОРОЖНИЙ. Корень жизни. Рассказ 103
ПОЭЗИЯ	Владимир ЧЕСНОКОВ. Мне б на родину... Стихи 11 Владимир НЕФЁДОВ. Неведомый город. Стихи 48 Василий ГОНЧАРОВ. Крестный ход. Стихи 70 Александр КОЛОСОВ. Полдень. Стихи 82 Николай ЧЕРНЫХ. Журавль и кукушка. Стихи 90 Ковыльные холмы. Стихи богучарских поэтов 98
НЕЗАБЫТЫЕ СТРАНИЦЫ	Михаил БУЛАВИН. Богучарцы. Отрывок из романа .. 51 Гавриил ТРОЕПОЛЬСКИЙ. Легендарная быль. Документальный рассказ 60
ЭПОС	Александр АФАНАСЬЕВ. Волшебные сказки 107
КУЛЬТУРА И ИСКУССТВО	Иван АБРОСИМСКИЙ. Жил-был художник... (Творческий путь Александра Кищенко) 120
ИСТОКИ	Алексей КОВАЛЁВ. Следы не исчезают без следа .. 135
ИССЛЕДОВАНИЯ И ПУБЛИКАЦИИ	Евгений РОМАНОВ. Чеховские корни. Прообразы Чевенгура. (Андрей Платонов и Богучарщина) 146 Геннадий СОБКО. Шолоховская тайна 154
НАРОДНОЕ ТВОРЧЕСТВО	Галина СЫСОЕВА. Где староста с буярином, там и сват с дружкой. (Особенности традиционной культуры Богучарского района) 162
ИМЕНА	Любовь ГЕРУСОВА, Елена ФИЛАТОВА. «Любовь была ниспослана мне, как сама жизнь...» (Комполка Малаховский и его музы) 176
ПАМЯТЬ	Эдуард ЕФРЕМОВ. И шли мальчишки по минному полю. 188
ДАЛЕКОЕ- БЛИЗКОЕ	Валерий БЕРЕЗУЦКИЙ. Сокровища древних курганов 200 Евгений РОМАНОВ. Притчи донской земли 211

В лазоревом поле

В лазоревом поле золотой кадуцей на положенных накрест таковом же цепе и бунчуке с серебряным хвостом и с золотым древком и наконечником; поверх всего — золотой пояс, обремененный стоящим черным хорьком с червлеными глазами и языком.

Александр Кищенко.
Богучарский гобелен «Родина»

Валерий Кузнецов,
*глава администрации
Богучарского
муниципального района*

БОГУ ЧАРА СИЯ!

В детстве я как-то смотрел фильм «Иду на грозу», снятый по роману известного советского писателя Даниила Гранина. Сюжет, обыгрывающий модную тогда тему спора физиков и лириков, у меня в памяти долго не задержался, а вот один эпизод запомнился на всю жизнь. Главный герой, глядя на облачное небо, признается: «Разучился смотреть на облака, как нормальные люди: вместо лошадок и верблюдов вижу ионы и электроны». Со временем и ко мне прилипла подобная привычка, с той только разницей, что дело, которым я всю жизнь занимаюсь, связано не с облаками, а с тем, что Максим Горький назвал «роскошью человеческого общения». Идет ли разговор в служебном кабинете или беседа по душам где-нибудь вдали от его стен, часто ловлю себя на том, что сворачиваю в деловую колею и подсудно оцениваю, чем был бы полезен собеседник, если его каким-то боком пристегнуть к «возу», который везу. Недавно, например, вольная воля отпускника свела меня на морском побережье с одним интересным человеком. Коммерсант средней руки на полпути в крупные. Деловой, основательный — это чувствовалось уже по тому, что он в любом разговоре всякое лыко вставлял в строку, избегая пустого светского трепя. Родом из Луганска, но бизнес у него в Сибири — несколько крупных молочных комплексов. Разговорившись, мы нашли общие точки пересечения: у него теща живет под Воронежем. И он не прочь прирастить свое хозяйство молочными фермами в Воронежской области.

— Так чего же лучше, — говорю, — давай к нам, в Богучарский район. У нас молочному животноводству — зеленый свет. Есть пустующие фермы, восстановить — недорого обойдется. Пастбищ, сенокосов — море.

Чувствую — не захватило его предложение.

— Ладно, — говорит, — когда полечу отсюда (у него свой самолет), заверну к вам, гляну сверху, что из себя ваш район представляет.

— Ну, сверху ты много не увидишь. А давай-ка лучше садись — аэродром имеется — я тебе сам все покажу. Город в первую очередь. Малень-

кий, но очень красивый. Уездный город, одним словом. Имя у него во всем свете единственное и неповторимое: Богучар.

Вижу, у него в глазах что-то промелькнуло:

— Богучар, Богучар... Слушай, а ведь был я у вас! Там еще, помнится, в администрации лестница такая — старинная, прямо-таки эксклюзивная. Цела?

Вот ведь что запомнилось человеку, однажды побывавшему в Богучаре! Я, признаться, слегка обиделся такой мелкой избирательности его памяти. А потом подумал: а сам-то я не так же сводил знакомство с Богучаром? И лестница, и само здание администрации, строгое и вместе с тем удивительно нарядное, хоть в Петербург его перенеси — украсит и там любую улицу, — именно это прежде всего и запомнилось, когда мне довелось впервые побывать в этом городе. Это было в восьмидесятых годах, в пору моей работы в обкоме комсомола. Но больше всего тогда впечатлила пожарная часть на главной площади с восьмигранной каланчой. Казалось бы, строили люди не храм Божий, не театр — всего лишь помещение для пожарных, а думали не только о прямом его назначении, но и о том, как оно будет смотреться в центре города. И вышло произведение архитектурного искусства, столь же узнаваемое в общем облике районного центра, как здание ЮВЖД в Воронеже. Вообще Богучар, в чем я убедился, уже основательно ознакомившись с ним после того, как в апреле 2012 года был избран главой администрации района, — это город со своим лицом. Лицом неповторимым, делающим его непохожим ни на один из его собратьев — малых городов. А создают его старинные здания в историческом центре города. Это в первую очередь комплекс уездных земских учреждений: земской управы, богадельни, арестного дома, лавок, флигелей. Не уступают им, а порой и превосходят в архитектурных изысках жилые дома именитых горожан — купцов, чиновников. Особняк городского головы Куранова, украшавший собой главную площадь Богучара, был в свое время признан самым выдающимся по своей архитектуре жилым домом не только Богучара, но и всей губернии. Жаль, но он сильно пострадал в Великую Отечественную войну и был снесен.

Война нанесла немалый ущерб древнему купеческому городу, хотя и не лишила самобытности облика. На сегодняшний день в нем 46 памятников истории и архитектуры. Богучар включен в число исторических городов России. И жители бережно, я бы даже сказал, трепетно относятся к сохранению его доброго имени. Исторический центр города на особом внимании районных и городских властей. Глава Богучара Иван Нежелский, искренне влюбленный в свой город, полон оригинальных идей по преобразованию внешнего облика Богучара, повышению его привлекательности. В этом я его поддерживаю. Говорят, не всегда так было, но теперь это так. И думаю, что люди не могли не почувствовать зримую пользу от такой постановки вопроса во власти.

Богучарцы первыми в области официально зарегистрировали в государственной инспекции охраны историко-культурного наследия Воронежской области границы исторического центра города и зоны охраны памятников культуры. Эти шаги оберегают город от уродующих его лицо агрессивных строительных новоделов, которые пока не нанесли Богучару существенного урона. Не все города нашей области могут похвалиться этим. За последние годы разительно преобразились центральные улицы и площади: обновлен асфальт, выложены плиткой тротуары, клумбы запылали яркой палитрой цветочных красок. Новая базарная площадь —

образцовая для всей области. Эффектной деталью городского пейзажа стал пляж на Богучарке. Именно пляж, а не «место для отдыха у воды», но для его официальной регистрации в качестве такового много чего нужно было сделать: организовать дежурство спасателей, обозначить акваторию бонами, устроить площадку для пляжного волейбола, поставить перекладины, грибки, раздевалки, туалеты. Зато теперь гости города, не исключая и жителей областного центра, не скрывают зависти: такая благодать — и в самом центре города! А побудила людей к этим благим делам экологически чистая река Богучарка, которую здесь почитают и гордятся ею.

А сейчас обустраивается набережная. Уже появились площадки для парковки автомобилей, 6-метровой ширины тротуар. Далее на очереди — ротонды, спортивная, игровая и танцевальная площадки, фонтан, аллеи, цветники, пешеходный мост в «зеленую зону отдыха» за реку Богучарку, памятник Петру I, памятник Семье.

Кстати, памятники выбраны отнюдь не случайно: у обоих свой смысл. А состоит он в том, что эти монументы призваны как бы символизировать фундамент, на котором зиждется старинный богоспасаемый град Богучар. Семья, понятно, — основа общества, а с царём-реформатором связана легенда, касающаяся основания города. Якобы, плывя вниз по Дону воевать Азов у турок, пристал император на отдых в устье безымянной речки и, трапезничая, первую кружку вина выплеснул в прибрежную волну: «Богу чара сия!» Отсюда, мол, и пошло: речка Богучарка, а город на ней — Богучар. Ну, легенда — она и есть легенда. А речка и город существовали на картах под своими названиями ещё в допетровские времена. Богучар, правда, был тогда не городом, а небольшим казацким поселением. Но ко дню его рождения Пётр Великий действительно имеет самое прямое отношение: поскольку по законам геральдики для установления даты основания города требуется первое письменное упоминание о нём, а таковым в данном случае послужило царское распоряжение воронежскому наместнику сжечь Богучар, вызвавший августейший гнев вооружённым противодействием переписи населения. Такой вот парадокс, рождённый сплетением легенд и фактов: отец-основатель города стёр его с лица земли и жителей посажал на галеры, а теперь вот их потомки ставят ему памятник.

Хотя, строго говоря, нынешние богучарцы ведут свой род не от тех репрессированных первопоселенцев, а от сменивших их потом украинских казаков-черкас. И здесь на историческую арену выходит еще одна августейшая персона — императрица Екатерина II. Кстати, есть у нас задумки и ей установить памятник. Это будет стела с барельефом Екатерины Великой и гербами города и района на центральной площади Богучара. Именно указом императрицы те самые казаки-черкасы были переселены из мест иных на богучарскую землю. Так что генетической почвой для обиды на Трон не имеется. Зато есть неоспоримый факт, выигранный для истории города, что «крестные» Богучарщины — не кто иные, как сами цари Руси Великой.

И еще об истории. Вспомнить ее многие славные страницы есть хороший повод: скоро мы будем отмечать 85-летие создания Богучарского района. В связи с этим хочу отметить одну особенность: не могу припомнить, чтобы где-нибудь мне доводилось видеть более деятельное любопытство людей к своим историческим корням, чем здесь, в Богучарском районе. Буквально в первый же свой рабочий день в должности руководите-

ля района я держал в руках подаренную мне энциклопедию района «Богучарский край от «А» до «Я». Капитальный труд, увенчавший многолетнюю краеведческую деятельность заслуженного работника культуры России Алексея Тихоновича Бойкова. Позже побывал в районном историко-краеведческом музее и был поражен обилием экспонатов и масштабом представленного ими временного пласта — от эпохи мамонтов, когда-то бродивших по здешним степям и лесам, и до наших дней. А деятельность поискового отряда «Память» и археологического летнего лагеря «Истоки», возглавляемых педагогом и археологом Николаем Новиковым из поселка Дубрава, — это вообще тема для отдельного разговора, которую не уместить не то что в одной журнальной статье, в целом номере. Молодые ребята, вчерашние и нынешние школьники, раскапывают тысячелетние курганы, окопы и блиндажи Великой Отечественной войны. Их находки — останки почивших вождей кочевых племен и павших в боях воинов Красной Армии, наконечники половецких стрел и казацкие пашки, нераззорвавшиеся снаряды и мины, ржавые кинжалы и штыки, автоматы и винтовки с советской, немецкой, итальянской маркировкой... Все это — спрессованная в двух-трехметровом слое земли история сотен и тысяч живших здесь людей. А сама земля, принявшая их в свое лоно, пропитана их генетической памятью, экстраполирующей на живущих ныне. Недаром богучарцы всегда умели и воевать, и добывать хлеб насущный. Хотя ни в том, ни в другом родная земля не баловала их могучей силой, как богатыря Илью Муромца или пахаря Микулу Селяниновича — у самой ее в обрез. Когда я ознакомился с бонитетом богучарских черноземов, не мог не оценить степень мастерства и трудолюбия здешних хлеборобов. Сбирать с полей, где гумуса — на штык лопаты, а то и меньше, по 30-40 центнеров пшеницы на круг, разумеется, в лучшие годы, — это сродни трудовому подвигу. К такому рубежу и подошли в районе в последние годы. Так что руки богучарских земледельцев, по известному крылатому выражению, действительно пахнут хлебом. Зато и мозолями украшены богато: хлеб-то этот ох как нелегко дается. Мало того, что земли бедноваты, так с недавних пор добавилась новая напасть: засуха. Она посещает район с удручающей регулярностью, собирая солидную дань с хлебных полей. Вот и нынче в самый что ни на есть важный период, когда у главного нашего хлеба, озимой пшеницы, шел налиव колоса, над районом, что называется, и не капнуло. Встал вопрос о том, чтобы объявить чрезвычайную ситуацию по урожаю, но перед самой уборкой все-таки прошли живительные дожди. Правда, часть озимых успела понести необратимый урон, так что урожай этого года рекордным не назовешь.

Меня радует, что наши аграрии не опустили руки перед немилостивой природой. Советуемся с учеными, ищем сами методом проб и ошибок, как свести на нет дефицит влаги. И не без успеха. Сегодня вырисовываются контуры основных направлений в районном земледелии: комплекс специальных агротехнических приемов, подбор засухоустойчивых сортов традиционных сельхозкультур и внедрение новых культур, способных давать приличные урожаи в самых экстремальных условиях. Уже сеем тысячами гектаров тритикале, а нут, лен и сафлор пробуем на предмет альтернативы подсолнечнику. Но при всей важности этих факторов я как глава администрации района все же ставлю на первое место фактор человеческий. Фактор крестьянской основательности и мудрости руководителей сельхозпредприятий. Таких, например, как Михаил Егорович Колтаков, Василий Иванович Дробязкин, Василий Емельянович Резников —

настоящих аграрных академиков. Этот почетный ряд замечательных руководителей можно продолжать и дальше. Возглавляемые ими трудовые коллективы ведут за собой большие и малые коллективные и фермерские хозяйства. Сохраняют финансовую стабильность, развивают производственную базу, солидно вкладываются в сельскую социалку. В СХА «Родина», к примеру, ежегодно выделяется на развитие социальной сферы не менее трех миллионов рублей. За последние годы в центральной усадьбе — в селе Данцевка — за счет хозяйства была капитально отремонтирована школа, дом культуры, введен в строй комплекс сельского сервиса, включающий магазин, аптеку, парикмахерскую. Идя навстречу этой доброй инициативе, правительство Воронежской области приняло решение в рамках государственно-частного партнерства выделить 11 миллионов рублей дорожного фонда на благоустройство. Село ныне выгодно отличается чистыми улицами с пышными цветочными клумбами во дворах и приусадебных территориях. И самое главное, что там бросается в глаза, — это множество новостроек. А это верный признак того, что люди уверены в своем завтрашнем дне.

И все-таки не хочу кривить душой: проблем столько, что говорить об устойчивых темпах движения вперед пока не приходится. Наоборот, Богучар за последнее время приотстал в социально-экономическом развитии на фоне многих других районов. Произошло резкое размежевание между растениеводством и животноводством: последнее фактически надо заново возрождать. Откровенно слабыми выглядят позиции района в промышленной сфере. Требуется комплексная перезагрузка всего экономического блока. И она уже ведется, в первую очередь в аграрном секторе, причем во все более возрастающих масштабах. В животноводстве мы взяли курс на развитие мясного скотоводства. поголовье крупного рогатого скота планируется значительно увеличить уже в этом году. Ставка здесь на серьезную работу с инвесторами: агрохолдингом «Спутник-Стивенсон» и банком «Авангард», которые уже осваивают выделенные им земли. На большей части этих площадей выращиваются культуры, которые станут основой кормовой базы для запланированного поголовья КРС. Прибавится животных и в крестьянско-фермерских хозяйствах, чему способствует активная их поддержка со стороны области. В прошлом году богучарские фермеры получили 8 грантов на развитие мясного животноводства, а в этом их ожидается уже 18. Замычат телята и на сельских подворьях. В связи с тем, что Богучарский район в этом году полностью лишился свиноводческой отрасли из-за эпидемии африканской чумы свиней, многие владельцы личных подсобных хозяйств потеряли источники доходов, по большей части ощутимых для семейных бюджетов. Помогая им восстановить свои хозяйства на альтернативной основе, с другой живностью, администрация района организовала сбор и реализацию заявок на молодых скота и птицы, которых они хотели бы поставить на свои подворья вместо порослят. Так вот, сельчане пожелали приобрести 850 телят — тоже неплохая прибавка к общему районному стаду.

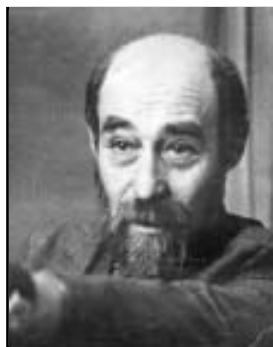
Что же касается промышленного потенциала района, в настоящее время готовится программа его кластерного развития. Здесь речь прежде всего идет о развитии ЗАО «Тихий Дон» (гранитный карьер) и ООО «Строймаш» (завод по выпуску деталей газового оборудования).

На эти важнейшие темы в январе 2013 года губернатор области А.В. Гордеев провел в Богучаре совещание с руководителями органов исполнительной власти Воронежской области.

Особая роль в социально-экономическом развитии района отводится бизнес-сообществу. И прежде всего тем его представителям, которые так или иначе вписываются в производственную сферу: ООО «Агро-Спутник», «Богучарский ЗРМ», «УС-2 Интердорстрой», ОАО «Богучармолоко» и другие. Что примечательно, развивая производство, они берут на себя и соответствующие социальные обязательства. В пример можно поставить ООО «Агро-Спутник» (руководитель А.А. Пешиков) и ООО «УС-2 Интердорстрой» (руководитель С.В. Сиринько), которые активно участвуют в благоустройстве города и района, выступают с благотворительными акциями, поддерживают развитие массового спорта, в первую очередь детского, и сами являются организаторами масштабных турниров. Таким людям не нужно напоминать, что бизнес должен быть социально ориентированным, они эти направления деятельности закладывают в свои перспективные и повседневные планы. Это очень важно для улучшения социального самочувствия людей в целом. Посмотрите вокруг. Разве мы раньше строили столько частного жилья, как сегодня? Покупали столько одежды, бытовой техники, продуктов? А если посчитать автомобили... Между прочим, по количеству иномарок на 1000 человек Богучарский район далеко обогнал другие райцентры области...

Сегодня Богучарскому району нужно реальное ускорение в социальной, экономической и культурной жизни. Люди это понимают. Поддерживают местную власть в благих начинаниях. Для меня и моих коллег лозунг дня предельно прост: каждый новый день должен прибавлять достаток в семьях, каждый день должен нести надежду, мир и лад в сердца. Земляки-богучарцы заслуживают этого.

Владимир Семенович Чесноков (1935—2010) родился в городе Богучаре Воронежской области. Окончил геологический факультет Воронежского государственного университета. Работал геологом в Бурятии, преподавателем, доцентом геологического факультета ВГУ. Автор учебника «Естествознание» для учащихся 11 класса. Один из активных организаторов проведения «Дней поэзии ВГУ».

Владимир Чесноков

МНЕ Б НА РОДИНУ...

БОГУЧАР

Я иду по улицам детства
Самой ранней утренней ранью
В одиночестве. Верное средство —
Память тоже бывает раной.
Все знакомо и незнакомо,
И шаги стали тихи.
Фонарям да чужим балконам
Я свои читаю стихи.

ДОРОГА

Оставь свои заботы и тревоги,
Рюкзак тугим узлом перевяжи.
Без нас скучают люди и дороги —
Про них слова хорошие скажи.

Ведь в тех людей, которые решатся,
Забыв покой, через порог шагнуть,
Вселился демон вечного скитальца —
Им суждено всегда стремиться в путь.

Узнали мы все запахи земные,
И речь дождей, и рев зверей и рек.
Пусть улыбнутся скептики иные,
Но без дорог — несчастен человек.

СОЛДАТСКАЯ ЗЕМЛЯ

Я горсть земли в ладони взял,
Почувствовал тепло,
Как-будто руку кто пожал,
И лаской обожгло...

Лежат полки и батальоны —
За взводом взвод.
Вставай, солдат непогребенный,
Труба зовет!
Бесшумный шаг и строй безмолвный,
За рядом ряд.
На переключку поименно
Идет солдат.
Торжественно в посмертном марше —
Таков приказ.
Ровесники и внуки ваши —
Встречаю вас.

Я горсть земли с собою взял,
То предков прах,
Ее как знамя целовал
Солдат в боях.
А сколько раз горела Русь!
Я видел только раз...
К земле лишь только прикоснусь —
Чернеют руки враз.

* * *

Вы меня не подведите, ноги,
Небо изменилось в одночасье,
Навалилось тучами ненастье,
Все затмилось черной пеленою,
Чисто поле, словно поле боя.
В этом поле негде мне укрыться.
Хоть бы в нору, как кроту, забиться.
Мечут тучи огненные молнии,
Все пространство громами заполнено.
Валится ненастье мне навстречу,
От него мне защититься нечем.
Крутят лихо вихревые смерчи.
Где жилища наши человечьи?
Оказалось, блага эти так далече,
День ненастья мне казался вечен.
Место в мире есть одно лишь...
Я дойду, меня теплом своим укроешь.
Это будет там, в конце дороги,
Вы меня не подведите, ноги!

ПРОВИНЦИЯ

А на окнах еще герань,
Словно признак глубокой провинции,
Здесь в любую сторону глянь —
И обычаи, и традиции.
Фотографий собрание полное,
Как семейные иконостасы,
Они смотрят на нас спокойно,
Смотрят в нас внимательным глазом.
Кто тут старше, а кто моложе —
Здесь совсем не имеет значения.
В чем-то разные, в чем-то схожи —
Все единого рода-племени.
Может, это законы древности
Сохраняет еще Россия:
На погосты уносят брэнности,
Души наши неугасимы.
И да будет нам всем прозрение,
Все невзгоды и беды осилим...
Мне б на родину. В дни весенние,
Осознать, чем сильна Россия.

Михаил Алексеевич Грибанов родился в 1929 году в хуторе Попасный Богучарского района Центрально-Черноземной области. Окончил Воронежский государственный педагогический институт. Государственный деятель, литературовед, драматург, прозаик. Работал в комсомольских, партийных органах, в т.ч. в ЦК КПСС. 1-й заместитель министра культуры РСФСР, затем — СССР (1978-1990). Публиковался в журналах «Подъём», «Театр», «Театральная жизнь», «Москва», «Крокодил», в «Литературной газете». Автор книг «Отцовские рассказы про войну», «Донские альбатросы», десяти пьес, мемуарных и документальных произведений. Живет в Москве.

Михаил Грибанов

ОТЦОВСКИЕ РАССКАЗЫ ПРО ВОЙНУ

Главы из повести

*Посвящается мальчишкам
и девчонкам военной поры*

С ЧЕГО ВСЕ НАЧАЛОСЬ

Вместо предисловия

Однажды сын спросил у меня: — Папа, а ты был на войне? Мне отчего-то стало неловко, и я признался, что, когда война началась, мне было чуть больше лет, чем сейчас ему.

— Эх ты, папа... Ни орденов у тебя нет, ни медалей. Ты даже не знаешь, что такое война.

— Знаю. Когда война началась, я был на оккупированной территории. На Дону...

— И видел живых фашистов?

— Видел.

— Расскажи, — уже значительно мягче попросил сын.

— Хорошо. Но давай договоримся: я буду рассказывать не про себя, а про одного мальчишку, Санькой его звали. Идет?

— Идет, — ответил сын и добавил: — Только поинтересней!

— Ну, брат, это уж как выйдет. Понравится — слушай, а нет — бери вон с полки книжку и читай. Про войну много написано.

— Нет уж, ты мой отец, и про войну я хочу слышать от тебя. Я начал рассказывать о том, что помнил про войну, и так, как оно было.

Рассказывал много вечеров. Через некоторое время кое-что с одобрения сына взял да и записал, чтобы могли прочитать другие ребята. Кто знает, может быть, и им будет интересно.

Автор

В НЕВОЛЕ

Другая власть

Через Богучар и Залиман к Дону двигались танки, бронетранспортеры, автомашины, тянувшие на прицепе пушки, пылила мотопехота, в стальных касках с крестами шли солдаты, навьюченные боевым снаряжением. В расстегнутых кителях, с засученными рукавами, немцы спешили в Галиевку — занять оборону на берегу Дона, а при возможности с ходу форсировать знаменитую реку.

Спрятавшись за углом, Санька и Петя с тоской глядели на фашистов, топавших по улице. В группе солдат кто-то, коверкая слова, запел по-русски:

Вольга-Вольга, матка родна,
Вольга, русский мой река...

— Слышь, что поет, гад! — прошипел Санька. — К Волге идут... Ничего, останутся. Все равно наших больше. Все равно... — твердил он, словно убеждая себя, что все происходящее — нелепость, недоразумение, которое вот-вот прекратится...

А между тем в Богучаре уже оперативно действовала новая власть. Наводила «новый порядок» немецкая комендатура, работало гестапо, другие карательные и хозяйственные органы. Комендант Краузе, очкастый, порывистый и крикливый службист, действовал решительно. Был назначен районный староста, при нем создана канцелярия, которая должна регистрировать население, собирать сведения о наличии скота, сельхозтехники, определять размеры налогов с каждого двора. Краузе с особой тщательностью подыскивал полицейских и сельских старост.

Дома, столбы, заборы запестрели приказами и распоряжениями о необходимости соблюдения «нового порядка».

Санька и Сережа решили сходить в город, посмотреть, что там делается.

У залиманской церкви немцы грузили на машины деревянные, окоренные железом ящики, должно быть, со снарядами. На улицах под присмотром немецких солдат работали горожане — ремонтировали дорогу, убирали битый кирпич, стекла, оборванные телеграфные провода. Рядом со средней школой все еще дымился сгоревший продовольственный склад.

Здание военкомата тоже сгорело. У ребят стало еще горше на душе: отсюда уходили на фронт богучарцы, здесь, на этом месте, они встали в солдатский строй, чтобы воевать с фашистами. Теперь фашисты пришли сюда. Разрушили их город, топчут его сапожищами, купаются в их реке Богучарке; вон за баней у реки валяются на траве, пьют шнапс.

Ребята перемахнули через дощатый забор и очутились в горсаду. Там было пусто, неуютно, многие деревья искалечены снарядами. И еще виднелись свежие могилы с черными крестами. Значит, немцы устроили тут свое кладбище?

Санька достал из кармана рогатку и, подбирая на земле меловые камешки, начал стрелять в ненавистные кресты, на них оставались белые отметины.

Тяжело было на душе. Ребята пошли на площадь. Здесь, в небольшом скверике, по-прежнему стоял памятник Ленину, сделанный руками богучарских умельцев.

— Выстоял! — обрадованно прошептал Санька.

На здании бывшего райисполкома висел флаг со свастикой, а на фасаде крупными буквами по-немецки и по-русски написано «Комендатура». У входа стояли с винтовками охранники-полицейские. В одном из них ребята узнали Гришку Сапунова, в прошлом полубродягу, картежника, нечистого на руку человека, который недавно вернулся из тюрьмы.

Подходить ближе ребята не решились. И только повернули за угол, как нос к носу столкнулись с немцем. Ребята хотели дать деру, но не тут-то было. Немец схватил Сережу за рубаху и Саньке жестом приказал идти следом. Бросить друга Санька, конечно, не мог. Солдат привел их во двор бывшего сельхозучилища, где стояли санитарные машины. Из них вытаскивали носилки с ранеными немецкими солдатами и носили в здание. Немец потащил Сережу к лошадям, запряженным в фургон:

— Дафай, дафай! Поехаль!..

Они выехали со двора и через некоторое время остановились у конюшни под Лысой горой. Немец спрыгнул на землю. Слезли и ребята. В конюшне фашист сунул им вилы и заставил убирать навоз. «Попались, — подумал Санька. — Этот даст прикурить». К счастью, в конюшне было немного лошадей, и ребята довольно быстро справились с работой.

Немец «по достоинству» оценил их труд — дал каждому по шее. Саньку и Сережку как ветром сдуло. Они бежали без остановки до самой Богучарки и только на берегу перевели дух. Грязные, потные, они разделались и нырнули в воду. Купались недолго. Но каково было их удивление, когда, глянув на берег, увидели другого немца, сидевшего на их одежде! Откуда он взялся?

Делать нечего, надо было выходить на берег. Санька нагишом подошел к солдату, покружил вокруг него. Тот будто не замечал мальчишек — жевал белую булку и запивал из фляги.

— Эй! — окликнул Санька. — Отдай штаны!

Немец молчал. Не реагировал. Ребята растерялись. Санька хотел было подождать, пока тот насытится, но, увидев на траве здоровенный ручной пулемет, металлические коробки с патронами, отскочил в сторону. Солдат недобро ухмыльнулся.

Сережа с посиневшими губами стоял по пояс в воде, не знал, что предпринять. Фриц прицепил флягу к поясу, дожеввал булку, громко высморкался, вытер нос рукавом зеленого кителя и встал. Это был огромный сутулый верзила метра два ростом. Сапогом с широкими грубыми халявами он отшвырнул ребячью одежду, давая понять, что ее можно взять. Санька торопливо схватил штаны. Немец лениво расстегнул кобуру, вытащил пистолет, подул в ствол...

Сережа, выскочив из воды и со страхом поглядывая на солдата, тоже

стал торопливо одеваться. Фриц нетерпеливым жестом подозвал ребят. Те подошли.

— Гут! — сказал фашист.

Он поднял тяжеленный пулемет, приклад водрузил Сереже на плечо, а ствол в кожухе с дырками для охлаждения — Саньке. Санька от тяжести даже присел. Немец показал рукой, чтобы шли вперед, сам он взял коробки с пулеметными лентами и нехотя, шаркая подкованными сапожищами, пошел за мальчиками.

Было жарко и душно. Пот заливал лица ребят. Ноги от тяжести подгибались. У Саньки нестерпимо болели плечи — сошники пулемета впились в тело, саднили. Сережа прерывисто сопел. Санька хотел переложить ствол пулемета на другое плечо, но сил не хватило. Тогда, не сговариваясь, ребята опустили ненавистный пулемет на траву. К их удивлению, фриц не возражал. Его самого сморила жара. Положив пулеметные коробки, он уселся на них, вытер лицо платочком, снова отцепил от ремня флягу, отвинтил крышку и, запрокинув голову, раскрыл рот. Ребята с жадностью смотрели, как он пьет. «Бежать надо! — подумал Санька. — Но как убежишь, если у него пистолет? Вон спереди, прямо под носом. Выхватит — и конец!»

Ребята не смотрели друг на друга...

— Гут! — вставая, сказал солдат.

Санька и Сережа с трудом подняли проклятую ношу, побрели дальше. «И зачем пошли в город? — ругал себя Санька. — Теперь вот тащим эту заразу. А он из него будет стрелять в наших».

Когда взобрались на бугор, откуда были видны Галиевка и Дон, немец догнал ребят, легко взял одной рукой пулемет, поддал пинком Саньке под зад. Санька упал, а фашист, не оглядываясь, затопал к лесу, там, у Дона, была, вероятно, его позиция.

— Бандит! — захлебывался слезами Санька. — Гад ползучий!..

— Пошли отсюда! А то еще на кого-нибудь нарвемся.

— Не-ет, — всхлипывал Санька. — Теперь ду-удки... Они побежали к элеватору. Но где он? Куда девался?

Вместо элеватора увидели дымящуюся грудку обломков, оплавленный кирпич. Рядом стояла старуха и палкой разгребала черную золу. Они узнали в ней бабушку Ксению.

— Бабушка, — окликнул ее Сережа, — что ты делаешь?

— Деда ищу, — тихо ответила она, оправляя трясущейся рукой платок.

— Да где же он? Не видно...

— Тут, — ткнула старуха палкой в золу. — Сгорел. — Она подняла голову.

Ребята вздрогнули: никогда еще не приходилось им видеть таких пустых, мертвых глаз.

— Тут он, — покачнувшись, повторила она. — Сгорел мой Поликарпушка. Как есть сгорел. Я знаю... Косточки бы найти...

Ребятам стало жутко. Санька отчетливо вспомнил, когда он в последний раз видел деда Медка. В правлении колхоза. Сухожилин сказал тогда Поликарпу Филипповичу, чтобы он, если немцы захватят Галиевку, поджег элеватор с зерном... Выходит, дед Медок сделал свое дело, а сам...

Из леса по острову ударили из пушки. В ответ скороговоркой застроили пулеметы.

— Бегите отсюда, — прохрипела, распрямляясь, старуха.

— А как же ты? Пойдем с нами, бабушка, — жалобно сказал Санька.
— Я тут... Пока не найду. С ним возвращусь... Стрельба усиливалась. Ребята побежали к селу через ложбину. Санька оглянулся: бабка Ксения сидела на камне у стены.

Хищники

Санька не видел, когда немцы-постояльцы, заманив голубей в голубятню, захлопнули дверку и переловили сизарей. Но утром, выйдя во двор, он почувствовал запах паленых перьев и поспешил в голубятню. Она была пуста. И в воздухе не было видно голубей.

Немец-«анчутка», выйдя из хаты, вытряхнул что-то из бумаги за порог и снова скрылся. Санька слез с сарая, подкрался к крыльцу и увидел мелкие косточки. Значит, нет и его почтового сизаря. «Сожрали, паразиты!»

Фашисты выволокли во двор одеяла, плащ-палатки, расстелили у плетня и, раздевшись, улеглись загорать.

То ли от тоски, то ли от голода закукарекал петух и воинственно взлетел на плетень. Тут же раздался выстрел. Санька видел, как петух опрометью кинулся на другую сторону плетня. Раздосадованный, что промахнулся, немец перелез через плетень, но петуха и след простыл. Солдаты смеялись над незадачливым стрелком, но тот, не обращая на них внимания, побежал к фургону, стоявшему под кленом, порылся, достал удочку. Санька удивился: зачем удочка? А фриц размотал леску, нанизал на крючок хлебную корку, подкрался к плетню, закинул удочку с наживкой и улегся на одеяло.

Санька сходил в огород, нарвал луку, нарыл картошки. Возвратясь, глянул на немца — тот лежал на животе, прижав рукой удильник. Санька принялся вместе с Петей чистить картошку.

— Видал? Хочет на удочку поймать нашего петуха.

Петя недоверчиво поглядел на Саньку, потом на фрица.

— Может, он балуется?

Но не успели они дочистить картошку, как послышался петушиный крик. Солдат дернул за удильник и, обрадованный, заплясал на месте. Натянутая леска металась из стороны в сторону. Петух, растопырив крылья, упирался, цеплялся за веники, но леска была крепкая, и немец ближе и ближе подтягивал обезумевшего, с вытянутой шеей петуха. Из клюва птицы шла кровавая пена.

— Аспиды! — процедила Дарья и, обращаясь к ребятам, приказала: — А ну-к в сарай! От греха подальше.

А немцы развели во дворе костер, сварили петуха. Они пили шнапс, громко пели, орали: «Дон, камарад, Дон!»

Вскоре появился какой-то строгий немец, сказал что-то солдатам, и те молча забрали свои манатки и ушли, а Дарью и ребят заставил убрать в доме. Когда они вошли в сенцы, в нос ударило удушливым запахом.

— Тьфу, нечистые! — выругалась Дарья, открывая окно.

Саньку чуть не вырвало. В их хате всегда пахло свежееиспеченным хлебом, молоком, травой, которой Дарья Ивановна любила посыпать земляной пол. Сейчас же воняло дустом и еще чем-то противным, муторным. Санька и Петя подметали неровный земляной пол, выбитый каблуками сапог, Дарья мыла подоконники, выгребала из грубки золу. Петя снял фольгу с кирпичика хлеба.

— Ого, когда испекли! — удивился Санька, разглядывая этикетку на обертке. — 1933 год.

У дома опять зашумели немцы. Санька, выйдя на крыльцо, увидел, как солдаты сгружали с подводы березовые бревна, затесывали колья, для чего-то вбивали их у хаты. Дед Егор первым разгадал тайну:

— Палисадник ремонтируют — значит, ждут большого начальника.

К вечеру подъехала легковая машина. Из нее устало, но вальяжно вышел немецкий офицер и в сопровождении немолодого кривоногого денщика поднялся на крыльцо, придирчиво осмотрел двор и скрылся в хате. Шофер и денщик внесли туда кожаные чемоданы, машину загнали во двор, замаскировали ветками.

Наутро офицер, сделав во дворе зарядку, облился холодной водой, растерся полотенцем. Денщик подал рубаху, китель, и тот стал не спеша одеваться.

Санька и Петя наблюдали издали, как офицер бережно потрогал крест на левой стороне груди, погоны с желтоватыми квадратами, будто проверяя, не снял ли их кто-нибудь, застегнулся на все пуговицы, посмотрел на себя в зеркальце, услужливо предложенное денщиком, и, довольный, сел на лавку за столом у клена. Плотный, с крутым подбородком, он еще раз ладонями пригладил волосы и принялся за еду.

Ел офицер с завидным аппетитом. Насытившись, поковырял в зубах блестящей зубочисткой, что-то буркнул шоферу, сидевшему у машины. Тот сбросил ветки с автомобиля, завел мотор. Офицер сел в нее, и машина выехала со двора.

Денщик, проводив начальника, уселся за стол и начал с жадностью уплетать остатки. Потом снял китель, повесил на сук и, увидев у сарая Дарью, позвал убрать со стола.

Санька, проходя мимо клена, нечаянно задел китель, и тот упал. Денщик заорал и швырнул Саньку на лавку.

Чем бы дело кончилось, неизвестно, спасибо Дарье, которая со слезами умоляла немца не губить сына:

— Меня бей, а его не надо! Он мал, он нечаянно! У тебя, наверно, тоже есть дети?

— Да, есть дети! Кляйн киндер. — Он достал бумажник, извлек откуда фотографию. На карточке красовался он сам, его дородная жена и две дочки. — Кляйн киндер! — качал он головой и, расчувствовавшись, даже всхлипнул. — Скоро война капут! Скоро нах хаузе...

Дед Егор и Иван, почувствовав, что беда миновала, ушли. Денщик еще раз посмотрел на фотокарточку, поцеловал ее, спрятал в бумажник. А Саньке сказал:

— Ты есть невоспитанный ребенок! Ты дикарь!

Санька молчал.

— Я твой господин! Пан Отто Шритке. Где твой отец?

— Негу, умер, — вздохнул Санька.

— Ты говоришь неправду. Не карошо... Говорит надо правда... Эй, фройляйн! — окликнул он Елену, показавшуюся у плетня. Елена робко подошла. — Ты стирай рубаха, а ты, — Отто ткнул пальцем в Саньку, — носить вода. Понял? Бистро!

Ребята наносили воды в кадушку. Елена постирала в корыте рубаху фрица. Санька хотел было уйти, но денщик окинул его неодобрительным взглядом.

— Арбайтен! Надо чистить мой сапоги. Ти мой раб!..

— Я не твой, — насупился Санька. — Я сам свой.

— Мой, мой! — хохотал денщик.

Отто, перевалившись через край стола, дотянулся до радиоприемника, стоявшего здесь же, и включил его. Послышалась немецкая речь. Немец внимательно слушал лающий голос, потом чуть не подпрыгнул.

— Bravo! Сталинград капут! Слышишь, русский свинья?

Санька плюнул и побежал в огород. Вместе с Петей, чтобы не попадаться на глаза Шритке, спрятались в кукурузе.

— Гляди, фриц идет, — прошептал Петька.

Санька поднял голову. Сквозь стебли и листья кукурузы увидел, как Шритке, повернувшись к ним задом, снял штаны, сел...

Дальше все произошло мгновенно. Санька выхватил рогатку, зарядил чугункой, прицелился и «врезал» фрицу по белому месту. Шритке взвыл от боли, вскочил, хотел бежать, но запутался в штанах и упал. Санька и Петя помчались по кукурузе в лес.

Шритке догадался, кто стрелял в него.

Разъяренный, он влетел в сарай и начал бить Дарью по лицу. На ее крик прибежали Иван и дед Егор. Иван обхватил сзади Шритке, хотел повалить.

— Не трожь! — крикнул Егор Назарыч внуку и сам встал между Дарьей и немцем. — Пан солдат, за что бабу-то бить?

Шритке ругался, показывал, как Санька в него выстрелил.

— Мальцы! Я сам их... — миролюбиво уговаривал денщика дед Егор. — А ее-то за что? Рассуди сам, пан денщик. У тебя тоже киндер, за ними гляди да гляди!

— Найди киндер! А то всем капут, всем! — угрожающе пробормотал Шритке.

— Найдем, найдем, — кивал дед. — Иди, Дарья, иди! Иди же!

Дарья, согнувшись, постанывая, вышла да так и не вернулась домой. Саньку и Петьку она отыскала у Сережи. Санька, увидев синяки на лице матери, все понял, ему стало нестерпимо стыдно и больно.

Ефросинья Андреевна сделала Дарье примочки, напоила холодным молоком.

К счастью, на другой день Шритке и его офицер уехали на передовую.

По улице снова загрохотали немецкие танки. Аляповатые чудовища подняли над селом такую пыль и гул, что казалось, вот-вот наступит конец света.

— Сколько же их, чертей, ползет к Дону! — крестилась Дарья.

В пыли, застлавшей весь двор, показался Валька Куц.

— Гляди, какая силища! — сказал он Ивану. — Каюк нам! Эти пойдут за Дон. Не остановишь. Вот увидишь...

— Чего ты каркаешь? — не сдержался Иван. — Теперь уж все равно...

Куц торопливо достал бумажку.

— Смотри, меня вызывают в комендатуру.

— Зачем?

— Не знаю. Скажут. Такое закрутилось — не разберешь, — Куц поглядел на Саньку с Петей. — Вот им ничего... Что с них спросишь, а с нас шкуру сдерут.

— Поживем — увидим...

— Ладно, Ваня, пойду к Шиндуре, может, он что знает. Завтра забегу.

Куда-нибудь с глаз...

Санька первый добежал до колхозного сада, сорвал горсть вишен, сунул в рот и причмокнул от удовольствия. Ребята тоже набросились на ярко-бордовые плоды. Насытившись, стали соображать, куда бы пойти. В городе много немцев. Лучше сходить на бугор, где был сильный бой наших с фашистами.

Мальчишки миновали ложбину и начали подниматься на взгорье. Оттуда подул ветер и донес тяжелый, приторно-сладковатый запах разлагавшихся трупов. Варька закрыла рукой нос.

Среди убитых, лежавших на траве, не было ни одного немца. Было ясно: трупы немецких солдат уже успели убрать и увезти. Вероятно, в горсаду и были их могилы с черными крестами. Санька, преодолевая страх, всматривался в одутловатые, иссиня-черные лица мертвых. В окопах тоже находились убитые — кого завалило землей во время бомбежки, кто прильнул к винтовке да так и застыл, сраженный.

Спустились в овраг. Там, видимо, лежали тяжелораненые. Не получив помощи, так и умерли, истекли кровью. На некоторых бойцах виднелись грязные бинты.

Санька полез из оврага наверх. Карабкаясь по склону, цепляясь за кусты и траву, мелко дрожа от испуга, он старался быстрее вылезти, вдохнуть глоток ветра. Вслед за ним спешил Сережа. На краю оврага с широко раскрытыми глазами оцепенело стояла Варька, беззвучно плакала.

На вершине бугра неуклюже торчали ствол и обгоревшие резиновые колеса полевой пушки, надвое перебитой разрывом бомбы. Ниже в одиночных окопах валялись полузасыпанные землей и мелом противотанковые ружья, стреляные гильзы, подсумки, ящики из-под патронов.

Ветер шевелил волосы убитых, казалось, что погибшие вот-вот встанут. Санька сел на краю оврага, отрешенно уставился в землю.

— Сань, — тронул его за плечо Сережа, — пойдём поглядим... Там лежит один убитый. Очень похож... Идем... Неужели это он, Володя? Твой брат.

У Саньки все похолодело внутри. Хотел вскочить, а ноги не держат. Сережа помог ему.

У места, где были позиции пэтээровцев, Сережа указал на мертвого, лежавшего на спине. И Санька скорей почувствовал, чем узнал, — это он, его старший брат Владимир. Санька нагнулся к нему и тут же отпрянул.

— Во-ва! — сдавленно закричал он.

Сережа и Коля подхватили Саньку, потащили в сторону.

— Это не он, не он! — твердил Санька.

Сережа вернулся назад и, преодолевая страх, наклонился над убитым, осторожно отстегнул нагрудный карман, вытащил документы и побежал догонять своих.

Колька развернул красноармейскую книжку, прочел: «Шатров Владимир Степанович».

— Он! Быстрей домой!

Спотыкаясь, падая, ребята побежали через ложбину на Залиман.

У лесной опушки они услышали встревоженные голоса: матери искали своих детей.

Дед Егор крепко приструнил Саньку. Но тот будто ничего не слышал, по его лицу текли слезы.

Дед встревожился. Санька плакал редко. Даже если за дело «давали ремня», терпел, не распускал нюни.

— Что? Что ты, голубь?

— Я Володю видел. Брата.

— Где? В лесу?

— Не-ет, — задрожал Санька. — Он уби-итый! Лежит на бугре.

Егор Назарыч потряс внука за плечи.

— Говори толком!

— Вот, смотри. — Санька достал документы.

Егор Назарыч надел очки. Читал, медленно шевеля губами.

— Мать честная! — с хрипом выдохнул он. — Нету внука. Иван! Выдь сюда. А вы с Петькой, — сказал Саньке, — будьте дома. Матери ничего не говори...

Егор Назарыч и Иван с лопатами заспешили в дорогу. Еще издали у самого бугра услышали плач Дарьи. Дарья узнала страшную весть от Сережиной матери, и они вдвоем побежали в поле. Дед Егор и Иван подошли к женщинам, подняли Дарью с земли.

— Уходите, я сам, — опустил на колени дед Егор.

Иван увел мать и Ефросинью Андреевну. У подножия бугра Дарья упала на траву и забилась в рыданиях. Иван видел, как сразу, на глазах, постарела мать, будто степной ветер вмиг иссушил лицо, исполосовал новыми морщинами.

Вырыли могилу. Иван и Егор Назарыч опустили в нее Володю, зарыли землей.

— Терпи, Дарьюшка, — тяжело дыша, сказал Егор Назарыч.

А днем Санька и Петька выпилили из фанеры пятиконечную звезду, ножом обстругали вишневую палку.

— Чем же покрасить? — задумался Санька. — Надо, чтоб красная была.

— А если вишнями? Гляди, какая у меня рубаха от них!

Когда звезда была готова, мальчишки побежали на бугор. Сначала лесом, потом оврагами добрались до ложбины. Ползком по высокой траве, чтоб не заметили немцы, находившиеся у дальнобойной пушки, добрались до могилы.

В этот момент из буерака так ухнуло, что мальчишки попадали на землю. Потом еще раз, еще... Фашисты стреляли из дальнобойки за Дон.

Ребята подождали, пока не замолчала пушка. Санька пригнул голову, осмотрелся. Никого не видно. Поправили землю на свежей могиле и сверху воткнули палку с красной звездой.

Клятва

Сережу Санька дома не застал. Мать сказала, что послала его отнести харчи бабушке Ксении. Санька, вспомнив несчастную старуху, побежал к ее дому, надеясь застать там своего друга. Но они встретились на полпути.

— Не хочет есть, — вздохнул Сережа. — Жалко бабушку. И деда Медка.

Постояли молча.

Впереди показалась группа немецких солдат. Друзья нырнули в соседний двор, притаились у забора, наблюдали в щель. Без пилоток, в растянутых кителях, с автоматами фашисты прошли мимо забора, громко разговаривая.

Ребята хотели выйти из укрытия, но их остановили автоматные очереди. Немцы палили по сараю почтальонки Клавы, на котором еще с начала войны было выведено желтой глиной «Смерть немецким оккупантам!». Лозунг поблек от дождей и солнца, но прочесть его было можно. Фашисты стреляли с азартом, улюлюкая, выкрикивая бранные слова, один из них швырнул в сарай гранату. Она взорвалась на соломенной крыше; старенький сарай рухнул и загорелся.

Из подъехавшей черной легковой машины выскочил немецкий офицер, живший в Санькиной хате и недавно вернувшийся с передовой, и стал отчитывать разгулявшихся солдат. Офицер показывал рукой в небо и за Дон. По его жестам можно было понять, что поднимать переполох вблизи передовой недопустимо.

Офицер как в воду смотрел. В небе появились два советских самолета-разведчика. Они покружили над селом, высмотрели, что надо, и спокойно улетели.

— Как хозяйка летают! — обрадованно сказал Санька. — Не то, что раньше. И фрицы боятся. Ишь, попрятались.

Мимо проплыла легковая автомашина с офицером.

— К нам, наверное, поехал, — поморщился Санька. — Давай устроим ему что-нибудь?

— Ты что, за этого офицера все село порешат.

— Верно, — вздохнул Санька. — Это я от злости. А что делать? Как жить?

— Откуда я знаю?

— Дедушка Егор молчит, только руками разводит. А я мстить хочу. За нашего Яшу, Володю, за всех, кого на Дону и тут убили...

— А твой дед Егор знаешь кто? — перебил Сережа. — В молельню к бабке Акулине ходит, за немцев молится! Ему разрешили читать «благодарственные» молитвы. Мне бабка Ксения сейчас сказала. Она тоже туда ходит.

Такого удара Санька не ожидал:

— Не верю. Пойдем к деду. Пусть сам скажет.

— Идем, — хмуро согласился Сережа.

Пришли.

— Дедушка, это правда, что ты ходишь молиться за фашистов? — прямо глядя деду Егору в глаза, напрямую спросил Санька.

Егор Назарыч как ни в чем не бывало продолжал накачивать примус.

— Ты слышишь, дедушка?

— Некогда мне балачки разводять!

— Значит, правда? Эх ты! — Санька едва не заплакал от обиды. — А еще богучарский партизан!

— Какой партизан? — встрепнулся дед. — А-а... Так то ж давно было! В гражданскую. А сейчас молюсь... Идите, голуби!

— За что молишься? Что Володю убили? Наших залиманцев?

Егор Назарыч замахал руками:

— Старый я, Саня... О Боге пора думать. Вот и молюсь, милый ты мой голубь! Вы на меня не глядите...

Санька выскочил из сарая. Сережа — за ним. Они забрались в сад, в самую гущину. Санька сидел, не зная, что и думать. Дед молится на немцев да еще и других заставляет! Что же это делается?!

Из-за кустов вынырнула Варька.

— Мальчики! Вот вы где! Есть новости!

— Иди ты! Без тебя тошно, — отвернулся Сережа. — Дед Егор вон с панталыку сбился!

— Ха! — сказала Варька. — Что к Акулине молиться ходит? Да я об этом знаю лучше вас. Надо их напугать, они и разбегутся. Подумаешь, христосики-носики, марухи-старухи! Соберутся и давай, небось, ля-ля...

— Кабы ля-ля! — отозвался Санька. — За Гитлера молятся.

— Тогда чего сидите? Надо им вздрючку дать. Осрамить! Да я сама их разнесу!

— Нет, — хмуро сказал Санька. — Не так. Надо вредить немцам, бороться с ними. А если надо, то и моего деда судить. Вот так!

— А что, это дело! — кивнул Сережа.

— Варюха, — обратился Санька, — мотай за братвой, а мы тут подумаем... Прихвати тетрадку и химический карандаш. Только осторожней.

— Не учи... Сама знаю.

В саду было тихо. Лишь со стороны Дона доносились глухие взрывы. Сережа спросил:

— Чего надумал?

— Сейчас придут — скажу.

Скоро явились ребята, сели в кружок.

— Есть дело, братва! — проговорил Санька. — Надо мстить фашистам. Кто согласен клятву дать, чтобы вредить фрицам?

— А где клятва? — спросил Коля.

— Сами придумаем. Согласны или нет?

— Согласны, — за всех ответила Варька и взмахнула тетрадкой.

— Тогда пиши, — распорядился Санька. — Первое: мы — пионеры. А что должен делать пионер? Помогать своим и вредить фашистам. Записали?... Второе: судить всех, кто помогает врагам, даже моего деда, который... — Санька запнулся и замолчал. — Все равно судить, раз он за них молится. А там поглядим, кого еще... Да пиши, чего ковыряешь в носу? — рассердился Санька. — Третье: знать все, что делается в селе. Кто нарушит клятву, тому смерть. И еще: делать то, что прикажет командир.

— А кто командир? — оторвавшись от тетрадки, заморгала Варька.

— Как кто? — удивился Санька. — Я! Ты что, против? Еще дядя Фома назначил. Но это не все. Каждый должен пройти испытание. Кто выдержит, тот и будет членом отряда.

— А какое испытание? — снова спросила Варька.

— Каждый должен навредить фашистам. А как — сами придумайте...

Встретились ребята через день на том же месте. Санька, уже в роли командира, напустив на себя строгость, сказал:

— Докладывайте. Давай ты, Сережа.

Тот привычно повертел в руках ножичек, усмехнулся.

— Облил керосином в мешках овес, каким фрицы битюгов кормят.

— Ого! — одобрил Санька. — А ты, Толик?

— Вот. Свистнул у одного фрица. — Толя вытащил из кармана губную гармошку, положил на траву. Гармошка поблескивала на солнце. Варька хотела взять ее, но Санька предупредил:

— Не трогай трофей! Ты, Юрка?

— Я... — замялся тот. — Я открутил гайку от мотоцикла и закинул в бурьян. Век не найдут.

— Не врешь? — спросил командир.

— Честное слово!

— А ты? — Санька обратился к Коле.

— Хотел газеты взять у фашиста, но... Я не умею воровать...
— «Не умею воровать!» — передразнил Толик. — Разве это воровство?
— Зато я им гвоздь в котелок с кашей бросил. Может, немец зуб сломает. Или, еще лучше, проглотит — и с копыт долой.

— Вот это дело! — похвалил Санька.

Варька не стала ждать, когда спросят ее:

— Я — будь здоров! Я такое наговорила одному немцу — он чуть не убился. Я шла за этим немцем и про себя ругала его самыми плохими словами. Он, наверно, услышал их, споткнулся и чуть не свалился в яму от бомбы.

Ребята засмеялись. И громче всех Толик.

— Ты что, колдунья? Тогда заговори всех фашистов, чтоб они подохли.

— Подумаешь, храбрец! — огрызнулась Варька. — Украл свистульку и радуется. А я вот что еще сделала.

Она, вытащив из тетради лист, показала нарисованную карикатуру.

— Это кто?

— Гитлер. Не видишь, что ли! — с достоинством ответила девочка. — Я хотела приклеить на столб, а Ленка сказала, что я с ума сошла и что меня за это расстреляют.

— А кто узнает, что ты нарисовала? — спросил Санька.

— Ладно, я поговорю с Иваном и Сеней, можно или нельзя повесить на столб. Погоди, Санечка, а ты что молчишь? Что ты сделал? Всех спрашиваешь, а сам?

— Я командир, могу и не говорить.

— Как это не говорить? — изумилась Варька. — Командир — всем пример. Давай рассказывай!

— Мы с Петькой одно дело уже сделали: на могиле Володи поставили красную звезду. — Санька сжал губы. — А вчера нашли две винтовки и спрятали в потайном месте. Потом Петька шилом проколол в немецкой легковушке запасной баллон.

— Как засвистит! Я испугался, — сказал Петя. — Хорошо, что никто не услышал.

— Значит, испытание все выдержали, — подвел итог Санька. — Теперь надо сочинить клятву.

На клятву много времени не потребовалось: «Мы, пионеры-залиманцы, вступая в партизанский отряд, торжественно обещаем: помогать своим и во всем вредить фашистам, судить всех, кто будет служить немцам. Если кто струсит, тот не пионер, а предатель».

— Давай тетрадь, Варюха, — сказал Санька и первый написал: «Командир партизанского отряда Александр Шатров». Расписались и другие ребята. А когда карандаш взяла Варька, Санька пригрозил: — Ну, гляди, Варька, струсишь — не жди пощады!

— Еще посмотрим, кто струсит! — огрызнулась та и, послунявив карандаш, уверенно вывела свою фамилию.

— Моим заместителем будет Сережа, а тебе, Варька, как первой отличнице и партизанке, поручается вести дневник. Запомни: в дневнике не врать, записывать точно. Когда выгонят фрицев, дневник передадим в школу. Все. Нет, забыл: дневник писать в саду, чтобы никто не видел, а прятать будем в этом ящике из-под снарядов. Я его вчера приволок. Ящик зароем в саду. Где и как — приказываю сделать Варьке. Действуй!

Глаза Варьки заблестели от радости. Она схватила ящик и поволокла в сад, ближе к лесу.

— Погоди, Варя! — окликнул Петя. — А как наш отряд назовем?

— «Богучарец»! — тотчас нашлась Варька.

Название всем понравилось. Обнявшись, ребята пошли домой. А Варька нашла в саду укромное место, вырыла яму, где и прятала ящик с дневником.

Варькин дневник

21 июля 1942 года

Я, Варька Бойкова, начинаю вести дневник отряда «Богучарец».

Когда выгоним фашистов с Залимана и можно будет показать людям дневник, то они скажут: «Вы — настоящие советские пионеры!» И меня, конечно, похвалят.

Теперь — что было за эти дни.

Нас жутко бомбили. Спасались по ярам. Что я пережила — страсть! Видела убитых. Жалко наших красноармейцев, погибших у Дона. Там был Санькин друг Борис Градов, но среди убитых его не нашли. Значит, ушел за Дон. Видела убитого Володю Шатрова.

Санька и Серега скрывают, что помогали немцу нести ручной пулемет. Чудаки! Разве от меня скроешь! Если влипли, так и скажите. Их счастье, что это было до того, как создали отряд. Если б сейчас — я бы их выгнала из отряда и сама стала командиром.

Сегодня из-за Дона палили наши пушки. Фрицы прятались, как зайцы, а дед Егор ходил по двору как ни в чем не бывало. А еще принес нам вареной картошки. Санька не стал есть и сказал деду, чтобы лез в окоп. Дед покряхтел, но залез. Санька и говорит: «Судить тебя, дедушка, будем». — «За что?» — спросил дед. «За то, что молишься за фашистов». Дед испугался и стал просить пощады. Но мы таких не жалеем. Приговорили деда сначала к гибели, а потом немного скостили. Дали, испытательный срок три недели. Попробуем воспитать.

Больше писать не могу. Темно.

К сему — Варька.

22 июля 1942 года

Собрали на улице у школы залиманцев. Приехал комендант Краузе, в очках и тонкий, как глиста. С ним были охрана и Тамара Федоровна. Что с ней произошло? Стала переводчицей. Вот тебе и на! Наша учительница, директор школы служит немцам?! Предательница! И мы решили: кем бы ни была раньше — ее надо судить. Такое не прощают. Пусть пеняет на себя.

Комендант похвалялся, будто немцы принесли нам полное счастье. А Тамара Федоровна переводила эти поганые слова. Подумаешь, немецкий знает, вырядилась, как невеста!

Виктор Иванович на фронте, а она тут с фрицами! Эх, если б мы знали, кто она на самом деле. Картинки показывала, наставляла, снопы с нами носила — все обман.

Постараюсь точно передать слова коменданта. Он говорил: «Если нас, лучших из лучших, фюрер прислал сюда, то только затем, чтобы очистить землю от вас, низшей расы людей (тоже мне красюк нашелся!) Но вы не виноваты. Вы обижены богом. И если умрете, то ничего особенного не

произойдет. Просто вы хуже немцев. А кто хуже, тот не должен жить». Еще поглядим, глиста, чем кончится! Я видела: бабка Акулина свернула ему дулю под фартуком. И дед Егор странно вел себя. «Пшеничка им нужна, мяско к обеду и ужину», — бормотал он. Может, соображать стал? Испугался нас, жидок на расправу. Поглядим. Надо подумать, что с ним делать, может, еще и пригодится нам.

А комендант грозил, махал руками: «Мы ваши спасители. Большевикам, коммунистам, комиссарам — капут! Кто против нас — всем капут. Мы пришли сюда на тысячи лет!» Потом объявил, что нашим старостой будет Тихон Шиндура. Оказывается, Шиндура может вякать по-немецки...

Когда вперед вышел Шиндура, Юрка закричал: «Папа, не соглашайся!» Но Шиндура погрозил ему пальцем и сказал:

— Граждане! Видите, так случилось, что я стал вроде вашего начальника. А раз так, то давайте дружно выполнять приказы новой власти. Перво-наперво, надо расчистить дорогу, потом будем убирать урожай...

Тут меня Санька дернул за руку, мы выбрались из толпы и поодиночке пришли в сад. И Юрка Шиндура с нами. Никто не знал, как быть: ведь Юркин отец стал старостой. Наконец Санька сказал:

— Что будем делать? Юрка, сам говори.

Юрка был очень расстроен. Мы, конечно, понимали, как плохо ему, но делать нечего, надо было выяснить до конца. Юрка долго сидел грустный, потом сказал:

— Если поверите мне, спасибо. Нет больше у меня отца.

И мы поверили Юрке.

Как все запуталось. Но ничего, распутаем. Не дурей немцев!

К сему — Варька.

23 июля 1942 года

Всех выгнали расчищать дорогу. Мы не в счет. Лопаты и носилки дали старшим, с шестнадцати лет. Староста ударил мою маму. Я вцепилась в Шиндуру, укусила его. Едва оттащили. Санька сказал, что Шиндуре надо отомстить. Конечно, надо! Переписал скотину у людей, заставил каждый день сдавать четыре литра молока. Силен! Немцы хотят молочка, а мы вроде нет.

Дед Егор ходит смиренный. Смотрит на нас и вздыхает. Испугался не на шутку.

Бродили у леса. Колька нашел немецкую гранату. Спрятали в саду. «Теперь нас голой рукой не возьмешь», — сказал Санька и велел всем искать винтовки и патроны.

У фашистов какое-то шевеление. Вроде куда-то собираются уходить. Надо пронюхать. Может, решили бежать от нас? Тогда поможем пятки смазать. Только, не верится, что уйдут. Что-то другое. А как бы хорошо проснуться утром, а в селе — наши красноармейцы!

К сему — Варька.

24 июля 1942 года

К обеду дорогу расчистили. Пошел дождь. В Санькином сарае старшие играли в карты на деньги. Какой жадный Валька Куш! За копейку задушит. Я обозвала его удавом. Он за мной погнался, да куда ему догнать!

После дождя увидела на столбе объявление и потихоньку сняла, чтоб переписать в дневник.

«Объявление.

Граждане города Богучара, Песковатки, Лысогорки, Залимана, Купянки, Поповки, Лофицкого, Дьяченко, Острова, Заречки и других сел! Все имущество, которое было забрано у жителей и государства, должно быть снесено обратно в течение 2 дней.

Снести должны: пшеницу, рожь, крупу, пшено, муку, соль, мануфактуру туда, где брали.

За невыполнение этого приказа — расстрел.

Комендант города.

23.7.1942 г.».

Как это сдавать? А жить чем? Надо сказать Саньке и Сереге. Бегу.

К сему — Варька.

26 июля 1942 года

Дня два назад Ленка, Иван и Сеня исчезли. Где были и что делали, не знаю (узнаю, конечно, не на ту нарвались!) Мама переживала, плакала. А сегодня они вернулись. Ленка худющая, но довольная. Мама допытывалась, где Ленка была, но она вроде как отшучивалась, была, говорит, у нашей тетки в Монастырщине. Наверно, обманывает. По глазам вижу. Ничего, узнаю! Нынче вечером собирается идти в город. Там в школе немцы устраивают вечеринку для молодежи. Как нам быть? Надо отговорить старших, чтоб не ходили. Это же позор! Веселиться с немцами! Хитрые они, должно, что-то придумали. Смотаюсь в город, пронюхаю, пока не поздно.

Ой, как не нравится Валька Куц. Крутится возле Шиндуры. Чуть не лижет его.

К сему — Варька.

27 июля 1942 года

Точно! Надули фрицы. На концерте плясали голые артистки. Пели плохие песни. Давали всем пиво. А одна из артисток, украинка, шепнула Ленке: «Уходите. Заберут вас в этот бардак. Я пропащая, а вас жалко...» Это мне Ленка рассказала. А днем старшие собрались в Санькином саду. Куц хвастался, что выпил пять бутылок пива, что вечер был интересный. «Не жизнь, а малина!» — говорил он. Как Ленка не поймет, кто он такой? Зачем с ним водится?

Юрка не показывается. Как бы не струсил. Санька велел сходить к нему. Сережа и Коля рисуют карту — где и что расположено. Может, потребуется? Толик и Петя где-то нашли козу, незаметно провели ее в церковь и спрятали на втором этаже, где колокол. Мне поручили доить, а они будут кормить и поить ее.

Дописываю вечером. Что же это делается? Доподлинно знаю — Куц стал полицаем. Об этом мне только что сказала его бабка. А Куба выкинул! Заделался кучером у Шиндуры. Увидела Кубу и говорю:

— Эх ты, позорник!

А он подмигнул и отвечает:

— Маруха, не гоношись! Чем плохая работенка? Не пыльная, при начальнике.

Я плюнула и ушла. С ума сошел Куба! А не хитрит ли он? Не нарочно?..

К сему — Варька.

28 июля 1942 года

Вчера исполнился 101 год со дня смерти М.Ю. Лермонтова. Об этом узнала от Сени Чеченева. Сеня читал стихи Лермонтова про купца Калашникова, «Белеет парус одинокий...» Когда Сеня начал читать «Бородино», в сарай пришел с винтовкой Валька Куц. На рукаве повязка.

Сеня увидел Куца, замолчал, а потом наизусть прочел «Бородино».

— Аплодировать или нет? — спросил Валька.

— Дело твое.

Дед Егор и тетя Даша ушли, а Куц стал хвастаться, что он уже полицай, что наши никогда не придут, это он знает точно. Ленка разозлилась, но виду не подала, а Сеня отвернулся.

— Так-то, Сеня! — сказал Куц. — Пойдем со мной. Будешь сыт, пьян и нос в табаке. А то тю-тю — в далекую Германию.

— Мне там делать нечего, — ответил Сеня. А Куц говорит:

— Пойдешь как миленький! Меня зажали так — деваться некуда. Не хочешь? В распыл! Под пистолетом расписался. Там не шутят. Я зашел сказать, чтобы ты, Иван и Ленка были завтра в комендатуре. Вон Коба — шустер, уже при Шиндуре работает.

Что же будет? Боюсь за наших. И Санька не знает. Тоже мне командир. Командир, так командуй, а не сопи в две дырочки.

Дед Егор опять ходил к Акулине молиться. Ну, ну, дедуля, поглядим, что ты будешь делать дальше. Срок-то истекает.

К сему — Варька.

29 июля 1942 года

Мы с Санькой бегали к комендатуре. У входа стояли с винтовкой Валька Куц и какой-то полицай. Куц проверил у наших ребят документы и пропустил. Мы сидели в горсаду и ждали. Сначала вышла Ленка, потом Иван и Сеня. Они что-то говорили Куцу, а он делал вид, что не может разговаривать. Мы догнали их. Расспросили. Невеселое дело: их записали, сняли отпечатки пальцев, не велели никуда отлучаться. Приказали ждать очередного вызова. Неужели погонят в Германию?

Потом показались немецкие самолеты. Летели за Дон, бомбить. Но им помешали два наших истребителя. Трех наши сбили, а остальные побросали бомбы где попало. Немцы из-за плетня стреляли из пулемета по нашим самолетам. Но у них ничего не вышло. Мы очень обрадовались.

К сему — Варька.

30 июля 1942 года

Видела Тамару Федоровну. Ехала, зараза, с немецким офицером в машине. Даже отвернулась от меня. Шкура! Сидит, нафуфырилась, в белой шляпке...

Немцы, что стоят у Толи Дунаева, пьянствовали во дворе. Кричали: «Москва, Сталинград, Ленинград — капут!» Брешут, как собаки! Жрали шнапс, консервы, галеты, шоколад... Орала песни — ни в лад, ни в склад, а кто громче. Потом разделись догола и обливались водой. Ни стыда, ни совести.

Залиманцев под конвоем Куца и других полицаяев погнало убирать хлеб. Сулят по килограмму зерна за трудодень. Враки!

Вечером приходил Куц. Разговаривал с Ленкой, жаловался, будто немцы здорово ругали его за то, что мало людей выгнали в поле. Потом сказал, что может устроить Ленку на работу в канцелярии при районном

старосте. Я так и обалдела, показалось, что Ленка вот-вот согласится, но она сказала, что подумает. Дура! Выгнала б в шею, и делу конец!

Потом Куц пригласил Ленку погулять. Она будто не против. Я чуть не плюнула в нее. Меня выгнали. Побежала к Сене и рассказала. Он засмеялся: «Варька, ты дока! Но Лене не мешай». Что делать — совсем не знаю. А Санька снова чешет затылок. Правда, он сказал: «Запиши в дневнике: нашли две винтовки и семь патронов. В горсаду зенитки замаскированные. Кухня во дворе нашей колхозной бригады. Немцы ровно через день ходят на передовую к Дону. Их сменяют другие, так что в селе их ровно столько, сколько на передовой». Голова Санька! Это хорошо. Но как быть со старшими? С тем же Кобой, с нашей Ленкой, если пойдет в эту канцелярию?! Так мы одни останемся. Не пойму, что происходит? Хитрят? Как жаль, что нет Паши. Хотя нет, молодец, что ушла к нашим!

К сему — Варька.

Добавка

Чтобы отомстить фрицам, мы незаметно сорвали с домов три немецких плаката, а на других нарисовали красноармейские звездочки. За это от коменданта здорово досталось старосте Шиндуре. Так и надо! Звездочки рисовал Юрка Шиндура.

А коза доится. Дает полкружки. Молоко вкуснющее. Жаль, мало. Толик и Коля плохо кормят козу.

Опять же я, Варька.

31 июля 1942 года

Все время хочется есть. Ходили в Яровой лес за медом. Там осталась колхозная пасека. Пчелы злые, кусаются. Санька надел на голову мешок и достал из улья две рамки с медом. Пока донес — здорово искусали. Попробовала медку и я. Едва ноги унесла. Все-таки успели покусать.

Приехали за медом и немцы. Ох, и дали им пчелы жару. Фрицы разозлились, стали бросать в ульи гранаты, стрелять из автоматов. Мы сидели в кустах и дрожали от страха. Но мед не бросили.

Мамка здорово ругала, а Ленка, дурочка, хохотала да приговаривала: «Наелась, наелась меду?!» Мне было не до смеху. Вся опухла. И сейчас плохо вижу строчки.

К сему — Варька.

1 августа 1942 года.

Куц разыскивал Сеню. Он где-то прячется, на работу не ходит. Куц и староста Шиндура приходили к его матери. Сказали: если Сеня не поедет в поле, его арестуют и вывезут в Германию. Был Куц и у нас. Спрашивал у Ленки про Сеню, но она ответила, что ничего не знает. Куц не поверил. Уходил злой. «Смотри, Ленка, будешь с ним хороветься — пришибут и тебя».

Куц ушел, и Лена чуть не заплакала, а потом сказала мне: «Если увидишь Сеню, предупреди...»

Странная! Будто без нее я бы не догадалась! За кого меня принимает? А еще родная сестра. Ну и я ей сказала:

— Чего же не выгонишь в шею Куца, этого паразита? А она давай смеяться:

— А чем он тебе не нравится? Я за него замуж собираюсь...

Тут я и сплеховала: обозвала дурочкой. И сказала, если будет дружить с Куцом, то мы ее станем судить. Ленка прицепилась, как репей:

— Кто это вы? Ты, что ли, ваше величество? Я разозлилась:
— Мы — партизанский отряд «Богучарец». Поняла? Как решим, так и будет. Ты еще пожалеешь!

Ленка испугалась, а потом и говорит:

— Варя, я тебя очень прошу — никому не говори таких глупостей. Беда будет.

Я ушла. Пишу, а сама думаю: вдруг Санька узнает, что я не сдержалась и брякнула про отряд? Ленке я верю. А от себя такого не ожидала. Ладно, буду умней!

К сему — Варька.

2 августа 1942 года

Не знаю, писать об этом или нет? Санька опять куда-то скрылся с ребятами, а я терпеть больше не могу. Не имею права! Вдруг со мной что-то случится, а командир отряда не узнает, что я видела.

Так вот. Сижу я в кустах, пишу дневник. Слышу — кто-то идет. Я спрятала тетрадку. Смотрю — Ленка. Идет с веревкой, оглядывается. Она в лес пошла, а я за ней. Ленка стала собирать дрова, я затаилась. И не зря. Из пещеры, что рядом в овраге, вышел Сеня Чеченев и Куба. «Вот они где прячутся», — подумала я. Сеня подошел к Ленке и говорит:

— Еще троих проводим к Дону. Вернемся завтра.

Ленка говорила тихо, я не поняла. Слышала только слово «Куш». Наверно, рассказала, что Куш ищет Сеню. Потом из кустов вышли люди в красноармейской одежде и спустились в овраг. За ними пошли Иван и Сеня. Я сижу, боюсь вздохнуть. Ленка посидела на вязанке дров, встала и идет прямо на меня. Что было делать? Увидела меня — как вскрикнет! Я вылезла и плачу:

— Я нечаянно пришла за тобой.

— Как же ты могла так, Варвара?!

Никогда меня так не называла.

— Не реви, — говорит. — Садись. Ну, признавайся, что видела?

— Все видела, — отвечаю ей. — Только не бойся. Ты ж меня знаешь. Никому не скажу, хоть режь...

Ленка обняла меня и сказала:

— С этого часа ты, Варька, взрослая. Ты понимаешь, что будет, если?..

Вот написала я все это, и страшно стало. Надо поговорить с командиром. Где его носит, Саньку? Нет, нельзя об этом больше писать.

К сему — Варька.

Последние Варькины записи

9 августа 1942 года

По заданию Саньки лежала под кроватью у бабки Акулины. Собрались бабы, старики, старухи. Полно набилось народу в хату. А я лежу себе, посмеиваюсь — прохладно и мухи не кусают. Дед Егор пришел. Поздоровался, чинно сел за стол и начал мозги вправлять. Вот не думала, что дед Егор может такое. Как Ломоносов. И умный, и при слове, и при голосе. Бабы уши развесили, даже не сморкнутся.

Дед ноги под столом скрестил, мне видно, откашлялся — и опять:

— А сейчас, бабы, поговорим про богов, а то думаете, что он один, как перст, на всем свете.

Тетка Матрена ахнула:

— А сколько их, по-твоему?

— Не перебивай! — осерчал дед. — Забыла, где находишься! Так вот, дорогие мои голубки и голуби, — ты, Кузьма Петрович, ты, Анисим Федорович, и прочие. Богов много, больше дюжины. — Дед Егор раскрыл какую-то книгу. — У итальянцев, не этих, что тут, а которые жили давно, был бог Марс. Заведовал войной...

Вдруг слышу — в сенцах кто-то зашумел. Это макаронник Роберто затесался. Ищет, кто чего забыл. Бабы заойкали, а дед пригласил Роберто на молебен.

— Я тут про ваших богов толкую. Вы, хозяйева, и нам потребно знать ваших богов. Бог Марс все, значит, в своих военных руках держал. С размахом был мужик! А у каждого человека своя судьба. А кто ее указывал? Не цыганка-молдаванка, а богиня по прозвищу Фемида. Кого убивать на войне, кого пожалеть — она решала. Бывало всяко: плохо спала, мало поела, насморк приключился или еще что по бабьей части — того и гляди укокошит тысяч десять. Потом выздоровеет, опомнится, людей убитых станет жалко, а куда денешься? Над ней суда никакого нету. — Дед Егор вздохнул. — Не то, что над нами, грешными! Вон даже мальцы замахиваются.

Я насторожилась.

— Ну, а ежели на эту Фемиду кто пожалуется, тому несдобровать. Отомстит! Шепнет подруге-богине (дед опять глянул в книжку), богине Фурии — и конец! Эта Фурия ведала делами мщения. А вы знаете, ежели мщение за дело, то тут сам Всевышний велит.

Роберто, видно, ничего не понял из дедовой проповеди, зевнул и удалился.

— А что ж, по-твоему, на эту Фурию управы нету? — спросила Акулина.

— Есть, — бодрей заговорил дед Егор после ухода Роберто. — И над ней, и над Марсом, и над Фортуной есть главный бог — Юпитер, верховное божество. Распоряжался небом, громами и молниями. Разок громыхнет — и пиши письма с ласковым приветом...

В сенцах опять кто-то стукнул. По голосу — Валька Куц.

— Фу! Не продохнешь у вас! Чего байдака бьете?

А дед Егор нараспев:

— Помолимся по-христиански, по-братски за здоровье итальянских богов и боженят. — И чуть не стукнулся головой об стол — так старался, кланялся: — Хай живут да пасутся!

— Дед, никто сюда не приходил из итальянцев? — спросил Куц.

— Был один, да ушел, — ответила Акулина. — Иди и ты с богом!

Куц громыхнул дверью — чуть кровать на меня не обвалилась.

Ой, как поклоны били! Прямо падали на пол. Тетка Матрена едва под кровать не завалилась. Ну, думаю, пропала, опозорюсь и приказ не выполню! Но ничего — пронесло. Дед Егор что-то свое бубнил, а бабы свое. Бабка Ксения приговаривала: «Царствие небесное тебе, мой дорогой Поликарпушка, муженек ты мой ненаглядный, медочек сладкий...»

У меня ноги затекли. Повернулась на бок и думаю: «А ведь где-то я про все это уже слышала или читала?»

А потом и вспомнила — в учебнике. Ну и дед хитрющий...

— Довольно, — сказал дед Егор, — помолились, и хватит. А теперь вот что: всему населению раздали итальянские крестики. А зачем они

нам? Выбросьте! У нас своя вера — православная. Да не дюже, бабы, отчаивайтесь. Скоро немцев и итальянцев погонят. Надо жечь хлеб в скирдах, чтоб им, проклятым, не достался. Прячьте хлеб, где только можно. Поняли меня?

Тут не знаю, что со мной сделалось: как выскочу из-под кровати да закричу: «Правильно, дед!». Старухи прямо обмерли, а дед Егор дернул себя за бороду и давай молиться. Бабка Акулина схватила меня за ухо и поволокла из хаты.

Санька похвалил меня, но сказал: «Больше туда не ходи. Суд над дедом отменяется». И предупредил: «Только об этом молчок!» Глупый он. Неужели я дура и не понимаю, что к чему? Нет, Санечка! Я такое делаю — ахнешь.

Надо выручать старших, а то им будет плохо. Чует мое сердце.

К сему — Варька.

10 августа 1942 года

Бегали в поле, где под охраной полицаев залиманцы косили яровую пшеницу. Приехал какой-то немец и говорит: «Рус, вы теперь убирайте хлеб себе, а не Шталину».

Санька шепнул мне, чтобы я предупредила, если кто сюда пойдет. Что он там делал, я не видела.

Я все думаю: куда подались немцы из села?

Да, забыла написать: не успели немцы уехать, как вечером красноармейцы переплыли Дон и напали на итальянцев. Гнали их до самого Залимана. Ну, был шорох! Один итальянец потом сказал деду Егору: «Если ваши начнут наступление, то мы первые будем в Риме».

Вчера нашли еще винтовку и патроны. Спрятали. Удалось кое-кому передать листовки, что сбросил наш самолет-«кукурузник». Он ночью разбомбил то место, где стояли немецкие пушки, какие видели Санька и Петя. Странно, откуда об этом узнал наш летчик? А «кукурузник» хитрый. Ночью летит, и не слышно. Выключит мотор и кружит, кружит, а потом бросает гранаты.

Дед Егор веселый, а я не знаю, говорить Саньке, что о нашем отряде известно Ленке, или не говорить? Нет, завтра соберусь с духом, скажу.

К сему — Варька.

11 августа 1942 года

Я, командир отряда «Богучарец» Александр Шатров, приказываю:

1. Дневник больше не вести. Опасно. И глупостей много.

2. Закопать его в землю до прихода наших. Это я сделаю сам.

3. Что-то с Варькой надо делать — разболтала об отряде. Может, даже судить по законам военного времени.

Александр Шатров.

Взрыв

...Откуда было знать Саньке, что в эту же ночь отряд Федора Сухожилина, ранее перешедший через Дон, разбился на две группы и залег у Лысой горы, где находился итальянский склад с боеприпасами.

Сухожилин с Иваном и Кобой несколько дней изучали место расположения склада, порядок смены охранников. Группа прикрытия спряталась в пятидесяти метрах от склада. В другой группе были четверо: сам

Сухожилин, белорус-окруженец, Иван и Коба. Им предстояло бесшумно снять часовых и заложить динамит. Они зарылись в снег, ждали, когда наступит смена караула.

От сильного мороза и ветра, гнавшего шуршащую поземку, часовые у склада ежились, чтобы согреться, неуклюже прыгали, бегали в соломенных крагах, затем снова прятались за стеной у горы. Сухожилин вглядывался в прыгающие тени охранников, еще раз прикидывал, как лучше подобраться и убрать новых часовых, которые вот-вот должны появиться.

Вскоре из темноты вынырнули трое.

— Идут, — прошептал Сухожилин.

Послышались возгласы, похожие на приветствия. Минуту спустя окоченевшие охранники вместе с разводящим ушли в село.

Новые часовые, переговариваясь, зашагали у склада по тому же маршруту.

— Подождем, — прошептал Сухожилин. — Пусть привянут на морозе.

Иван и Коба боялись, что их группа упустит время и операция сорвется. У Кобы от волнения дергалась нога, а Иван крепче вцепился в лямки ящика с динамитом.

Сухожилин ждал. Прошло не менее получаса. Охранники продрогли, их движения становились все более вялыми.

— Пора! — потянулся Сухожилин, разминая тело.

Он вынул из-за пояса финку. То же самое сделали остальные. Не проронив ни слова, поползли к складу.

Охранники, не чувствуя беды, в который раз встретились на тропинке, постояли, притопывая ногами, и вновь разошлись.

В этот миг все и свершилось.

Сухожилин и его товарищи свалились на часовых одновременно. Один итальянец успел коротко вскрикнуть, но этот крик быстро погас, растворился в снежной степи. Иван и Коба приволокли ящик с динамитом.

— Сюда! Ко входу! — тяжело дыша, приказал Сухожилин. — Снимите с убитых карабины и уходите.

Иван и Коба кинулись к итальянцам, а Сухожилин и его напарник, расстегнув полушубки, склонились над ящиком с взрывчаткой. Они подождгли длинный бикфордов шнур. Когда заискрился загоревшийся порох, Сухожилин осторожно положил шнур между ящиком и дверью и, еще раз убедившись, что он горит, выдохнул:

— Быстрее!

Отряд бежал к глубокому заснеженному оврагу. Ивану казалось, что взрыв настигнет их на полпути к укрытию. Достигнув оврага, они скатились по склону вниз.

Вздрогнула и качнулась земля. Страшный взрыв потряс окрестности. Небо озарилось пламенем. С треском рвались снаряды. В отблеске разрывов было видно, как с крутых боков оврага сползал снег...

Из Лысогорки донеслись стрельба, крики, вспыхнули лучи прожекторов, но отряд уже добрался к месту, где заранее были оставлены лыжи.

Вскоре Иван и Коба отделились от отряда, двинулись в другую сторону — к залиманскому лесу, в свое потайное место.

Взрыв за Лысогоркой поднял всех на ноги. В Богучаре и Залимане началась паника. По приказанию коменданта Агниса и гестаповца оберлейтенанта Лернера хватили всех подозрительных. Агнис и Лернер пони-

мали, что им не поздоровится, если они не сломят сопротивление богучарцев, не обезвредят русское подполье.

— Что за город, черт возьми! Сколько забот! Сколько неприятностей! — бушевал в своем кабинете Агнис.

— Господин Агнис, у меня от вашего крика болит голова, — проговорил Лернер, вытирая влажные руки. — Обыкновенный русский город! Иных в России я не видал. Не знаю, может, вам больше повезло. — Он остановился у окна, посмотрел на разрушенный постамент памятника Ленину. — Мне доложили, что кто-то собрал и спрятал обломки от этого памятника... — Лернер подошел к столу, сел напротив коменданта. — Анализ происходящего убеждает, что у нас под носом работает опытная группа преступников. Эта группа либо здесь, либо появляется из-за Дона. Вероятней всего, и то, и другое. Дон рядом, местные бандиты знают каждую тропку. Случай со взрывом склада боеприпасов — чрезвычайный и, смею утверждать, упреждающий. Почему так грамотно работает партизанское подполье? У меня есть твердое убеждение, господин комендант, что среди нас работают их люди. Я располагаю фактами...

Агнис растерянно заморгал глазами.

— Но кто? Кто?

— Я проверил всех русских, кого вы взяли в свой аппарат. Серенькие людишки, испуганные или ненавидящие большевиков. Полицаи лезут из шкуры, чтобы нам угодить... Кстати, господин Агнис, не хотите присутствовать на допросе Шиндуры и Куща?

— Если это нужно, я готов.

Лернер позвал дежурного.

— Приведите старосту и полицейского. Да, да, тех!

В кабинет бочком втиснулись Шиндура и Кущ.

— Кто убил господин Бугроф? — не повышая голоса, спросил Лернер, поднимаясь из-за стола и переводя взгляд с Куща на Шиндуру. — Кто ограбил ампар?

— Не знаю, пан, не видел, — захлебывался Кущ. — Но я найду, пан, найду. Я знаю, кто убил. Дарья Шатрова! Точно говорю! Когда я господина немецкого солдата увозил с мельницы, там, кроме баб, никого не было. Значит, они, значит, Шатрова.

— Чей такоф фамилий Шатроф? Где он?

— Это она, пан, баба. Я ее знаю, — увивался Кущ. — Вы только позвольте. Вмиг доставлю...

— Это правда? — спросил Агнис.

— Совершенно точно, пан офицер. Она его убила! За то, что Бугров застрелил ее мужа Степана, когда, значит, начинали колхозы.

Шиндура молчал. Но чем больше Кущ распинался перед гестаповцем, тем сильнее темнело лицо старосты.

Лернер поглядел на Шиндуру.

— Что скажет староста?

— Глупости мелет! Не может баба осилить такого мужика.

— Кто же?

— Бугрова убил я... — опустив голову, сказал Шиндура.

— Вы? — вскочил Агнис.

— Врет!! — взвизгнул Кущ и толкнул Шиндуру плечом. — Ты что это?

— Айн момент! — поднял руку Лернер. — За что?

— Здесь одна власть, пан офицер. Ваша! — сказал Шиндура.

— Я, я, — кивнул гестаповец.

— А Бугрову хотелось самому царствовать, без вас... Разве можно такое стерпеть? Ты что, забыл, Куц, как он похвалялся в моем доме да поучал, как надо жить?

Лернер прошелся по кабинету, раздумывая.

— Как ты убил Бугроф? — спросил он старосту.

— Приехал я, значит, на площадь к мельнице. Гляжу — потасовка! Бугров арапником бьет баб. Должно, отказались крутить мельницу. Я к ним бежать! Соскочил с лошади, а Бугров на меня! И понес, и понес: все вы тут негодяи — и ты, и твои начальники. Не можете хозяйствовать, так вас и переэтак... Прошу простить за выражение. Ударил меня арапником да еще ногой в живот! Ну, я его в висок и приземлил... Глядь, лежит готовый... Не сошлись характером. Судите сами, господа, прав я аль нет...

— Допустим! — вдруг резко выкрикнул Лернер. — А где хлеб?

Шиндура молча мял шапку.

— Не знаю, пан офицер.

— Даю тебе один суток, но чтоб хлеб был в ампары, — с ледяным холодом в глазах закончил Лернер.

— Слушаюсь, — покорно склонил голову Шиндура.

Когда староста и Куц ушли, Лернер вызвал дежурного, приказал:

— Следить за старостой днем и ночью. — Он посмотрел на часы: — Господин комендант, приглашаю вас на совещание по поводу облавы на партизан...

Агнис обиженно выпятил губы.

— У меня есть другие дела. Я так нужен?

— О да! — вкрадчиво улыбнулся Лернер. — Мне нужны лично вы и ваша переводчица.

— Не понимаю, — удивился Агнис. — Что это значит? Зачем?

— Ничего, герр комендант, ничего! — продолжал улыбаться Лернер. — Бог со мной, а истина дороже, а?

Когда истекли сутки, Шиндура и Куц вновь предстали перед Лернером.

— Где хлеб? — спросил гестаповец.

— Не нашел. Искал, с ног сбился, — ответил староста.

Он в самом деле побывал во всех дворах, рылся в сараях, ругался, грозил. Куц подтвердил, что Шиндура старался.

Гестаповец об этом знал, но что делать, если машины, приехавшие за зерном, ждали хлеб. Надо было оправдываться. И Лернер нашел безошибочный выход из положения, чтобы снять с себя вину.

Шиндуру посадили в сани и повезли в поле. Когда остановились, Лернер позвонил пальцем Вальку.

— Поручаю тебе, Куц, расстрелять старосту, — сказал он, кутаясь в воротник. — Не убьешь — тьбя фьють!

Куц, с винтовкой наизготовку повел Шиндуру в сторону от саней.

— Ты что? С ума сошел? Скажи, где хлеб. Я же тебя убью!

— Убивай, пес с тобой! Дай только на село взглянуть, — прохрипел Шиндура.

— Признайся! — умолял Куц. — А воров найдем. Откажись, слышишь?

Шиндура снял шапку, слезы намерзли на его щеках.

— Стреляй, собака. Я опомнился. А с тебя наши спросят!

— Пугаешь? — задохнулся в гнев Куц. — В одном ярме ходили, а теперь выгородиться хочешь? Да я тебя!..

Он выстрелил в Шиндуру.

Захочотав, немцы сели в сани и поехали прочь.

Чтобы подстраховать себя на будущее, Лернер поручил искать зерно Куцу. Валька словно ищейка рыскал по селу, но следов, куда делось зерно, не обнаружил. Он пришел к Чеченевым, спросил Матрену Власовну, где сын.

— На работе, — встревоженно ответила она. — Что ему передать?

— Ничего, — громыхнул дверью Куц и направился в полицейское управление. Валька знал, что с ним расправятся так же, как с Шиндурой. Чутье обреченного подсказывало — следует во что бы то ни стало восстановить доверие хозяев, доказать преданность им, но как?

Придя в гестапо, он рассказал, что Семен Чеченев выводит окруженцев за Дон через пещеру и что сейчас он, вероятно, повел очередную группу.

Куц сказал почти наугад и надо же — не ошибся. Гестаповцы и полицейские устроили у пещеры засаду. И дождались...

Семена допрашивали в школе, в том самом классе, где он учился. Лернер не прибежал к уловкам или хитростям, не предлагал Семену ни чашку кофе, ни бисквита, ни вина и сигарет, как бывало с ним раньше и в чем он раскаивался, так как знал теперь — русские на такие штучки не реагируют. Покачиваясь на стуле, спросил:

— Кто еще помогал партизанам?

— Меня попросили показать дорогу — я показал. Особой вины за собой не вижу. Люди безоружные, никого не трогали, — твердил Семен.

Лернер подал знак. Вошли дюжие гестаповцы.

Били Семена изощренно и сильно, несколько раз он терял сознание. Его вытаскивали на снег, чтобы привести в чувство.

И снова тот же вопрос Лернера.

И снова тот же ответ Семена.

Лернер приказал пригласить переводчицу.

— Вы знаете, кто это? — показал он на лежавшего на полу Семена.

— Да, господин Лернер, — ответила Тамара Федоровна. — Это Семен Чеченев, мой прежний ученик.

— Скажите ему, если назовет сообщников, будет жить.

И Лернер вышел из класса.

Глаза Тамары Федоровны и Семена встретились.

— В этом классе я учился, — с трудом выговорил он. У переводчицы в глазах стояли слезы. Она обернулась, посмотрела на прикрытую дверь.

— Семен, ты всегда был честным человеком. Скажи, с кем ты был связан? — громко, чтобы было слышно за дверью, спросила Тамара Федоровна.

— Я был один. И виноват один. — А потом едва слышно прошептал: — Куц...

— Я верю тебе, ты не обманываешь, — громко продолжала Тамара Федоровна. Губы ее дрожали.

Лернер распахнул дверь.

— Диалог состоялся, фрау?

— Господин Лернер, он был один! Должно быть проявлено великодушие...

— Сантименты, фрау! — ухмыльнулся Лернер. — Введите, — приказал он кому-то за дверью.

В класс втокнули Матрену Власовну. Увидев истерзанного сына, бросилась к нему, зарыдала на его груди.

— Не плачь, мама, — выдавил Семен. — Я не виноват. Не плачь...
— Кто еще помогал партизанам? Кто? — закричал Лернер.
— Я один, — ответил Семен и погладил голову матери опухшей рукой..

Лернер вытащил пистолет и выстрелил в мать. Тамара Федоровна закричала от ужаса и, прислонившись к стене, теряя сознание, медленно сползла на пол.

— Вэк! — приказал Лернер вбежавшим гестаповцам, указывая на переводчицу и труп матери Семена.

Чеченева выволокли на снег в последний раз. Он долго лежал без движения, потом очнулся, застонал.

— Ироды! Что делают? — охнула бабка Акулина, стоявшая в онемевшей толпе залиманцев у ограды школы.

Санька видел, как полуокоченевший Семен пытался встать, но сил хватило лишь для того, чтобы опереться на руки и поднять голову. Вместо лица у Семена было сплошное кровавое месиво. Он выкрикнул:

— Прощайте, родные! Скоро загремит из-за Дона! — и упал на спину.

Гестаповцы выкололи Семену глаза, бросили в сани и повезли в поле. На передних санях сидели в тулупах Лернер, два гестаповца и Тамара Федоровна. На других санях Валька Куц вез Семена.

Лернер, зябко кутаясь в тулуп, игриво уговаривал переводчицу провести с ним вечер в ресторане. Он знал, что делал.

Дул сильный ветер. Билась и металась в степи поземка.

Недалеко от буерака лошади остановились. Немцы вылезли из саней. Лернер равнодушно, для порядка, сказал переводчице:

— Спросите, фрау, еще раз, он хочет жить?

Семен ничего не ответил.

Солдаты и Куц выволокли Семена из саней. Лернер указал рукой в сторону оврага и внимательно поглядел на переводчицу. Та стояла бледная, в полной растерянности, схватившись руками за отвороты пальто.

— Эх, Сеня, корешок, не послушал меня... А теперь с легким паром! Будь здоров... — сказал Куц.

Узнав его голос, Семен повернулся на бок.

— Не уйдешь от расплаты, шкура...

Куц вскинул винтовку.

— Никс! — остановил его Лернер. — Мороз гут-гут... Поехаль. Прощу, фрау. У нас с вами предстоит приятное свидание!..

...Все эти дни Елена и дед Егор жили в тревоге. Иван и Куба ушли к Сухожилину, чтобы сообщить о готовящейся на партизан облаве, об аресте Марии, Дарьи. Про облаву Куба узнал от Тамары Федоровны, за каждым шагом которой следили гестаповцы Лернера.

Шло время. Иван и Куба не возвращались.

Елена и Егор Назарыч пытались хоть что-нибудь узнать об арестованных, о судьбе Семена, но безуспешно, пока в один из поздних вечеров к Бойковым не пришел пьяный Куц. Он вытащил бутылку самогона, начал тянуть прямо из горлышка. Заплетающимся языком проговорил:

— Встречай зятя, тетка Марья! А, забыл, тетя в тюрьме. — Он икнул, привстал, потянулся к Елене, захохотал. — Все пошло колесом. Сенька капут. Теперь я один жених.

Куц неуверенной походкой подошел к побледневшей Елене.

— Не злись. Озолочу! Будешь, как принцесса, нежиться в постели.

Елена оттолкнула Куца.

— Брезгуешь? — ощерился он. — Ну, погоди, красавица! Ты у меня сейчас запоешь...

С печки, как белка, прыгнула Варька, вцепилась в Куца.

— Ты что, паразит горбоносый? Чего пристал? А ну, марш отсюда!

Варька колотила пьяного Куца, царапала лицо, не давая ему опомниться. Изловчилась, схватила его карабин, закричала:

— Уходи, гад паршивый! Чего зенки раскрыл? Иди, а то стрельну...

— Цыц, пигалица! — плюхнулся Куц на стул. — Не балуй с ружьем.

На крик, поднятый у Бойковых, прибежали Санька, Петька, а следом и дед Егор. Он забрал из рук девочки карабин.

— Ах, Варька, Варька!.. Чего расшумелась? Гостя потчевать надо, а ты орудием играешь, — криво усмехнулся Егор Назарыч.

— А, ты, дед?! Садись, старина, выпьем! — оживился Куц.

— Можно и выпить. Дай кружки, Елена! Что это, Валька, в пьянку ты ударился? Ай неприятности какие?

Куц еле ворочал языком:

— Ты в душу не лезь! Пью и пью. Я тут хозяин! Что хочу, то и делаю. Понял?

— Да тебе вроде дорогу никто и не переходил.

— Кто перешел, того уже нету, понял, старый хрыч? Сеньке капут, а я вот самогонку пью!

— Как это капут? Чего мелешь?

— Валька не мелет. Он свое дело туго знает. Не тебе чета, — осклабился Куц. — Погоди, и до тебя доберусь, и до Ивана... Захочу, всех к едреной бабушке...

— Ну, ну, пригласил выпить, а сам окоlesiцу несешь, — добродушно сказал Егор Назарыч.

Куц взял двумя руками кружку.

— У меня душа — не балалайка. За упокой его души! Он там лежит, в степи. Попрощался с ним... Все чин-чином...

— Перебрал ты, Валька, — сказал Егор Назарыч. — Это бывает. Глуposti только не говори... Ну, выпил и выпил...

— Еще хочу! — стукнул Куц кулаком по столу. — Всех разнесу!

Егор Назарович с трудом сдерживал себя. У глаз набухли морщины, поглядел исподлобья на полицая.

— Пей, раз душа горит... Что там с нашими бабами, не знаешь?

— Ручки целуют! Понял? За Бугрова, за хлеб... Ну и дурак был Шиндура!

Елена спросила:

— Жива мама?

— Живая. Пока жилы вытягивают. Иван и Куба тоже там. Не послушались, дураки.

Куц залпом выпил самогон, уронил голову на руку.

Утром Елена, ежась от холода, попросила Куца привезти соломы на топку.

— А ты поедешь со мной?

Елена в знак согласия кивнула.

Вскоре они выехали на санях в поле, где стояла одинокая скирда. Валька озирался по сторонам, но потом успокоился.

— Эх, Ленка, на службу из-за тебя опоздаю. А ты не ценишь. Я вчера здорово бузил? Не сердись, причина была...

Из-за Дона начался артиллерийский обстрел. Снаряды рвались на окраине села. Куц заспешил, погоняя лошадь:

— Чертова кляча, пошевеливайся! Еще накроет снарядом!

Подъехали к скирде. Куц соскочил с саней, поставил карабин у скирды.

— Давай, Ленка, побыстрей! А где вилы? Потеряла? Эх ты! Раззява!

Куц руками разгреб снег у края скирды, надергал соломы и, взяв большую охапку, понес к саям.

Из-за скирды вышли с винтовками Федор Сухожилин, дед Егор и Санька. Елена схватила карабин Куца.

Когда Валька положил солому на сани, дед Егор крикнул:

— Руки вверх, сукин сын!

Куц от неожиданности подпрыгнул и оглянулся.

— А, Назарыч, — боязливо сказал он. — Привет, дорогой! А это кто? Никак Сухожилин?

Голос у Куца дрогнул.

— Где лежит Семен, говори! — потребовала Елена.

— Я ничего не знаю, честное слово!

— Врешь! — Елена подняла карабин.

— Вон там! — Куц дрожащей рукой показал в сторону буерака. — Я не убивал! Я...

— Давай, Санька, — сказал Сухожилин.

Санька достал из-за пазухи лист бумаги.

— «Суд, — начал читать он, — в составе Федора Сухожилина, Егора Шатрова, Елены Войковой и Саньки, то есть меня, за убийство советских людей, за надругательство над Семеном Чеченевым именем Советской власти приговорил изменника Родины Вальку Куца, предателя и полицая, к смертной казни. Приговор привести в исполнение немедленно!»

Куц упал на колени, пополз, загребая снег:

— Умоляю! Лена, слышишь? Я хотел. Я жить хочу...

— Встань! — приказал Сухожилин. — Ну!

Куц медленно поднялся. Короткий и резкий звук выстрела утонул в степи.

Елена и Сухожилин ушли в отряд, а дед Егор и Санька, нагрузив воз соломы, поехали домой. Санька вспоминал, как вчера ночью они с дедом Егором искали людей Сухожилина и получили от Федора Ниловича согласие вывезти Куца в поле, что и сделала Елена. Дед Егор, сидя на возу, неспешно погонял волов, будто ничего особенного не произошло.

Если бы знали они, что было утром в гестапо! Тамару Федоровну арестовали еще накануне, после облавы на партизан. Лернер знал, что партизаны-окруженцы, предупрежденные переводчицей, ушли. Но ему надо было убедиться в этом окончательно и, главное, доказать коменданту Агнису, что его подозрения о переводчице правильны. Когда Лернеру доложили об аресте Ивана и Кобы, он от удовольствия прищелкнул пальцами, как опытный игрок, завершивший сложную многоходовую комбинацию.

Лернер допрашивал Тамару Федоровну в присутствии Агниса.

— Фрау Сазонова, — говорил холодно Лернер, вытирая платочком потные руки, — мы давно следим за вами. Игра закончилась.

— О чем вы, господин Лернер? — спокойно посмотрела на него Тамара Федоровна.

— Бандиты, которые взорвали военный склад, скрылись. — Лернер

говорил по-русски. — Облава не дала результатов, хотя мы знали, что партизаны где-то здесь, рядом. Соседние гарнизоны и наши службы сразу после диверсии получили особые указания....

Тамара Федоровна пожала плечами:

— А при чем здесь я?

Лернер деланно зевнул.

— Не в моих обычаях сообщать доводы и аргументы, но... — Он краем глаза посмотрел на надутого коменданта. — Придется нарушить обычай. Поясню: после совещания о предстоящей облаве вы встретились с Кириллом Кобцевым. Он с Иваном Шатровым ушел к партизанам. Мы им не помешали. Мы ждали, когда они вернутся. Надеюсь, понимаете, почему мы не отменили облаву? Это была облава на вас, фрау! Как видите, я вежлив...

— Все это, господин Лернер, несерьезно. Я не встречалась с Кобцевым. Да, он был один раз, починил в квартире вешалку, больше я его не видела. Это было давно. Я всегда на виду, это может подтвердить господин Агнис.

Но тот молчал, пыхтя и надувая щеки.

— Я не нуждаюсь в дополнительной информации, фрау, — повысил голос Лернер. — Назовите сообщников, с кем вы работали. Советую быть благоразумной! Мы умеем прощать. Вы нам можете пригодиться.

— Я ничего не знаю. Я старалась выполнять все указания господина коменданта, — выдержала она тяжелый взгляд гестаповца.

— Весьма сожалею, — Лернер вызвал дежурного. — Через час привести.

Ровно через час Тамара Федоровна, избитая и окровавленная, еле стояла на ногах в кабинете Лернера.

— О, фрау, как вы дурно выглядите! — Он подошел к ней. — Такая красивая женщина предстает перед мужчиной в столь неприглядном виде. Одумались?

Она плюнула в лицо гестаповцу.

— В машину! — приказал Лернер.

...Когда дед Егор и Санька подъехали на санях к бывшему правлению колхоза, недалеко увидели виселицу.

— Глади, дедушка! — привстал от испуга Санька. — Кого-то повесили.

Дед Егор подался вперед: «Погоди...»

Подъехали ближе. В повешенной они узнали Тамару Федоровну, на груди у нее висела дощечка с надписью «Партизан».

Санька не верил своим глазам. Дед Егор снял шапку. Морозный ветер шевелил его редкие седые волосы.

— За что ее? — спросил Санька. — Она ж им служила?

— Смотри, внук! — затряс головою дед. — Смотри! За Советскую власть погибла!

Санька все понял и заплакал навзрыд.

...А ночью отряд Сухожилина совершил дерзкое нападение на школу, где находились арестованные. Часть партизан, переодевшись в форму немецких солдат, везли на санях «пойманных при облаве партизан». Когда подъехали к воротам, «немецкий офицер» с «предписанием» в руке потребовал от итальянца-постового вызвать начальника охраны. Вскоре появился итальянский унтер-офицер. Откозырял, спросил, в чем дело. «Немецкий офицер» кивнул в сторону привезенных, сказал:

— Облава. Привезли партизан... — и передал «предписание».

Начальник охраны повертел документы и хотел было идти звонить кому-то по телефону, но «офицер» вдруг завернул такое ругательство, что начальник охраны приказал тут же открыть ворота.

Остальное произошло в считанные секунды. Партизаны, выхватив кинжалы, убрали часовых и бросились в школу.

Заключенные бежали к воротам. Охранник, сидевший на вышке, почувствовал неладное и открыл огонь.

Завязалась перестрелка. К школе спешили фашисты. Сухожилин приказал отряду уходить. Нахлестывая лошадей, партизаны скрылись. И было неизвестно, кто, сидя в школе, отстреливался от фашистов, чтобы прикрыть отход отряда.

Дарья, Иван и Куба успели скрыться в залиманском лесу, в спасительном потайном месте, которое еще в мирное время сделали Санька и его друзья. Но Марии с ними не было. Ее, жену парторга, после зверских пыток гитлеровцы убили.

Стрельба у школы продолжалась всю ночь. А утром от взрывов снарядов загудело все правобережье Дона. То началась артиллерийская подготовка советских войск, изготовившихся к прорыву обороны врага.

ОСВОБОЖДЕНИЕ

Прорыв

Егор Назарович и ребята сидели в погребе у бабки Ксении — переживали артобстрел.

У Дона захлеб строчили пулеметы и автоматы, ухали пушки. По Залиману к передовой бежали вооруженные итальянцы.

Санька и Варька с тревогой и надеждой вслушивались в звуки боя. Варька всхлипнула:

— Когда же наши придут? Где мама?

Дед Егор размочил сухарь в воде.

— Скоро, Варя! На сухарик. Может, матерей ваших вызволил вчера Сухожилин. Слыхали, как стреляли у школы? То был его отряд, знаю. Загудели самолеты. Санька угадал: наши! Где-то у Галиевки рвались бомбы.

С потолка погреба сыпалась земля.

...Но не со стороны Галиевки начиналось решающее сражение.

Накануне наступления, вечером 15 декабря, понтонеры начали у Верхнего Мамона собирать мост через Дон. К рассвету по нему переправились на Осетровский плацдарм более двухсот танков и стрелковые части. В восемь ноль-ноль началась артподготовка, после которой на штурм передней линии итальянцев пошли танки и пехота в белых маскировочных халатах.

Им предстояло овладеть высотой — Осетровским бугром. Танки и пехота ворвались в первые траншеи у подножия бугра. Итальянцы оказали яростное сопротивление. Было ясно, что из-за тумана артиллерия подавила не все огневые точки противника, к тому же наши самолеты из-за плохой видимости не могли подняться в воздух и поддержать атакующие части.

Итальянцы ввели в бой резервы. При поддержке артиллерии и танков они бросились в контратаку.

Бой был тяжелым. Не выдержав лобовой атаки советских танков, итальянцы попятились назад. В прорыв устремился танковый батальон, которым командовал Градов.

Казалось, высота вот-вот будет в наших руках. Но... все карты спутало минное поле. Несколько танков подорвалось на минах, остальные пришлось отвести.

Ночью в невероятно трудных условиях, при свете горевших в небе ракет саперы сделали проходы в минном поле. И тогда же по неокрепшему льду Дона, по наведенным переправам на Осетровский плацдарм прибыли свежие воинские части. Готовился решающий штурм высоты.

Готовились и итальянцы. Понимали: если русские собьют их с господствующей высоты — не миновать катастрофы...

Ночью дед Егор вышел из погреба. У Галиевки слышна была вялая перестрелка. На улице урчали моторы, слышались голоса. Колонны танков и автомашин сворачивали в переулок, к кургану. Значит, итальянцы спешили в Перещепное и Филоново, в сторону Осетровского плацдарма, — по этой дороге можно было попасть только туда.

«Горячее дело будет там», — подумал Егор Назарович и потер грудь: что-то острое колело под лопаткой, не отпускало. И тревожили думы о Дарье, Марии, залиманцах. Удалось ли Федору Сухожилину освободить их? Раз началась перестрелка у школы, то, выходит, не все гладко получилось.

— Дедушка! — окликнули его сзади.

Дед Егор узнал внука Ивана, обрадовался. Но радость была недолгой. Иван рассказал о погибшей Марии.

— Ах, горемычная, горемычная, — поник дед головой. — Что же я Варьке скажу?

Повздыхал, подумал и велел Ивану взять в сарае жмых под стрехой и возвращаться в лес к Дарье и Кириллу. И пусть остаются там до конца. Их могут искать.

— Дедушка, да ведь наши идут!

— Слушай, что тебе говорят! — Дед Егор поморщился, потер грудь.

— Ты заболел? — встревожился Иван.

— Пройдет... Иди, Ваня, будем ждать. Сдастся мне, что сомнут итальянцев. Должны...

На рассвете наша артиллерия снова начала «обрабатывать» Осетровский бугор. Поддержала и авиация — обрушила бомбовые удары по бугру и второй линии обороны фашистов.

Танки, набирая скорость, вздымая снежную пыль, карабкались вверх по проходам в минном поле. Итальянцы стреляли по ним термитными снарядами. Градов видел, как первые экипажи ворвались на высоту и устремились к траншеям. Прильнув к прицелу, Градов выстрелил по итальянцам, выкатившим пушку на прямую наводку. Снаряд разорвался рядом, вторым выстрелом накрыл ее. На полном ходу танк преодолел траншею.

— Круши, — кричал Градов, заряжая пушку.

Счастливым миг боя! Огнем и холодом жгла броня, от качки вытряхивало душу, от грохота закладывало уши. А Градов кричал:

— Вперед!

Итальянцы дрогнули, покатались назад.

...Наконец-то Елена добралась до леса. Перед этим, чтобы не нарваться на фашистов, подолгу сидела в занесенных снегом меловых кручах,

петляла по оврагам. В лесу было тише, но не менее страшно. Она замирала от каждого шороха и скрипа деревьев, прихваченных морозом. Спустившись в овраг, прислонилась к дубу, немного отдохнула и пошла дальше. Возвращаться в село после нападения на школу было нельзя.

У потайного места она прислушалась, тихонько покашляла. Показалось, что там кто-то зашевелился.

— Есть кто? — негромко окликнула Елена, прячась за деревьями.

Из заснеженных зарослей выросла тень.

— Ты, Елена?

По голосу она узнала Ивана. Обессиленная, Елена села на снег. Иван помог ей влезть в блиндажик, где были Дарья и Коба.

— А где мама? — тревожно спросила она.

Страшная весть потрясла Елену. Плакала она долго и беззвучно. Лишь к утру забылась в тревожном сне.

На следующий день к Богучару и Залиману сразу с нескольких сторон подошли наши передовые части, но с ходу овладеть городом не удалось. Фашисты бешено сопротивлялись. Сдать Богучар — значило открыть путь наступления русских на Донбасс.

Однако участь фашистов была предрешена, оставалось сделать то самое «чуть-чуть», которое вершит победу и которое дается с невероятным напряжением и жертвами.

...Из потайного места было слышно, как где-то, неподалеку от лесного оврага, отступали итальянцы, доносилась стрельба.

— Что там с Варькой? — встревожилась Елена. — Хоть бы одним глазком посмотреть.

— В подвале у бабки Ксении они, — в который раз повторил Иван. — И дед наш с ними. И ребятишки.

Когда движение у оврага затихло, Елена все же не утерпела, упростила Ивана пойти вместе с ней в село.

Иван, взяв на себя роль старшего, распорядился, чтобы Кирилл и мать пока оставались здесь.

Оврагом спустились почти до самой окраины Залимана. Иван, спрятав под полой обрез, шел впереди.

У плетня хаты бабки Ксении Иван прислушался. Во дворе вроде бы никого. Крадучись, он подошел к погребнице и окликнул своих. Из погреба вылез дед Егор. Елена, забыв о предосторожности, кинулась к нему...

— Ну, ну, — бормотал Егор Назарович. — Лезь в погреб. Чую, с часу на час придут наши. А ты, Ваня, со мной... Винтовки возьмем...

Немцы, засевшие в Богучаре, пускали осветительные ракеты, изредка постреливали, боясь внезапного броска русских. С рассветом грянул плотный огонь нашей артиллерии. На подступах к Залиману бойцы смяли итальянцев и те в панике побежали. Немецкий заградительный отряд открыл по ним огонь.

Около богучарской тюрьмы немцы оказали особенно сильное сопротивление. Здесь на церкви фашисты установили пулемет.

Наши пехотинцы попытались обойти церковь, но пулеметные очереди прижимали их к земле. На помощь подоспели артиллеристы. Несколько точных выстрелов — и пулеметчики замолчали. Бойцы поднялись в атаку и начали теснить фрицев к центру. Танковый батальон — сосед Бориса Градова — ворвался с десантниками в город, завязал уличные бои. В ход пошли гранаты, штыки, приклады.

Люто дрались немцы и на окраине Залимана. Наша пехота, сбив с

позиций итальянцев, двинулась вперед, но тоже была встречена сильнейшим пулеметным огнем. И неизвестно, сколько бы времени пришлось пролежать бойцам, если бы им на подмогу не подоспели танки. Один из танков ворвался на окраину села, остановился у хаты Ксении Герасимовны и открыл стрельбу по немецким пулеметчикам, засевшим в школе. Где-то в стороне оглушительно стреляли и орудия нашей полевой артиллерии. Обстрел продолжался несколько минут. Саньке казалось, что погреб вот-вот завалится. Елена прижала к себе Варьку и Петьку. Бабка Ксения шептала молитву, крестилась.

Немцы начали отходить. Дед Егор и Иван, засев в хате почтальонки Клавды, стреляли по отступавшим из винтовок.

— Так вам, проклятые! Так! — приговаривал дед Егор.

В это время послышалось долгожданное «ура»: наша пехота поднялась в атаку.

Больше Санька не мог вытерпеть. Выскочил из погреба и, что было силы, закричал:

— Наши!

За хатой хлопец увидел танк с красной звездой. Ствол его пушки еще дымился. Открылся люк. Из него показался танкист в черном комбинезоне.

— Давай, пехота, жми! Путь свободен! — крикнул танкист.

Санька обомлел.

— Дядя Боря! — вскрикнул он.

Градов спрыгнул на землю, подбежал и обнял плачущего мальчишку.

— Ты почему здесь?

— Прячемся, — всхлипывал Санька. — И наши тут! Лена, сюда! — позвал он. — Скорей!

Из погреба выскочила Елена, за ней — Варька и Петька.

— Ой, Борис! — только и простонала Елена.

Градов ее обнял. А потом очередь дошла и до Варьки.

— Живые! — радостно улыбался он. — Вот это встреча! Да, жаль, некогда.

Градов посмотрел на открытый люк танка.

— Постой, сынок! — окликнул дед Егор, спешивший с Иваном к танку. Егор Назарович узнал Градова. И до того разволновался, что слезы застлали глаза. — Бей их, сынок! Бей душегубов! Всех до одного. Такого натворили тут...

— Ничего, отец, мы свое возьмем, — сказал Градов. Он взобрался на машину и уже из люка крикнул: — До Берлина дойдем!

Фашисты, боясь полного окружения, покидали город.

Залиманцы бежали к правлению и к школе. Там еще стояла виселица с повешенной учительницей. Женщины плакали в голос, причитали. Егор Назарыч, Иван и Коба перерезали веревку, опустили тело Тамары Федоровны на землю. И на руках понесли к школе.

Вскоре Коба нашел в подвале замученную гестаповцами Марию Михайловну.

А на следующий день залиманцы хоронили Тамару Федоровну, Сеню Чеченева, Марию Михайловну, партизан, погибших в школе. Хоронили по военному обычаю — с трехкратным винтовочным салютом.

По улицам города шли и шли на фронт советские части, гудели грузовики, слышалась команда:

— Подтянись!

На здании райисполкома развевался красный советский флаг. У крыльца стояла грузовая автомашина. Ее окружила толпа людей. Санька и Петька разглядели стоявших в кузове военного и человека в штатской одежде.

— По поручению командования, — сказал звонким голосом военный, — поздравляю вас с днем освобождения!

Только захлопали варежками, кто-то из толпы выкрикнул:

— А не попрет немец назад?

— Не пустим! — сжал кулак военный.

— Дай-то бог!

Ребята протиснулись ближе к машине. За рулем ее сидел шофер, в котором Санька тотчас признал Крылова. Это он когда-то играл в Санькином дворе на гитаре, пел, и неожиданно приходил в разведку...

— Вперед идти веселей, — заканчивал речь военный. — Подпирайте нас отсюда. Да здравствует Советская власть!

— Дяденька, — осмелев, обратился Санька к шоферу, — а я тебя знаю. Ты ночевал у нас с командиром Градовым, когда уходили за Дон...

— Постой... Было такое. А ты чей?

— Санька Шатров!

— Шатров! Ух ты!.. Как же, помню! Я недавно в разведку приходил, в сарае у вас беседовали. Здорово мне помогли. Передай привет Елене, Ивану, Семену, деду, как его зовут...

— Дедушка Егор.

— Во-во, ему...

— А Сени нету, — опустил голову Санька. — Замучили фашисты.

— Хороший был парень, за Дон к нам приходил, — вздохнул Крылов.

Из-за поворота к месту летучего митинга медленно выползала колонна пленных. Толпа затихла, расступилась. Пленные фашисты понуро шли сквозь молчаливо-суровый строй жителей. Одетые в тряпье, жалкие, с синими обмороженными лицами, вразной брели они по проходу. Только снег скрипел под ногами да густой пар висел над колонной. Безмолвие нарушил женский крик:

— Бей их, гадов! Бей!

Мужчина в гражданской одежде, что стоял в кузове, поднял руку и возвысил голос:

— Это пленные. Лежачих не бьют. Мы с вами советские люди. Они пришли к нам, чтобы мы побывали у них. Это будет!

Через несколько минут военнопленные скрылись за углом разрушенной типографии.

И митинг закончился, и на пленных посмотрели, а шумливая толпа не хотела расходиться. Все было удивительно и вроде бы в новинку: иди, куда хочешь, говори, смейся, пляши — пожалуйста! Свои пришли! Вот она, наша свобода!

Санька попросил Крылова заехать к ним домой. Тот пообещал, если выйдет случай.

...Санька поправил звездочку на треухе (еще вчера прицепил) и потянул Петьку за руку:

— Айда к Сережке, не вернулся ли?

Сережина хата пуста. Дверей нет. По промерзшим комнатам, заваленным мусором и снегом, гулял ветер. Печка развалена.

Не лучшее зрелище представляли собой и дома остальных исчезнувших друзей. Колина хата, недавно построенная, была без крыши, Толи-

на — почти сгорела, а на месте Юркиной — одно пепелище. «Где они будут жить, когда вернутся? — думал Санька. — Ничего, к себе заберем...»

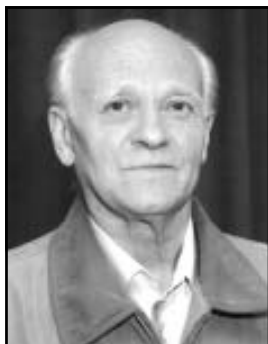
Шофер Крылов сдержал слово, вечером приехал к Шатровым. Конечно, дед Егор и Дарья были рады гостю. Расспросам не было конца. Крылов рассказывал, что было за Доном, как готовились шугануть отсюда фрицев и итальянцев. Веселый, чуть грубоватый и добрый Крылов возмужал, выглядел бывалым солдатом. Но шутки его и бодрый тон не всех веселили. Елена и Варька сидели грустные. Крылов временами и сам вздыхал горестно. Он притащил из машины все свои запасы продуктов, охотно угощал и все повторял сестрам, что будет писать им письма.

Иван и Куба спросили Крылова, не может ли он взять их на фронт? Крылов пошутил:

— Я все могу! Завтра съезжу в Кантемировку за бензином, а там — милости прошу, садитесь в машину.

Поздно вечером, уже засыпая, Санька подумал: как бы уговорить Крылова, чтобы тот взял его в Кантемировку. Интересно посмотреть, что там...

Владимир Максимович Нефёдов родился в 1938 году в селе Монастырщина Богучарского района Воронежской области. Окончил филологический факультет Воронежского государственного университета. Около 50 лет проработал в сфере образования. Публиковался в региональной печати. Автор поэтических книг «На выдохе — строка», «Долгая дорога» и др. Живет в селе Новая Усмань Воронежской области.

Владимир Нефёдов

НЕВЕДОМЫЙ ГОРОД

ДОМОЙ

Я покидал Лазурный берег Крыма,
Все виденное в памяти сведя.
Он, этот край, и впрямь неповторимый...
А мне роднее капельки дождя,

Те, что над лугом только прошумели,
Сбивая пыль с цветочных лепестков,
С присвистом пение хохлатки-свиристели
И утра рыцарей — горластых петухов.

Мне дороги и запахи, и звуки
Донских причалов, плесов и левад.
И чувства, обожженные разлукой,
При встрече обостряются в сто крат.

Да что, скажите, здесь души не тронет,
Когда все сердцем впитано смальства.
Душистый ландыш тянется к ладони —
Свидетель неделимого родства.

* * *

Умру, не хороните мое сердце,
На душу не берите лишний грех.
Оно молчит, устав от горьких специй,
Чем потчевал его двадцатый век.

Чуть-чуть покоя,
И так может случиться,
Что оживет, забьется в энный час.
Негоже ему тлену предаваться,
Своей любви не исчерпав запас.

* * *

*Воробы летают стаями.
Одинокими — орлы.*

В. Фёдоров

Мне грустно одиночество орла.
Всевышним созданный для стаи,
Я верен ей,
В ней жизнь моя прошла.
А если время крылья обломает,
Не свыкнушь с одиночеством,
Я знаю...
Тоскливо одиночество орла.

* * *

Периферийный милый городок,
Ты для меня иных столиц дороже.
И нашему родству не мерян срок,
Хотя я год от года не моложе.

Москва и Курск, Ростов и Краснодар...
Да мало ль где судьбою я отмечен?
Ты всюду был со мною, Богучар,
С послевоенной первой нашей встречи...

Быки телегу еле волокли,
Прохладой вечер заползал за ворот.
По времени — проехал полземли,
Но где же он, неведомый мне город?

Вдруг сказочно звездностью огни
Упали, мягкие, на склоны ветровые.
Такими мне и помнятся они,
Перед мальцом представшие впервые.

Что мне она, не вечность под луной?
Луна сама не вечная...
И все же
Я рад закономерности иной:
Чем старше я, тем город мой моложе.

ОДНОСТОРОННЕЕ ДВИЖЕНИЕ

Прошла ли жизнь или пройдет —
Таков удел ее извечный.
Я ж не трамвай,
Чтоб взад-вперед.
Нет разворота на конечной.

* * *

Сливаются капли, свежи и прозрачны,
Водичка к водичке — уже ручейки.
Чутье ль помогает (а что же иначе?)
Им выйти к желанному руслу реки.

А речка о море далеком мечтает.
Торопится — тесно в родных берегах.
Не знает, что горько-соленою станет,
Что это расплата в обмен за размах.

Пока не пугают морские течения,
Но шторм оборвет эту нежную нить...
Так нам за мечты и свои устремленья
Однажды приходится тоже платить.

Богучарская тема нередко привлекала внимание литераторов. Ей посвящались шолоховские строки, работы московских писателей. Одно из заметных произведений этого ряда — роман «Богучарцы», выдержавший с 1958 года несколько переизданий. Его автор — известный писатель, один из основателей в 1934 году Воронежской писательской организации Михаил Яковлевич Булавин (1900—1991). Предлагаем нашим читателям проникнуться атмосферой жизни в уездном Богучаре и на Верхнем Дону на сломе эпох в 1910-х — 1920-х годах.

Михаил Булавин

БОГУЧАРЦЫ

Отрывок из романа

На юго-восточной степной окраине бывшей Воронежской губернии раскинулся самый крупный из уездов — Богучарский.

Медленный в своем течении Дон под Новой Калитвой резко поворачивает на восток, делает около Верхнего Мамона петлю, разрезает Богучарский уезд и уходит на юго-восток, в бывшую область Войска Донского.

Четыре века тому назад Богучарский уезд представлял дикое поле, лежавшее между южными пограничными засеками, по линии Острогожск — Воронеж — Козлов — Тамбов и низовьем Дона.

Первые поселения богучарцев относятся ко второй половине XVI века. Сюда, на дикое поле, на пустые степные земли, пришли мужественные вольнолюбивые люди. Это разоренные казаки Правобережной Украины, которые после упорной борьбы с Польшей за свое освобождение не желали оставаться под властью польских панов. Это русские крестьяне, бежавшие от притеснения бояр Московской Руси.

Волна украинских переселенцев, дойдя до реки Дон и несколько дальше, за Дон, у городов Павловска и Богучара приостановилась в своем стремлении, столкнувшись, с одной стороны, с коренным населением — донским казачеством, ранее

осевшим по бассейну реки, а с другой — с переселенческой волной русских, двигавшихся с севера.

И пошли с тех пор селиться попеременно украинские и русские крестьяне.

Уйдя от кабалы польских панов и бояр Московской Руси, переселенцы попали в руки не менее хищных эксплуататоров — русских помещиков и казаков-богатеев. Малоземелье, низкие урожаи, нищета гнали крестьян-бедняков, украинских и русских, батрачить к зажиточным казакам, а позже — на шахты Донецкого угольного бассейна.

Первая мировая война совершенно подорвала хозяйство и разорила бедноту...

Осенняя ночь. Ветер с яростью набрасывался на ветхие хатенки, разбросанные по селу Подколдновка, стегал в окна дождем, завывал в трубах, срывал с крыш солому. Он, отыскав щели, начинал погуливать и посвистывать и в остывшей хате Калины Шатрова.

Калина с женой Марфой лежали на печи, а внизу, на широкой скамье, спали невестка Ульяна и четырнадцатилетний внук Васенка.

Старой Марфе не спалось.

«Ой, как же разгулялся ветер, — сокрушалась она, — закутку поросячью вчистую разнесет. Ай пойти, ай нет?»

А что она сама сделает? Старика ей не хотелось будить.

«Разве поросенка в сенцы перетащить? Да, небось, ветер уляжется».

Она повернулась на другой бок, ощущая приятное тепло нагретых кирпичей, и стала думать о сыне. Это была ее постоянная и неутрачиваемая боль, ее тревога и беспокойство. Где-то носят его ноженьки? Вот уже два месяца, как нет весточки. Васенка что-то совсем приумолк, знать, затосковал. Дети нонче пошли какие-то безбоязненные и не по годам смысленные. Видно, горе всему обучит. Бывало, спросит: «Дай-ка письмо отцово, я еще раз почитаю». Читает, читает, а потом вздохнет да и скажет: «Эх, кабы мне да шестнадцать лет, я бы к отцу живо ушел».

Посмотрит Марфа на Васенку и вспомнится ей вот такой же Арсен и своя ушедшая молодость.

Не спал и Калина. Вперив глаза в темный потолок, он размышлял о будущем и вспоминал прошедшее.

Немалое потомство дали Шатровы. И больше половины его побывало на войне. Два старших сына убиты в Карпатах. Сам он, старый солдат, участник русско-турецкой войны 1877 года, брал Плевну. Он и сейчас еще твердо стоит на ногах, потому что род Шатровых крепкий, выносливый. Только вот нужда одолевает, будь она неладна. Ну, да ничего. С землицей, как бы там ни было, а что-нибудь да порешим. Сын Арсений так и писал: «Как вернемся, так отыдем». А после Февральской революции в одном из писем напомнил: «... Требуйте мира от правительства, а мы вас поддержим. Мы все сообща сделаем мир, а полиции не бойтесь. Если они будут вас за это привлекать, то мы им, чертовым барбосам, головы посрываем, так что не бойтесь».

Смотрит Калина в темный потолок, и видятся ему давно умершие отец и мать, и вся жизнь проходит перед ним как вереница неудач, невзгод да напастей.

Глядит Калина в темный потолок и, удивительное дело: темень была, хоть глаз коли, а теперь щели меж досками стали видны. Неужели утро?

Но только он успел об этом подумать, как со скамьи соскользнул Васенка и прильнул к окну.

— Мамка, — зашептал он, — гляди, никак пожар?
— Да будет тебе, сынок, ложись, вишь, как холодно-то!
— Ей-право, пожар. Небо полыхает... вона как, вона как!
— Ай впрямь, — согласилась Ульяна, выглядывая в маленькое оконце, которое из черного становилось желтым. — Уж не Зотовы ли горят?
— Старик! — завозилась Марфа. — Выдь во двор, погляди. Ты бы с Улькой поросенка, что ли, в сенцы принес, а то как бы его ветер вместе с закуткой не унес куда.

— Черт его не возьмет, — досадовал Калина, оторванный от своих дум и тепла. — Взбулгачили средь ночи. Сами не спят и другим не дают.

— В Богучар с Андреем Гороховым поедешь? — спросила Марфа, не обращая внимания на воркотню Калины.

— Зайдет, так поеду. Где мой табак... Э-э, старуха, оно и на самом-то деле, похоже, Зотовы горят, пропади они пропадом. Им давно, треклятым, польемем подняться.

Калина свернул сигарку и стал кремнем высекать огонь, разбрызгивая искры.

— Кум! А, кум! Проснулся аль нет? — слышался за окном голос.

— Это ты, Андрей? Заходи в хату.

Калина вздул огонь и зажег лампадку, заправленную постным маслом.

— Здорово были!

В хату вошел высокий худощавый крестьянин лет пятидесяти, с поседевшими подстриженными усами на мокром лице. Движения его были стеснены. Он осмотрелся, снял треух, вытер усы и, присев на уголок скамьи, кивнул в сторону окна.

— Кровопивца по ветру пустили.

— А точно его?

— Там только и есть, что его экономия. Ты, Калина, поедешь в город?

Калина украдкой глянул на Марфу и спросил.

— Погода как?

— Дождь перестал, и ветер вроде бы ослаб.

Так как у Калины лошади не было, то поездка соседа в город была очень подходящей оказией, которую Марфа не хотела упустить.

— Ехай, ехай, — проворчала она, — у нас вон щепотки соли нет. Картошек мешок отвезешь.

— А не рано ехать-то? — спросил Калина у Андрея.

— Пока запрягу, то да се, оно как раз и вовремя будет.

— А как дорога, проедем? — колебался Калина.

— Да ехай же ты, грех! — прикрикнула Марфа.

— Да уж поеду.

Калина собирался не торопясь, под ватную стеганку надел всякую ветошь, а накрыться взял армяк.

Марфа приготовила узелок с несколькими вареными картофелинами и бутылку молока.

Когда подошла лошадь, Калина, Ульяна и Васенка разом уцепились за мешок с картошкой и потащили на телегу.

— Ну, с богом, — сказала Ульяна и побежала в хату. Лошадь шла медленно, как заведенная, не убавляя и не прибавляя шага. Под ее копытами и под колесами телеги чавкала грязь и хлюпала вода. Дождь перестал. Только порой сорвется невесть откуда ветер, покружится вокруг людей и умчится прочь.

На востоке едва намечался рассвет. С Дона веяло сыростью.

Калина Шатров и Андрей Горохов были не только соседями, но и приятелями, и даже какими-то родственниками. Особенных и неотложных дел ни у Андрея, ни у Калины в Богучаре не было. Но Андрей их выдумывал. Его волновали последние события, совершившиеся в октябре в Москве и Петрограде.

На базар в Богучар съезжались крестьяне близлежащих сел, приходили городские жители. И хотя Богучар находился в шестидесяти пяти верстах от железнодорожной станции Кантемировка, сюда доходили новости и оттуда. О базаре Андрей начал толковать уже три дня назад. И вот наконец-то они выбрались. Кстати, сегодня они узнают точно, чья экономия горела. Нельзя ли и им, не дожидаясь, приняться за создание земельных комитетов.

— А что? — громко спросил он у себя.

— Ты это кому? — удивился Калина.

— Не лыком шиты и мы, — бросил Андрей, и в голосе его послышалось раздражение.

— Это как понимать?

— Вот так и понимай. Землю нужно брать. Это до какой же поры сидеть будем?

Калина хмыкнул и рассмеялся.

— Земля эта всю ночь спать мне не дала. Нам бы, Андрей, сынов дожидаться. Вот тогда-то мы... Эх, терзай ее ястреб! — Калина хлопнул себя по коленкам.

Они спустились к Дону. Было темно. Паром стоял на том берегу, где возвышалась меловая гора. В темноте вспыхивали сигарки и слышались голоса людей.

— Э-э-эй! Пе-ре-возу! — крикнул Андрей.

— По-го-ди! Слышь, люди ждут, — ответил басистый голос паромщика.

Калина и Андрей соскочили с телеги и, широко открыв глаза, смотрели на тот берег.

Через несколько минут послышалось бульканье воды, шлепанье троса, скрип парома, голоса людей и добродушная русская ругань.

Огоньки сигарок приближались.

У Андрея екнуло сердце. Наматывая на руки вожжи, он вполголоса спросил:

— Калина, это кто ж?

— Тихо! — схватив за руку Андрея, прошептал, замирая, Калина.

Голоса доносились ясно, четко. Кто-то рассказывал занятную историю о том, как он по пути забрел на хутор и как его приветила солдатка. В ответ ему отпускали недвусмысленные шутки и озорно смеялись.

Кто-то ругнулся охрипшим голосом:

— Туда везли и по Дону и по железной дороге, а вот оттуда двигаем пешими, да в этакую непогодь. Весь остыл, тело чирьями взялось, будь они трижды прокляты!

Молча стояли Калина и Андрей, прислушиваясь и стараясь по разговорам понять, что это за люди и куда они направляются в такой ранний час.

Но вот паром стукнулся о деревянный причал, и с него гурьбой повалили люди. В брезжущем рассвете были различимы только силуэты солдат с винтовками. Калина не сдержался и с радостным волнением крикнул:

— Эй, земляки! Кто из подколодновских есть промеж вас?

Солдаты остановились. Раздались голоса.

— Кто спрашивает?

Потом один за другим они стали подходить к Калине и Андрею, образуя тесный полукруг.

Высокий солдат в короткой шинели, поддерживая рукой поднятый воротник и зябко вздрагивая, спросил:

— Вы, отцы, издалече будете?

— Подколодновские мы. Шатров и Горохов, — весело ответил Калина.

— А я вот и не признал вас, — произнес тот грустно и с обидой. В его голосе не было и нотки того радостного оживления, которое обычно выражают люди, давно не видевшие друг друга. Он сунул старикам свою жесткую холодную руку и проговорил:

— А я из Бычка. Может, знаете сына косоного Трофима?

— Прощка Дымов! — всплеснул руками Калина.

— Я, — угрюмо уронил Прощка.

«Эк его согнуло. Видно, солоно пришлось ему», — подумал Андрей и спросил:

— Совсем домой, что ли?

— Стало быть. А там кто его знает.

— А с ружьями к чему же?

— Сгодятся, — усмехнулся Прощка.

— Наших не встречали, Арсена да Степана? — спросил Калина.

— Эх, отец, — вздохнул один из солдат, — да таких, как твой Арсен, миллионы, а белый свет — не деревня. Придут, бог даст, и ваши. Нонче по всем дорогам кто поездом, кто на своих двоих ко двору спешат.

— Давай закурим, что ли, хоть сигарками погреемся, осветимся да приглядимся, — предложил Калина.

Прохор Дымов закурил и, освободив из пригоршни зажженную спичку, осветил лицо Шатрова.

— Куда собрались? — спросил он тихо, как бы по-домашнему.

— Да вот на базар, терзай его ястреб, картохи продать да соли купить, табачку...

— А какие у вас тут дела?

Спичка погасла. Угрюмое лицо Прохора пропало, и Калина, словно вдогонку, удивленно крикнул:

— Дела?! Дела по-старому плетутся, вроде бы как без дорог. Чего делается на свете — не знаем.

Андрей хотел что-то сказать, но вовремя спохватился и промычал что-то невнятное.

— Ну, ехайте с богом, — сказал, прощаясь, Прохор. — Теперь-то свидимся.

Андрей повел лошадь на паром. За ним последовал и Калина.

Уже на той стороне Дона, садясь на телегу, Андрей проговорил:

— Чуть было не проболтался, что Трофим-то косоной прибрался. Знает ли Прохор?

— Навряд, — ответил Калина. — Месяца еще не будет.

— А я боялся, что вот-вот спросит. А что говорить? Пусть уж дойдет до двора, сам узнает. Похоже, что и Прохор-то хворый, весь какой-то обмякший, невеселый.

— А чему веселиться?

— Но-о, не спи! — хлестнув лошадь, крикнул Андрей.

Богучар шумлив и суетен ранним утром, когда крестьяне съезжаются на базар, а уже с полудня площадь становится пустынной. В эту же пору заканчивается обедня, люди постепенно расходятся по домам и начинают копаться в садах и огородах.

Порой по улице прокатится запоздалая крестьянская телега, вздымая улегушуюся горячую пыль. И если крестьянин придержит около чайной лошади, словно раздумывая, зайти или нет, то уж обязательно кто-нибудь крикнет: «Эй, погоди трошки!» — торопливо подбежит к телеге и заведет разговор. Но как только проезжий завидит, что к нему приближаются другие, охочие до всяких новостей и слухов, махнет в воздухе кнутом и, послав короткое «некогда!», понесется во всю рысь по дороге в степь.

Чинно и важно смотрят окна опустевшей Богучарской гимназии.

Около здания городской думы, в полувоенном костюме, обхватив руками берданку, торчит сонный юнец из добровольной стражи.

Стоит на диво тихий солнечный день. В городской думе слышится нервный шелест бумаг, неуверенный скрип перьев. И все здесь, даже воздух, пропитано настороженностью, тревогой. Как будто все ждут, что вот-вот придет кто-то большой, грозный и властно скажет: «А ну, разойдись!»

Иной чиновник крепится, крепится, да и глянет на соседа такими тоскливыми глазами, словно хочет спросить: «Может, все, что мы делаем, сейчас ни к чему?» Сосед понимающе вздохнет, склонив набок голову, лениво завяжет узелок нитки на подшитом деле, прихлопнет ладонью папку с бумагами и затем решительно отодвинет ее, разве только не выговорит: «Все в архив!»

Иногда из-за плотно закрытой двери кабинета городского головы Паранина доносится сухой треск телефона и тихий сдавленный голос. А с кем и о чем он разговаривает — неведомо. Часто после глухого покашливания дверь кабинета открывается. В ней показывается сам Паранин — человек небольшого роста, остриженный под короткий ежик — и тусклым взглядом вылинявших светло-серых глаз окидывает присутствующих. Обычно он молчалив, а если и заговорит о чем-нибудь, то тихо и так спокойно, словно его ничто и никогда не тревожит. Его бледное и дряблое лицо кажется непроницаемым, в нем трудно уловить движение каких-либо чувств.

Но сегодня в тусклых глазах Паранина замечен какой-то огонек. Он потирает ладонью щеку, несколько дольше обычного оглядывает служащих и степенно выходит во двор. Таким же медленным шагом он прогуливается взад-вперед, затем закуривает папиросу и, подняв гладко выбритый подбородок, выпускает стремительные струйки дыма. Взглянув украдкой на улицу, он останавливает свой взор на соборной церкви, золоченый купол которой очень похож на древнерусский шлем. Весело сияя на солнце, церковь далеко видна в степи.

«А пора бы ему быть», — думает Паранин и, бросив недокуренную папиросу, быстрыми шагами возвращается в кабинет.

В этот час, объезжая стороной села и зорко осматриваясь, по степи мчался на взмыленной лошади всадник. Он был строен, легок в движениях, жилист и суховат. Загорелое лицо его то морщилось, словно от боли, то мрачнело, то вдруг разглаживалось, и тогда на нем появлялись тонкие полоски не тронутых загаром белесых морщин. Иссеченное ими лицо принимало выражение затаенной тоски и душевной усталости. На выцветшей гимнастерке виднелись следы погон.

Увидев сквозь туманную голубизну высокий купол церкви, он облегченно вздохнул: «Теперь уже недалеко». Все складывалось как нельзя лучше. Опасность, грозившая ему в пути, почти миновала. Он боялся встретить партизан, которые, не задерживаясь в крупных населенных пунктах, быстро переходили с места на место, появлялись там, где их не ожидали. Часто они совершали внезапные налеты на обозы и небольшие отряды немцев, захватывали оружие, боеприпасы и опять уходили в степь, скрываясь в балках и оврагах. А так как численность партизан росла и действия их все усиливались, немцы стали передвигаться более крупными подразделениями и с большей осторожностью.

Приближаясь к какому-нибудь селу и стремясь вызвать страх, они поднимали такой невообразимый шум, что даже собаки и те, немного полаяв, обиженно взвизгивали и забивались во дворы.

Но не всегда немецким обозам с награбленным добром удавалось благополучно достичь своего тыла. Хлеб и сало доставались врагу ценой все большей крови. Партизаны внимательно следили за дорогами, нередко снимали сторожевые охранения и захватывали обозы в свои руки.

Заигрывая с представителями кое-где восстановленной старой власти, немцы входили с ними в связь, обещали им свою помощь в борьбе с «красными разбойниками».

Но конному человеку, спешившему в Богучар, не пришлось встретиться ни с партизанами, ни с немцами. Подъехав к окраине города, он слез с лошади и тихонько свистнул. Минуты через две к нему подошел молодой парень. Приехавший передал ему лошадь, а сам направился в центральную часть города и скрылся в одном из дворов.

Через час тот же человек, но уже в штатском костюме, в белой соломенной шляпе, приблизился к зданию городской думы и, не обращая внимания на служащих, проследовал в кабинет Паранина.

— Боже мой! Как так можно?!

С этими словами городской голова осторожно отодвинул кресло. Мягко ступая по ковру, он направился к вошедшему и пожал ему руки.

— Я был полон напряженного ожидания. И, право, не знал, что подумать. Ну как? Что?.. Да говорите же, бога ради, я совершенно извелся.

— Тсс!

Вошедший оглянулся на дверь и, приложив палец к губам, медленно и четко ответил:

— Миссия закончена благополучно и, сверх ожидания, без проволочек.

— Благодарение создателю! Садитесь, пожалуйста.

Паранин закрыл на ключ дверь и сел напротив прибывшего:

— Я приятно взволнован вашим возвращением и рад вас слушать.

Прибывший дружески улыбнулся.

— Я не буду говорить о тех трудностях и опасностях, которым я подвергался ежеминутно, — проговорил он, растягивая слова и явно интригуя собеседника.

— Это делает вам честь! — сдерживая нетерпение, произнес Паранин и воздел руки.

— Да, это был настоящий тур дэ форс¹. Так вот — о главном. Я был представлен полковнику Зиберту. Он передал, что немецкое командова-

¹ Напряжение, проявление большой силы для совершения чего-нибудь (франц.).

ние в связи с усиливающимся бандитизмом обещало нам, по крайней мере, на этом участке свою помощь. Богучар будет временно оккупирован для установления порядка. Ну, разумеется, — прибывший пожал плечами, глядя куда-то в сторону, и продолжал, как бы раздумывая над тем, что говорил, и, делая вид, что говорить об этом ему нелегко, — мы... должны каким-то образом гарантировать выполнение некоторых обязательств. Вы, надеюсь, понимаете, что речь идет...

— О расквартировании, о фуражке, — догадался Паранин.

— Да, совершенно верно. Гарантия эта сводится к чистой формальности — не препятствовать немцам в закупке фуража и хлеба у крестьян.

— Я так это и понимаю, — кивнул одобрительно Паранин. — Они являются властью военной, а мы — только гражданской.

— Завтра, если не произойдет каких-нибудь изменений, надо ждать аэроплан с немецкой делегацией.

— О, о! Это великолепно! Это прекрасно! — воскликнул Паранин, потирая руки и обнажая в улыбке золотые зубы.

— Только нужно хорошенько подготовиться к гостеприимной встрече.

— Разумеется! Все беру на себя, Петр Порфирьевич. Вчера вечером, доложу вам, после выезда совдепа, ушел последний их отряд.

— То-то ж, такая благодатная тишина. Ну, а что еще новенького здесь? — осведомился Петр Порфирьевич.

— Мною установлена связь со штабом казачьего отряда в станице Казанской. Изволили знать Алексея Николаевича Зотова?

— Как же, как же! С Алексеем Николаевичем мы были на дружеской ноге. Давненько я его не видал.

— Вот он-то и разговаривал со мной. Велел передать, что мы можем полностью рассчитывать на их поддержку и помощь. Прощаясь со мной, так и сказал: «До скорого свидания!»

Эта душевная беседа происходила в то время, когда со стороны села Залиман в Богучар вступал отряд Шатрова. На окраине города он встретился с небольшим отрядом под командованием партизана Аристарха Липчанского и получил последние данные о движении к городу немецких войск.

Шатров настороженно оглянулся, поискал глазами Дубравина и поздравил к себе.

— Послушай-ка, Иван, что говорит товарищ, — и, обратившись к тому, попросил: — Расскажи, товарищ Липчанский.

Плечистый, крутолобый, в фуражке с лихо заломленным козырьком и крепко державшейся на макушке, партизан повернулся в седле и нехотя повторил:

— Из Богучара надо поворачивать немедля, не то вас здесь прихлопнут, как цыплят.

Дубравин недоверчиво посмотрел на Липчанского и, не придавая значения его словам, грубовато ответил:

— У страха глаза велики. Волков бояться — в лес не ходить.

Липчанский ухмыльнулся и, снисходительно похлопав Дубравина по спине, сказал:

— Парень-то ты, видно, бойкий, но цена тебе, должно быть, невелика. В переделке еще не бывал, а мы уже хлебнули.

— Да ты не пужай, не пужай, а толком, — огрызнулся Дубравин.

— Чего толком? — с сердцем заметил Липчанский. — Я тебе говорю,

а ты слушай да на ус мотай. В Кантемировке группируются большие силы немцев. Это — раз. Они вот-вот пожалуют в Богучар. Это мне доподлинно известно. Понял? А теперь слушай дальше. В Казанской станице вчера ночью такое творилось... Казаки начисто перебили советский Тираспольский отряд. Это — два. Понятно?

Дубравин деланно усмехнулся, но ничего не ответил. Сообщение о движении немцев его почему-то мало тревожило. Но над тем, что казаки собирают силы в станице Казанской и могут налететь в любое время на Богучар, он призадумался. Казаки прекрасно знали все близлежащие села и хорошо ориентировались на местности. По своей речи и обмундированию они могли выдать себя за партизанский отряд и ввести в заблуждение красных.

Словно испытывая и проверяя Липчанского, Дубравин лукаво прищурился и ехидно спросил:

— Ну и что же ты делать надумал?

Липчанский махнул рукой и взялся за повод.

— Я, братки, не шутковать по степу с партизанами езжу. Я не неволю вас. Только глядите! Наши силы распылены по балкам да оврагам, а казаки собирают свои до кучи. Нам не устоять ни против немцев, ни против казаков. Слыхал я, что партизаны послали бумагу в штаб армии и просили дать всем нам главного командира, какой бы мог объединить отряды и повести в бой. Слыхали вы такое?

— А ты где и каким пользовался слухом? — спросил, оживляясь, Шатров и, приступая к Липчанскому, допытывался: — Нет, ты отколь это слыхал, а? Может, это только одна брехня, чтобы веру в людях убить?

Дубравин тоже насторожился — в словах Липчанского он услышал разумный довод.

— Вчера я у Загребайловки встретил один отряд. Мне командир того отряда сказал, что многие партизаны просят прислать Малаховского, как опытного и храброго командира.

— Малаховского! — воскликнул изумленный Шатров. — Валентина Александровича? Так я ж только от него. Оружие у него в Кантемировке получал. Ах, что ж ты сразу не сказал?.. Батя, — позвал он старика, — слыхал, что тут Липчанский рассказывает?

К командирам подошел Калина Шатров.

— Сущую правду говорю вам, братки! — продолжал Липчанский, стуча в грудь кулаком. Показав большой палец на правой руке, он добавил: — Я этого Малаховского вот как знаю. Вместе с ним под Пасековым дрался с немцами.

Радуясь хорошей вести, Шатров с Дубравиным и Липчанский договорились увести пока из Богучара свои отряды за Дон, а старика Калину Шатрова с десятком партизан оставить в городе, чтобы они при появлении немцев перешли реку у пристани Галиевки, где их будут ждать товарищи.

Это поручение старик принял с гордостью.

Отряды тотчас же исчезли, группа Калины рассеялась по городу, а сам он присел с посошком у стены соборной церкви и, будто греясь на солнышке, поглядывал по сторонам.

Через час, чтобы не вызывать излишнего подозрения, он поднялся и заковылял по одной из улиц.

Документальный рассказ «Легендарная быль» принадлежит к ранним литературным опытам знаменитого писателя, лауреата Государственной премии СССР Гавриила Николаевича Троепольского (1905—1995). В основу рассказа положены сюжеты о беспощадных сражениях гражданской войны. В то время богучарцы-ополченцы после успешных боев с немецкими оккупантами были объединены под командованием В.А. Малаховского в Богучарский полк, ставший прообразом 40-й Богучарской дивизии. С этого началась одна из самых ярких страниц истории Богучарского края в прошлом столетии.

Гавриил Троепольский

ЛЕГЕНДАРНАЯ БЫЛЬ

Документальный рассказ

*И врагу поныне снится
Дождь свинцовый и густой,
Боевая колесница,
Пулеметчик молодой.*

Из песни «Тачанка»

Вечер опускался над Новой Калитвой. Заходящее солнце, казалось, чуть постояло над горизонтом и брызнуло огненно-красными отливами по могучему, величавому Дону. В широкой сенокосной пойме, совсем недалеко от того места, где я остановился, слышалась песня. По дороге ехала подвода, откуда и неся разудалый и стремительный напев:

*Эх, тачанка-богучарка,
Наша гордость и краса,
Богучарская тачанка,
Все четыре колеса.*

Парень помахивал кнутом и во всю силу пел. Я не ослышался: припев повторился точно так же. Поэт, написавший «Тачанку», совсем не писал такого. Есть в той известной песне «тачанка-ростовчанка», «тачанка-киевлянка», «тачанка-полтавчанка», а такого нет. Видимо, поправка эта пришла из соседнего Богучарского района. Нельзя же в самом деле предста-

вить себе Южный фронт гражданской войны без богучарской тачанки. Вот и внесли поправку.

И сразу мысли ушли в прошлое, в то далекое прошлое, когда не было автомобилей, тракторов, велосипедов, не было хлеба. А был тиф... И шла гражданская война. Четыре мощные силы объединились тогда против молодой Советской республики: белогвардейцы, интервенты, голод и тиф. Москва и десять губерний — вот и вся территория, оставшаяся не занятой врагом. Колчак был под Вяткой, Юденич — под Петроградом, Деникин — под Тулой, Миллер — около Шенкурска, а голод и тиф — почти везде... Вот какие воспоминания может вызвать обычная для наших дней песня.

Очень трудно представить, что все эти тяжкие и в то же время слабые годы были давно. Передо мною сидит бывший лихой и неистовый пулеметчик Богучарского полка Опенько Митрофан Федотович, поэтому и кажется, что все было недавно, так же недавно, как твоя собственная юность.

Человеку, перевалившему за пятьдесят-шестьдесят, часто кажется, что молодым он был совсем-совсем недавно. Так уж устроен человек. И ничего не поделаешь.

Но хорошо тому, кто, вспомнив свою «недавнюю» молодость, не жалеет ни о чем. Так, ни один богучарец, с кем ни поговори, не жалеет о прожитой жизни. Но обязательно каждый из них жалеет о том, что у них не оказалось своего Фурманова. А ведь когда генерал Деникин со своими хорошо вооруженными и обученными казачьими частями в панике уходил из Ростова, то он бросил приближенным такую фразу: «Если бы мы были так, как богучарцы, то давно были бы в Москве».

Враг относился к богучарцам не только с ненавистью и страхом, но и с уважением к их беспредельной храбрости.

И вот я сижу и слушаю Опенько Митрофана Федотовича.

* * *

Суровый выдался декабрь в восемнадцатом году. Метели вихрили по степям Черноземья. Скрипели полозья, визжали обмерзшие колеса тачанок, упрямо продвигавшихся навстречу армии белых. Шли красноармейцы Богучарского полка, закрываясь воротниками или иной раз просто платками, повязанными вокруг шеи. К ночи буран рассвирепел. Он стегал лицо, слепил глаза, забрасывал на ходу тачанки сугробиками по углам. Снег набивался за воротник и, растаивая, стекал каплями за спину.

Полк шел не на отдых. Полк выходил в бой. Всю эту массу разнообразно одетых идущих и едущих вооруженных людей можно было принять за гигантский, многотысячный табор.

Вдруг все преобразилось. Как неведомый ток, пробежал по степи приказ командира полка Малаховского. Из уст в уста передавалось:

- В цепь...
- Занять станцию Евдаково...
- Без шума в цепь.
- Пулеметы по местам.

И полк растаял. Будто буран разметал людей по степи, свирепея все больше и сильнее. Казалось, уже нет никакого полка, а есть два твоих соседа по цепи, слева и справа. Но так только казалось. Каждый знал, что впереди Малаховский, что он никогда не бывает позади в таких случаях,

а во время боя может появиться неожиданно там, где его никак не предполагали встретить.

А когда приблизились к окраинам Евдаково, полк ожил. Ударили орудия, цепь открыла огонь, застрочили пулеметы, ворвавшись к крайним хатам. Белые не видели противника. Разве ж могли они предположить, что в такую жуткую пургу возможно наступление? Все получилось настолько неожиданно, что один из двух полков белых спешно стал отходить без боя, по направлению к деревне Голопузове.

Тачанка Опенько ворвалась в село Евдаково. Она разворачивалась и сыпала свинцом, чтобы снова тут же нырнуть в буран и стать невидимкой, круто свернув в сторону или шарахнувшись в вишнякаи.

— Красные дьяволы! — неслось откуда-то из метельной крошечной мути.

А на этот голос и скрип бегущих сапог тачанка поворачивалась задком и давала очередь-другую. Надо было для этого только два слова Опенько:

— Крохмалев! Дай!

И первый номер, Тихон Крохмалев, «давал». При этом он не переставал прибавлять прибаутки со «среднепечатными» вставками. А что можно сделать с Крохмалевым, если он всегда веселый и танцор «мировой»? Впрочем, что можно сделать и тачанке, мечущейся в зверской пурге? Главное, если бы она была одна. Но слева строчит вторая, справа — третья, там — четвертая. По стрельбе белым ясно одно: цепь близко, где-то рядом с невидимками-тачанками, у крайних хат. А буран рвет и мечет. «Слепой» бой был в разгаре.

И вдруг... пулемет заело! Он отказал в тот момент, когда беляки, оправившись от первого смятения, стали отстреливаться. Они были совсем близко, в нескольких десятках шагов. Второй номер, Гордиенко Андрей, молчаливый и замкнутый парень, коротко сказал баском:

— Давай, Митрофан, лупанем их из винтовок. А?

Он как бы спрашивал командира расчета Опенько. Он готов был всегда молча и хладнокровно бить белых. Скажи ему сейчас Опенько: «Давай лупанем», и он возьмет винтовку и зашагает вдоль хат, выглядывая из-за угла в мутную метель. Но Опенько ответил:

— Ни пулемета не будет, ни тебя не будет. Выходить из боя! — приказал он. — Быстренько устроим и...

В эту секунду завизжали около уха пули. Кажется, с двух сторон сразу. Белые нащупали!

— Гало-оп! — крикнул Опенько.

Кони сорвались с места. И помчалась «боевая колесница» вдоль переулка, туда, где не слышно выстрелов. В эту ночь буран был великим помощником вооруженных крестьян-богучарцев.

Так расчет тачанки Опенько оказался за селом, в лощинке, как раз в том месте, где несколько минут тому назад спешно проследовал отходящий пехотный полк белых. Они отходили в степь длинной колонной с обозом и кухнями. Видимо, план их был таков: «Вы пришли из бурана, а мы уйдем в буран. Мы хорошо одеты, сыты. Вы, если попытаете преследовать, померзнете».

Но не думал об этом Опенько. Важно было в те минуты одно: пулемет должен работать! Молча, понимая друг друга, Опенько и Гордиенко спешно устраняли дефект. А Крохмалев держал вожжи и разговаривал с лошадьми:

— Видите, какая неприятность вышла?.. То-то вот и оно, что непри-

ятность... Лошади, и те понимают. — А через некоторое время окликнул: — Андрей!

— Что?

— У меня спина мокрая. А у тебя?

— Ну и черт с ней... Пройдет? — спросил Андрей у Опенько по поводу какой-то детали пулемета.

— Конечно, пройдет! — ответил Крохмалев, приняв это по адресу своей спины. — Вот разобьем белопузых, подсушимся, подчистимся. Вшей не будет. Каждый день будем обедать и ужинать. Вот жизнь, так жизнь! А? — Но никто ему не отвечал. — Женюсь. Обязательно тогда женюсь, будь я проклят.

Опенько молчал: он сжал челюсти. Изредка он отрывался от работы, высовывался из-под брезента и пристально слушал пургу. От света фонарика, что светил под брезентом, надо было сначала присмотреться, чтобы увидеть даже Тихона Крохмалева, сидящего рядом. Но Опенько только прислушивался. И слышал: бой продолжался, белых теснили богучарцы в сторону, противоположную той, куда отступил их второй полк.

Так два полка белых оказались оторванными друг от друга. Преследовать отходящий полк было некому: не было сил. Значит, сюда, к тачанке, своих ждать не приходится. Эти мысли пронеслись в голове Опенько. Он все понял, но сказал так:

— Черт возьми! Стоять в такое время! Что скажет Малаховский?! Понимаешь, Тихон? — и он со злобой сплюнул, снова нырнув под брезент.

Крохмалев вздохнул и проговорил:

— Ясно: наших тут не жди, а белопузики могут прорваться. Плохо дело, дорогие мои лошадушки. Мокрые мы все — можем померзнуть, как та капуста на корню: был мягкий, будешь твердый... Митрофан! А Митрофан!

— Что там еще? — откликнулся Опенько из-под брезента.

— Лошади-то потные. Если еще минут двадцать постоим — решка. На себе пулемет потащим. А гармонью Андрееву бросим тут.

Гордиенко, правда, всегда возил с собою гармонь-двухрядку. Это он, высунувшись, успокоил Тихона:

— Я тебе «брошу»... по скулам за твою агитацию. — И сразу же мирно: — Сейчас. Почти готово.

— А может, выпрягу да погоняю их маленько? Пропадут ведь.

— Не смей! — крикнул раздраженно Опенько. — Ты только отошел с лошадьми, а он, беляк, тут как тут. Еще минут пять. Передергивай вожжами, давай плясать на месте.

— Это мы можем, если дозволено. Я ж держу так, чтоб вам не шевелило там. А ну, играй! — И он принялся орудовать вожжами. — Эхма! Такой тройки на земном шаре нету! Давай, пляши!

А буран хлестал тачанку, одинокую, заброшенную в степи, оторванную от своих.

Только-только Опенько удовлетворенно крикнул, окончив возню с пулеметом, и вылез из-под брезента, как Крохмалев схватил винтовку и крикнул:

— Белые!

— Ра-азвернись! Приготовься! — скомандовал Опенько и сам приложился к пулемету. Он еще не видел ничего. Видеть мог только Тихон, обладавший кошачьим зрением и к тому же не ослепленный фонарем.

Но вот из бурана вынырнула тройка. Теперь ее видит и Опенько. Он

уже поправил по привычке шапку, сдвинув ее на затылок, чтобы не мешала. Но...

— Виноват! — закричал радостно Тихон. — Как есть свои! Держись, Митрофан Федотыч! Сам Малаховский припожаловал.

Тройка вороных, запряженных в сани, обшитые рогожей, с разбега остановилась около тачанки.

— Опенько, ты?

— Так точно, товарищ Малаховский.

— Доложили — ты замолчал. Так и знал — нырнешь в лощинку.

Здесь Малаховский знал каждый кустик, каждый ярлок. Но как он проскочил сюда, вслед белым, и понять было невозможно. Для этого надо было либо обогнуть фланг белых, либо пересечь их линию. Обогнуть он, конечно, не успел бы. Только впоследствии выяснилось. Он шагом въехал в расположение врага во время бурана, остановил какого-то солдата и спросил:

— Скажи-ка, браток, где штаб первого полка? Срочно нужен командир полка.

— Отошел на Голопузовку, ваше благородие!

— Как стоишь, скотина?! Смирно! Генерала не признал!

— Виноват, ваше превосходительство!

Тройка скрылась в метели, как провалилась сквозь землю.

И вот Малаховский наткнулся на тачанку. Он сидел в санях в расстегнутой бекеше защитного сукна. Богатырь с виду, он, казалось, не признавал ни зимы, ни бурана. А серая, в смушку, папаха не была даже надвинута на уши. Ему было жарко.

— Что случилось? — спросил он.

— Отказал пулемет, товарищ Малаховский.

— Готово?

— Готово.

— За мной!

И тройка помчала его в бешеной скачке в пургу. За тройкой — три кавалериста, из разведчиков. За кавалеристами — тачанка-сани, а за ними сорвалась и тачанка Опенько. Их было только одиннадцать человек: три — верхами, семь — при пулеметах (на первой тачанке четверо) и сам Малаховский.

— Это куда же мы теперь? — спросил Крохмалев.

— За Малаховским, — ответил Опенько.

— Понятно. Вижу: за Малаховским.

— А он куда? — спросил Гордиенко.

— Туда...

— И это понятно, — сказал Тихон с иронией. — Задача ясная: за Малаховским... А ты есть хочешь, Митрофан? — И, не дожидаясь ответа, дополнил: — Жрать хочется. Нам там поест не дадут?

— Дадут, — ответил Опенько. — Горяченького, с огонька.

— Как это позволите понять? — притворялся Крохмалев.

— Ты что, не видишь? Полк белых-то отошел сюда. Оттуда — мы, а они — сюда.

— Приблизительно соображаю. Малаховский что-то задумал. А что, пока не пойму. Но, кажись, вскорости пойму.

— Веселый ты парень, Тихон, — угрюмо сказал Андрей. — С твоим характером всю землю можно пройти пешком.

— А мы ее на тачанке проедем, — уточнил Крохмалев и промурлыкал: — «Всю-то я вселенную проеду...»

Совсем неожиданно для своих подчиненных, вразрез их разговору, Опенько сказал:

— Так, ребята. Старик наш ненадежный. Часто капризничает.

«Старик» — это пулемет, накрытый брезентом. Видно, Опенько думал об одном и том же, о пулемете.

— Спервоначалу-то он ничего, — резонно возразил Гордиенко, — а как в долгом бою, то стал того... Заменять надо.

— Ему уж сто лет с неделей... Так что подпускать надо ближе. И спокойно. Главное, спокойно.

На эти слова Опенько рассмеялся Тихон и вставил:

— «Спокойно», как Опенько.

Он знал, что Опенько — парень-пружина, Опенько сам горяч, как раскаленный.

— Ну, загоготал! Хватит. Говорю, подпускать ближе, и — все. — Но сказал он это совсем без злобы, а так, чтобы замять разговор.

Все равно три парня, которым всем вместе немногим более шестидесяти лет, останутся в бою такими же — находчивыми, смелыми, преданными друзьями.

Буря хлопотала свирепым хозяином степи, с воем и ревом. Трое парней, одетых в крестьянские кожухи, прижавшись друг к другу, мчались вместе с бурей туда, за Малаховским, что впереди. И они были частью бури. Люди жили в буре и сами были бурей.

Вдруг лошади неожиданно осаждали и пошли шагом. Потом стали. Впереди, совсем близко, в нескольких шагах, хутор. Малаховский выслал вперед кавалериста. Через несколько минут тот возвратился. В хуторе спокойно. Въехали и стали в затишек.

— В Голопузовку на разведку — двое, — приказал Малаховский двум кавалеристам. — Остальным покурить. Тихо, без шума.

Кавалеристы рысцой окунулись в метель. Малаховский подошел к Опенько.

— Ну как, Митрофан, не замерз?

— Все в порядке, — ответил тот. — Только вот у Крохмалева неладно: вода по спине бежит. И жениться хочет.

Все тихо, сдержанно посмеялись, а Опенько добавил:

— И земной шар собирается объехать на тачанке.

Малаховский положил одну руку на плечо Опенько, другую — на плечо Крохмалева и сказал:

— И все это хорошо: и жениться, и объехать Земной шар. Это очень хорошо. Верь, Крохмалев, что объедешь. Главное — верить... А холод потерпите, ребята. Вот кончится война, и зацветет жизнь. Я ее вижу, эту жизнь. Хорошая будет она.

Девять человек стояли тесным кружком, и, казалось, не было среди них командира полка, а был хороший старший товарищ, друг, тот самый товарищ, строгий и требовательный в бою, но простой и душевный на отдыхе. Таков Малаховский.

Буря выла между хатами и сараями. Хутор спал. А девять храбрых ожидали двух. Те двое вынырнули из метели так же неожиданно, как в нее и окунулись. Один из них доложил:

— Пехотный полк белых вышел из Голопузовки минут двадцать назад. Идут тихо. В хвосте кухня. Прикрытия нет.

Малаховский смотрел в бурю. Он будто что-то вспоминал или прикидывал в уме.

Потом застегнул бекешу, поправил папаху и тихо, но твердо сказал: — А ну, ребята, ко мне еще поближе. — И затем продолжал уже решительно, тоном приказа: — Догнать хвост. Всем стрелять беспрерывно, не переставая, сидеть на хвосте. Кавалеристам — с флангов хвоста и вдоль колонны. Белые попытаются занять оборону в балке, собьются в кучу. В тот момент одна тачанка остается на краю яра и молчит, ждет сигнала; кавалеристы со мной — в объезд, зайдем с другой стороны балки, в тыл. Я начинаю тремя выстрелами. Немедленно со мною — пулемет с другой стороны. А тебе, товарищ Опенько, надо... Тебе, дорогой, ворваться молча в балку, в самую гущу и... — Он совсем изменил тон и душевно продолжал: — Сам понимаешь: буран, паника. И еще имейте в виду, добрая половина полка — мобилизованные, полк сформирован неделю тому назад. — И вдруг он снова изменился, выправил грудь и четко спросил: — Задание ясно?

— Ясно! — ответили все.

— За мной!

И Малаховский вскочил в сани.

Снова стремительная скачка наперегонки с ветром. Так же неожиданно остановились.

Выстрел! То Малаховский открыл огонь по «хвосту». Первая тачанка, вырвавшись вперед, развернулась и застрочила по белым. Опенько мчался вперед правой стороной дороги, вне поля действия того пулемета. По приказу Малаховского первая тачанка замолчала. Опенько выскочил на дорогу, в нескольких метрах от хвоста колонны, и его «старик» заговорил, отплевываясь от беляков свинцом, выбрасывая огоньки. Белые ответили редким беспорядочным винтовочным огнем так, что даже не слышно было свиста пуль: они стреляли без цели, в белый свет, ускоряя марш.

Малаховский подскакал к Опенько и крикнул:

— Прекратить огонь! Давай второй тачанкой!

Так два пулемета, сменяя друг друга, «висели на хвосте» противника. А три кавалериста с флангов постреливали из бури то там, то тут. И полк свалился в балку.

— Стоять тут! — приказал Малаховский расчету первой тачанки. — Опенько, готовься!

Он умчался в объезд, сопровождаемый кавалеристами.

В яру крики и гомон сливались с буряном. В этом месте был широкий тупой отрог балки — Малаховский это предвидел. Он объехал отрог на другую сторону и, подойдя вплотную к сгрудившимся белым, выстрелил три раза. Кавалеристы начали одновременно с ним. С другой стороны затараторил пулемет.

— Окружили! — дико прокричал кто-то в балке.

А с горы бешеным вихрем слетела в балку тачанка Опенько. Он уже видит врага слева и справа. Вот он уже внизу, в самой гуще.

— Стоп! — командует он тихо. — Веером!

И застрочил.

Разворачиваясь кругом, тачанка вертелась вьюном и осыпала белых. Завизжали пули во все стороны. В жутком буряне нельзя было врагу понять, откуда стреляют. Казалось, со всех сторон: снизу, сверху, с боков. Поднялась невообразимая свалка. И в этом месиве беспорядочной, хорошо вооруженной толпы — зычный голос Малаховского:

— Окружили! Бросай оружие! Сдавайся!

— Сдавайсь! — кричали кавалеристы.

— Сдавайсь! — ревел медведем Андрей Гордиенко. Сверху, не переставая, сыпал пулемет, отрезая отрог от балки. Опенько вертелся на дне балки. И вдруг... отказал пулемет!

— Сдавайсь! — гремел Малаховский.

— Старик! Старик! — почти плача, обращался юный Опенько к пулемету, как к живому. — Старик! Что же это ты?

И он с остервенением ударил по металлу, ударил до боли в кулаке.

— Сдавайсь!!! — зарычал он в бурю и в упор выстрелил в подбегавшего к нему офицера.

Тачанка рванулась вверх, на край. И тут Опенько увидел: в метре от тачанки мелькнул пулемет, а около него, сбоку, лежал труп, уткнувшись в снег лицом.

— Давай к своей тачанке — помогайте им, — приказал он остальным двум. — Прощайте, ребята!

И... вывалился в снег на всем скаку.

— Стоп! — рявкнул Гордиенко. Крохмалев кошкой прыгнул к Опенько:

— Митроша! Ранило?

— К своей тачанке... Ну! — зашипел он на Тихона.

Приказ есть приказ: тачанка взмыла вверх.

Белые толпой стали выбираться из отрога, отстреливаясь вкруговую.

«Где Опенько? Что с ним? — думал Малаховский, стреляя непрерывно. — Уходят, а он молчит».

Опенько полз в рыхлом сугробе к пулемету противника. «Почему молчит пулемет? — думал он. — Наверно, расчет разбежался, а один, что лежит, убит наповал». И полз быстро-быстро, забыв о том, что сейчас зима, буря, ночь. Он толкнул в бок человека, лежащего около пулемета. Тот не пошевелился. «Готов», — подумал Опенько. Ощупал пулемет — оказался «максимка». Рядом ящик с лентами патронов.

— Ах вы, сволочи! Опенько еще покажет... — проговорил он вслух, сжав зубы.

И застрочил. Застрочил в десяти метрах от противника. Застрочил в одну точку, перерезав поток отступающих из балки, как ножом.

— Сдавайсь! Сдавайсь!..

Кричали это паническое слово уже не только Малаховский, но и десятки других голосов — кричали белые.

Но что это? Опенько почувствовал, как лента пошла плавнее, уже не требовалось подправлять ее, прекращая для этого огонь. Оглянулся и увидел: тот «труп» в солдатской шинели и с закутанным в башлык лицом подавал ему ленту. Опенько выхватил пистолет...

— Земляк, земляк! — быстро заговорил «труп». — Не узнаешь? Сосед твой — Кузьма Бандуркин, из Подколодного. По голосу узнал, как ты ругнулся.

— Кузьма?!

— Я.

— Ладно. Подавай. Потом разберемся.

Пулемет сыпал вновь. Уже вдвоем они перетащили его в то место, где «перерезали» колонну, и теперь отсекали совсем часть полка, оставив в балке.

— Второй батальон! Прекратить огонь! — командовал Малаховский несущемуся батальону. Он сам оказался где-то близко от Опенько

и, сложив ладони рупором, кричал во весь голос: — Я, командир Богучарского полка, приказываю пленным сложить оружие на левый склон балки! Слушай команду! Я, командир Богучарского полка, приказываю... — повторял он несколько раз.

Знали белые, кто такой Малаховский. И вот он сам здесь. Значит, полк здесь.

— Слушай команду! Оружие на левый склон!

...Метель утихла. Брезжил рассвет. Близко, совсем под дулом пулемета, запорошенные снегом пленные складывали около Опенько винтовки, подтаскивали пулеметы, оставляли все это и спускались вниз, строились.

— Кузьма? — спросил Опенько, лежа у пулемета и не сводя глаз с подходящих вереницей пленных.

— А?

— Как же это ты попал к белякам?..

— Мобилизовали в «добровольческий полк». Пришли втроем с винтовками и мобилизовали, прямо за обедом.

— И ты пошел?

— Пошел, — с горечью ответил Кузьма.

— Должен я тебя убить. Опозорил ты наше славное Подколенное.

— Теперь мне все одно. Только я не виноват, Митрофан. Я расскажу.

— А чего ж ты лежал в снегу?

— Притворился убитым. Или замерзну, думаю, или утеку к своим.

— К каким своим?

— К вам. Я бы все одно утек.

Они лежали в снегу, коченея и стуча зубами, пока последний пленный не положил винтовки. Стало видно все вокруг. В балке было уже тихо.

Казалось, ветер устал, обмяк, окончил бой. Пленные, построившись в три шеренги, около которых хлопотал Малаховский, увидели перед собой... только два пулемета, направленных на них.

— Кузьма? — снова обратился Опенько.

— А?

— У тебя еда есть какая-нибудь?

— Хлеб есть, мясо вареное есть.

— Дай. Больше суток не ел. И взять негде.

Крохмалев и Гордиенко спустились вниз на своей тачанке. Они увидели Опенько: он сидел рядом с беляком и ел мясо с хлебом. Жевал он медленно, через силу. Лицо его было черно, щеки ввалились, волосы выбились на лоб и прилипли. Такая ночь стояла нескольких месяцев, а может быть, и нескольких лет.

— А этот «башлык» чего тут? — злобно спросил Гордиенко, бросив взгляд на Кузьму Бандуркина. — Чего не строишься, чучело? Ну!.. Так вот и раскрой черепушку... Гад!

За Кузьму ответил Опенько чуть охрипшим, надорванным и простуженным голосом:

— Пойдешь в мою тачанку, Кузьма.

Он разломил хлеб на две части и отдал Тихону и Андрею:

— Ешьте, ребята... Спать хочется, — и еще добавил: — Он нашу правду почувал. Не трожьте его.

...До тысячи человек пленных, четыре пушки, десять пулеметов, сотни винтовок, весь обоз с имуществом полка — таков был результат ноч-

ной легендарной операции. Большинство пленных снова вооружили, и Малаховский повел их в обход, чтобы ударить казакам с тыла. Они пошли за Малаховским, а среди того же дня были уже в бою. Этот тыловой удар, неожиданный и стремительный, решил исход боя: так начался разгром наступавшей Южной армии генерала Иванова и левого фланга Донской армии генерала Краснова. Богучарский полк вышел в глубокий тыл противника. Белые спешно, в беспорядке отступали.

...А вечером Опенько вошел в хату какого-то села (он не помнит какого), сел около печки на пол и тут же уснул. Гордиенко осторожно перенес его на кровать, лег с ним рядом. На полу, на постланной соломе, спал Крохмалев. Он лежал навзничь, положив забинтованную руку на грудь, волосы откинулись назад, пересохшие губы что-то шептали — он бредил. Кузьма Бандуркин управил лошадей, вошел в хату и лег рядом с Крохмалевым. Уснул не сразу — слишком много потрясений произошло за последние дни. Наконец уснул и он. В хате стало тихо. Только с печки слышался шепот: там сидела, свесив ноги, пожилая женщина, смотрела на спящих и, утирая фартуком глаза, шептала:

— Молоденькие-то все какие... Дай вам бог счастья...

Двадцать два года было в то время Опенько. Горячая и славная юность!

* * *

А сейчас генерал-майор в отставке Валентин Александрович Малаховский переписывается с Опенько Митрофаном Федотовичем.

«Дорогой соратник и боевой друг Митрофан Федотович!» — пишет генерал. «Отец наш и товарищ!» — пишет Митрофан Федотович своему любимому командиру. Какая трогательная и теплая дружба, скрепленная кровью!

Валентин Александрович Малаховский живет сейчас в Риге. Митрофан Федотович Опенько — в Новой Калитве.

Если вам доведется быть в Новой Калитве, то вы спросите: «А где тут проживает Опенько?» И вам могут задать контрвопрос: «А не тот ли Опенько, что взял целый полк?» Но это будет уже легенда. Он был не один, их было «много» — одиннадцать человек славных богучарцев. Это была легендарная быль из жизни легендарного Богучарского полка!

Многие из них были ранены по несколько раз. Сам Малаховский (впоследствии командир двадцатой кавалерийской Богучарской дивизии Южного фронта) за годы гражданской войны был ранен... двадцать раз! Только Крохмалеву Тихону не удалось проехать по Земному шару, не удалось и жениться: он погиб при подавлении одного из восстаний казаков. Славный был парень, удивительно теплой души человек, веселый и смелый.

Они отдали свою юность тому будущему, что зовется сейчас настоящим. И о них, о богучарцах, еще не написано слово, еще не спета песня. Слава им, погибшим и живым! Слава храбрым!

Новая Калитва — Острогожск. 1957 г.

Василий Акимович Гончаров родился в 1940 году в селе Осетровка Верхнемамонского района Воронежской области. В печати — с 1966 года. Работал в районных газетах, в том числе ответственным секретарем богучарской газеты «Сельская новь», в республиканской газете «Дагестанская правда», областных газетах «Ворошиловградская правда», «Коммуна». Публиковался в региональной печати. В 1964 году в Дагестанском книжном издательстве вышел сборник его стихов. Живет в Богучаре.

Василий Гончаров

КРЕСТНЫЙ ХОД

РАССВЕТ

Откинув полог тьмы, неспешно начал
Он свой обряд священный — крестный ход,
Лучей кустами броско обозначив,
Причастность к тайне гор, небес и вод,
Приверженность свою теплу и свету,
Души неуловимому добру,
Признательность правдивому перу,
Отринувшему мертвую монету,
Свое презренье к жадной сытой твари,
Осевшей у московского холма...
Каким разливом щедрым киноvari
Омыл он горизонт, луга, дома,
Распаханные плугом горя пашни
До боли мне родных славянских лиц.
Он — золотой венец вселенской башни —
Благословил полет стрекоз и птиц.
Он злаку дал опору и движенье,
Раскрыл глаза поникшему цветку,
Вернул сполна крестьянское терпенье
Уставшему до смерти роднику.
И, как творец зеленого величья,
Художник, летописец и поэт,
Земле несущий чистое обличье
Он утвердился с именем — Рассвет.

* * *

А было так открыто и светло,
Возвышенно, как в храме, и прозрачно.
Открыв иконописное чело,
Дарила чудо-осень всем тепло,

Пока еще не тронутое плачем
Дождей безумных. Было так светло.
Казалось, жизнь, как ангел, непорочна
И вечна, словно звездное стекло
Дарованной тебе хрустальной ночи.
Все было так открыто и светло.
Но душной Смуты первые потемки
Ползли. Их беловежское крыло
Солдат, как стаи птиц, на юг несло,
На север — лишь гробы да похоронки.
И почернели матерей сердца,
И дрогнул мир от горечи и скорби.
Взрастившие могильные надгробья
Садовники Садового кольца
Справляли пир. Лишь, вороша века,
Поэт-пророк пытался разобраться
Где ложь, где честь, где пуля у виска
И отчего к нему издалека,
Крича, течет кровавая река
Славянского растерзанного братства.

* * *

Она — со мной, она — во мне
Суть вечных истин:
Голодный видит хлеб во сне,
А узник — птицу.
Солдату снится тишина,
Ребенку — мама,
В сугробах стынувшим — весна,
Трусливым — яма,
Всем жаждущим — на дне
Колодца
Глоток воды.
Слепому часто снится солнце,
А мне — все ты.

ВЕРНУЛСЯ К МАМЕ...

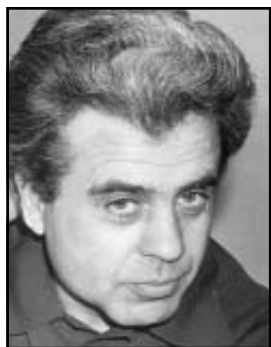
Ребенок рос — душа планеты,
Ее слеза, ее надлом,
Птенец земной любви и света,
Укрытый от дождя и ветра
Священным маминым крылом.
Малышка рос. Слепая сила
Нечеловеческого зла
Его, невинного, схватила
И к горизонту унесла,

И бросила, как щепку, в пламя
Костра войны, в крошечный ад...

Он через год вернулся к маме,
Одетый в цинковый бушлат.

* * *

Не отмолить судьбы, не откупиться
Никто не смог у жизни на краю...
Ах, не сегодня ль протрубила птица
Осеннюю мелодию твою?
Мелодию, в которой нет восторга,
Страстей безумных, бесконечных мук,
Где нет уже замороженно долгих
Скращенных взглядов и сплетенных рук.
Где места нет ни счастью, ни пороку
И лишь, как искупление греха,
В душе пока гнездится одинокий
Притихший птах прощального стиха.
Тогда зачем подобием ребенка,
Наперекор отмерянной судьбе,
С рыданьем ждешь, что осень журавленка
Хотя б на миг еще пошлет тебе...

Иван Михайлович Абросимский родился 1940 году в селе Бычок Петропавловского района Воронежской области. Окончил отделение журналистики Воронежского государственного университета. 48 лет проработал в печати, в том числе около 40 лет — главным редактором богучарской районной газеты «Сельская новь». Публиковался в региональной печати, в коллективных сборниках. Автор книг стихов и прозы «Иду навстречу», «Голос сердца», «Энергия света и добра», «Грани». Заслуженный работник культуры РФ. Член Союза журналистов России. Живет в Богучаре.

Иван Абросимский

ГОСТЬ

Рассказы

О тойдя к стожку сена, Гришка окинул взглядом кучу поленьев, выросшую в его дворе за каких-то два часа, стряхнул с полушубка опилки, сказал, довольный:

— Теперь до конца зимы хватит.

— Еще и останутся.

Егор Прочан, Гришкин односельчанин, сельский банщик — плотный, крепенький, с небольшой лысинкой на темени, укладывал в брезентовый мешок остывшую бензопилу.

— Быстро расчекрыжили. А вручную — и дня не хватило бы, — польстил Егору Гришка.

— Не говори. Умную штуку придумали. На лесозаготовки в Сибирь ездил, там и купил. Домой собирался, а мне один и говорит: хочешь свою пилу иметь — ставь литру водки. Я с радостью — хоп на стол две бутылки! Не стоит разве? Приехал домой, поршенек ей всунул новый, колечки сменил — и работает как часы.

— Да, хорошая вещь, — согласился Гришка. — Ставь ее к сараю да пойдем дровишки спрыснем, чтобы лучше горели.

Они вошли в летнюю, на две комнаты, кухню. Передняя комната была заставлена дубовыми кадками, обтянутыми ржавыми обручами, мешками с зерном, на полу валялись тряпки, покореженные алюминиевые тарелки. У порога — щеп-

ки, ручейки просыпанных отрубей. На стенах и по углам — копоть и паутина. В другой комнате, почище, стояли шкаф, стол со стульями. Окна были закрыты ситцевыми занавесками.

И кухню, и сарай во дворе Гришка построил своими руками. И шоферское, и плотницкое дело он любил одинаково.

— Будущим летом себе такую же сделаю, — Егор провел глазами по стенам и потолку времянки.

— Мы большей частью тут топчемся. В доме только спим, да Колька уроки учит. Раздевайся, здесь теплынь у нас.

— Не, — отмахнулся Егор. — Я долго не буду, давай по-быстрому.

— А что так?

— Некогда.

— Некогда умирать будет.

Гришка на скорую руку порезал розовый кусок сала, снял с полки миску с сырыми яйцами, достал соленых огурцов и несколько мелких головок лука. Налил водку в стаканы, взял один, другой подвинул к Егору:

— Давай.

— Ну, побудем. Пусть горят дровишки, — поднял свой стакан Егор и, чокнувшись, выпил первым.

Закусили.

— Да, жарко у тебя, — Егор распахнул полушубок.

— Говорил же — разденься.

— Не буду! — стоял на своем гость. — Слушай сюда. Встречает меня на той неделе Мишка Самофалов: перепили мне дрова. Дело, конечно, нетрудное, но я ему: понимаешь, Миша, пилка у меня сломалась. — Егор засмеялся, глядя на Гришку в ожидании поддержки, но тот, нагнув голову, начал медленно ковырять вилкой крышку стола. — С Мишкой что? Ты же знаешь: ни поговорить, ни выпить.

— Большой он, — заступился Гришка.

— Какой там большой! — махнул рукой Егор. — Иду на другой день мимо его дома, а он с женой поперечной пилой наяривает. Жена у него, как лошадь — вытянет. Такая гордычка!

Гришка налил еще. Себе на палец, гостю — снова полстакана.

— Не-е, Гришка, ты не увиливай. Не симулируй, Гришка. Давай долью.

Егор потянулся к бутылке, но Гришка поднял свой стакан и отвел в сторону:

— Мне, понимаешь, еще по хозяйству надо управляться. Жена с сыном к сестре уехали, весь дом на мне.

— Успеешь! Давай долью! — настаивал гость. — С тобой тоже, как с Мишкой. Дрова пилить — и то было веселей.

Гришка подставил стакан.

— Так бы и давно! А то ломается...

Со второй рюмки Егор начал хмелеть. Ему стало так жарко, что он все-таки разделся.

Разлив остаток водки — вышло по капельке — Гришка изучающе посмотрел на гостя и достал из шкафчика новую бутылку. Ему не хотелось выглядеть прижимистым.

— Ну, ты даешь! — возрадовался Егор, а потом сказал: — Хочешь, чтобы я из-за стола не вышел?

— Пей по возможности. Силовать не стану.

— Ладно, уговорил! — бодро поднялся Егор, держа стакан на уровне груди. — Как там сказано? Люблю вино я старое, а женщин молодых! — продекламировал он и выпил залпом. Бросил в рот кружок огурца, пожевал и начал новую тему:

— Выхожу вчера из магазина. Стоят на крыльце Степаниха, Петра Сущенкова мать, и бабка Шпачиха. Про хвори толкуют. Остановился, слушаю. Шпачиха рассказывает: «Молодой была — тоже прибалывала. Так что ж — придешь, бывалоча, к дохтуру — он тебя первым делом заставит раздеться, послушает этой своей слушалкой, расспросит, что да как... Состарилась — батюшки мои!.. Уже не раздевают. Все болезни по языку определяют. Что за наука такая? Покажи, бабка, язык! Покажешь — сразу начинает что-то там писать». Я Шпачихе говорю: «Радуйся, бабка, — на старости лет все хвори из тебя улетучились!» — «Трясця тебе в пуп! — отвечает. — Не встревай, когда тебя не просят». Ну я и пошел своей дорогой. Иду и думаю: а ведь так оно и есть, обидно старым-то быть. Вот как-то по осени собрался я распилить дрова Настьке Емельяновой. Жена за рукав хватает — не ходи! Я ей: пошла ты! За пилу — и со двора...

— Ты закусывай, Егор, — перебил Гришка. — А я сбегая скотине подаю. Голодная ведь стоит.

— Сиди! Успеешь! Вечно у вас не хватает терпения дослушать до конца, — Егор громко икнул, стукнул об столешницу яйцо, расковырял его и выпил одним глотком. — Слушай дальше. Перепилил я это... Настьке дрова. Гляжу, крутится она возле меня. Взял я топор да еще и несколько поленьев расколел. А дело к вечеру. Спрашиваю: что еще надо? Спасибо, говорит, Егорушка, выручил ты меня! Ну, говорю, бывай здоров! А она: у меня бутылочка есть, пойдем в хату посидим, дети к бабушке уехали... Печь, говорит, твоими дровами натоплю! Ну и остался я! — Егор усмехнулся, покрутил головой. — Дома опосля была... тоска зеленая.

— Слышал про ваш домашний концерт, — сказал Гришка. — Так открыто и не надо бы, Егор. Оно это хоть какой жене... Настьке-то что — она безмужняя...

— Не поймешь ты меня, Гришка! Не поймешь! Слышал, что Шпачиха сказала? «Теперь, когда состарилась...» Ладно, давай еще дербалызнем!

С каждой рюмкой Егор пьянел все больше. И все чаще икал — так всегда было с ним, когда уже «не шло».

— Хлебни водички, — посочувствовал Гришка.

— Так пройдет, — отмахнулся Егор.

Во дворе появился тонкий, как хворостинка, электрик Славка, по фамилии Базков. Гришка, увидев его в окно, обрадовался:

— Славка пришел. Молодец!

— Что, телевизор не заладил? — спросил Егор.

— Ага, — Гришка поднялся.

— Сиди! Он сам войдет. Куда денется? — Егору было не по душе, что хозяин оставляет его без внимания.

Славка остановился посреди двора, не зная, куда ему идти: в дом или во времянку. Гришка постучал в окно.

Славка вошел, за руку поздоровался с обоими.

— А вас жена искала, — сказал он Егору.

— Что я ей — телок? — буркнул тот.

Славка пожал плечами.

— Пусть ищет. Ее дело — искать, а наше... Садись рядом — выпьем по капле.

— Не могу, — сказал Славка, — спасибо.

— Ну, хоть чуть-чуть!

— Даже чуть-чуть не буду.

— Ты, Егор, к парню не приставай, — убирая со стола, сказал Гришка. — Нельзя ему пить. Думаешь, как тебе? Счас мы с ним пойдем к телуку.

Егор встал.

— Мы, значит, пошли, а ты, Егор, катись к такой-то бабушке? Шалишь, брат! Мы эту бутылочку допьем... — Он снова сел. — Понастроили тут разных кухонь и не приглашают гостей в дом.

Гришка поморщился: вот же паразит, ославит на все село.

— Ладно, пошли! Помоги мне закуску перенести, — попросил он Славку. — Тут так просто, видно, не отделаешься.

Стали собираться.

— Бутылку не забудьте, — съязвил Егор.

— Не волнуйся. Пошли, — указал глазами на дверь Гришка.

— Пойдем. Я не против. И Славка тоже не против. Люблю таких! Молодец парень! Честное слово, молодец! — Егор лез к Славке обниматься и целоваться; тот, как мог, уклонялся. — У тебя еще нет машины, Славка? Хочешь, я дам тебе свою? На неделю дам — катайся! Приходи завтра.

— Не трепись, Егор, — сказал Гришка. — Ну и балабол!

Тот не обращал внимания:

— Приходи завтра! Она у меня хоть и старая, но еще добрая. Вон Петро Сущенков купил новенькие «Жигули». Слыхали? Хвастает, куда там! — Егор поскользнулся на снегу на переходе в дом и чуть не упал. — Подходит возле правления ко мне и подковыривает: поменяемся, мол, машинами? А я возьми и скажи ему при всем народе: «Машину-то ты, Петро, взял новую, а жену по-дер-жан-ную, с дитем». Отломилось ему на машину от тестя, а мы сами, своими руками заработаем!

— Егор, может, на сегодня хватит? — мягко попросил Гришка.

— Что хватит?

— Ну, пить...

— Жалко стало? Или боишься, грязи нанесу в дом?

— Мне ничего не жалко и ничего я не боюсь. Но ты ж домой потом не дойдешь.

— Не дойду — у тебя заночую!

Гришка скрепя сердце открыл дом. Сели за стол в зале.

— У тебя тут, как во дворце, — поглядел по сторонам Егор. — У меня тоже все есть. Но кое-что старовато. Шифоньер менять надо. А у тебя — блеск!

Гришка раскладывал закуску молча. Славка с ходу прилип к телевизору. Тонком доброго участия Егор посоветовал:

— Учиться тебе надо бы, Славка. В институте или хотя бы в техникуме...

— Надо бы, — согласился Славка. — Но знаете, о чем я сейчас думаю? — О чем?

— Ох, и достанется же вам сегодня от жены!

— Ничего не будет до самой смерти! — усмехнулся Егор. — Я к ней

подлезу, шепну на ушко: «Ты ж мое цококо, я ж тебя люблюбу». Она рас­тает, как конфетка. Ладно, плесни, Гришка, и я пойду.

Гришка налил полстакана. Егор выпил, но уходить опять не стал. Ему хотелось поговорить.

— Тебе бы здоровье покрепче, — обратился он к Славке, — тогда и в институт можно. А так что же... Я вот в твои годы кремень был. У меня и сейчас еще такие желваки! — Егор принялся закатывать рукав рубашки.

— Какие желваки? — засмеялся Славка. — Бицепсы!

— А один хрен. Гришка, давай на жим, кто сильней!

— Фу ты, напугал! Давай! — с готовностью подал руку Гришка.

— Славка, будь судьей! — натужился Егор. — Только суди по-чест­ному!

— У тебя... кальсоны есть... чистые... дома? — спросил Гришка Его­ра, багровея от натуги.

— За меня не волнуйся. Лучше об себе подумай, — не терял самоуве­ренности Егор. Но вдруг обмяк и выдернул свою ладонь из Гришкиной. — Ну что у тебя за рука? Как обрубок какой! Ставь прямее!

Схватились снова. Хозяин дома давил молча, уверенно, не нажимая корпусом. Егор даже привстал, но его не брала. И он сдался.

— Небось, зарядкой по утрам не занимаетесь? — отпустил шутку Славка.

— Как же! Сегодня вон почти полдня с Гришкой физзарядили возле дров. Это тебе получше, чем «руки в стороны, ноги врозь», — и ни с того ни с сего спросил: — Ты, Славка, Есенина знаешь?

— Читал.

— А хочешь, я его спою? Гришка, можно в твоём дворце петь?

— Пой, сколько хочешь. Икать перестал — пой.

Егор и вправду запел:

Вечер черные брови насопил,
Чьи-то кони стоят у двора.
Не вчера ли я молодость пропил,
Разлюбил ли тебя не вчера?

Славка оторопел. Голос у Егора оказался мягким и душевным. Ему не верилось, что это поет Егор, а не кто-то другой.

Не храпи, запоздалая тройка,
Наша жизнь пронеслась без следа...

Голос Егора сорвался, и он закашлялся.

— Ты б чего-нибудь повеселей, — сказал Гришка. — А то тут и слезу с тобой пустишь.

— Есенин — душа! — Егор был в ударе. — Взял я как-то Серегу в нашей библиотеке. Прихожу домой, читаю жене. Сидит, слушает. А когда прочитал ей: «Много девушек я перещупал, много женщин в углах прижимал», — она вскочила, как будто ее обожгли, руки в боки и ко мне: «Отнеси сейчас же эту книжку назад!» — «Да ты что, говорю, в своем уме?» — «Отнеси!» — кричит. Прихожу на следующий день с работы, а книжки нет. Сама отнесла. Вот так, Славка, не спеши жениться. Пожи­ви без прокурора в доме. А ты, Гришка, читал когда-нибудь книжки жене?

— Не помню.

— Видишь, как ты некультурно живешь.

Гришка усмехнулся.

— Рад, что сломил мою руку? А вот на ломка не возьмешь. Спробуем?

— Хватит, Егор, дурачиться!

— А чего? Давай! — Егор встал и подошел к Гришке вплотную. — Я, может, пьяней тебя, ты все хитрил, наливал себе поменьше.

— Не надо, Егор, — отступил Гришка. Но тот вдруг схватил его, приподнял и крутанул вокруг себя. Сила нашла на силу, и они заходили посреди комнаты, как два тяжелых куля, рывком подступая к Славке. Тот выставил руку:

— Телевизор разобьете!

Егор сделал Гришке подножку, и они оба рухнули на полированную кровать, которая затрещала и опустилась на пол.

Гришка, вывернувшись из-под Егоровой ноги, первым вскочил и с переносимой душевной горечью визгливо выкрикнул:

— Говорил же тебе, сволочь такая! Что я жене скажу?!

— Так и скажешь, — поднялся и Егор, — боролись и вот...

— Боролись! Пацаны, что ли?

— Взрослый! — захохотал Егор. — Скажи ты, взрослый какой!

Егор не мог остановить смеха, что Гришку озлило еще больше. Лицо его вдруг побледнело, он схватил за одну ножку стул и медленно пошел на Егора. Но тот, на удивление, не отступил даже, спокойно, чуть выставив руку, сказал:

— Но-но, Гришка, я тоже могу! Остынь! Убыток беру на себя. Деньги, ты знаешь, у меня есть...

— Что мне деньги?! — Поставил стул на место Гришка. — Таких кроватей сейчас не найдешь! Да и магарыч опять потребуется за привоз...

— Я и магарыч учту. Сколько скажешь, столько и положу. Плюнь на все и разотри! Подумаешь... — брезгливо глянул на кровать Егор.

Внутренне Гришка был согласен с Егором, но вслух сказать не мог. Ворохнулась мысль, что можно даже получше найти кровать, а окажись она подороже — Егор заплатит... Только вот забот прибавляется. Надо в город ехать, с работы отпрашиваться, возиться с кроватью...

Егор словно догадался, о чем думает Гришка:

— Гукнешь — я прибегу, помогу, если что...

— Ладно, — наконец-то согласился Гришка, — только ты с деньгами не тани, а то меня жена из дому выгонит.

— Таких не выгоняют, — сказал Егор. — От таких уходят. Все бросают и уходят. Ладно, плесни на посошок, и я пойду.

Лицо Гришки мгновенно стало пепельно-серым. Его точно ударили под дых. Да еще и плеснуть просят! Он демонстративно отвернулся от стола, где стояла початая бутылка. Тогда Егор подошел и в оба стакана налил сам, один протянул Гришке, но тот не взял.

— Слава, давай с тобой, — предложил Егор. — Ты там с телевизором управился?

— Да. Но пить не буду.

— Ты уважаешь меня? Скажи, уважаешь?

— Я сказал!

Егор поставил стаканы на стол и решительно вышел из комнаты. Григорий со Славкой видели в окно, как он на ходу оделся, вскинул на плечо мешок с пилой и медленно пошел со двора.

ВЗРЫВ

Хутор, куда поспешно отступили наши солдаты, разбросал свои хатенки по широко распахнутому степному лугу. По одну сторону от него — редкая россыпь невысоких дубков, лещины и боярышника, по другую — выжженный солнцем пустырь. Кучеров Тимофей много видел таких хуторов на своем веку, и все они казались ему похожими друг на друга.

Сам Тимофей тоже был деревенским. Перед войной пас в колхозе рабочих волов, поэтому его называли воловником. Внешне он был спокойным. Хотя душа его терзалась, мучилась, как всякая живая душа.

Знал Тимофей за собой слабость: оказавшись в новой обстановке, где нужно принимать какое-то быстрое решение, он терялся. Привык думать не спеша. И ничего не делал наскоро. Даже обтесывая кол, бывало, помянет его в руках, повертит и так и этак, а потом уж начинает тюкать топориком. Плетни он плел «в елочку». Красиво получалось. И Тимофей был очень рад, если кто-нибудь просил:

— Покажи, как надо лозу сгибать!

...В хуторе, куда они пришли, Кучеров не увидел ни одного плетня «в елочку».

Хозяйка, в хатенке которой разместились он и еще трое солдат, приветливо подала чистое полотенце, кружку с водой и сказала:

— Умывайтесь. Вот тут, над лоханью.

Тимофей слил каждому, все умылись, а ему воды не хватило. Он молча взял ведра и вышел из хаты.

— Колодец-то найдешь? — спросила хозяйка.

— Найду, — ответил он из сеней.

Посредине двора Кучеров остановился, одно ведро поставил на землю, другое стал вертеть в руках. Оно было сплюснуто, дужка изогнута так, что вот-вот могла выскочить из проушины. Тимофей осмотрелся и направился к сараю, из-под крыши которого торчал зубок бороны. Он был покрыт ржавчиной, словно капельками крови. Тимофей приладил к нему проушину и дернул, вернув ее в нужное положение, затем, не торопясь, выгнул боковину ведра.

Воды он принес полнехонькие ведра, точно она ни разу не плеснулась по дороге. Хозяйка это заметила и хотела похвалить солдата, но, улыбнувшись, сказала другое:

— Мой муженек, бывало, за это время успевал два раза к колодцу сходить...

Тимофей усмехнулся, промолчал. Отозвался его товарищ:

— Муженек, говоришь?

— Ага. Тоже воюет где-то. Может, слышали? Ткачев Иван Пантелеевич.

— Не приходилось...

— На хуторе мы одни Ткачевы. Меня так и зовут — Ткачиха. Так не слышали?

— Нет, хозяйшкa. Война всех перемешала. Где Ткачев, где Сидоров? Миллионы ведь с мест посрывались...

— И то правда, — вздохнула хозяйка.

В хату вошел командир. Все встали. Хозяйка подала стул, но он садиться не стал. Отдал Кучерову приказ охранять склад боеприпасов, пока не подойдет транспорт, и вышел.

— Я тут блинков хотела напечь, — сожалеюще сказала хозяйка, глядя, как один из постояльцев собирается в дорогу.

На пост Кучеров прибыл к вечеру. А ночью пошел дождь, и у Тимофея, как всегда в непогоду, заныла сломанная когда-то нога. Он и сидел, и ходил, и растирал ее ладонями — ничего не помогало. Боль утихла только к утру.

На рассвете унялся и дождик. Небо стало чистым, ясным, улыбочивым. Переобувшись, Тимофей пошел вдоль склада. В утренней тишине не верилось, что по полям и долам ползет война, и показалось Тимофею, что он обходит не склад боеприпасов, а скотный двор, и что за плечами у него не винтовка, а пастушья палка.

Вдруг где-то далеко ухнуло — раз, другой... Затем ближе. Послышались глухие пулеметные очереди. Тимофей посмотрел в сторону хутора: не едут ли за боеприпасами. Но никого не было видно. Взрывы участились.

Взошло солнце. На шоссе, тянувшейся в километре от склада, Тимофей увидел машины-полуторки. Наши! Машины тянули за собой пушки. Следом за ними показались подводы, колесные тракторы. Из степи вывернулось ревущее стадо коров.

Кучерову стало не по себе. Ротный, старшина, солдаты — где они сейчас? Снялись с места, а о нем забыли? Этого не должно быть!

Машины, повозки, стадо двигались в тыл. Появились колонны солдат. Брели устало, понуро... Тимофей провожал глазами одну колонну за другой. Порой ему казалось, что вот прошла последняя, а следом — немцы. Его брала оторопь. Но появлялись новые колонны, и у Тимофея отлегал от сердца.

Но что же ему-то делать? Может, выйти на дорогу и влиться в этот поток отступающих? А склад кто будет охранять? Пост же! А если действительно о нем забыли? Тогда что — стоять до немцев, до пули в лоб или до плена?

Смерть Тимофей видел не раз — сбоку. Но в свою не верил. Не верил — и все! Не может быть, чтобы его не стало на свете! Как же будет жить без него Марийка с детками-кнопущками?

Ему опять показалось, что колонна проходит последняя, что наших за нею уже больше не будет. Тимофей посмотрел еще раз в сторону хутора и пошел от склада. Шел, спотыкался и оглядывался. Остановился, постоял. И повернул назад. Будь что будет!

А звуки боя все ближе. Где-то уже недалеко рвалось и ухало, строчило и свистело.

С дороги то и дело доносилось:

— Под-тянись!.. Под-тяни-и-и-сь!..

И Тимофея неудержимо потянуло к своим. Он подошел к шоссе, поинтересовался у текущей мимо колонны, ни к кому отдельно не обращаясь:

— Куда путь держите, земляки?

Ему не ответили.

— Какая часть, браточки? — спросил Тимофей.

Несколько лиц повернулось в его сторону, какой-то щуплый солдатик в замызанной шинели и надвинутой на уши пилотке, шедший с краю, крикнул что-то, махнув рукой по ходу движения колонны, но Тимофей ничего не разобрал. Он повернулся к складу и долго смотрел на него, размышляя о чем-то. Потом, высмотрев идущего сбоку колонны лейтенанта с перевязанной рукой, подбежал к нему:

— Товарищ лейтенант! Там снаряды... Боеприпасы!..

Лейтенант окинул его невидящим взглядом, с неохотой разлепил спекшиеся губы.

— А ты кто?..

— Часовой я. Склад меня охранять поставили...

— Ну вот и охраняй, раз поставили!

Тимофей остановился. Несколько минут стоял как в забытии, ничего не замечая кругом. Очнулся, когда его окликнули:

— Чего стоишь, красноармеец?

Трое бойцов, отставших от колонны, с тяжелыми сумками за плечами, выслушав его, поспешили к складу. Торопливо заложили взрывчатку и отбежали в лоцинку:

— Ложись!

Прошла минута, другая...

— Что ж оно?.. — приподнялся Матвей. — Не так, должно, сробили, хлопцы. Не по-хозяйски... Он вдруг поднялся и побежал к складу.

— Наза-ад!.. Куда ты?! — закричали ему вслед.

В этот миг рвануло.

Когда в ушах взрывников отзвенело, один из них сказал с горечью:

— Хозяин!.. — И завернул крутым трехэтажным матом.

Такого взрыва в хуторе никто и никогда не слышал. Ткачиха присела на лавку и перекрестилась. Ей показалось, что взорвалось рядом, за стеной ее хатенки. Грудь сдавила тоска, и почему-то в памяти всплыл солдат, починивший ей вчера ведро. Она долго и неотрывно смотрела в окно — туда, откуда несло густым черным дымом, окутывающим хутор.

Александр Михайлович Колосов родился в 1960 году в селе Залиман Богучарского района Воронежской области. Трудится на разных работах. Стихотворным творчеством увлекается со школьных лет. Публиковался во многих районных газетах Воронежской области. Активный участник региональных бардовских фестивалей. Член клубов стихотворцев «Поэтический Богучар», «Родник», синтез-клуба «Синяя птица». Живет в селе Залиман Богучарского района.

Александр Колосов

ПОЛДЕНЬ

* * *

Я женские целую руки,
И мне становится тревожно.
Несут они через разлуки
Тепло, легко и осторожно.
Хранят они нас и спасают
От всех невзгод и смертной скуки.
И кажется мне, верно знают
Секрет, неведомый науке.
Ночей бессонных многорядье
Они, склоняясь у колыбели,
Под светлым пологом России
Печальные нам песни пели.
От стирки руки огрубели,
Но им доступно лишь искусство
Будить в нас светлое от века
И вечно огненное чувство.
За наше счастье и удачу
Под упоительные звуки
Между вчера и вешним завтра
Я женские целую руки.

* * *

Опять в душе твоей мятеж.
Слезами не залить.
А нужно так! Не торопясь,
Молчать и дальше жить.
Спокойно гладить и стирать,
Готовить налегке.

В окно глядеть: кто это там
Маячит вдалеке?
Прости, все это твой удел,
Не вечный, лишь пока
Надежды белые холсты
Сплетают облака...

* * *

Хорошо ли прежде было,
Иль дела совсем плохи —
В тополиную корзину
Собирал свои стихи.

Сплел ее — на стол поставил,
Светло-серая она
И когда метет зимою
За окошком кутерьма.

Лишь глаза прикрою — запах,
Тополиный терпкий дух
Мне опять напомнят полдень,
Парк в цвету, зеленый луг.

И летит вдаль до окраин
На прохожих и старух...
...Благодатный, невесомый
Тополиный белый пух...

* * *

Мой храм свои вздымает купола
До самых звезд, а может быть, и выше.
Войди в него, оставь свои дела и помолчи:
Пусть станет в мире тише.

На изумрудах вечных алтарей
Покоятся цветы, слова и звуки.
Почувствуй мимолетность этих дней
И остуди натруженные руки.

Мой храм зеленый шелестом ветвей
Развеет скорбь и боль, тоску и скуку
На выжженных ристалищах полей
Он за тебя встает на смерть и муку...

Николай Мефодьевич Ковалёв родился в 1940 году в городе Краснодоне Луганской области УССР. Окончил отделение журналистики Ростовского государственного университета. Работал в колхозе «Красный Дон» Богучарского района, заместителем главного редактора районной газеты «Сельская новь», в райкоме КПСС, администрации Богучарского района. Публиковался в периодических изданиях Воронежской области. Член Союза журналистов СССР. Живет в Богучаре.

Николай Ковалёв

НУ, ЧТО ТЕБЕ СКАЗАТЬ...

Рассказ

...Ну что тебе сказать про Сахалин?
На острове нормальная погода...

Услышав песню, он резко, даже в сердце кольнуло, привстал. Так и стоял, полусогнувшись, пока не прозвучал последний аккорд. Только тогда вяло опустился на диван, закрыл глаза, слабая улыбка оживила бесцветные губы...

* * *

...Они шли и шли, держась за руки. Давно отзвучал музыкой, песнями, бессвязными разговорами, веселым смехом выпускной университетский вечер, проведенный в летнем кафе, перестали доноситься голоса с речного песчаного берега, куда перебрались после закрытия кафе. А они шли и шли по непривычно пустынным улицам притихшего ночного южного города. Шли молча; изредка, когда попадали под конусы света уличных фонарей, бросая друг на друга улыбочивые взгляды, пока не забрели в какой-то узкий, совсем тесный переулок. Она остановилась, прислоняясь спиной к забору:

— Господи, как же я устала! Ног не чую. Сейчас упаду.

Он придвинулся вплотную, робко-бережно положил руки на талию:

— А я на что? Не поддерживаю, что ли? Только не надолго. Завтра... нет, уже сегодня разведемся. Неужели навсегда? Может, расскажешь что-нибудь? Такое, чтобы помнил всю жизнь.

Она в самое ухо улыбочиво-нежно красиво пропела:

Ну что тебе сказать про Сахалин?
На острове нормальная погода...

Он крепко обнял ее:

— Ой, Света, как же я люблю!

Она испуганно отстранилась:

— Ты свихнулся, что ли? Я ж замужем. У меня ж Настюшка. А ты...

— А что я?

— А ты про любовь. Какая любовь может быть у нас? Глупости!.. Нет, если честно, ты мне небезразличен. Даже симпатичен. Немножко. Но...

— Никаких «но». Полюбил — и точка. Но ты-то тут причем?

Она даже растерялась:

— Я не причем? Ничего не понимаю. Чего несешь? Вроде бы и не пьяный.

— Говорю, а не несу, — серьезно, даже обиженно ответил он. — И говорить буду, что очень я люблю этот самый Сахалин.

Она опешила, растерянно выдавила:

— Любишь?.. Сахалин?..

— Ну да. А что — нельзя?

— Можно, конечно, можно. Надо же — Сахалин?! А я думала... Дура. Дура с высшим образованием и новеньким дипломом.

И уже спокойнее:

— А ты что, бывал там?

— Где? На Сахалине? Никогда!

— Совсем заморочил. А как же любовь? Откуда?

— Так там же нормальная погода.

И они громко, тревожа ночную тишину, рассмеялись. Первой опомнилась Света:

— Тихо, тихо, ты. Людей побудим. И знаешь — пошли. Малым детям спать пора. Рассвет скоро. А нам еще идти и идти. К тому же мы заблудились, кажется.

Опять пошли рука в руке. На этот раз молчали недолго. Заговорила она, усмехаясь:

— Ох, напугал ты меня.

— Чем же это, позвольте узнать, красавица?

— Признанием в любви, конечно. Очень оригинальным. Я-то подумала — мне объясняешься. Испугалась — сердце в пятки. Все было так по-настоящему.

— А я тебя разочаровал?

— Ну, немножко есть, чего уж. Даже обидно как-то. Ну да ладно. Главное — другое: опять напугал. Второй раз за вечер к тому же. Больше так не шути.

— Ладно, не буду. Прости. А когда это в первый раз твое сердечко так встревожилось?

— Не догадываешься? А по пути из кафе на речку, когда заходили на квартиру, чтобы я поменяла туфли с отлетевшей шпилькой. Я уже дверь в дом открыла, туфлю сняла, на одной ноге стояла. А ты — как коршун на голубку. Ну, медведь! Так обнял — кости затрещали! Не думала я, что ты

такой страстный. С полуоборота завелся, скромник. Целуешь — дохнуть нечем. А я на одной ноге, с туфлей в руке. Ну, думаю, все, Светик, вляпалась, простите меня, муженек да доченька, если сможете... А ты опять удивил. Благородством своим. Ни с того ни с сего вдруг перестал целовать, обнимать... Спасибо. Оказывается, встречаются еще у нас «лычари».

— Ага, будешь рыцарем, когда тебя колотят туфлей по спине.

— Так она ж без шпильки.

— Все равно больно. А если бы по мордам достала? Что потом про синяки-царапины говорить?

И они снова рассмеялись. Опять весело, громко. Никак не могли успокоиться. Но когда подошли к дому, где она квартировала во время экзаменационных сессий, Света заволновалась:

— Тревожно мне что-то. За тебя. Темень, ночь. Как бы чего не случилось. Боюсь. Может, останешься? Хоть до рассвета.

— Ты что? А хозяйка?

— А мы тихонько шмыгнем в мою комнату. Она не услышит. Что, боишься, «лычарь»? Тогда тут, у дома посидим. Или еще побродим. Хотя устала, прям, на тротуаре готова лечь спать.

— Да я не о твоей хозяйке, Света, — перебил он. — О своей говорю. Испереживалась вся, наверное.

— А, ну да! Дура я дипломированная. Беги. А то еще в милицию позвонит твоя Анна Кирилловна. Пропал, мол, мой любимчик.

И ласково чуть коснулась его губ своими. Даже в спину подтолкнула. Уже вслед добавила:

— Только проводишь приходи. Не проспи, рыцарь мой...

Он не проспал. Минут за пятнадцать до отхода поезда стоял на перроне, нежно, чуть касаясь, обнимал за тонкую талию, с трудом сдерживаясь, чтобы не поцеловать ее родинку-горошинку на белой шее, у самых волос. И поцеловал бы, если бы не две однокурсницы, уезжавшие одним поездом со Светланой. Стояли, говорили ни о чем, беспричинно смеялись. Пока не окликнула их статная моложавая проводница:

— Граждане отъезжающие, прошу в вагон. Сейчас отправляемся. А ты, гражданин провожающий, прощайся. Пора.

Света повернулась к нему печально улыбающимся лицом, с блеснувшими в глазах слезинками:

— Ну, пора, рыцарь мой. Не надо «прощай». Мы еще встретимся.

— Где? — сдавленно спросил он.

— Как где? — искорка метнулась в слезинках глаз. — На Сахалине. Забыл? Сам же свидание там назначил.

— Где-где? — округлила большие глаза одна из сокурсниц — высокая, стройная Рита. — На Сахалине? Вот здорово!

— Ты верь им больше, — рассмеялась вторая, Инна. — Они же шутят. Разыгрывают нас.

— Ничуть не разыгрываем, — серьезно сказала Света. — Там и встретимся. А теперь отвернитесь — целоваться будем...

* * *

...Потом были письма. Одно, второе, третье, шестое... Каждое на трех-четырёх листах, причем сдвоенных, из ученической тетради, плотно, будто медовые соты, заполненных мелкими буквами, содержание которых невозможно было пересказать. Ибо писала она обо всем и вроде бы ни о

чем конкретно. О работе и тут же — о ссоре с мужем, о новом платье, о Настюшке. Перескакивая с одного на другое, путано, бестолково. Получалась нескладуха, «тазик оливье, перемешанный с салатом», как она сама выразилась в одном из писем.

Он тоже отвечал. Правда, не на каждое письмо. И укладывался на одном листке, а то и на страничке стандартной бумаги. О чем писать? Работа есть работа. Что еще? О футболе ей неинтересно, о рыбалке тоже. О неприятностях — зачем? У нее своих хватает. В последнем письме, где-то через полгода, как расстались, сообщил: «Женюсь. Через месяц свадьба».

Ответ получил спустя две недели. Как раз накануне регистрации: «Поздравляю. Желаю счастья. Сахалин не отменяется?»

Это было последнее и самое короткое ее письмо, которое, прочитав, бросил в печку, чтобы невеста не прочла...

* * *

В хмельной радости медового начала семейной жизни он и не заметил, что Света перестала писать. Дальше вовсе не до того было. Работа без оглядки на часы и дни недели, а там рождение дочки, карьерный рост. Перевод в областной центр. Потому Света, ее письма, считай, и не вспоминались. Так, иногда, мимолетно, по случаю. И жизнь незаметно наматала на невидимом спидометре до десятка лет. Так бы и дальше, наверное, продолжалось, если бы...

Это произошло в субботу, когда он, пользуясь отсутствием будничной суеты, разбирал накопившиеся бумаги. И застыл вдруг, держа в дрогнувшей руке какое-то официальное письмо. Застыл, услышав из приемника:

Ну что тебе сказать про Сахалин?
На острове нормальная погода...

Закрыв глаза, вспоминая, переживая. Хотя, собственно, что произошло тогда? Да ничего особенного. Они до последней перед госэкзаменом сессии были «здравствуй» и все. Началось все случайно в кафе, когда шумной компанией зашли туда «обмыть» удачно сданный экзамен. Все возбужденные, радостные, шутили, смеялись, чему помогало и украдкой разливаемое спиртное, тайком принесенное с собой. Был «сухой период», когда ни продавать, ни распивать спиртное в кафе и других точках общепита не разрешалось. Света за сдвинутыми столами случайно оказалась рядом с ним. Сидели тесно, он даже чувствовал сквозь одежду ее колено, бедро. И испытывая приятное волнение от находившейся рядом молодой красивой женщины, пошутил:

— А можно спросить, милая девушка? Хотелось бы знать: ваше имя соответствует фамилии? Они в ладу между собой? Или, может, наоборот?

— Как это? — удивилась она, улыбаясь.

— Ну, как? Зовут Света и сама вся светленькая, беленькая. А фамилия Темнова. Так, может, и душа — потемки?

— Еще чего! Догадливый! У, нехороший человек, — больно толкнула в бок маленьким, но твердым кулачком.

Потом всей компанией перебрались в парк. Опять смеялись, шутили, подкалывали друг друга — «пар спускали». И как-то так получилось, что остались на скамейке они вдвоем, а сумерки неожиданно закрылись в парк. Она забеспокоилась:

— Ой, совсем засиделись. И наших уже никого.

Он осторожно накрыл ее руку своей:

— Ага. А можно я провожу?

— Что значит «можно»? Нужно, дорогой. Что, зря столько времени с тобой убили?

И поднялась, не отнимая руку. Так и пошли...

* * *

Ну и что? Ну, проводил, крепко пожал руку при расставании. Правда, потом, когда были на пляже, они ускользнули от сокурсников. Особенно от назойливо пытавшегося за ней ухаживать тоже заочника, офицера из Баку. Катались на речном трамвайчике. Еще как-то смотрели вдвоем кино с красавицей Софи Лорен в главной роли — про вчера, сегодня, завтра.

А что так страстно целовались, до хруста в костях обнимались, когда заходили поменять туфельки, так это ж, наверное, вино разогрело кровь. Да и скорое расставание подвигло на откровенное выражение чувств, заставило гулять чуть ли не до рассвета. Не говорили, но сердцами понимали, что такое может и не повториться.

И не ошиблись. Может, потому он торопливо схватил ручку, не в силах сдержать дрожь в руках, написал на чистом листе бумаги: «Здравствуй, Света!..» И закидал вопросами: «Как ты? Что ты? Работа? Семья? Как Настюшка?..»

О себе — так, мимоходом. Попросил ответить.

Очень удивился, получив через пару недель свое же письмо, на котором прямо по адресу Светланы мелкими красивыми буквами, наверное, тамошний почтальон начертил: «Адресат выбыл. Уехала на Сахалин...»

— На Сахалин? — вслух удивился он. — Мистика какая-то.

И, бессмысленно повертев конверт, бросил его на дно нижнего ящика рабочего стола.

* * *

Вскоре почти забылся этот странный порыв с написанием письма Светлане, все больше сглаживались в памяти черты ее лица, те события из их юности, те чувства, что так взволновали, когда услышал песню.

А что? Со временем не поспоришь. Тем более, когда оно наслаивается десятками лет, заполненных заботами, тревогами, чаще бедами и горестями, чем радостями, порой очень большими, незабываемыми на всю оставшуюся жизнь, такими как, уход в мир иной в мир самых близких людей: бабушки, матери, жены...

И вот вроде бы и не жил, а на тебе — пенсионер. Тут же стали заявлять, требовать к себе внимания всякие-разные болячки. И никуда от них не денешься. Даже спасибо скажешь, если какой-то день не напоминают о себе назойливо и настырно. Так что схема жизни — диван-кухня-туалет — тоже имеет свои маленькие радости. Все нормально, как положено жизнью, правильно.

Чего еще мне надо? Пенсионер, к тому же со стажем, уходящее поколение. Хотя зачем Бога гневить. Может ведь сходить в магазин за хлебом, в поликлинику к врачу, в аптеку за лекарством, лечь в больницу (ну, это иногда) под капельницу. Так что есть чем душу отвести. Грех жаловаться...

А вот опять — эта песня. Всколыхнула память, заставила колотиться сердце, перевернула душу...

* * *

Дочь плакала, не утирая слез:

— Ну, что ты надумал, папа? В такую даль. В твоём возрасте. У тебя ж сердце. Ты даже не найдешь ее, мне кажется.

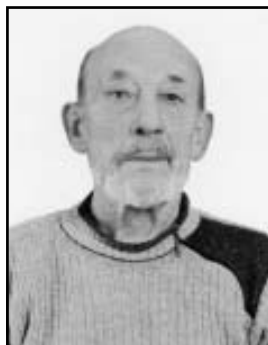
Внучка капризно кривила губы:

— Ты совсем сбрендил, дед? Брось гнать пургу. Сдай эту бумажку. А деньги — мне. Прикинь: такой прикид куплю — пацаны за меня дуэлиться станут.

Он молчал, вертя в руках билет на самолет. Не дождавшись от него ни слова, дочь и внучка вышли. Стоявший все это время у двери внук присел рядом, накрыл его морщинистую высохшую руку своей, прогудел ломающимся баском:

— Ладно, дед, действуй, коль надумал. Свидание — дело святое. Держись! И возвращайся поскорей. Расскажешь потом про свой Сахалин.

□ □

Николай Иванович Черных родился в 1937 году в селе Дерезовка Верхнемамонского района Воронежской области. Агроном по образованию. Работал в хозяйствах Богучарского района. Первые его стихи были напечатаны в газете «Пионерская правда». Публиковался в журнале «Сельские зори», в коллективных сборниках. Автор книг «Полевые цветы», «Мое избранное», «Не мне судить», «Деревенское лето». Живет в селе Дерезовка Верхнемамонского района.

Николай Черных

ЖУРАВЛЬ И КУКУШКА

* * *

Снова осень. Опять журавли
Улетают в далекие страны.
Тяжкий стон над простором земли
Кровоточит душевную раной.

До зимовок пути не близки,
Небо птичьему крику не внемлет.
Этот крик, будто сгусток тоски,
Оседает дождями на землю.

Мне тот крик так несложно понять —
Эти боль и тоска мне знакомы.
Приходилось и мне тосковать
Вдалеке от родимого дома.

Ах вы, птицы мои, журавли,
Непоседы, скитальцы земные!
Если б молча лететь вы могли,
Покидая гнездовья родные!

Сеет осень снега и дожди
Через тело небесного сита.
Много бед на далеком пути
И потерь на отрезках транзита.

Машут птицы усталым крылом,
В неизвестность уносятся птицы,
Свято помня, что с первым теплом
Надежит им назад возвратиться.

Потому, что у них не отнять
Вековую привязанность к дому...
Но когда-то и нам улетать
В мир иной, никому не знакомый.

Жизнь — движенье в земном колесе,
Так Создателем мир наш устроен,
В этом мире кочевники все,
Никому нет под солнцем покоя.

Но хочу я, чтоб вы, журавли,
Не в ущерб кочевому закону,
Над простором России могли
Пролетать без печального стога.

Чтобы вы и небесная даль
Были вечно хранимые Богом,
Чтоб отныне тоску и печаль
Вы с собою не брали в дорогу.

* * *

Выше круч прибрежных на степном просторе,
К горизонту плавно потеснив поля,
На холмах белесых в вековом дозоре
Деревенька милая моя.

Много раз за годы облик свой меняла,
Много раз судьбою битая была.
Но своих позиций в жизни не сдавала
И своей дорогой в мире шла.

Вперемешку вехи радости и горя,
В зарослях событий быта колея,
Но стоит поныне на степном просторе
Деревенька милая моя.

На судьбу не ропщет, ко всему привычна,
Для стола державы хлебушко растит.
Не в почете нынче у властей столичных,
Но достойно продолжает жить.

Круглый год в деревне трудностей хватает —
Без проблем в подлунном мире не прожить.
Трудится деревня, рук не покладая,
И славянский дух в душе хранит.

На степном просторе по пластам столетий,
Выгоном упершись в ближние поля,
Разлеглась над Доном лучшая на свете
Деревенька милая моя.

* * *

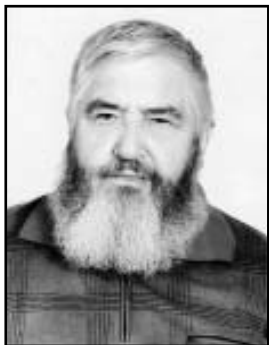
За околицей спят тополя,
Зацепилась луна за верхушки,
Отдыхает от зноя земля
Под охрипшие стоны кукушки.

Речки сонная чуткая гладь
До рассвета расслабила нервы,
Не боятся подольше поспать
Век отжившие старые вербы.

Дышат паром вздохом камыши,
Паутиною плечи укутав...
А кукушка считает в тиши
Чьи-то годы, а чьи-то — минуты.

Ах, бездетная птица-вещун!
Постарайся хоть раз ошибиться,
Дай в душе из оборванных струн
Песням юности вновь возродиться.

Дай мне время их снова пропеть
И с тональности нужной не сбиться...
Если в жизни всего не успеть —
Значит, можно и не торопиться.

Николай Ефимович
Николюкин родился в 1940 году в селе Краснофлотское Петропавловского района Воронежской области. Окончил Тамбовский государственный педагогический институт. Работал учителем, журналистом. Публиковался в региональной печати, коллективных сборниках. Автор книг прозы «Планида», «Маралий корень», «Разноцветье», «Свет лампы» и др. Живет в селе Филоново Богучарского района Воронежской области.

Николай Николюкин

ОТВЕТНЫЙ ВЫСТРЕЛ

Рассказы

Отплясала, отшумела свадьба. Долго еще будут вспоминать ее в Лысогорке. И гостей было много, и столы богаты. Горины выдавали замуж свою единственную дочь. Оттого и не скупилась.

А сегодня тихо за столами, заваленными посудой с остатками пищи. Хозяева, Сергей Иванович и Мария Павловна, сидят молча, поодаль друг от друга. Но вот Сергей Иванович глубоко вздохнул и произнес негромко, но твердо:

— Ну вот, Маша, и подросла пора моему ответному выстрелу...

— О чем ты? — не поняла та.

— Ухожу я от тебя, Маш.

— Куда? — все еще не понимая, спросила жена, но уже почувствовала холодок и еле ощутимую боль в груди.

— Рана-то, Маш, нанесенная тобою, болит. До сих пор болит.

Жена опустила голову. Опять тишина. Оба задумались. И дума их была об одном и том же.

...На их свадьбе и гостей было поменьше, и столы беднее. И только веселья было столько же. А может, и больше. В крайнем случае, жениху, до безумия влюбленному в самую красивую в Лысогорке (да что там — во всем мире!) Машу свадебные дни

казались исключительно счастливыми и веселыми. И он никак не мог понять, отчего такие красивые голубые глаза Маши часто затуманивались слезой. Почему она плачет? Ведь она идет к человеку, страстно любящему ее и готовому для нее на все. Может быть, не любит? Но Маша снова улыбалась, слезы быстро высохли на ее длинных ресницах, и сомнения Сергея исчезали.

Но свадебное веселье кончилось, пролетели прелести медового месяца. А будни есть будни. Маша работала в бухгалтерии, Сергей — в мастерской. Лучшего токаря в хозяйстве не было.

А уж как любили молодожены друг друга! Едва кончалось рабочее время, спешили домой со страстным желанием увидеть друг друга. При такой огромной любви и счастье, казалось, должно быть бескрайним. А его почему-то не хватало.

Истомленное ожиданием лицо Сергея при виде спешащей домой жены осветилось на миг лучом радости и тут же стало тускнеть, угасать, на нем появились признаки безразличия и даже злости. «Опять опаздывает. Нарочно она задерживается, что ли? Знает ведь, как я ее жду», — кипело в голове Сергея. Хотя он понимал, что работники бухгалтерии готовят годовой отчет, и каждому приходится задерживаться.

«К чему спешила? Работала без перерыва. Хоть бы слово сказал. Хоть какое да слово. А то молча сопит да подозрительно смотрит. Неужто сомневается в моей любви? Для него же ничего не жаль», — с горечью думала Маша, не находя объяснения поведению мужа.

После такого дня ночь была не лучше. В постели лежали спиной друг к другу. Долго не могли заснуть.

«Не любит, — думал Сергей. — Делает вид, что не замечает, как я расстроен ее опозданием. Одно бы ласковое слово, и я, кажется, простил бы ее, ведь я ее так люблю».

«Надулся, как мышь на крупу, — глотая слезы, думала Маша. — А еще говорит, что любит. Нет, не любит он меня. Это я, дура, из-за любви своей к нему так страдаю. А ему хоть бы что. Ух, каменюка холодная!»

Рождение дочери лишь на некоторое время немного ослабило напряженность в супружеских отношениях, после чего она еще больше обострилась, грозя катастрофой.

Последнее время Сергей очень нервничал. Он ходил с ощущением, как будто в него сзади целились из ружья. И он ждал выстрела. Однако прозвучал он для него неожиданно.

«Милый, — услышал он, шагая из мастерской домой по светлой березовой аллее с редкими кустами смородины, голос жены, явно обращенный не к нему. — Поцелуй меня еще раз... еще... еще... — страстно просил голос жены.

Осторожно заглянув за куст смородины, Сергей увидел свою жену в объятиях шофера Петьки Чусова. Сначала Сергей как бы окаменел, зажав в руках ветки смородины, затем сердце его сильно заработало, кровь прихлынула к вискам, отчего Сергей почувствовал даже боль в затылке. Может быть, он неловко пошевелился или ветка хрустнула в руке, но спрятавшиеся за кустом заметили его и, отскочив друг от друга, бросились бежать. Вскоре послышался шум мотора, и машина, громыхая железным кузовом, умчалась прочь.

Сергея охватила ярость. «Убью стерву!» — скрипнув зубами, прошептал он, торопливо направляясь по тропинке к дому. В голове все путалось, четко вырисовывалась лишь обида, нанесенная женой. Но вот шаги его

замедлились, а вскоре он и совсем остановился. Перед глазами неожиданно возникло милое, улыбающееся личико дочери. «А что станет с ней?» Несмотря на жгучую обиду, Сергей почувствовал свою ответственность за судьбу этого чистого, незащитного, крошечного человека. Он застонал, повалился на траву под березой, застыл надолго. А когда встал, решение было принято. Единственно возможное в данной ситуации.

Жена, заливаясь слезами, повалилась в ноги Сергею, умоляя бранить ее любыми словами, бить, но только простить. Лицо Сергея было суровым и спокойным. Он молчал. Маша, выдохнувшись, воскликнула: «Да скажи же ты хоть слово!» Сергей сглотнул ком, мешавший ему говорить, и хриплым голосом произнес: «Твой выстрел удачен. Вряд ли я смогу от него оправиться. Но я вправе на него ответить. Я не смогу сейчас этого сделать из-за дочери. Но право на ответный выстрел я за собою сохраняю».

Много лет прошло с того дня. Горины вырастили дочь-красавицу, выучили ее педагогическому делу. И никто из сельчан не мог сказать, что в этой семье что-то неладно. Не замечала этого и дочь, не удивляла ее и неразговорчивость отца. Только Мария Павловна, все глубже познавая характер мужа, все больше убеждалась, что прощения ей не будет. И ждала. Ждала ответного выстрела.

И вот сегодня она приняла его тихо и безропотно. Лишь голова ее грустно опустилась на грудь, отчего из-под белого платка выбились пряди начавших сесть волос. «Когда аукнулось, — горестно думала Мария Павловна. — А ведь не забылось, откликнулось». Она не представляла, как будет жить без мужа. Но стало почему-то легче, словно упал с души тяжелый камень, все время мешавший свободно вздохнуть.

ДВЕ СТАРУХИ

Баба Дуня жила на свете восьмой десяток лет. Годы подточили здоровье: сердце сдало и глаза ослабли. Несмотря на это, баба Дуня суетилась по дому, хлопотала на огороде. Огород у нее тянулся до самого оврага, по широкому дну которого протекал ручей, росли густые заросли ивняка и высокие вербы. В пышной кроне одной из верб жила другая старуха. Ни она сама, никто другой не знал точно, сколько лет она жила на свете, так как птицам свидетельств о рождении не выдают. Но это была очень старая ворона! Волосы бабы Дуни и перья вороны были одного цвета — серо-пепельного.

Познакомились они давно, когда ранним летним утром после первой брачной ночи тогда еще молоденькая розовощекая Дуняшка бежала, позвякивая ведерками, к колодцу по тропинке, вьющейся по отлогому склону оврага. Ворона, тогда еще тоже молодая и задиристая, сидела на высоко задравшемся конце жердины журавля и спокойно наблюдала за Дуняшкой. «Кыш, кыш!» — стала прогонять ее Дуняшка и замахала ведерками. Ворона неохотно взлетела и сердито закаркала: «Кар! Кар-р-р!» Тут же откуда-то появился ее друг, и они вместе стали кружить над колодцем и портить Дуняшке веселое настроение своим противным карканьем.

На другое лето ворона наблюдала, как счастливая Дуняшка радовалась своему первенцу, голубоглазому, розовощекому, как мама, сынишке. «И что это она ему так радуется, — думала удивленная ворона. — Я вон сколько воронят вырастила. А где они теперь? Нет их.

Выросли, выпорхнули из гнезда и поминай, как звали. А она, дура, радуется».

Видела ворона Дуняшку в великом горе, когда она с лицом, залитым слезами, с распущенными волосами, держа на одной руке маленького сынишку, другой тащила за собой старшего, бежала по пыльному проселку за уходящим от нее мужем. Тогда плакали в каждом дворе. Чаще всего тогда ворона слышала слово «война».

После этого обычно веселая Дуняшка улыбалась только тогда, когда хромой почтальон приносил ей белый треугольничек. Ворона думала: «Если эти треугольнички так радуют человека, почему же этот хромой так редко носит их?»

Но однажды почтальон принес такое, отчего Дуняшка отчаянно вскрикнула и упала, как подстреленная, стала рвать на себе волосы, а затем прижала к себе испуганных сынишек, вздрагивая всем телом.

На другой день она шла к колодцу, низко опустив голову, покрытую черным платком, из-под которого выбивалась прядь волос, посыпанных мукою. Ворона удивилась, что с опрятной Дуняшкой могло случиться такое, пролетела низко над ее головой и поняла, что это была не мука. Теперь у Дуняшки были такие волосы, и с годами они становились все белее и белее.

Многие годы ворона и Дуняшка встречались редко. У каждой свои заботы. Чаще они стали встречаться после того, как ворона потеряла в одну из зимовок своего верного друга. Зазевавшись на помойке, он попал на завтрак коту-бродяге. Ворона после этого уже никуда отсюда не улета-ла. Приглаживая как-то перья, она заметила, что они такого же цвета, как волосы у Дуняшки. Ворона стала энергично отряхиваться, но это не помогло, перья остались серыми.

Дуняшка уже давно была баба Дуня. Жила с младшим сыном, растила внуков. Однажды морозным зимним утром она увидела на заборе взъерошенную ворону, голодным тоскливым взглядом следящую за трапезой шустрых белоснежных кур.

— Что, подружка, — добродушно сказала баба Дуня, — голод не тет-ка. Где же твои воронята?

Ворона на это только молча покрутила головой и зябко передернула крыльями.

Бабе Дуне стало жаль старую ворону. Она бросила ей к забору горсть золотистых зерен пшеницы. Ворона комом свалилась с забора на снег и стала жадно глотать зерна. Насытившись, она повеселела и, как могла добродушно прокаркав «Кар! Кар-р-р!», улетела.

С тех пор она каждое утро питалась на птичьем дворе бабы Дуни. Но к весне вышел конфликт. Баба Дуня заметила, что ворона крадет куриные яйца. Обозвав ворону воровкой, баба Дуня прогнала ее вон. Ворона обиделась и, зная, что баба Дуня слаба глазами, стала украдкой проби-раться в курятник. Обнаружив на огороде пустую скорлупу от яиц, баба Дуня начинала ругать ворону:

— Как же тебе не стыдно, старая плутовка? Я ли тебя зимою не кор-мила? Так-то ты платишь за мое добро. Уж, я тебя, носатая! — грозила она кулаком.

Ворона спокойно смотрела на старуху сквозь густую листву вербы и думала: «Проворонила, старая калоша. Сама знаешь, что брань на боку не лежит. Как я сегодня вкусно поела. А знала бы ты, старая калоша, что у меня на обед было, ты бы еще не так ругалась. Но ты еще вспомнишь

пословицу: цыплят по осени считают. Так-то, подружка. А завтра еще что-либо бог пошлет».

Так и живут две старухи. Зимой мирно да ладно, а только наступит весеннее тепло, тут их дружбе конец. Хотя ссорятся они беззлобно, только для вида. Гонит баба Дуня летом ворону со двора, а нет ее два-три дня, и спешит старуха в конец огорода, кричит:

— Жива ли ты, старая?

Заслышав старухин голос, ворона отзывается:

— Кар-р-р!

Стоит только вороне несколько раз побывать на старухином дворе и не увидеть ее, усаживается она на высокую телевизионную антенну, что установил старухин сын, и начинает громко каркать. Услышав ворону, баба Дуня выходит во двор.

— Да жива я еще, жива. Еще погоняю за тобой, носатая.

И обе, успокоившись, приступают к своим делам.

*Стихи
богучарских
поэтов*

КОВЫЛЬНЫЕ ХОЛМЫ

Светлана Плындина

* * *

Лето. Си́реневый вечер,
Влажный туман над рекою,
Шепчет, ласкаясь, ветер
И шелестит листвою.

Вот соловей защелкал,
Затих... И опять — ни звука.
Где-то собака залаяла
Как-то лениво и глупо,

Смолкла. И снова тихо,
Ветер кудри ласкает,
Еле заметно колышет,
По ниточке перебирает.

Вот где-то вскинулась рыба.
Опять соловей защелкал,
И понеслось, поехало
По впадинам, по проселкам
Льют соловьиные трели,
Друг друга перебивая...

Спасибо, родная сторонка,
За то, что ты есть такая!

* * *

Здравствуй, любимый мой, здравствуй,
Скромно пришла доложить:
— Хочешь, бери меня — властвуй!
Мне без тебя не жить!

Мне без тебя — не смеяться,
Сколько ни хохочи.
Не хлопотать приятно
У разогретой печи.

Мир без тебя — полнеба,
Полсолнца и поллуны,
Вкус не почувствую хлеба
И ключевой воды.

Мне ведь так мало надо,
Когда я одна, без тебя,
Я погашу лампаду,
Не разожгу огня...

А может быть все иначе:
Сиянье в глазах, легкий шаг,
И, в сердце радость не пряча,
Мы станем сильнее во сто крат...

Утро с моею улыбкой
И на столе — пироги,
Если ты хочешь, милый,
Я отдаю — бери!

Галина Рогачева

* * *

На первый взгляд — наивна и проста,
И, кажется, доверчива — однако...
Ты не спеши оставить в дураках:
Смеется тот, кто также может плакать.

И ты забудь превратности судьбы,
Иди по жизни — честною дорогой,
Людей хороших — больше, чем плохих,
Я знаю точно, их на свете — много!

Геннадий Собко

ИЗ «БАЛЛАДЫ О ГОРОДЕ БОГУЧАРЕ»

Ты смотришь со склона ковыльных холмов
В далекие дали минувших веков,
Там память покрыта времен пеленой,
Столетия стоят за твоею спиной.
Три века твои как торжественный дар
Ты нам преподносишь, седой Богучар.

Ты видишь за гранью ушедших веков
Лихие ватаги твоих казаков.
Там буйная удаль и воля степей
Менялись на плаху и тяжесть цепей.
Там жизнью платили, познав и презрев
И царскую милость, и царственный гнев.
Там грозных восстаний мятежный пожар,
Ты все это помнишь, родной Богучар.
А время неслось средь седых ковылей
На гривах степных быстроногих коней.
И мчались те кони вперед и вперед,
И был непреклонен истории ход.

Василий Курганский

ИЗ «КАЗАЦКИХ СОНЕТОВ»

За стрехой гнилою сарая саманного
Лежит чья-то сабля, во влаге ржавея;
Прносятся годы над тем мавзолеем
И в ржавчину крошат граффити чеканное.

Как медленно близится утро желанное!
Сквозь вечность, извивами сытого змея,
Несет новизну, что тотчас же старея
Хранит до поры сокровенное, главное.

В то утро желанное древний клинок
Скользнет из норы рыжих ножен,
И явственно скажет забытый Восток

Как ты, человек, в своих знаньях ничтожен,
Что вновь невозможный науками срок,
Написанный кровью — возможен!

Иван Черненький

ЛАМПАДА ДЕТСТВА

Родился я в тот год везучий,
Когда крещенская метель
Носилась, шапку нахлобучив,
Свою кружила карусель.

Свисали с хат продрогших гривы,
Как будто с белого коня.
На стеклах вязь узоров дивных
Как будто в сказке ожила.

Лампады свет в ночи усталой
Мерцал, пугая темноту.
Тепла в избушке было мало,
Хоть дым тянулся за версту.

А ветер рвал на части тучи,
Метался с песней под горой,
То вдруг споткнувшись возле кручи,
Скулил, как будто домовой.

Сидел у печки дед мой старый,
От печки свет играл в усах.
Молитву молвил он устало,
Звук отражался в образах.

В молитве той простая просьба,
Колодец только б не застыл.
Да чтоб скотине на подворье,
Мороз поменьше б навредил.

А ведь в стогу кончалось сено,
Плетень свалился в огород.
Но этим летом непременно,
Накосит сена на весь год.

Кружилась снежная поземка,
Как будто грелась над трубой.
Спала у луга наша речка,
Укрывшись шубой ледяной.

Вздыхал мой дед, вздыхала бабка,
Чуть наклонившись у стола.
Играл огонь и пела прялка,
Сучила нитку из узла.

А хата, что была за хата!
Столбы, сплетенные лозой.
И это было все когда-то,
Судьбы ведь не было иной.

Неслись по весям жизни годы
(Краюха хлеба да вода),
Бесилась зверем непогода,
Бросая с неба холода.

Но, несмотря на это время,
Нас было трое сыновей.
Мы подрастали, силой крепи,
Вдыхая запахи полей.

«Пусть в тесноте, но не в обиде», —
Отец сказал когда-то нам. —
Свой род и кров всегда любите.
И Бог возрадуется вам...»

Алексей Колесников

ШОЛОХОВСКАЯ ВЕСНА

К Дону тихому, глыбе гранита безликого
Привела от усадьбы к обрыву прямая аллея
У могилы писателя и гражданина великого,
Погрустив, постоял я, от солнца весеннего млея,

Над рекою спокойной сегодня ни всплеска, ни пороха,
Где-то рядом на ветках заливисто пел соловей,
А гранит молчаливый с скупой насечкой — Шолохов
Навсегда, на века заменил для него мавзолей,

Завершая свой жизненный путь, убеленный сединами,
Он почти ежедневно на этом обрыве бывал,
На скамейке часами сидел он у Дона любимого,
О казачестве вольном, его возрожденье мечтал.

В казаке тяга к воле, свободе — особое качество,
Уничтожить его не сумел ни один лиходей.
Возродилось, как Феникс из пепла, донское казачество.
И в станицах не редкость увидеть в лампадах детей.

А весною съезжаются люди на песни застольные,
Почитая живущих и помня о тех, кто ушел.
У станицы встречают гостей казаки хлебосольные.
И как символ их воли — парит над степями орел.

Василий Федорович Непорожний родился в 1945 году в селе Липчанка Богучарского района Воронежской области. Окончил Воронежский государственный педагогический институт. Работал учителем, секретарем парткома, председателем колхоза в Богучарском районе. Публиковался в местной печати. Автор трех книг прозы. Имеет государственные награды. Является Почетным гражданином села. Член Союза журналистов России. Живет в селе Липчанке Богучарского района Воронежской области.

Василий Непорожний

КОРЕНЬ ЖИЗНИ

Рассказ

Целый год прошел, когда, похоронив жену, Кузьмич стал потихоньку привыкать к одинокой жизни. На поминках сыновья звали его жить к себе, но он категорично отказался: куда трогаться с места на склоне лет? Чтобы как-то скрасить свое одиночество он остался работать на стройке, благо, были еще силы. Да ковырялся в огороде, где посадил какие-то чудо-корешки, привезенные сыновьями. За прошедший год он получил от них всего два письма, в которых, наряду с пожеланиями здоровья, были и советы по выращиванию «корней жизни», как они их называли. Оказывается, надо ждать пять лет, чтобы их можно было как-то использовать. Кузьмич твердо запомнил и настоящее название корешков: «жень-шень». Он посадил его в уголке огорода, а чтоб можно было не опасаться, что ненароком корни поднимут плугом, Кузьмич отгородил этот уголок кольями.

Настойку, трехлитровую банку которой на пробу привезли сыновья, Кузьмич продегустировал вместе с соседом Петром. Она пришлась по вкусу. Теперь Кузьмичпил ее малюсенькой стопкой, как советовали сыновья, три раза в день перед едой и даже как будто помолодел. Петро тоже перестал жаловаться на ноги, а в разговоре с Кузьмичом со смехом как-то заметил:

— Ну и настоечка! Жена не нахвалится.

Кузьмич ответил серьезно:

— То-то же. Не зря говорят, что она мужикам силу дает. Только не надо увлекаться: месяц попил — и перерыв, потом снова.

— Да у меня уже закончилось все. Не отольешь ли еще немного?

Кузьмич не стал жадничать:

— Так и быть, приходи завтра, пол-литра еще налью, едят ты мухи.

Петр пришел, как и условились, утром. Заходя во двор, он поприветствовал хозяина, и когда Кузьмич налил в бутылку обещанное, спросил:

— Никак у тебя еще соседи объявились, Кузьма Кузьмич?

— Какие соседи, едят ты мухи.

— А кто в Корнеев дом вселяется?

— Какие новоселы?! А ну-ка, пошли!

Возле заброшенного дома Корнея слышалась возня. Петр и Кузьмич подошли ближе и увидели, что какая-то женщина тужится оторвать доски, которыми были заколочены ставни.

— Это что же за разбой, едят ты мухи, — крикнул Кузьмич. — Я вот тебя сдам куда надо...

Но его перебил Петр:

— Да никак Варька! Откуда ты взялась?

— Оттуда, — нехотя ответила женщина.

— А что ты, Варюха, едят ты мухи, не привечаешь соседей, — назидательно заметил Кузьмич. — Как-никак рядом жили, да я вижу, и жить-то будем.

— Приветишь тут, — пытаюсь поддеть доску топором, ответила Варвара.

— Ладно, не бабское это дело, — сказал Кузьмич, отодвигая Варвару в сторону. — Посиди тут, а мы в минуту уговорим.

Пока Петро беседовал с землячкой, он принес гвоздодер и быстро отодрал доски с пяти окон.

— Ну, Варюха, я же сам забивал, мне пришлось и отрывать. Такое вот дело, едят ты мухи, — подытожил Кузьмич, усаживаясь на скамейку рядом с Петром и Варварой. Ветхая скамейка не выдержала и рухнула.

— Все обветшало, — поднимаясь, промолвил Кузьмич. — Везде руки требуются.

Кузьмич знал Варвару с детства, как-никак соседи. У ее отца, Корнея, он многому научился, тот был знатный бондарь, да и по дереву мастер. Корней был лет на пятнадцать старше и лет пять как его не стало, но Кузьмич до сих пор не забыл его уроки. Помнил он и то, как Варвара сбежала с заезжим «шибаем» на край света за длинным рублем, объявилась аж в Хабаровском крае и эти двадцать лет ни разу не приезжала домой.

Когда зашли в хату, Кузьма Кузьмич только покачал головой, а Петр сразу смекнул, в чем дело.

— Ты, Варька, не унывай. Мы и крыльцо починим, и крышу подлатаем, и половицы переберем. Это выльется в пять пузырей первача...

Кузьма Кузьмич неодобрительно взглянул на Петра и сурово сказал:

— Ты, Петро, помолчи. Не по-соседски магарычи сшибать, едят ты мухи. А ты, Варюха-горюха, не суетись. Пока убирайся, а об остальном мы потолкуем после.

Весть о приезде Корнеевой Варвары быстро облетела село. К домику Корнея потянулись женщины, чтобы помочь навести порядок. Через три

дня подворье засияло чистотой. Тогда и Кузьма Кузьмич наведался к Варваре.

— Я тут кое-что покумекал и решил, что ремонт сделаю сам, — прямо с порога заявил Кузьмич.

— Да проходи, Кузьмич, присаживайся, а потом о деле потолкуем, — засуетилась Варвара, быстро накрывая на стол.

Кузьма Кузьмич степенно уселся и, поглядывая на сновавшую туда — сюда Варвару, начал выпрашивать, что да как. Обо всем она рассказала: и как сбежала с Зауром в Хабаровск, и как там долго бедствовали они без денег да жилья, пока Заур не сколотил бригаду, и как муж два года назад утонул в реке Амур, а она осталась одна, потому что Бог не дал деток, и как ее вытурили из квартиры, дескать, жилье служебное. Вот и вернулась домой. Выслушав исповедь, Кузьма Кузьмич рассудительно заметил:

— Материал у меня найдется, дело сварганим. Домик будет, как при Корнее.

— А какую же плату востребуешь, Кузьмич?

Он долго думал, потом, пристально глядя на Варвару, с нажимом сказал:

— А после того, как тебе моя работа понравится, «уважишь» меня, старика, я и денег не возьму.

— «Уважу», Кузьмич, — усмехнулась Варвара.

— То-то, гляди, слово не воробей, — подытожил Кузьмич.

Более месяца провозился Кузьмич с ремонтом, так как привык делать все основательно, на совесть, как и подобает уважающему себя мастеру. Собрав инструмент, он смел в кучу и вынес обрезки, прочий мусор и, предупредив Варвару, что часа через два придет за расчетом, ушел. Дома Кузьмич сбрил седую окладистую бороду, вымылся, приделся и пошел к соседке. Переступив порог, он был удивлен богато сервированным столом, не удержался и заметил:

— Не надо было тратиться. Пить я не пью, а что касается еды, то одного борща и хватило бы, а ты наготовила, как на гулянку.

Варвара не узнала Кузьмича, так он изменился без бороды.

— Ты помолодел лет на двадцать, Кузьмич, — не удержалась она. — Прходи за стол. Перед обедом настоячки моей попробуешь, раз не пьешь водку.

— Настойку можно, это не во вред.

Варвара налила по малюсенькой стопке.

— Ну, Варюха-горюха, будем расчет держать? — спросил Кузьмич, когда с обедом было покончено.

— Почему бы не «уважить» хорошего человека, — игриво ответила Варвара, подходя к двери и закрывая ее на крючок.

То, что произошло потом, Варвара помнит как в сладком сне. Ее первыми словами были:

— Ну, Кузьмич, выходит, не я тебя, а ты меня «уважил». Прямо, от души «уважил».

Кузьмич в ответ только хмыкнул: получив таким образом расчет, он был донельзя доволен и собой, и Варварой. А Варвара, оставшись одна, призадумалась, как быть? Целую неделю она не показывалась на глаза Кузьмичу и размышляла: ей стукнет в будущем году сорок, а за плечами ни детей, ни опоры в жизни. Кузьмич значительно старше ее, но еще бодр, молодым не уступит. Да и в годах ли дело? И она решила. Преодолев стыд, Варвара пришла в субботний день к Кузьмичу и напрямик сказала:

— А не «уважишь» ли меня еще, Кузьмич?

Все повторилось у них таким же медовым образом. Больше сомнений у Варвары не осталось, но Кузьмич ее опередил. После их очередной встречи, глядя прямо в глаза Варваре, не сказал, а приказал:

— Переходи-ка в мой дом хозяйкой, хватит бегать туда-сюда!

На другой день они подали заявление в сельсовет и зажили вместе. В селе посудачили-посудачили да и перестали, а когда Варвара родила близнецов мальчиков, все ахнули. Но этим дело не закончилось. Через год появились еще две девочки. Варвара была на седьмом небе от счастья, а Кузьмич и впрямь выглядел молодцом и на шутки-прибаутки друзей отвечал гордо:

— Мы привыкли выпекать их дуплетом, едят тя мухи!

Старшие сыновья, казалось, позабыли об отце, растворившись далеко-далече от малой родины, правда, присылали телеграммы, поздравляя с юбилеем, но этим и ограничивались. Кузьмич со своей стороны написал им подробные письма о событиях своей жизни и посчитал, что совесть его чиста.

Так и промелькнули год за годом. Недавно Кузьма Кузьмич и Варвара были награждены еще одним счастьем: дочки, выйдя замуж, дружно одарили их внуками, которых назвали Кузьмой и Варварой в честь деда и бабки. А когда Варваре исполнилось шестьдесят, на шумном застолье в ответ на поздравления она сказала просто и честно:

— Не подкачала интуиция женская. Хорошо, что я тогда не побоялась и «уважила» моего Кузьмича!

А он, как всегда, подытожил:

— Тебе, Варя, спасибо за сыновей и дочерей. Обросли детьми и внуками, значит, крепко стоим на земле. В них корень жизни-то, едят тя мухи...

А глаза Варвары светились счастьем. Она смотрела на своего Кузьмича с таким обожанием, что, кажется, весь мир уместился в нем. Для нее это так и было на самом деле.

Александр Афанасьев

ВОЛШЕБНЫЕ СКАЗКИ

«...КАЖДАЯ ЕСТЬ ПОЭМА»

В нынешнем году у нашей сказки юбилей — 150 лет назад вышло в свет первое издание народных русских сказок А.Н. Афанасьева, книги, которая сопутствует детству многих поколений российских детишек до сегодняшнего дня. С научной стороны Александр Николаевич Афанасьев (1826—1871) известен как историк литературы и теоретик фольклора. А широко популярным он стал как издатель памятников народного творчества, и в первую очередь сказок, чем гордится Воронежская земля.

Афанасьев родился в городе Богучаре Воронежской губернии в семье уездного стряпчего. В городе Боброве, куда вскоре перевелся отец, протекало его детство. Систематическое образование получил в Воронежской гимназии, что позволило ему сдать вступительный экзамен в Московский университет. Учился он на юридическом факультете, хотя больше его влекло к истории, этнографии и литературе. Такова вкратце начальная жизненная канва создателя сказочного свода русского народа.

Как ни парадоксально, но судьба у нашей любимой сказки до появления сборника Афанасьева была незавидная. Переживала она и гонения, и хулу. В XII веке сказание сказок считалось ворожкой. А в XVII веке даже вышел царский указ, запрещающий колядовать, рассказывать сказки и загадывать загадки. Да и сам народ почитал свою сказку занятой безделицей, забавой бабушек да детишек, но никак не литературой и тем паче — творчеством. По большому счету, в то время подлинная народная русская сказка была почти неизвестна. Тогда выпускались лишь лубочные издания, всякого рода стилизованные обработки и переделки народных сказаний в авантюрные волшебные-рыцарские истории.

Понадобилась поэтическая прозорливость Пушкина, чтобы понять не только красоту, но и значение первоисточниковой сказки. От своей няни Арины Родионовны поэт записал семь сказок. Три из них — о царе Салтане, о мертвой царевне, о попе и Балде — подверглись литературной обработке и теперь известны нам со школьной скамьи. Но вовсе не занимательные сюжеты привлекали Пушкина в нянинских сказаниях. «Вечерами слушаю сказки, — пишет он брату, — и вознаграждаю тем недостатки проклятого своего воспитания. Что за прелесть эти сказки! Каждая есть поэма». Действительно, сказки — это душа народа, и, перевоспитывая себя на них, поэт, а за ним и многие прогрессивные люди той эпохи стали понимать, в чем «русский дух» и где «Русью пахнет».

Александр Николаевич Афанасьев

Словом, потребность в издании подлинно народных сказок была вызвана самой жизнью. Так появилось собрание из 8 выпусков «Народных русских сказок», собранных А.Н. Афанасьевым. В предисловии к изданию ученый подчеркивает «важное значение народных сказок как обильного материала для истории словесности, филологии и этнографии...» Он первым классифицировал сказки, разделив их на три группы — бытовые (новеллистические), волшебные и сказки о животных.

В свод народных русских сказок Афанасьев включил 610 текстов. Много это или мало? Мы даже не представляем, каким богатством обладаем. Афанасьевский вклад в эту сокровищницу сейчас составляет меньше десятой доли. По данным Юрия Смирнова, ведущего научного сотрудника отдела фольклора ИМЛИ РАН, одного из наиболее авторитетных специалистов в области славянского фольклора, всего опубликовано примерно 10 000 текстов сказок одной фольклорной общности — русских, украинских, белорусских. А в архивах лежит около 100 тысяч текстов разных видов народной прозы — сказок, быличек, преданий, устных рассказов. Все это ждет своих усердных и внимательных исследователей. А пока что собрание Афанасьева — одна из любимейших и наиболее читаемых русских книг. Он также широко известен как автор статей по славянской мифологии, которые были составлены затем в знаменитый трехтомник «Поэтические воззрения славян на природу». Редакция предлагает читателям прикоснуться к легендарным творениям Александра Николаевича Афанасьева.

Владимир НОВОСЁЛОВ

* * *

ИЗ КНИГИ «ПОЭТИЧЕСКИЕ ВОЗЗРЕНИЯ СЛАВЯН НА ПРИРОДУ»

До последнего времени существовал несколько странный взгляд на народные сказки. Правда, их охотно собирали, пользовались некоторыми сообщаемыми ими подробностями, как свидетельством о древнейших верованиях, ценили живой и меткий их язык, искренность и простоту эстетического чувства; но в то же время в основе сказочных повествований и в их чудесной обстановке видели праздную игру ума и произвол фантазии, увлекающейся за пределы вероятности и действительности.

Сказка — складка, песня — быль, говорила старая пословица, стараясь провести резкую границу между эпосом сказочным и эпосом историческим. Извращая действительный смысл этой пословицы, принимали сказку за чистую ложь, за поэтический обман, имеющий единую цель занять свободный досуг небывалыми и невозможными вымыслами.

Несостоятельность такого воззрения уже давно бросалась в глаза. Трудно было объяснить, каким образом народ, вымышляя фантастические лица, ставя их в известные положения и наделяя их разными вол-

шебными диковинками, мог постоянно и до такой степени оставаться верен самому себе и на всем протяжении населенной им страны повторять одни и те же представления.

Еще удивительнее, что целые массы родственных народов сохранили тождественные сказания, сходство которых, несмотря на устную передачу их в течение многих веков от поколения к поколению, несмотря на позднейшие примеси и на разнообразие местных и исторических условий, обнаруживается не только в главных основах предания, но и во всех подробностях и в самих приемах.

Что творится произволом ничем не сдержанной фантазии, то не в состоянии произвести такого полного согласия и не могло бы уцелеть в такой свежести; творчество не остановилось бы на скучном повторении одних и тех же чудес, а стало бы выдумывать новые. Доказательством служат все искусственные подделки под народные рассказы, подделки, в которых чудесное близко граничит с нелепицей и бессмыслием.

Итак, сказка не пустая складка; в ней, как и вообще во всех созданиях целого народа, не могло быть и в самом деле нет ни нарочно сочиненной лжи, ни намеренного уклонения от действительного мира. Предметом ее повествований был не человек, не его общественные тревоги и подвиги, а разнообразные явления всей обоготворенной природы. Оттого она не знает ни определенного места, ни хронологии; действие совершается в некое время в тридевяти царстве в тридесятом государстве; герои ее лишены личных, исключительно им принадлежащих характеристических признаков и похожи один на другого как две капли воды.

Чудесное сказки есть чудесное могучих сил природы; в собственном смысле оно несколько не выходит за пределы естественности, и если поражает нас своею невероятностью, то единственно потому, что мы утратили непосредственную связь с древними преданиями и их живое понимание...

1865

* * *

МАРЬЯ МОРЕВНА

В некотором царстве, в некотором государстве жил-был Иван-царевич. У него было три сестры: одна Марья-царевна, другая Ольга-царевна, третья Анна-царевна.

Отец и мать у них померли. Умирая, они сыну наказывали:

— Кто первый за сестер станет свататься, за того и отдавай — при себе не держи долго.

Царевич похоронил родителей и с горя пошел с сестрами во зеленый сад погулять.

Вдруг находит на небо туча черная, встает гроза страшная.

— Пойдемте, сестрицы, домой, — говорит Иван-царевич.

Только пришли во дворец — как грянул гром, раздвоился потолок, и влетел к ним в горницу ясен сокол. Ударился сокол об пол, сделался добрым молодцем и говорит:

— Здравствуй, Иван-царевич! Прежде я ходил гостем, а теперь пришел сватом: хочу у тебя сестрицу Марью-царевну посватать.

— Коли люб ты сестрице, я ее не держу — пусть идет.

Марья-царевна согласилась. Сокол женился и унес ее в свое царство. Дни идут за днями, часы бегут за часами — целого года как не бывало. Пошел Иван-царевич с двумя сестрами во зеленый сад погулять. Опять встает туча с вихрем, с молнией.

— Пойдемте, сестрицы, домой, — говорит царевич.

Только пришли во дворец — как ударил гром, распалась крыша, раздвоился потолок, и влетел орел. Ударился орел об пол и сделался добрым молодцем.

— Здравствуй, Иван-царевич! Прежде я гостем ездил, а теперь пришел сватом.

И посватал Ольгу-царевну. Отвечает Иван-царевич:

— Если ты люб Ольге-царевне, то пусть за тебя идет, я с нее воли не снимаю.

Ольга-царевна согласилась и вышла за орла замуж. Орел подхватил ее и унес в свое царство.

Прошел еще один год. Говорит Иван-царевич своей младшей сестрице:

— Пойдем во зеленый саду погуляем.

Погуляли немножко. Опять встает туча с вихрем, с молнией.

— Вернемся, сестрица, домой!

Вернулись домой, не успели сесть — как ударил гром, раздвоился потолок, и влетел ворон. Ударился ворон об пол и сделался добрым молодцем. Прежние были хороши собой, а этот еще лучше.

— Ну, Иван-царевич, прежде я гостем ходил, а теперь пришел сватом: отдай за меня Анну-царевну.

— Я с сестрицы воли не снимаю. Коли ты полюбился ей, пусть идет за тебя.

Вышла за ворона Анна-царевна, и унес он ее в свое государство. Остался Иван-царевич один. Целый год жил без сестер, и сделалось ему скучно.

— Пойду, — говорит, — искать сестриц.

Собрался в дорогу, шел-шел и видит: лежит в поле рать-сила побитая. Спрашивает Иван-царевич:

— Коли есть тут жив человек, отзовись! Кто побил это войско великое? Отозвался ему жив человек:

— Все это войско великое побила Марья Моревна, прекрасная королева.

Пустился Иван-царевич дальше, наезжал на шатры белые, выходила к нему навстречу Марья Моревна, прекрасная королева:

— Здравствуй, царевич! Куда тебя Бог несет — по воле аль по неволе?

Отвечает ей Иван-царевич:

— Добрые молодцы по неволе не ездят.

— Ну, коли дело не к спеху, погости у меня в шатрах.

Иван-царевич тому и рад: две ночи в шатрах ночевал. Полюбился Марье Моревне и женился на ней.

Марья Моревна, прекрасная королева, взяла его с собой в свое государство. Пожили они вместе столько-то времени, и вздумалось королеве на войну собираться. Покидает она на Ивана-царевича все хозяйство и приказывает:

— Везде ходи, за всем присматривай, только в этот чулан не заглядывай.

Он не вытерпел: как только Марья Моревна уехала, тотчас бросился в чулан, отворил дверь, глянул — а там висит Кощей Бессмертный, на двенадцати цепях прикован.

Просит Кощей Ивана-царевича:

— Сжался надо мной, дай мне напиток! Десять лет я здесь мучаюсь, не ел, не пил — совсем в горле пересохло.

Царевич подал ему целое ведро воды, он выпил и еще запросил:

— Мне одним ведром не залить жажды. Дай еще!

Царевич подал другое ведро. Кощей выпил и запросил третье, а как выпил третье ведро, взял свою прежнюю силу, тряхнул цепями и сразу все двенадцать порвал.

— Спасибо, Иван-царевич, — сказал Кощей Бессмертный, — теперь тебе никогда не видать Марьи Моревны как ушей своих.

И страшным вихрем вылетел в окно, нагнал на дороге Марью Моревну, прекрасную королеву, подхватил ее и унес к себе.

А Иван-царевич горько-горько заплакал, снарядился и пошел в путь-дорогу: «Что ни будет, а разыщу Марью Моревну».

Идет день, идет другой, на рассвете третьего видит чудесный дворец. У дворца дуб стоит, на дубу ясен сокол сидит. Слетел сокол с дуба, ударился оземь, обернулся добрым молодцем и закричал:

— Ах, шурин мой любезный!

Выбежала Марья-царевна, встретила Ивана-царевича радостно, стала про его здоровье расспрашивать, про свое житье-бытье рассказывать. Погостил у них царевич три дня и говорит:

— Не могу у вас гостить долго: я иду искать жену мою, Марью Моревну, прекрасную королеву.

— Трудно тебе сыскать ее, — отвечает сокол. — Оставь здесь на всякий случай свою серебряную ложку: будем на нее смотреть, про тебя вспоминать.

Иван-царевич оставил у сокола свою серебряную ложку и пошел в дорогу.

Шел он день, шел другой, на рассвете третьего видит дворец еще лучше первого. Возле дворца дуб стоит, на дубу орел сидит.

Слетел орел с дерева, ударился оземь, обернулся добрым молодцем и закричал:

— Вставай, Ольга-царевна, милый наш братец идет!

Ольга-царевна тотчас прибежала, стала его целовать, обнимать, про здоровье расспрашивать, про свое житье-бытье рассказывать.

Иван-царевич погостил у них три денька и говорит:

— Дольше гостить мне некогда: я иду искать жену мою, Марью Моревну, прекрасную королеву.

Отвечает орел:

— Трудно тебе сыскать ее. Оставь у нас серебряную вилку: будем на нее смотреть, тебя вспоминать.

Он оставил серебряную вилку и пошел в дорогу.

День шел, другой шел, на рассвете третьего видит дворец лучше первых двух. Возле дворца дуб стоит, на дубу ворон сидит. Слетел ворон с дуба, ударился оземь, обернулся добрым молодцем и закричал:

— Анна-царевна, поскорей выходи, наш братец идет!

Выбежала Анна-царевна, встретила его радостно, стала целовать-обнимать, про здоровье расспрашивать, про свое житье-бытье рассказывать. Иван-царевич погостил у них три денька и говорит:

— Прощайте. Пойду жену искать, Марью Моревну, прекрасную королеву.

Отвечает ворон:

— Трудно тебе сыскать ее. Оставь-ка у нас серебряную табакерку: будем на нее смотреть, тебя вспоминать.

Царевич отдал ему серебряную табакерку, попрощался и пошел в дорогу. День шел, другой шел, а на третий добрался до Марьи Моревны. Увидела она своего милого, бросилась к нему на шею, залилась слезами и промолвила:

— Ах, Иван-царевич, зачем ты меня не послушался — посмотрел в чулан и выпустил Кощея Бессмертного?

— Прости, Марья Моревна, не поминай старого. Лучше поедем со мной, пока не видать Кощея Бессмертного. Авось не догонит!

Собрались и уехали. А Кощей на охоте был. К вечеру он домой возвращается, под ним добрый конь спотыкается.

— Что ты, несытая кляча, спотыкаешься? Аль чуешь какую невзгоду?

Отвечает конь:

— Иван-царевич приходил, Марью Моревну увез.

— А можно ли их догнать?

— Можно пшеницы засеять, дождаться, пока она вырастет, сжать ее, смолотить, в муку обратить, пять печей хлеба наготовить, тот хлеб поесть да тогда вдогонь ехать — и то поспеем.

Кощей поскакал, догнал Ивана-царевича.

— Ну, — говорит, — первый раз тебя прощаю за твою доброту, что водой меня напоил, и в другой раз прощу, а в третий берегись — на куски изрублю.

Отнял у него Марью Моревну и увез. А Иван-царевич сел на камень и заплакал.

Поплакал-поплакал и опять воротился назад за Марьей Моревною. Кощея Бессмертного дома не случилось.

— Поедем, Марья Моревна!

— Ах, Иван-царевич, он нас догонит!

— Пускай догонит. Мы хоть часок-другой проведем вместе. Собрались и уехали.

Кощей Бессмертный домой возвращается, под ним добрый конь спотыкается.

— Что ты, несытая кляча, спотыкаешься? Аль чуешь какую невзгоду?

— Иван-царевич приходил, Марью Моревну с собой взял.

— А можно ли их догнать?

— Можно ячменю засеять, подождать, пока он вырастет, сжать-смолотить, пива наварить, вдоволь напиться, до отвалу наесться, выспаться да тогда вдогонь ехать — и то поспеем.

Кощей поскакал, догнал Ивана-царевича:

— Ведь я ж говорил, что тебе не видать Марьи Моревны как ушей своих! Отнял ее и унес к себе.

Остался Иван-царевич один, поплакал-поплакал и опять воротился за Марьей Моревною. На ту пору Кощея дома не случилось.

— Поедем, Марья Моревна!

— Ах, Иван-царевич, ведь он догонит, тебя в куски изрубит!

— Пускай изрубит, я без тебя жить не могу!

Собрались и поехали. Кощей Бессмертный домой возвращается, под ним добрый конь спотыкается.

— Что ты спотыкаешься? Аль чуешь какую невзгоду?

— Иван-царевич приходил, Марью Моревну с собой взял.

Кощей поскакал, догнал Ивана-царевича, изрубил его в мелкие ку-

ски и поклат в смоляную бочку, взял эту бочку, скрепил железными обручами и бросил в синее море, а Марью Моревну к себе увез.

В то самое время у зятьев Ивана-царевича серебро почернело.

— Ах, — говорят они, — видно, беда приключилась!

Орел бросился на сине море, схватил и вытащил бочку на берег. Сокол полетел за живую водою, а ворон — за мертвою.

Слетелись все трое в одно место, разрубили бочку, вынули куски Ивана-царевича, перемыли и склади как надобно.

Ворон брызнул мертвою водою — тело срослось, соединилось. Сокол брызнул живую водою — Иван-царевич вздрогнул, встал и говорит:

— Ах, как я долго спал!

— Еще бы дольше проспал, если бы не мы, — отвечали зятья. — Пойдем теперь к нам в гости.

— Нет, братцы, я пойду искать Марью Моревну.

Приходит к ней и просит:

— Разузнай у Кощея Бессмертного, где он достал себе такого доброго коня.

Вот Марья Моревна улучила добрую минуту и стала Кощея выпрашивать.

Кощей сказал:

— За тридевять земель, в тридесятом царстве, за огненной рекою живет Баба-яга. У ней есть такая кобылица, на которой она каждый день вокруг света облетает. Много у нее и других славных кобылиц. Я у нее три дня пастухом был, ни одной кобылицы не упустил, и за то Баба-яга дала мне одного жеребеночка.

— Как же ты через огненную реку переправился?

— А у меня есть такой платок — как махну в правую сторону три раза, сделается высокий-высокий мост, и огонь его не достанет.

Марья Моревна выслушала, пересказала все Ивану-царевичу. И платок унесла да ему отдала.

Иван-царевич переправился через огненную реку и пошел к Бабе-яге. Долго шел он не пивши, не евши. Попалась ему навстречу заморская птица с малыми детками. Иван-царевич говорит:

— Съем-ка я одного цыпленочка!

— Не ешь, Иван-царевич, — просит заморская птица. — В некоторое время я пригожусь тебе.

Пошел он дальше. Видит в лесу улей пчел.

— Возьму-ка я, — говорит, — сколько-нибудь медку.

Пчелиная матка отзывается:

— Не тронь моего меду, Иван-царевич. В некоторое время я тебе пригожусь.

Он не тронул и пошел дальше. Попадаетея ему навстречу львица со львенком.

— Съем я хоть этого львенка. Есть так хочется, аж тошно стало.

— Не тронь, Иван-царевич, — просит львица. — В некоторое время я тебе пригожусь.

— Хорошо, пусть будет по-твоему.

Побрел голодный. Шел-шел — стоит дом Бабы-яги, кругом дома двенадцать шестов, на одиннадцати шестах по человечей голове, только один незанятый.

— Здравствуй, бабушка!

— Здравствуй, Иван-царевич. Почто пришел — по своей доброй воле аль по нужде?

— Пришел заслужить у тебя богатырского коня.

— Изволь, царевич, у меня ведь не год служить, а всего-то три дня. Если упасешь моих кобылиц — дам тебе богатырского коня, а нет — то не гневайся: торчать твоей голове на последнем шесте.

Иван-царевич согласился. Баба-яга его накормила, напоила и велела за дело приниматься.

Только что выгнал он кобылиц в поле, кобылицы задрали хвосты, и все врозь по лугам разбежались. Не успел царевич глазами вскинуть, как они совсем пропали.

Тут он заплакал-запечалился, сел на камень и заснул.

Солнышко уж на закате, прилетела заморская птица и будит его:

— Вставай, Иван-царевич! Кобылицы теперь дома.

Царевич встал, домой пошел. А Баба-яга и шумит, и кричит на своих кобылиц:

— Зачем вы домой воротились?

— Как же было нам не воротиться! Налетели птицы со всего света, чуть нам глаза не выклевали.

— Ну, вы завтра по лугам не бегайте, а рассыптесь по дремучим лесам.

Переспал ночь Иван-царевич. Наутро Баба-яга ему говорит:

— Смотри, царевич, если не упасешь кобылиц, если хоть одну потеряешь — быть твоей буйной головушке на шесте!

Погнал он кобылиц в поле. Они тотчас задрали хвосты и разбежались по дремучим лесам.

Опять сел царевич на камень, плакал-плакал да и уснул. Солнышко село за лес.

Прибежала львица:

— Вставай, Иван-царевич! Кобылицы все собраны.

Иван-царевич встал и пошел домой. Баба-яга пуще прежнего и шумит, и кричит на своих кобылиц:

— Зачем домой воротились?

— Как же нам было не воротиться! Набежали лютые звери со всего света, чуть нас совсем не разорвали.

— Ну, вы завтра забегите в сине море.

Опять переспал ночь Иван-царевич. Наутро посылает его Баба-яга кобылиц пасти:

— Если не упасешь — быть твоей буйной головушке на шесте.

Он погнал кобылиц в поле. Они тотчас задрали хвосты, скрылись с глаз и забежали в сине море, стоят в воде по шею.

Иван-царевич сел на камень, заплакал и уснул. Солнышко за лес село, прилетела пчелка и говорит:

— Вставай, царевич! Кобылицы все собраны. Да как воротиться домой, Баба-яге на глаза не показывайся, поди в конюшню и спрячься за яслями. Там есть паршивый жеребенок — в навозе валяется. Ты возьми его и в глухую полночь уходи из дому.

Иван-царевич пробрался в конюшню, улегся за яслями. Баба-яга и шумит, и кричит на своих кобылиц:

— Зачем воротились?

— Как же нам было не воротиться! Налетело пчел видимо-невидимо, со всего света, и давай нас со всех сторон жалить до крови.

Баба-яга заснула, а в самую полночь Иван-царевич взял у нее паршивого жеребенка, оседлал его, сел и поскакал к огненной реке. Доехал до

той реки, махнул три раза платком в правую сторону — и вдруг, откуда ни взялся, повис через реку высокий, славный мост.

Царевич переехал по мосту и махнул платком на левую сторону только два раза — остался через реку мост тоненький-тоненький.

Попутру пробудилась Баба-яга — паршивого жеребенка видом не видать. Бросилась в погоню. Во весь дух на железной ступе скачет, пестом погоняет, помелом след заметает.

Прискакала к огненной реке, взглянула и думает: «Хорош мост».

Поехала по мосту, только добралась до середины — мост обломился, и Баба-яга в реку свалилась.

Тут ей и лютая смерть приключилась.

Иван-царевич откормил жеребенка в зеленых лугах — стал из него чудный конь.

Приезжает царевич к Марье Моревне. Она выбежала, бросилась к нему на шею:

— Как тебе удалось от смерти избавиться?

— Так и так, — говорит, — поедem со мной.

— Боюсь, Иван-царевич! Если Кощей догонит, быть тебе опять изрублену.

— Нет, не догонит! Теперь у меня славный богатырский конь, словно птица летит.

Сели они на коня и поехали.

Кощей Бессмертный домой ворочается, под ним конь спотыкается.

— Что ты, несытая кляча, спотыкаешься? Аль чувствуешь какую невзгоду?

— Иван-царевич приезжал, Марью Моревну увез.

— А можно ли их догнать?

— Не знаю. Теперь у Ивана-царевича конь богатырский, лучше меня.

— Нет, не утерплю, — говорит Кощей Бессмертный, — поеду в погоню!

Долго ли, коротко ли — нагнал он Ивана-царевича, соскочил наземь и хотел было сечь его острой саблей. В те поры конь Ивана-царевича ударил со всего размаху копытом Кощей Бессмертного и размогзил ему голову, а царевич доконал его палицей.

После того накидал царевич груды дров, развел огонь, спалил Кощей Бессмертного на костре и самый пепел его пустил по ветру.

Марья Моревна села на Кощева коня, а Иван-царевич на своего, и поехали они в гости сперва к ворону, потом к орлу, а там и к соколу. Куда ни приедут, всюду встречают их с радостью:

— Ах, Иван-царевич, а уж мы не чаяли тебя видеть! Ну, даром же ты хлопотал: такой красавицы, как Марья Моревна, во всем свете поискать — другой не найти.

Погостили они, попиروвали и поехали в свое царство. Приехали и стали себе жить-поживать, добра наживать да медок попивать.

ТРИ ЦАРСТВА — МЕДНОЕ, СЕРЕБРЯНОЕ И ЗОЛОТОЕ

В то давнее время, когда мир божий наполнен был лешими, ведьмами да русалками, когда реки текли молочные, берега были кисельные, а по полям летали жареные куропатки, в то время жил-был царь по имени Горох с царицею Анастасьею Прекрасною; у них было три сына-царевича. Стряслась беда немалая — утащил царицу нечистый дух. Говорит царю большой сын:

— Батюшка, благослови меня, поеду отыскивать матушку.

Поехал и пропал, три года про него ни вести, ни слуху не было. Стал второй сын проситься:

— Батюшка, благослови меня в путь-дорогу, авось мне посчастливится найти и брата, и матушку.

Царь благословил; он поехал и тоже без вести пропал — словно в воду канул.

Приходит к царю меньшей сын Иван-царевич:

— Любезный батюшка, благослови меня в путь-дорогу, авось, разыщу и братьев, и матушку.

— Поезжай, сынок!

Иван-царевич пустился в чужедальнюю сторону, ехал, ехал и приехал к синю морю, остановился на бережку и думает: «Куда теперь путь держать?»

Вдруг прилетели на море тридцать три колпицы, ударились оземь и стали красные девицы — все хороши, а одна лучше всех; разделись и бросились в воду.

Много ли, мало ли они купались — Иван-царевич подкрался, взял у той девицы, что всех краше, кушачок и спрятал за пазуху.

Искупались девицы, вышли на берег, начали одеваться — одного кушачка нет.

— Ах, Иван-царевич, — говорит красавица, — отдай мой кушачок.

— Скажи прежде, где моя матушка?

— Твоя матушка у моего отца живет — у Ворона Вороновича. Ступай вверх по морю, попадетя тебе серебряная птичка, золотой хохолок: куда она полетит, туда и ты иди.

Иван-царевич отдал ей кушачок и пошел вверх по морю; тут повстречал своих братьев, поздоровался с ними и взял с собою.

Идут они вместе берегом, увидали серебряную птичку, золотой хохолок, и побежали за ней следом. Птичка летела, летела и бросилась под плиту железную, в яму подземельную.

— Ну, братцы, — говорит Иван-царевич, — благословите меня вместо отца, вместо матери; опущусь я в эту яму и узнаю, какова земля иноверная, не там ли наша матушка.

Братья его благословили. Он сел на рели, полез в ту яму глубокую и спустился ни много ни мало — ровно три года; спустился и пошел путем-дорогою.

Шел-шел, шел-шел, увидал медное царство; во дворце сидят тридцать три девицы-колпицы, вышивают полотенца хитрыми узорами — городками с пригородками.

— Здравствуй, Иван-царевич! — говорит царевна медного царства. — Куда идешь, куда путь держишь?

— Иду свою матушку искать.

— Твоя матушка у моего отца, у Ворона Вороновича; он хитер и мудер, по горам, по долам, по вертепам, по облакам летал! Он тебя, добра молодца, убьет! Вот тебе клубочек, ступай к моей средней сестре — что она тебе скажет. А назад пойдешь, меня не забудь.

Иван-царевич покати клубочек и пошел вслед за ним. Приходит в серебряное царство; там сидят тридцать три девицы-колпицы. Говорит царевна серебряного царства:

— Доселева русского духа было видом не видать, слыхом не слыхать, а нонче русский дух воочию проявляется! Что, Иван-царевич, от дела лытаешь али дела пытаешь?

— Ах, красная девица, иду искать матушку.

— Твоя матушка у моего отца, у Ворона Вороновича; и хитер он, и мудер, по горам, по долам летал, по вертепам, по облакам носился! Эх, царевич, ведь он тебя убьет! Вот тебе клубочек, ступай-ка ты к меньшей моей сестре — что она тебе скажет: вперед ли идти, назад ли вернуться?

Приходит Иван-царевич к золотому царству; там сидят тридцать три девицы-колпицы, полотенца вышивают. Всех выше, всех лучше царевна золотого царства — такая краса, что ни в сказке сказать, ни пером написать. Говорит она:

— Здравствуй, Иван-царевич! Куда идешь, куда путь держишь?

— Иду матушку искать.

— Твоя матушка у моего отца, у Ворона Вороновича; и хитер он, и мудер, по горам, по долам летал, по вертепам, по облакам носился. Эх, царевич, ведь он тебя убьет! На тебе клубочек, ступай в жемчужное царство: там твоя мать живет. Увидя тебя, она возрадуется и тотчас прикажет: няньки-мамки, подайте моему сыну зелена вина. А ты не бери; проси, чтоб дала тебе трехгодовалого вина, что в шкапу стоит, да горелую корку на закусочку. Не забудь еще: у моего батюшки есть на дворе два чана воды: одна вода сильная, а другая малосильная; переставь их с места на место и напейся сильной воды.

Долго царевич с царевной разговаривали и так полюбили друг друга, что и расставаться им не хотелось, а делать было нечего — попрощался Иван-царевич и отправился в путь-дорогу.

Шел-шел, приходит к жемчужному царству. Увидела его мать, обрадовалась и крикнула:

— Мамки-няньки! Подайте моему сыну зелена вина.

— Я не пью простого вина, подайте мне трехгодовалого, а на закуску горелую корку.

Выпил трехгодовалого вина, закусил горелую коркою, вышел на широкий двор, переставил чаны с места на место и принялся сильную воду пить.

Вдруг прилетает Ворон Воронович; был он светел, как ясный день, а увидал Ивана-царевича — и сделался мрачней темной ночи; опустился к чану и стал тянуть бессильную воду.

Тем временем Иван-царевич упал к нему на крылья. Ворон Воронович взвился высоко-высоко, носил его и по долам, и по горам, и по вертепам, и по облакам и начал спрашивать:

— Что тебе нужно, Иван-царевич? Хочешь — казной наделю?

— Ничего мне не надобно, только дай мне посошок-перышко.

— Нет, Иван-царевич! Больно в широки сани садишься.

И опять понес его Ворон по горам и по долам, по вертепам и облакам. Иван-царевич крепко держится, налег всею своей тяжестью и чуть-чуть не обломил ему крылья. Вскрикнул тогда Ворон Воронович:

— Не ломай ты мои крылышки, возьми посошок-перышко!

Отдал царевичу посошок-перышко. Сам сделался простым вороном и полетел на крутые горы.

А Иван-царевич пришел в жемчужное царство, взял свою матушку и пошел в обратный путь; смотрит — жемчужное царство клубочком свернулось да вслед за ним покатилося.

Пришел в золотое царство, потом в серебряное, а потом и в медное, взял и повел с собою трех прекрасных царевен, а те царства свернулись

клубочками да за ними и покатились. Подходит к релям и затрубил в золотую трубу.

— Братцы родные! Если живы, меня не выдайте.

Братья услышали трубу, ухватились за рели и вытащили на белый свет душу красную девицу, медного царства царевну; увидали ее и начали меж собою ссориться: один другому уступить ее не хочет.

— Что вы бьетесь, добрые молодцы! Там есть еще лучше меня красная девица.

Царевичи опустили рели и вытащили царевну серебряного царства. Опять начали спорить и драться. Тот говорит:

— Пусть мне достанется! А другой:

— Не хочу! Пусть моя будет!

— Не ссорьтесь, добрые молодцы, там есть краше меня девица.

Царевичи перестали драться, опустили рели и вытащили царевну золотого царства. Опять было принялись ссориться, да царевна-красавица тотчас остановила их:

— Там ждет ваша матушка!

Вытащили они свою матушку и опустили рели за Иваном-царевичем, подняли его до половины и обсекли веревки. Иван-царевич полетел в пропасть, крепко ушибся и полгода лежал без памяти, очнувшись, осмотрелся кругом, припомнил все, что с ним случилось, вынул из кармана посошок-перышко и ударил им о землю. В ту ж минуту явились двенадцать молодцев.

— Что, Иван-царевич, прикажете?

— Вынести меня на вольный свет.

Молодцы подхватили его под руки и вынесли на вольный свет.

Стал Иван-царевич про своих братьев разведывать и узнал, что они давно поженились: царевна из медного царства вышла замуж за среднего брата, царевна из серебряного царства — за старшего брата, а его нареченная невеста ни за кого не идет. И вздумал на ней сам отец-старик жениться. Собрал думу, обвинил свою жену в совете со злыми духами и велел отрубить ей голову. После казни спрашивает он царевну из золотого царства:

— Идешь за меня замуж?

— Тогда пойду за тебя, когда сошьешь мне башмаки без мерки.

Царь приказал клич кликать, всех и каждого выспрашивать: не сошьет ли кто царевне башмаков без мерки?

На ту пору приходит Иван-царевич в свое государство, нанимается у одного старичка в работники и посылает его к царю:

— Ступай, дедушка, бери на себя это дело. Я тебе башмаки сошью, только ты про меня не рассказывай.

Старик пошел к царю:

— Я-де готов за эту работу взяться.

Царь дал ему товару на пару башмаков и спрашивает: — Да потрафишь ли ты, старичок?

— Не бойся, государь, у меня сын чеботарь.

Воротясь домой, отдал старичок товар Ивану-царевичу; тот изрезал товар в куски, выбросил за окно, потом растворил золотое царство и вынул готовые башмаки:

— Вот, дедушка, возьми, отнеси к царю.

Царь обрадовался, пристаёт к невесте:

— Скоро ли к венцу ехать? Она отвечает:

— Тогда за тебя пойду, когда сошьешь мне платье без мерки.

Царь опять хлопочет, собирает к себе всех мастеровых, дает им большие деньги, только чтоб платье без мерки сшили. Иван-царевич говорит старику:

— Дедушка, иди к царю, возьми материю, я тебе платье сошью, только про меня не сказывай.

Старик поплелся во дворец, взял атласов и бархатов, воротился домой и отдал царевичу. Иван-царевич тотчас за ножницы, изрезал на клочки все атласы и бархаты и выкинул за окно; растворил золотое царство, взял оттуда что ни есть лучшее платье и отдал старику:

— Неси во дворец!

Царь радехонек:

— Что, невеста моя возлюбленная, не пора ли нам к венцу ехать?

Отвечает царевна:

— Тогда за тебя пойду замуж, когда возьмешь старикова сына да вешишь в молоке сварить.

Царь не задумался, отдал приказ — и в тот же день собрали со всякого двора по ведру молока, налили большой чан и вскипятили на сильном огне.

Привели Ивана-царевича; начал он со всеми прощаться, в землю кланяться. Бросили его в чан: он раз нырнул, другой нырнул, выскочил вон — и сделался таким красавцем, что ни в сказке сказать, ни пером написать. Говорит царевна:

— Посмотри-ка, царь! За кого мне замуж идти: за тебя ли, старого, или за него, доброго молодца?

Царь подумал: «Если и я в молоке искупаюся, таким же красавцем сделаюся!»

Бросился в чан и сварился в молоке.

А Иван-царевич поехал с царевной из золотого царства венчаться; обвенчались и стали жить-поживать, добра наживать.

Иван Абросимский

ЖИЛ-БЫЛ ХУДОЖНИК...

(Творческий путь Александра Кищенко)

Среди незаурядных мастеров кисти Беларуси второй половины XX века достойное место занял россиянин с украинской фамилией — Кищенко Александр Михайлович. В Беларуси он жил и трудился треть века. Признательно-щедро она одарила его почетным званием Народного художника и самой высокой наградой — медалью Скорины.

Судьба распорядилась так, что он стал сыном трех славянских республик, что в пору СССР не являлось редкостью.

В России он родился и вырос, Украина ему предоставила возможность окончить Львовский государственный институт прикладного и декоративного искусства, а Белоруссия помогла в полную силу раскрыться его таланту.

Богучарский край, среднедонское предстепье, раскинувшееся на южной окраине Воронежской области, небольшой хуторок с поэтическим названием Белый Колодезь, где он появился на свет 13 мая 1933 года, стали его малой родиной.

Прислушайтесь к звучанию слов: Белый Колодезь... Белая Русь... Символично, не правда ли?

Предки Александра Михайловича от века были хлебопашцами. В голодные неурожайные годы, чтобы прокормить семью, мужчины срывались с подворий и уходили на заработки в дальние края, рискуя оттуда или вовсе не вернуться, или вернуться ограбленными и изувеченными.

Такая беда, по рассказам его матери Феклы Прокоповны, случилась и с ее отцом, вернувшимся с заработков с вывихнутой ключицей, но благодаря недюжинной физической силе сумевшим в схватке с грабителями отстоять свое добро.

Ее единственный сын Саша был похож на своего деда как две капли воды. Такой же крупноголовый, крепко сбитый телом, только чуть пониже ростом. От матери он унаследовал спокойные чистые глаза, добродушие, живое восприятие мира и легкий юмор.

За чашкой ли чая, за мольбертом, или на песчаном донском берегу, бывало, он рассказывал друзьям-товарищам о своем детстве и юности, о пережитой безотцовщине (отец погиб на фронте, и мать воспитывала сына одна). И все равно в его рассказах проступали светлые тона.

Рассказывал об учебе в Донецком ремесленном (с художественным уклоном) училище, после которого рабочие завода «Азовсталь» приняли его в свою семью маляром-альфрейщиком, а спустя время, в 1953 году, скинулись деньгами и по-отечески напутственно проводили на учебу в институт, хотя начальство отпускать его не хотело.

Вспоминал студенческие годы, незабываемое общение с педагогами и сокурсниками. Уважительно отзывался о преподавателе Романе Юлиановиче Сельском, который на курсе вел композицию. Восторгался живописцем Иваном Михайловичем Скобало, заботившемся о молодых талантах. Вспоминал неформальное общение с такими видными людьми Украины, как Бокшай, Монастырский, Эрдели.

Окончив институт, в 1960 году он переезжает в Киев и устраивается художником-исполнителем в творческую бригаду монументалиста И.С. Литовченко, у плеча которого почувствовал себя профессионалом и стал одним из создателей мозаичного панно института физиологии и защиты растений, ресторана «Метро», а также участником художественного оформления Киевского вокзала и станции метрополитена.

За три года работы в Киеве близко познакомился с такими известными деятелями культуры, как Рыбачук, Мельниченко, Котков, Якутович, Параджанов, общение с которыми подтолкнуло его к более глубокому изучению живописи отечественных и зарубежных мастеров, к штудированию классических законов художественной формы и композиции. «Я им обязан, помимо всего, еще и познанием жизни и людей, поскольку был молод и неопытен», — благодарно добавлял Александр Михайлович.

Женившись на Ангелине Петровне Бельтюковой, тоже талантливой художнице, он переезжает в Минск и более семи лет, участвуя в выставках, продолжая создавать художественные полотна, преподает в государственном театральном-художественном институте, ведя живопись и композицию на кафедре монументально-декоративной росписи.

Белоруссию он принял, как и она его, всей душой. Земля великих мастеров и художников, мыслителей и заступников — Франциска Скорины, Симеона Полоцкого, Семена Будного, Тадеуша Костюшко, Кастуся Калиновского, Якуба Коласа, Янки Купалы — не только восхищала, но и воодушевляла на творчество. Он глубоко проникся болью многогратального края, вынесенной в годы Великой Отечественной войны, где погиб каждый четвертый житель республики. Где борьба за свободу стала подвигом и легендой. Где патриотическая тема объединила живопись и графику, скульптуру и театр, кинематограф и литературу. При огромных человеческих жертвах и материальных потерях республика в числе первых в Союзе восстановилась, задав тон развитию экономики, культуры, науки, образования, искусств.

Расцвела литература. Поэзия М. Танка и П. Бровки, романы И. Мележа, И. Шамякина, повести Адамовича, В. Быкова стали известны не только в своей стране, но и за ее пределами.

Произведения композиторов В. Амовникова, Е. Глебова, И. Лученка, новаторские постановки драматических театров, новые оперы и балеты, нарядные архитектурные ансамбли площадей, улиц, стадионов было тоже результатом активной творческой жизни республики. Все это не могло не сказаться на молодых дарованиях, на их мировоззрении и творческом выборе.

Примечательно, что в разрушенном Минске в 1946 году, несмотря на послевоенные тяготы, был основан Белорусский государственный институт, где в 1953 году начал подготовку специалистов художественный факультет. Его выпускники вместе с вернувшимися или приехавшими в Белоруссию воспитанниками других художественных вузов страны, в числе которых был и Александр Михайлович Кищенко, а также живописцы старшего поколения сформировали активный творческий коллектив с яркими индивидуальностями, среди которых выделялись М. Савицкий, В. Громыко, Л. Щемелев, Г. Ващенко, А. Стельмашонок, Л. Дударенко.

В этот период, имея за плечами опыт работы, Александр Михайлович определял главные направления своего творчества. Особенность его художественного дарования, как отмечают многие искусствоведы, состоит в том, что он был художником-универсалом. Он легко и свободно владел станковой живописью и мозаикой, фреской и gobelеном, изразцовым панно и декоративной скульптурой, графикой и керамикой.

Александр Кищенко в мастерской

Уже в ранних его работах «Цирковой мальчик», «Девушка с арбузом», «Женя», «Девушка с подсолнухом» чувствовалась духовная наполненность его образов, способность автора заглянуть во внутренний мир человека и разглядеть в нем глубоко скрытое, загадочное. По утверждению художника, это был период «нащупывания своего «я», началом подхода к настоящей работе — период, когда приходилось много экспериментировать, сомневаться, бросать начатые холсты и приниматься за новые.

С МЫСЛЬЮ О КОСМОСЕ

В последующих произведениях «Огонь отцов», «Стяг», «Память подвига» он развивает идею высокого человеческого предназначения. Картина «Память подвига» посвящена покорителям космоса. В ней особенно четко проявилась одна из главных особенностей творческого мышления художника — приверженность к языку образной символики. На полотне — стремительно летящий в небе яркий клин из трех юношеских фигур. Внизу, на красной полосе, ожидающие их жены с детскими колясочками в руках, а по сторонам строгие фигуры часовых покоя.

Картина вызывает сильное внутреннее напряжение, волнение за тех, кто выходит в открытый космос, и одновременно чувство гордости за силу человеческого духа.

К теме космоса он обратился одним из первых в белорусской живописи, пытаясь философски осмыслить и по-своему раскрыть ее суть. Она прослеживается и в других его работах — «Свободный полет», «Рождение Ивана», «Стяг».

Десять своими задумками, однажды он сказал: «Хочу написать небо и женщину. Небо! Небо! Попытаюсь уложить на холст необъятность. С неплоти сделать плоть. Чтобы зрители почувствовали себя обитателями этого необъятного».

Мысль о космосе, казалось, в нем живет постоянно. В другой раз он заметил: «Гляжу на живот беременной женщины и он мне представляется загадкой, космическим чудом. Тоже просится на холст».

Необыкновенна его картина «Мать», в которой при первом же взгляде улавливаются чувства любящего сына. В ее спокойной, исполненной достоинства позы — уми-

ротворение и торжественность. Лицо ее благородно. Тонкие, крепко сжатые губы говорят о большой воле, внутренней собранности. Она кого-то ждет. Возможно, сына и его друзей. Сбоку кувшин молока, как символ добра и заботы о каждом, кто придет в ее дом.

Тема кровного родства, женского величия проходит через множество его семейных портретов — «Ангелина», «Мадонна», «Нина и Максим».

Особым мастерством отличаются его картины, написанные в зрелую пору: «Воскресенье», «Голубой день», «Вдохновение», «Зов моря», «На родине поэта», «Юность», «Разлив», «Сбор ягод», портреты Шолохова, Свиридова, Образцовой, целый ряд автопортретов, в каждом из которых тонко переданы чувства человеческой красоты и обаяния. Все они привлекают внимание необычностью настроения, гармонической связью с миром, согласием с природой, жизненной и художественной достоверностью.

Он очень требовательно относился к своему творчеству. В моем домашнем архиве сохранился этюд, где художник изобразил меня начинающим пчеловодом, а точнее, ловцом пчелиных роев, шагающим к лесной полосе с длинной веткой на плече и с марлевым мешочком на ней. Брюки закатаны до колен, навывпуск — легкая рубашка. На лице целеустремленность и надежда.

— В такой одежде рой снимать рискованно, — осторожно заметил я Александру Михайловичу.

— Да? — с бодрым удивлением произнес он, а через день полотно перегрунтовал и изобразил на нем что-то другое.

Острым и наблюдательным умом он пытался проникнуть в сложные и далеко еще не до конца познанные явления жизни, которые на переломе двух эпох остро заявили о себе на глазах мятущегося поколения. Размышляя о том, кто мы и что с нами происходит, он как-то сказал мне: «То ли мы Россию погубим, то ли Россия погубит нас. Как ты думаешь?» Я не был готов к ответу, тогда он добавил: «Время в самом деле непонятное...»

Многие философские искания художника отразились в его творчестве. Перенося тревожные события прошлых лет на свои полотна, он как бы говорит людям: от этого в мире пока никто не застрахован, все, к сожалению, повторяется. Не о том ли его картины «Мракобесы», «Боль поэта», «Осквернение храма», «Жертвы», «Убийство семьи Громовых»?

В ПОИСКАХ СЮЖЕТОВ

Художник был чуток к требованиям времени и живо на них откликался. В республике, как уже отмечалось, шло интенсивное развитие науки, литературы, искусства. Большой интерес проявлялся к интеллектуальной деятельности. Это находило отражение и в его произведениях, в центре которых оказывались писатели, композиторы, художники, архитекторы — достойные люди своей эпохи.

На моем столе разложено несколько цветных репродукций портретов известного всему миру художника слова Михаила Шолохова, знаменитого композитора Георгия Свиридова, не менее знаменитой артистки Елены Образцовой, искусствоведа Людмилы Крамаренко... У каждой картины своя любопытная предыстория.

Вспоминается поездка в Вешенскую. Надо было отвезти писателю удостоверение Почетного гражданина города Богучара, цветы и подарок — вазу, расписанную в стиле Хохломы талантливыми художницами местного сувенирного цеха, успевшего прославиться на всю страну.

В дорогу отправились четвером: первый секретарь райкома партии Николай Иванович Морозов, предрик Петр Данилович Попов, художник Александр Михайлович Кищенко и автор этих строк.

Михаил Александрович выглядел бодро и даже позволил себе выпить, угощая нас, рюмочку французского коньяка, правда, не сразу, а в несколько приемов.

Запомнилось, как заинтересованно беседовали за столом два мастера — художник слова и художник кисти — и то, каким озаренным с этой встречи Александр Михайлович вернулся домой, где сразу же засел за этюды, не откладывая создание портрета писателя в долгий ящик.

Портрет он дописал уже в Минске. И подарил его Богучару в знак глубокой любви к малой родине и к месту, где учился великий писатель. Он был бесконечно благодарен судьбе за эту встречу.

Портрет Елены Васильевны Образцовой напоминает мне о ее приезде в Богучар по приглашению Александра Михайловича и о нашем общем отдыхе на чудесном озере Песчаное, окаймленном с одной стороны сосновым лесом, а с другой — лиственным. Поселили ее с мужем и дочерью в уютном доме из трех комнат, который стоял среди сосен в считанных шагах от воды. Воздух, что родниковая вода — пьешь, не напьешься.

Поразила всех нас Елена Васильевна не только своим чудным голосом, а еще и необыкновенной любовью к лошадям. От тихой и послушной лошади лесника она не отходила часами, нежила ее, ласкала, кормила с рук чем-нибудь вкусненьким, ну и, конечно, садилась верхом и скакала по небольшому лужку туда и обратно.

Ближе к вечеру в просторной лесниковой избе собирались люди, отдыхающие на озере, лесорубы; и она с удовольствием пела им песни, общалась с ними, интересовалась их судьбами. Первое время они не могли даже поверить, что перед ними в такой глуши великая певица, которую знают и любят не только в своем Отечестве.

Именно там, на озере Песчаное, на моих глазах и рождался ее портрет, который с первого же этюда понравился и ей, и мужу, и дочери.

Никому из них не хотелось уезжать, но был срочный звонок, который настойчиво требовал ее в Москву, и они к концу недели отбыли, оставив добрую память о своем пребывании на Богучарской земле.

ЗОЛОТО И МЕРКНЕТ, И СИЯЕТ

Чувство колорита — ценнейший дар художника. Кищенко многое взял от русских живописцев В. Сурикова и В. Коровина, которые, как известно, были непревзойденными колористами.

Каждое его полотно детально продумано, четко организовано, интонационно выверено. Хотя при беглом взгляде фон отдельных картин может показаться несколько загроможденным. Такое впечатление могут вызвать богучарский гобелен «Родина» или портреты последних лет «Татьяна», «Ирина», «Наталья», «Портрет Галины Мануйловой». Но это только на первый взгляд. Стоит присмотреться внимательней, как все становится на свои места и оказывается, что в картинах ничего нет лишнего, второстепенные детали тонально приглушены, поэтому не подавляют главного.

Художник постоянно стремится к четкому построению композиции, к ее уравновешенности и завершенности, зная, что и размер холста, и соотношение светлых и темных пятен, и количество фигур, и высота линии горизонта — все должно иметь соразмерность и создавать гармонию.

Выходит, изображать — значит устанавливать соотношение между частями, связывать их в единое целое, добываясь этой самой гармонии?

— Именно так, — отвечал на мой вопрос Александр Михайлович и добавлял: — Композиция — это один из основных элементов изобразительной грамоты.

Потом долго и подробно рассказывал о композиционных схемах — об условных треугольниках, пирамидах, кругах, овалах, квадратах, прямоугольниках. Рассказывал так, словно верил, что это когда-нибудь мне пригодится.

Надо отметить, что поначалу в Белоруссии его творчество не было понято многими живописцами, в том числе и маститыми художниками. Поэтому ему казалось, что к нему относятся предвзято, воспринимают за чужака, и это отдавало болью в сердце. Он мучился душой, но не отступал от своих «канонов»; не меняя убеждений, продолжал поиски в искусстве. Его авторитет в республике рос с каждым днем.

Однажды мне довелось быть свидетелем жаркого спора художников и архитекторов города, собравшихся на зеленом дворике у здания, которое ждало реконструкции, и надо было обговорить важные детали, прежде чем приступить к созданию окончательного проекта.

О скульптуре, которая должна была стоять в центре дворика, договорились сразу; она была уже готова, каждый из присутствующих ее видел, поэтому никаких вопросов не возникало. Сыр-бор разгорелся, когда разговор зашел о художественном оформлении какой-то части здания и беседок. Говорили, перебивая друг друга, с ходу отрицали одно предложение за другим, сыпались обвинения в каких-то злоупотреблениях. Создавалось впечатление, что собрались совершенно несовместимые люди, не способные ни слушать, ни слышать.

Я стоял в стороне, в руках у меня был фотоаппарат и блокнот, в который я время от времени что-то записывал.

— А это кто? — указывая на меня, спросили двое у Александра Михайловича.

— Это мой друг, — сказал он и добавил: — Корреспондент газеты «Правда».

Позже он заметил, что и сам не знал, зачем сказал последнее. Вылетело без задней мысли. Вроде в шутку, а получилось всерьез. Но на ход событий оказало неожиданное влияние. После небольшого перекура дискуссия была еще более оживленной, но люди относились друг к другу уважительно, терпеливо выслушивали мнение каждого и разошлись с миром, приняв нужное решение.

— Грустно, — сказал по дороге домой Александр Михайлович, — грустно от того, что лекарем оказался страх...

Я понимал его, но для меня важно было другое, что к его мнению старались прислушаться с самого начала многие, хотя он не повышал голоса и не рвал на себе рубашку. Значит, коллеги видели в нем и мастера, и личность.

Природа одарила Кищенко не только талантом, но и завидной работоспособно-

Александр Кищенко и Михаил Грибанов (бывший первый заместитель министра культуры СССР) — земляки

стью. Каким бы ранним утром, бывало, не зайдешь к нему в его мастерскую, находившуюся в летней кухне маминого двора, а он уже сидит за палитрой, одухотворенный очередной творческой задумкой. Тут обязательно появится Фекла Прокоповна, мило поприветствует и, вытирая руки о передник, сообщит какую-нибудь новость или свое особое о чем-то суждение. Например: «Вчера позировала тут одна, красыва падлюка». Или: «Як жынывся второй раз, так и воду носэ на стирку, и половыкы трясэ. Падлюка такой, раньше цего ны було...»

Слово «падлюка» у нее было ласкательным. Он вставал со стула, сердечно обнимал ее за плечи, только и говорил: «Ну что ты, мама...». Она снимала с лица нарочитую суровость и уходила по своим делам.

ЦАРАПИНЫ НА СЕРДЦЕ

У Александра Михайловича было много друзей. Но были и недруги, которые завидовали его успехам и тому, что в его руки шли лучшие государственные заказы. Одни наушничали, другие писали подметные письма, создавали, как он говорил, мышиную возню, которая отрывала от дела.

Именно в ту пору он мне писал:

«Продолжаю работу над мозаичным комплексом «Восток-1». Это гигантский заказ! Одновременно пишу большое полотно «Наследники». Оно будет состоять, это у меня впервые, из четырех холстов. Набрасываю две небольшие картины «Свободный полет» и «Разлив», которые в мае планирую на выставку. Немного устал. Завистники моих объемов работ и моего успеха начинают основательно травить. Их раздражает, что меня положительно отмечают в печати».

В следующем письме некоторое успокоение: «Приезжала комиссия из Москвы по жалобам на меня, все проверила и заключила, что мои работы уникальны и ценны не только для Белоруссии, но и для всего Союза. Об этом объявили на нашем пленуме. Видел бы ты, как были поражены писаки и те, кто их поддерживал».

Прошло время, и море опять заштормило. «Все вроде бы наладилось, — писал он мне в очередном письме, — как снова пошли письма и проверки. И не только на меня жалобы. Не пощадили и народного художника, председателя Союза художников республики, лауреата Государственной премии Щемелева. Нас обвиняют в том, что мы, якобы, незаконно захватили выгодные работы, называют нас рвачами. Спасибо комиссии из Москвы за то, что в свое время дала высокую оценку нашим трудам».

А недавно неожиданно сообщили, что вопрос с рассмотрения снят, нас оправдали. Но клеймо-то осталось. Однако стараюсь не унывать, пишу картину «Вечный зов», размер которой 6, 5 на 3 метра. Вроде бы получается».

Но затишье снова длилось недолго. Клеветники не успокаивались. «Ты, наверное, успел прочитать статью обо мне в газете «Известия»?» — спрашивал меня Александр Михайлович, спеша облегчить душу в очередном письме. — Все делают вид, что не знают, кто ее написал. Попробовал настоять, чтобы эту писанину обсудили на собрании в моем присутствии, а мне говорят, хватит, мол, и этой грязи. На критику положено отвечать, а зачем мне это нужно, когда я не чувствую за собой вины? Собираются ответить Союз художников и Художественный Фонд республики. Между тем, мне отовсюду идут поддерживающие звонки — из Киева, Львова, Ужгорода и даже с Сибири. Держись, мол, мы тебя любим. Вот так сработала газета. С одной стороны, неприятно, а с другой — наоборот. В Москве мне советовали подать на газету в суд, а зачем мне еще и эта возня? Перемелется — мука будет. Не расслабляюсь. Продолжаю свой «Вечный зов». И заканчиваю «Красную волну». Помимо этого начал несколько детских портретов. И попутно кое-что готовлю для Богучарского музея. А царапины на сердце все же чувствую. Теперь я понимаю, каково было в жизни таким, как Шолохов».

И, наконец, еще письмо — после того, как тучи развеялись полностью:

«Здравствуй, любимый друг Иван Михайлович! Прости, что долго не писал. Блокада, в которой я находился, прорвана окончательно! Выданы расценки, заработали ткацкие станки. Гобеленщицы рады — заработок будет снова. Битву помог мне выиграть Грибанов, приехавший из Москвы. Это граф! Ты бы его видел! Он тут всех очаровал. Представил меня с блеском, причем просто и обаятельно. И талантливо. Такую характеристику о себе я услышал впервые. Это потрясло не только меня одного.

Жду встречи с тобой в Богучаре. Я рад, что ты есть у меня. Это нас бог свел. Береги себя. Твой Кищенко».

А впереди его ждало очередное потрясение. Глубокой ночью неизвестные лица проникли в помещение художественной мастерской Борисовского комбината прикладного искусства и, орудуя ножами, выкрали довольно большой кусок «Гобелена века», который находился в производстве. Ткачихам пришлось работать с особой тщательностью, чтобы соединить новую ткань с прежней, не оставив рубца. Преступление, как водится, осталось нераскрытым.

— Кто мог это сделать? — сокрушалась душа художника. — Ну зачем?!

НА ПУТИ К ГЛАВНОМУ

Вскоре он взялся за такую масштабную работу, которая никому из художников республики до него не выпадала. Надо было оформить торцы высотных зданий нового микрорайона «Восток-1» мозаичными композициями. Объем, высота, переменчивость погоды — ничто не смущало художника.

Оказавшись спустя время в Минске на этом объекте, я был поражен. Передо мной открылась величественная панорама, какой я никогда и нигде не видел. Попробую изложить все по порядку с помощью искусствоведа Эммы Пугачевой, а точнее ее статьи «Цельность решения», опубликованной в четвертом номере журнала «Декоративное искусство», в которой она писала, что «Восток-1» — это въезд в город со стороны Московского шоссе. Художник правильно уловил изначальную архитектурную идею, развив торжественную доминанту в тему «Золотые ворота» города.

Торцы четырех 17-этажных зданий, обращенные к широкому шоссе, он «одел» сложными мозаичными композициями, языком символики раскрывая содержательно-тематические аспекты истории и текущих дней белорусской столицы. Крайняя (к Москве) посвящена воинской славе Минска. Следующие — созиданию, расцвету науки и искусства. По осевой линии каждого торца — фигура матери, как бы напутствующей в жизнь мальчика-подростка. Этот сюжет заимствован из древнего герба города, где изображалась мадонна с младенцем и голубями. Подросток в новом мозаичном гербе олицетворяет, по мысли автора, город выросший, окрепший, возмужавший.

...Запомнилось, как медленно на 50-метровую высоту поднималась люлька с материалом и молодыми мастерами, художниками-исполнителями, выпускниками Минского художественного училища, стоящими в обнимку. Вверху люлька фиксировалась и начиналась кропотливая работа. Участки стены последовательно покрывались цементным раствором и сразу же по эскизам Александра Михайловича выкладывались под углами кусочками смальты, которые, по-разному отражая свет, придавали мозаике необыкновенную выразительность.

Александр Михайлович стоял внизу, наблюдая за происходящим. Он был не только художником-руководителем, но еще и прорабом. То люлька выйдет со строя, то материал закончится — все ложилось на его плечи. Захваченный живым ритмом работы, он старался не допускать неоправданных перерывов.

И все же авралы случались. Тогда он становился сам не свой, был готов выйти на любые инстанции, чтобы быстрее сдвинуть дело. После одного из таких авралов он мне писал: «У наших мозаичных работ побывал сам Машеров (первый секретарь ЦК

В семье Абросимских с мамой Феклой Прокоповной

компартии Белоруссии — И.А.) Недоброжелатели были шокированы. Он тепло поговорил со мной, одобрил работу, поддержал. Чиновники сразу зашевелились. Я так рад, ведь это сейчас моя главная работа».

Кстати, тепло отзывался Кищенко и о президенте Лукашенко, который бывал на выставках его работ, верил в него и всегда подбадривал.

— Но самое главное, — говорил Александр Михайлович, — что он умеет проявить и характер, и волю, не боясь выглядеть «несоответственным» в глазах зарубежных коллег. Не спешит с экспериментами. С народом — взаимопонимание. Не зря его называют Батькой.

Его портрет художник поместил на «Гобелене века».

— Ну вот, приедешь домой, расскажешь, каким увидел мой «Восток-1», — сказал Александр Михайлович, когда мы сели в машину, чтобы посмотреть город, а заодно и другие его работы.

Через считанные минуты мы оказались на Партизанском проспекте у мозаики «Партизаны Белоруссии», выполненной на выступающем фронте кинозала. Работа впечатляющая. Тема высокой гражданской значимости выражена ярким образным языком в очень динамичной форме.

Не успели мы закончить осмотр, как подкатил автобус, из которого вышли люди, и мы услышали иностранную речь. Это были зарубежные туристы.

Следующим на нашем пути было кафе «Арбат», интерьер которого выполнен по замыслу Александра Михайловича и под его руководством керамистами Т. Киршиной и В. Митечкиным. Выразительное панно, рассказывающее о жизни и быте старой Москвы.

— Прежде чем взяться за эту работу, — пояснил Александр Михайлович, — пришлось тщательно изучить исторический и этнографический материал, который собственно и подсказал характерные сюжеты из жизни Москвы. Тут, видишь, и сценки у башмачника, балалаечника, и чаепитие, и медвежья потеха, и похищение невесты. Все довольно забавно.

По дороге домой Александр Михайлович много говорил о важности монументального искусства для жизни города, в формировании его эстетической среды. Я

кое-что успел записать в свой блокнот: «Я бы делал даже тротуары мозаичные», «Роспись или мозаика глазу открываются сразу, мгновенно и мощно».

В итоге у меня сложилось впечатление, что монументальными работами земляка, с учетом гобеленов, находящихся в административных зданиях, в институтах, училищах, театрах, заполнен чуть ли не весь Минск. А за ужином выяснилось, что его мозаичная композиция есть еще и на берегу Черного моря вблизи Ялты, в санатории «Белоруссия» курорта Мисхор, выполненная совместно с известным художником М. Савицким. Называется она «Триумф поколений». Смотрится, по словам автора, хорошо и с близкого расстояния, и с дальнего. О ней писали и газеты, и журналы. «А потом шумок прошел, и о произведении забыли», — с юмором закончил свой рассказ художник.

У ИСТОКОВ МОНУМЕНТАЛЬНОГО ГОБЕЛЕНА

Никто в Белоруссии не станет отрицать, что создателем современного национального монументального гобелена стал именно он, Александр Михайлович Кищенко. Он же и родоначальник школы этого направления. Гобелену он посвятил, можно сказать, все годы своей творческой жизни. Как у большой реки, все начиналось с маленького «ручейка». Вот как о начальном периоде рассказывала его жена Ангелина Петровна Бельтюкова, будучи на родине мужа в городе Богучаре.

— В Минск мы приехали в 1964 году, — вспоминала она. — Еще в Киеве у нас зародилась мысль о создании больших гобеленов, которых не было до нас. Для этого требовалась мастерская, в Минске ее не было. Тогда мы поехали в Решетилровку, что на Полтавщине, где сохранилось это искусство и хорошие мастера. Там выткали один за другим три гобелена — «Человек, познающий мир», «Легенда белорусских партизан» и «Утро. Пробуждение».

После этого решили создать гобеленовый участок на Борисовском комбинате прикладного искусства — головном предприятии Художественного фонда республики. Нас поддержали, и нам удалось реализовать свою мечту совместно с художником Горкуновым. С ним мы еще раз съездили в Решетилровку, чтобы повнимательней присмотреться к ткацким станкам, а затем дома переделать их на свой лад.

Первый Борисовский гобелен, выполненный по эскизам Александра Михайловича, назывался «Ангелина». Он получил одобрение и высокую оценку не только на выставках в Минске и Москве, но и за пределами страны. Это нас окрылило. Дело дошло и до монументальных гобеленов, — закончила свой рассказ Ангелина Петровна.

Поскольку мне пришлось бывать в Минске не раз, то я имел возможность посмотреть многие работы этого жанра. Все они — чудо. Но об одном рассказе особо.

Богучарский гобелен «Родина» масштабом поменьше других эпохальных произведений, но он не менее значителен как по содержанию, так и по художественному исполнению.

Когда директор историко-краеведческого музея Алла Максимовна Сахно на фоне гобелена «Родина» рассказывает школьникам о славном революционном прошлом родного края; о том, что в 1918 году на территории уезда из разрозненных партизанских отрядов был сформирован 103-й Богучарский полк, на базе которого образовалась знаменитая 40-я Богучарская дивизия, прошедшая славный боевой путь из центральных районов Воронежской области до Новороссийска и Крыма; о том, что за выдающиеся подвиги на фронтах Великой Отечественной войны восемь богучарцев удостоены звания Героя Советского Союза, она на минуту останавливается и произносит:

— Об этом и не только об этом, а еще и о большой любви к Родине, к родному краю вы можете прочитать... нет, не в книгах, а вот на этом полотне, — и поворачивается лицом к гобелену.

Стоя перед гобеленом, я испытываю особое биение сердца. На память приходят встречи с его автором в Богучаре, дни, проведенные у него в Минске, поездки в его колыбель — хутор Белый Колодезь... Всплывает в памяти образ художника — человека радушного, обходительного, простого и доступного.

В такие минуты хочется по-родственному обнять рядом стоящего человека, даже незнакомца, подвести ближе к гобелену и сердечно рассказать ему о дорогом земляке. Вспомнить, как на мое недоумение по поводу дуба, изображенного на гобелене, он пояснил: «Это же символ! Дерево жизни!».

А еще вспомнить зимнюю дорогу в «Жигулях» в Москву вместе с молодым председателем колхоза «Рассвет» Федором Родионовичем Решетовым, куда нас послал первый секретарь райкома партии Николай Иванович Морозов, чтобы мы привезли оттуда гобелен, получив его по договоренности на Всесоюзной художественной выставке, и в целости и сохранности сдали в музей.

Вспомнить, как художник, у которого только-только зарождалась мысль об этом полотне, ходил взад-вперед по маминому двору и то и дело твердил строки стихов Ивана Никитина: «Широка ты, Русь, по лицу земли в красе царственной развернулася, уж и есть за что полюбить тебя, назвать Матерью...» Эти слова он начертил на цветной ленте на самом видном месте гобелена, определив тем самым его замысел.

За его плечами множество выставок — всесоюзных, республиканских, зарубежных, где его работы получали неизменный успех. А в августе 1996 года его персональная выставка состоялась на родине, в Воронеже, в музее имени Крамского, где были выставлены четыре, почти во всю высоту зала роскошных гобелена, а также яркие, экспрессивные портреты, этюды. В самом центре красовался богучарский гобелен «Родина».

Посетителям выставка очень понравилась. Руководством музея было сообщено, что недавно Александр Михайлович сотворил еще два удивительных чуда — веселого сынишку Максимку и «Гобелен века», который может войти в Книгу рекордов Гиннеса.

ВЕРШИНА ТВОРЧЕСТВА

Две работы — «Чернобыль» и «Гобелен века» — стали вершиной его творчества. Они принесли ему мировую славу. Тему первой подсказала сама жизнь, острая необходимость напомнить человечеству о страшной трагедии, постигшей многострадальную Беларусь.

Выступая на торжественной церемонии передачи гобелена Организации Объединенных Наций в Нью-Йорке, художник произнес короткую, но емкую речь о том, что он привез полотно, в котором — глаза Беларуси и ее боль. Что в XX веке атом превратился в Дракона, которого надо остановить. И подчеркнул, что работа выполнена в духе народных традиций республики.

О гобелене «Чернобыль» было много сказано и написано. Одной из более ярких явилась статья искусствоведа Ларисы Финкенштейн, в которой она глубоко и убедительно отразила время и главную суть художественного произведения. Художник не изображает ужасов чернобыльской трагедии, — пишет автор, — а лишь ассоциативно — цветовыми контрастами, противоборством круглых и острых плоскостей — вызывает чувство беспокойства, опасности, предостережения.

Чернобыль — трагический пример, урок и укор миру: человек своей гордыней разрушает вселенскую гармонию и жестоко расплачивается за это. Эта мысль расширяет тему Чернобыля. Она обретает планетарное звучание и воплощается в сложной образной системе символов.

Можно представить себе, сколько людей после Чернобыля стали молиться, чтобы невидимые языки атомного Дракона больше не коснулись нашей Земли, наших

детей, внуков и правнуков. В этом звучном хоре выделяется сильный голос нашего земляка, призывающего беречь жизнь на планете, как зеницу ока. По выражению бывшего секретаря ООН Переса де Куэльяра, своими произведениями А.М. Кищенко внес огромный вклад не только в мировую культуру, но и в дело мира.

Уникальнейшим произведением является и его «Гобелен века». Да, именно таким полотном он бредил долгие годы. Когда написал, сказал: «Это моя лебединая песня». Пять лет длилась работа, вбирая все, что художник накопил в своих творческих анналах.

Она действительно была занесена в Книгу рекордов Гиннеса как самое большое тканое полотно в мире, и о ней не расскажешь лучше, нежели сам автор. «Гобелен века», — констатирует он, — начат мною в 1991 году. В нем я решил показать мятущийся уходящий XX век. Мир все же держится на гениях. Это золотой запас планеты. Византии нет с XV века, а мы изучаем ее культуру и живем ее традициями. А Греция? А Рим? Какие шедевры периода Возрождения!

«Гобелен века» — это как бы завершение многих, ранее поднятых тем. Что в нем конкретно? В центре — тайная вечеря. Христос и Антихрист. Христос защищает свою правду и веру. На мече Антихриста слова: «Побеждает сильный». Христос останавливает меч, как бы говоря: «Побеждает вера в добро». В этом главный смысл картины.

А выше, на полотне, в круге, — лучшие люди разных времен и народов. Среди них, кроме политических деятелей, будут Толстой, Достоевский, Пушкин, Лермонтов, Чайковский, Мусоргский, а еще наш воронежский поэт Кольцов. Выткана пока третья часть.

Крупный гобелен — вещь дорогостоящая. Материальное участие в нем принимают поляки, французы, немцы. Идут переговоры с ЮНЕСКО, Ватиканом.

Размер гобелена 14 на 17 метров. Один только Христос занимает 2 метра 40 сантиметров. Куда потом с таким гигантом? Будем возить по странам и показывать, на что способна Беларусь...»

Вопрос о размещении «Гобелена века» в самом деле оказался непростым. Газета «Советская Белоруссия» выступила с тревожной статьей «Останется ли «Гобелен века» в республике?» Поражаясь его размерами и содержанием, корреспондент газеты писал: «Чтобы рассмотреть его, надо запастись артиллерийским биноклем, его высота равна шестизэтажному дому. А чтобы постичь его, надо обладать не только умением видеть, но и чувствовать, думать. Воображение завораживает сложнейшие многофигурные композиции, объединенные единой мыслью — показать человечество, одолевшее тяжелейший в своей истории XX век».

«Какова дальнейшая судьба «Гобелена века»?», — прямо ставит вопрос корреспондент. Чиновники Министерства культуры в печати отмалчиваются: в республике нет зала, где можно было бы экспонировать этот гобелен. Один чинуша, то ли в шутку, то ли всерьез, сам, кстати, художник, предлагает расстелить его на площади, построив вокруг эстакаду для публики.

Стало известно о визите зарубежных эмиссаров, в том числе из США, Германии, богатых арабских стран, заинтересованных в приобретении этого шедевра. Разговор идет о десятках миллионов долларов. Художник Александр Кищенко стоит на своем: гобелен должен остаться в Белоруссии.

Газетная статья наделала много шума, вызвала отклики простых людей, которые были на стороне художника.

Первая презентация гобелена состоялась в выставочном комплексе (нашлось все-таки подходящее место) «Минскэкспо», приуроченная ко Дню независимости республики. А спустя время от Александра Михайловича пришло письмо, в котором он сообщал, что состоялся второй показ гобелена, где присутствовали президент Лукашенко, члены правительства, представители многих иностранных посольств. На состоявшейся затем встрече с президентом он предложил ему построить либо музей,

либо пантеон, где бы на фоне «Гобелена века» можно было принимать высочайших иностранных гостей.

Прошли годы. «Гобелен века» — лебединая песня художника — остается национальным достоянием республики.

В разные годы он побывал в Германии, Америке, Франции. Эти поездки, по его словам, многое дали ему как художнику, перевернули его многие представления о мире, о людях, об обществе. Однако он оставался глубоко русским человеком. В одном из своих писем он писал: «Был в командировке в Германии — в Берлине, Потсдаме, Дрездене. Встречали как в сказке. Но все это почему-то шло мимо моего сердца. Есть мысль, приехав в Богучар, написать картину о заброшенных деревнях. Щемящая тема. Приеду — подумаем вместе».

ПОЧТИ В ЗЕРКАЛЬНОМ ОТРАЖЕНИИ

Кищенко легко сходилась с людьми любого возраста, покоряя их теплом своего сердца и участием в их жизни. С первого же знакомства с молодой и энергичной заведующей районным отделом культуры Ольгой Васильевной Топорковой он увидел в ней не просто толкового руководителя, а человека, обладающего способностями чувствовать прекрасное. Самому богу известно, сколько ими изъезжено проселочных дорог в составе группы районных активистов с тем, чтобы собрать побольше экспонатов для будущего историко-краеведческого музея. После таких поездок по дальним хуторам Топоркова восторженно рассказывала: «Бабулечки просто влюбились в Александра Михайловича! Тут же открывали свои сундуки, готовые с радостью поделиться семейными реликвиями — иконами, старинными рушниками, наволочками, накидками, занавесками, искусно расшитыми цветными нитками. Чем он их завораживал?!»

Желанием воссоздать существовавший ранее музей загорелись многие горожане. Нашлись и штукатуры, и плотники, и маляры, и кровельщики, которые с удовольствием работали над восстановлением почти разрушенного здания. Тогда-то Александр Михайлович, осмотрев здание изнутри, и прикинул впервые, куда можно будет повесить гобелен, который он изготовит и подарит городу.

Дело двигалось к концу, когда встал вопрос, а где же взять деньги на содержание музея и на зарплату его работникам? Оказалось, что для такого масштаба музеев штат как бы и не положен. Не теряя времени, связались с другим именитым земляком — заместителем Министра культуры РСФСР Михаилом Алексеевичем Грибановым. Ему, как говорится, и карты в руки. Кого и как он уговаривал в Министерстве финансов — неизвестно, но штат и деньги нашлись.

Почти в каждый свой приезд в Богучар Александр Михайлович стремился побывать в родном хуторе Белый Колодезь, который в последние годы заметно обезлюдил, но для его сердца оставался самым дорогим местом на земле. Он готов был обнять каждую былинку в поле, каждое деревце на пологом склоне оврага, где стояла родительская изба, сгоревшая от удара молнии, после чего семья вынуждена была перебраться в еще более убогое жилище, выделенное ей колхозом. Помню, в этом самом месте он опустился на колени и украдкой вытер повлажневшие глаза.

Когда мы возвращались домой, на середине пути между хутором и селом Твердохлебовка он попросил остановить машину. Выйдя из нее, стал рассказывать:

— Эта вот дорожная впадина, тогда ее называли Лиманом, сейчас сухая, а когда мы осенью или весной ходили в школу, она так наполнялась водой, что мы всегда возвращались домой с мокрыми ногами. Да и обуви нормальной-то не было...

И уже в машине вспоминал учителей, школьных друзей, поражаясь, как стойко они переносили послевоенные невзгоды.

А вот несколько писем маме, отправленных в Богучар, которые он мне передал: «Пусть они побудут у тебя, а то она уже старенькая...»

Не будь этих писем, мои слова о том, что он очень любил маму, что она для него была другом, и он делился с нею и мыслями, и новостями, остались бы просто словами. Вот одно из этих писем.

«Здравствуй, дорогая мама!

Сегодня состоялся художественный совет. Смотрели два моих гобелена, которые я сделал для Театра оперы и балета. Одобрили, приняли. Теперь мне надо сделать еще четыре. Огромная работа!

На выставку сдал несколько картин. Среди них портрет деда Гетманова с нашей Лысогорки. Очень хорош дед! Всем понравился. На выставке был установлен ящик для писем-откликов. В мой адрес оказалось 99 процентов хороших писем. Это приятно.

У меня в мастерской побывала Архипова. Подарила мне книжку о себе. Большая актриса!

Бабушки из нашего двора передают тебе привет. Не болей. Береги себя. Скоро приеду к тебе в Богучар. Целую».

Он ценил мужскую дружбу и был ей верен до конца. Именно такие отношения долгие годы связывали его с писателем, родившимся тоже на Дону, Василием Белокрыловым, многие встречи с которым проходили на моих глазах. Оба старались использовать всякую возможность, чтобы повидаться.

Очень радовался Александр Михайлович своим новым друзьям. Об этом опять же его письма. Вот одно из них:

«У меня появились новые друзья — драматург Леша Дударев и поэт Володя Некляев. Оба известные, оба талантливые. Оба лауреаты Государственных премий. Володя знает Алексея Прасолова и Николая Рубцова, читает их наизусть и считает гениями. Оба молодые — Леше 35, Володе 40. Все у них впереди».

И в этом же письме упоминает старого друга-земляка Михаила Алексеевича Грибанова, но уже по другому поводу: «Ему тоже в этой жизни не сладко. Он чудный человек и очень талантлив. Мы все к нему: помоги, подскажи! А ведь у него тоже дел по горло. Ответственность-то на плечах огромная! Подумаешь, и тоже его поймешь. И как-то становится грустно за всех нас, вышедших из деревни. Кругом акулы, а ты успевай уворачиваться...»

У родимой хаты

Александр Михайлович восторгался его статьями о культуре, литературе, искусстве, печатавшихся в периодической печати, художественными произведениями «Отцовские рассказы про войну», «Донские альбатросы», перечитывая их по несколько раз — так близко и дорого ему было их содержание, связанное с событиями, происходящими на малой родине. А главное, что книги были написаны его другом.

На курорты Александр Михайлович не ездил. И не отдыхал ни в Минске, ни в Богучаре, куда приезжал вроде бы на отдых. Все время — работа, работа, работа. И не только за мольбертом. Помню годы, когда группа художников под его руководством вела художественное оформление станции «Парк челюскинцев» минского метро. Сообщения о ходе работ шли в Богучар почти ежедневно, на которые он, давая советы и рекомендации, отвечал, как правило, телеграммами. То есть штаб действовал на расстоянии.

* * *

Ему ничего не стоило сходить за хлебом в магазин или в аптеку за лекарством для старенькой соседки, у которой был постельно больной муж. В разговоре с пожилыми людьми он всегда интересовался их здоровьем и выражал искреннее сочувствие, если у них что-то не ладилось. Облик многих из них нашел отражение в образах его картин и они становились ему чуть ли не родней. Один из них — старик Гетманов с окладистой бородой и выразительным лицом с улицы Лысогорка. Его портрет был закуплен в Германию. Узнав такую новость, старик был доволен и очень гордился этим. Он заходил к Александру Михайловичу в мастерскую просто так, чтобы засвидетельствовать свое почтение и, перекинувшись двумя словами, тут же уходил, «чтобы не мешать человеку работать».

Однажды мы разговорились с ним о квасном патриотизме, нередко проявляющемся в наше время, о том, что для некоторых чувство Родины вообще перестало быть святым. То, что он сказал об этом, я записал в свой блокнот:

«Родина, это не то, что приехал, чирикнул, черпнул что надо и ускакал. Нет, это постоянная величина. В смене обстановки рождается порою нечто неожиданное. Родина дает мощный импульс. Надо быть тем, откуда ты есть. Не важничать, не выпендриваться. Всегда оставаться самим собой. Отсюда и твой стиль — и в жизни, и в творчестве. Детство нельзя отрывать от творчества. Там столько фантазии! Плюс познания сегодняшнего дня. Цельность — нечто изначально сквозное».

Невероятно прост и невероятно велик наш земляк. Точно сказано: большое видится на расстоянии. Но как стремительно растаяло то, что нам казалось вечным.

11 ноября 1997 года Александра Михайловича не стало.

* * *

С целью увековечения памяти А.М. Кищенко на его могиле в г. Минске установлен бронзовый памятник, а на доме №42 по улице Сурганова, где он жил, — мемориальная доска.

Его имя присвоено Борисовскому комбинату прикладного искусства и Богучарской детской художественно-музыкальной школе.

Дом №49 в г. Богучаре, где жил и работал художник, в 1999 году внесен в список памятников истории и культуры, в нем открыт дом-музей А.М. Кищенко.

Постановлением администрации Богучарского района от 7 сентября 1999 года ему присвоено звание Почетного гражданина Богучарского района (посмертно).

Его имя носит одна из улиц г. Богучара.

Алексей Андреевич Ковалёв родился в 1951 году в селе Шуриновка Богучарского района Воронежской области. Окончил филологический факультет Воронежского государственного педагогического института. Работал учителем, директором школы. 40 лет отдал журналистике, в том числе 10 лет работал главным редактором верхнемамонской районной газеты. В настоящее время — обозреватель богучарской районной газеты «Сельская новь». Публиковался в региональной печати, коллективных сборниках. Член Союза журналистов России. Живет в Богучаре.

Алексей Ковалёв

СЛЕДЫ НЕ ИСЧЕЗАЮТ БЕЗ СЛЕДА

В последние годы ощутимо вырос интерес общества к истории страны, особенно к тем ее моментам, которые выявляли силу духа нашего народа и его стойкость перед лицом самых жестоких испытаний. Настоящий ренессанс переживает краеведение. Один за другим создаются поисковые отряды, в которые приходит немало молодежи. Один из них действует и в Богучарском районе. Руководит им Николай Львович Новиков — человек совершенно удивительный, для своих земляков ставший почти легендой. Мне, кстати, довелось с ним познакомиться еще до того, как он занялся поисковой работой. Было это в семидесятых годах прошлого века.

У нас в редакции районной газеты «Сельская новь» тогда действовала школа рабочих и сельских корреспондентов, и в один из ее потоков в число слушателей записался молодой парень из маленького степного поселка. Сейчас поселок называется Дубравой, а тогда своего имени, как такового, у него не было — так случалось в советские времена, — а была центральная усадьба совхоза «Радченский». Вот в этом совхозе Николай после школы работал шофером, а когда руки не были заняты баранкой, брал в них селькоровское перо. И, кстати, неплохо владел и тем, и другим. Во всяком случае, курируя тогда сельских нештатников, я почти не правил то, что он приносил в газету. Проскакивали, конечно, в его заметках и шероховатости, но их с лихвой искупало то, что

автор не стремился, как другие, подстроиться под гладкий стиль штатных газетчиков — писал как умел, стараясь обо всем рассказывать, ничего не приукрашивая и не додумывая, чтобы потом односельчанам, а в первую очередь собрату-шоферу, не попасть на острый язычок. И в своем хозяйстве, и в редакции был он на хорошем счету и вполне мог бы сделать карьеру хоть там, хоть сям. Но кто мог бы предположить, что раскроет он себя совсем на другом — педагогическом поприще! Да притом еще, что у него никогда не было учительского диплома. Зато было другое, что просто не могло не привести его в школу, которую сам заканчивал: умение находить с детьми общий язык и желание приобщить их к полезнейшему делу — поиску безвестных мест упокоения воинов, павших в сражениях Великой Отечественной войны.

Богучарский район в годы войны стал ареной жестоких и кровопролитных боев. Здесь, на донском рубеже, враг был остановлен в июле 1942 года, а через полгода, в конце декабря, отброшен вспять с тем, чтобы уже никогда не появляться с оружием на берегах древней русской реки. Именно с местных изгибов голубой донской ленты на карте Генерального штаба взяли начало стрелы советской наступательной операции «Малый Сатурн», ставшей частью Сталинградской битвы: когда на Волге громили армию Паулюса, здесь, на Дону, были пресечены попытки деблокировать окруженную фашистскую группировку. Это стало началом долгожданного перелома в войне. Сколькими жизнями было за него заплачено! Следующей весной, когда фронт уже откатился далеко на запад, стаявшие на полях снега обнажили тысячи солдатских тел — их хоронили до самого лета.

Сегодня братские могилы павших солдат — в каждом богучарском селе. На стелах и памятных камнях — имена, имена, имена... И все же не закрыты еще эти мартирологи: земля срединного Придонья, как и вся многострадальная российская земля, над которой пронесся чудовищный смерч Великой Отечественной, до сих пор хранит множество останков своих защитников, взывающих к достойному упокоению и благодарной памяти потомков. Вот именно так, выражая суть и предназначение поискового отряда, и назвал его Новиков: «Память». Отряд был зарегистрирован в 1997 году. Хотя справедливости ради надо сказать, что поисковой работой Николай Львович занимался и раньше. Просто намного выросшие к тому времени ее масштабы, а главное, участие школьников требовали официального оформления. Дети же все-таки: даже если просто кого-то собираешься вывести за школьную ограду — должен взять на себя ответственность за их жизнь и здоровье, и не иначе как под роспись. А тут — многодневные сборы с дальними выездами, физическими нагрузками, ночевками в палатках...

Официальный статус поискового отряда расширял возможности военно-патриотической работы, которая всегда была и остается у Новикова на первом плане. Приняли Устав, сшили форму с отличительными знаками юных поисковиков. Ладная, красивая, в военном стиле — она сразу ребят заметно подтянула, прибавила дисциплинированности и ответственности. На полевых сборах жизнь в лагере — по Уставу, рабочий день — по расписанию. Но при всем том в отряде — ни намек на какую-то слишком уж чрезмерную заорганизованность. Дисциплина железная — да. Слово командира, например, закон, попробуй ослушаться — сразу вылетит из отряда. Но вот ведь сколько уже за полтора десятка лет ни перебивало в «Памяти» мальчишек и девчонок — никого не приходилось выгонять.

Был, правда, один случай: парень перепутал поисковиков с черными копателями. И втихую похозяйничал над останками немецкого солдата, изъятыми из старого окопа вместе с нашими погибшими воинами. У немца были золотые зубы — на них и позарился.

— Я, в общем-то, сразу догадался, чьих рук это дело, — рассказывал потом Новиков. — Собрал ребят: «Мне сейчас надо по делам отлучиться на полчаса. Когда

вернусь — то, что пропало, должно быть на месте». Сел в машину, покатался полчаса. Возвращаюсь — возле немецкого скелета бумажка белеется. А на ней горсточкой — злосчастное золото... Отозвал потом виновного в сторонку и сказал: «Собирай, парень, вещи. До вечера успеешь домой добраться».

Между прочим, через год парень вновь появился в отряде. «Кто старое помянет, — сказал командир, — тому зуб вон». И не было в тот полевой сезон искателя старательнее и дисциплинированнее...

Вот такое, пожалуй, самое большое ЧП было в отряде. Было и бывшем поросло, без дальнейших рецидивов. Хотя ребята-то приходят разные, далеко не все мягкие и пушистые. С некоторыми у родителей, бывает, просто сладу нет: неслух, хулиган, маячит у него впереди кривая дорожка. Но удивительным образом распрямляется дорожка после одного-двух полевых сезонов, слетает с шепутных ребят шелуха, остается настоящее, крепкое, мужское начало. Видя такой разительный воспитательный эффект, кое-кто уже целевым порядком отправляет в поисковый отряд своих проблемных чад: пусть поучатся уму-разуму. Тем более, если им скоро в армию: у Новикова-то они, считай, проходят полный курс молодого бойца. Недаром он каждого сдает в военкомат с рук на руки под личное поручительство: добрый будет воин. Даже если есть у хлопца тяга к определенному роду войск, договорится о том, чтобы тот попал в нужную часть — только честно служи, солдат, не урони богучарскую марку! Надо ли говорить, что и после армии бывшие новиковские отрядники не пропадают из его поля зрения? Он следит за судьбой каждого, искренне переживая за то, чтобы она складывалась удачно. Особенно его радует, когда кто-то выбирает профессию «по профилю», приобретенному с его помощью: уже несколько человек поступили на исторический факультет Воронежского государственного педагогического университета.

К слову сказать, при всеобщем уважении к работе поисковиков проскальзывают иногда и шепотки в их адрес по поводу судьбы возможных ценных находок — опять-таки по причине того, что на телеэкранах и на газетных страницах намного чаще мелькают «жареные» сюжеты об алчных флибустьерах с лопатами, чем о таких вот патриотических поисковых формированиях. Новиков к таким шепоткам относится философски: «На чужой роток не накинешь платок». Да и идут они от тех, кто не имеет ни малейшего представления о поисковой работе. И уж наверняка не знает характера самого Новикова — неисправимого романтика и бесребреника, честного до наивности и открытого до простоты. Потратиться из собственной зарплаты на продукты для лагерной столовой или на бензин для поездки ребят в областной центр на краеведческую конференцию — это да, он может, сколько раз такое бывало. А попытаться что-нибудь «наварить» в свой карман за счет того, что выкопано ребячьими руками из земли — такое и в голову прийти не может.

Искательские ориентиры у богучарских поисковиков совсем другие, нежели у корыстных кладознатцев, и трофеи ценятся не в рублях. Да и много ли, к примеру, могут стоить наглухо скрытые патиной солдатские медали? Навечно остановившиеся наручные командирские часы тысяча девятьсот незапамятного года выпуска? Или бензиновая зажигалка итальянского офицера, от которой прикуривали в последний раз семьдесят лет назад? Да, через руки народного археолога за многие годы поисковой работы действительно прошла масса ценных вещей, но ценных не по рыночной, а по музейной, исторической шкале. И действительно, далеко не все осталось в музее Дубравской школы. Сотни, если не тысячи экспонатов переданы в районный историко-краеведческий музей, в школьные музеи города и сел района. Да, как директор музея Новиков имеет дело с оружием и боеприпасами, но за тем, чтобы с такими вещами не шалили, бдительно приглядывают компетентные ведомства. ФСБ, например:

Николай Новиков

ры — пики, сабли востры». И то возьмет не нахрапом, а смекалкой. Однажды он, сияющий, появился у нас в редакции, и, как всегда, собрав коллектив первыми же звуками своего некабинетного голоса, со звоном выхватил из ножен казацкую шашку — по стенам заплясали зайчики от начищенной до блеска стали:

— Недавно откопали — восемнадцатый век! Погуляла шашечка по донским степям, послужила казаку, пока, видать, сам не сложил свою буйну головушку! Еле отстоял ее у товарищей из «конторы»: хотели отобрать — мол, холодное оружие, то да се... А я — было оружие, да все вышло. Видите, как ржавью шашка взялась? Теперь ее вернуть в боевое состояние невозможно: сточится наполовину. А вы в курсе, что у казацких шашек был четкий стандарт по длине и весу? Вышла из нужных параметров — покупай, казак, новую, а эту вешай на стенку. Или сыну подари — пусть учится лозу рубить. В общем, убедил. А ржавчину-то потом оттер — как пыль смахнул. Представляете, как она «заиграет» на стене музея!..

Впрочем, справедливости ради надо сказать, что в целом у поисковиков и с федералами, и с полицией, и со всеми другими представителями властей вполне нормальные отношения. Дело-то они, действительно, делают большое, как же можно это не ценить. И ценят! Если бы все почетные грамоты, благодарственные письма, дипломы всевозможного ранга — от районного до всероссийского, врученные отряду за время его работы, попробовать развесить в школьном музее — одной комнаты не хватит. А музей немаленький — 320 квадратных метров, 11 помещений. И совершенно уникальный как по количеству экспонатов — более 4 тысяч, так и по глубине разработок иллюстрируемых ими тем, охвату немислимого исторического пласта — от палеолита до наших дней. Экспонатами в нем служат находки поисковиков на местах. Такой не то что не в каждой сельской школе — не в каждом крупном городе найдешь. Недаром его часто включают в число объектов, предлагаемых к посещению самым высоким гостям Богучарского района, а среди них и федеральные министры бывают, и высокие армейские чины, и главы российских регионов...

Но самые благодарные экскурсанты — это, конечно, дети. Посещение Дубравского музея входит в планы работы по патриотическому воспитанию всех общеобразовательных учебных заведений района. Так что среди богучарцев от семи до

— Отряд «Память»? Как же, знаем. Молодцы, хорошее дело делаете: «Ничто не забыто, никто не забыт». Но вы извините, у вас в Уставе написано, что вы поисковый отряд, а не спецназовский. На каком же основании храните у себя огнестрельное оружие? Вот этот, например, немецкий «МГ», пригодный для стрельбы? Обязаны изъять!

— Но когда его выкапывали, мы же не знали, пригодный он или нет. Часик подождете — просверлим ствол, будет не оружие, а музейный экспонат.

У него вообще принцип — с силовиками силой не меряться. Ну разве что упрется, когда заговорит кровь казацких предков — мало-российских черкас: «Наши сестры

восемнадцать лет трудно найти кого-то, кто здесь не бывал. Многие стараются не упустить случая съездить в Дубраву еще и еще — если не с учителями, так с родителями. Как замороженные, ходят от стенда к стенду, слушают лекции экскурсоводов, в качестве которых выступают и сам Николай Львович, и учащиеся Дубравской школы, о боях на богучарской земле, о близком и далеком прошлом родного края, с восторгом берут в руки экспонаты — это здесь не запрещается — целятся из пистолетов и винтовок, пробуют на вес гранаты... Долго разглядывают обломки мамонтовых бивней, горшки, орудия труда и украшения древних кочевников — Новиков занимается с ребятами и археологическими изысканиями.

Бывает, что звучит в музее и иноязычная речь. По мере того, как таял лед холодной войны, все чаще стали появляться на местах бывших сражений немцы, итальянцы. У них тоже свои поисковые организации, союзы ветеранов. Хлебом-солью их представителей богучарцы не встречают, но и вниманием не обделяют. У Новикова на этот счет четкая позиция: те, кто пришел к нам на Дон в сорок втором с оружием — это враги, и таковыми останутся для нас всегда. Ну а кто приезжает сегодня, чтобы забрать их прах для перезахоронения на родине, — это гости. Не меньше, но и не больше. Отсюда и его личное отношение к таким визитерам — доброжелательное, но без особого пиетета. Был однажды случай: посетившая музей итальянская волонтерша, что называется, положила глаз на солдатскую фляжку с выбитой на боку цитатой из Муссолини. Цитатой, между прочим, вполне в людоедском духе главного итальянского фашиста: «Если для достижения своей цели нам потребуется убить 250 миллионов, — мы придем к цели».

— И так и сяк вертела ее в руках, — рассказывает Николай Львович, — сфотографировала со всех сторон. С тем и отбыла. А через год появилась снова. На этот раз — с предложением: «Не согласится ли синьор Новиков продать мне эту фляжку? Я бы могла дать за нее хорошие деньги. Ну, скажем, восемьсот евро».

— Сколько-сколько? — переспрашиваю я переводчика. — А он наклоняется к уху: «Просите тысячу — даст!»

Я потом узнал, с чего это итальянка была такой тороватой. Она, представьте себе, разыскала на родине бывшего владельца той самой фляжки! И, конечно же,

Почести солдатам, погибшим в Великой Отечественной войне

не осталась бы внакладе, если бы перепродала ему «сувенир из России». Да только ей ничего не обломилось. «Извините, синьора, — говорю, — экспонатами не торгуем. Все, что извлечено из наших недр, это достояние нашего государства. У вас, надеюсь, такие же законы?» — «Си, си!» — согласилась итальянка. На том мы тему и закрыли...

Но с настоящими поисковиками у него другой разговор. Вот какое письмо, например, прислал недавно в Дубраву итальянский активист Фердинандо Соврано, не раз появлявшийся на Среднем Дону, чтобы пройти военными маршрутами своих соотечественников: «Дорогой друг Николай из Дубравы! Благодарю вас за все, что вы послали с этим письмом: это подтверждает, что доверие наше взаимно (речь — о смертных медальонах, котелках, письмах и фотографиях итальянских солдат — А.К.) Я проехал по Италии для передачи этих реликвий семьям. Был даже случай, когда отдал котелок живому ветерану...

Во имя нашей дружбы прошу вас: сделайте мне любезность. Речь идет о тех жетонах, которые вы находите без их владельцев. Можете их отправить мне? После ознакомления с ними «Онор Кадутти» (Военные Мемориалы в Риме), я обязательно передам их родственникам и сообщу, что это именно вы из любезности прислали их нам.

Всего вам доброго! Ваш друг Фердинандо Соврано».

Ну а уж что касается главной цели визитов немцев и итальянцев — вывоза останков солдат-соотечественников, то тут тем более отказов не бывает никому. Безошибочно определяя при раскопках, где кто лежит — свой солдат или чужой, поисковики никого не оставляют в земле. У отряда «Память» установлены постоянные связи и большая переписка с властями многих немецких земель и итальянских муниципалитетов. Новикова там хорошо знают.

Как-то в доме Николая Львовича раздался телефонный звонок. Звонивший, представившись жителем немецкой земли Баден-Вюртемберг, на чистом русском языке сообщил, что ему известно о работе богучарских поисковиков и что он, Фолкер Бах, сын погибшего где-то под Новой Калитвой немецкого солдата Фрица Баха, всю жизнь хранил надежду на то, что ему удастся найти могилу отца. Он был бы крайне признателен за помощь.

Новиков развел руками: отряд «Память», хоть и не оставлял в земле найденных немецких солдат, все-таки специально их поисками, да еще адресными, никогда не занимался. Но, чисто по-человечески понимая чувства звонившего, отказывать не стал. Договорились так: сын по архивным источникам на родине уточнит место последнего боя отца, а он попытается найти если не его останки, то хотя бы неопровержимые доказательства того, что погиб он именно там, где предполагалось.

Следующий телефонный звонок из Германии принес адрес более точный, но опять же не настолько, чтобы знать, где именно копать: село Криничное. Тем не менее поисковики отправились в Россосанский район, тщательно изучив перед этим архивные данные о расположении в районе Криничного немецких боевых позиций зимой 1942 года. Начали работу на одном из придонских пустырей, который оказался наиболее вероятным местом, где смерть могла настигнуть немецких солдат. И чуть ли не сразу наткнулись на крупное захоронение. На всех извлеченных из него солдатах были смертные медальоны — немцы в этом отношении были дисциплинированы (в отличие от наших солдат, выбрасывавших медальоны как плохую примету, что теперь крайне затрудняет их идентификацию).

— Я сверил данные медальонов с теми, что продиктовали мне по телефону из Германии и просто не мог заставить себя поверить, что так бывает: все погибшие служили в том самом воинском подразделении, в котором, по архивным документам, числился Фриц Бах, — рассказывал потом Николай Львович. — Правда, имен-

но его медальона мы не нашли, а вскоре были вынуждены приостановить раскопки по тривиальной причине: почти у всех солдат — золотые зубные протезы, а мы не могли обеспечить надлежащую охрану. Связались с Курском, где находится региональная организация, курирующая эксгумацию воинских потерь в годы Великой Отечественной войны. Их специалисты вскоре прибыли в Криничное и, сменив наших ребят на месте раскопок, нашли еще одного немецкого солдата. Это был именно он, Фриц Бах, протопавший тысячи километров от своей земли Баден-Вюртемберг, чтобы бесславно кануть в глубы срединной русской земли...

Но подобные эпизоды не так уж часты в практике поисковиков: они не «волонтеры без границ» и их цель — не память о войне вообще, безотносительно к тому, кто в ней был прав, а кто виноват. Ребят ведет на поля былых сражений память о подвиге их дедов и прадедов, святой долг перед павшими защитниками Родины.

По подсчетам Николая Львовича, за время работы поискового отряда «Память» было эксгумировано и перезахоронено с полагающимися воинскими почестями более 1500 солдат и офицеров. Поисковики изыскали средства и установили памятники воинам, павшим при освобождении района, в селах Каразеево, Медово, мемориальные плиты — в селах Дьяченково, Красногоровка, Сухой Донец, на месте бывшего хутора Оголев. А там, где приняла последний бой легендарная на Богучарщине восьмая рота, прикрывавшая в июле 1942 года отход наших войск за Дон в районе хутора Галиевка, по их инициативе и при их непосредственном участии вознесся гранитный обелиск.

Одно только не поддается подсчету — немислимое количество тонн земли, крепчайшего степного чернозема, прошедшего через ребячьи руки в ходе этих скорбных раскопок. А чем измерить упорство и терпение, помогающие снова и снова бить шурф за шурфом в поисках солдатских останков, когда уже уходит надежда и только долг, святой долг перед павшими, не дает опустить руки! Не каждый же адрес поиска приносит результат. Бывают и неудачи, когда пустым номером оказываются самые, казалось бы, верные предположения о том, где именно надо копать. Но удача все-таки улыбается намного чаще, потому что отряд никогда не выходит в поле наобум. У Новикова — большой и бесценный опыт, наработанная, до малейших деталей продуманная методика поиска. Готовясь к очередному полевому сезону, он заранее помечает места, где воткнется в дерн первый штык командирской лопаты. Каждое из них можно было бы назвать «треугольником ошибок» — есть такой термин в армии. Засекая, допустим, местоположение работающей вражеской радиостанции, к ней бросают пеленги от трех равномерно отстоящих друг от друга точек. Пересечение линий образует треугольник: противник внутри, его координаты выявлены, дальше дело за артиллерией. Вот и у Новикова свои пеленги. Первый — доскональное знание всех боевых действий на территории Богучарского и окрестных районов — от мелких стычек до генеральных сражений. Кто, где, когда, какими силами с той и другой стороны, с каким исходом и какими потерями. Второй — всевозможные документальные источники: выписки из архивов, наши и вражеские полевые карты, свидетельства очевидцев из местных жителей. А третий пеленг — собственная интуиция. Очелжится на два первых уже на месте предполагаемых раскопок, где наметанный глаз поисковика выхватывает из окружающего пейзажа ему одному заметные приметы былых окопов, а мысленный взор явственно, до физической осязательности, рисует картину боя, разыгравшегося семьдесят лет назад. Вот, готовясь к атаке, фашисты начинают артподготовку. Укрытые от снарядов одно — земля-матушка. Но от прямого попадания спасения нет: вот в одном месте вздыбившаяся от взрыва земля бруствера накрывает солдата, уже прошитого насквозь осколками, вот в другом — взлетают в воздух бревна блиндажных накатов... Не он ли, этот блиндаж, ставший безвестной могилой для целого отделения, обозначен вон той чуть

приметной впадинкой в стороне от линии окопа? Вот и лопата ощущает на этом месте не твердый целинный грунт, а податливую перемешку — уже копанную когда-то землю. И решение принято:

— Бьем шурф здесь, ребята!

Слой земли за слоем: под черноземом — глина, под глиной — песок, и вот лопата, войдя в него как в масло, вдруг упирается во что-то упругое и выворачивает клок истлевшей шинели... Нашли!

А бывает и так, что всю работу по поиску пропавших без вести солдат берет на себя Его Величество Случай. Именно так, с больших букв, называет его Новиков после того, как тот несколько раз проявлял себя какой-то неведомой, но словно бы одушевленной силой, прямо указывающей поисковикам: ищите здесь! Вот, к примеру, какую историю, рассказанную Николаем Львовичем журналистам «Сельской нови», хранит один из газетных номеров за 2006 год:

— Мы долго искали место геройской гибели восьмой роты, но, увы, безуспешно. И вот как-то спрашивает меня Володя Найденов — один из наших взрослых поисковиков: нет ли у меня случайно книги Михаила Богучарова «Отцовские рассказы про войну» (Михаил Богучаров — псевдоним Михаила Грибанова, уроженца Богучара, бывшего первого заместителя министра культуры СССР, посвятившего несколько своих книг теме фашистской оккупации Богучарского района — А.К.). Книга нашлась — ее три года назад мне подарила школьница Юлия Свиная из Цапковской школы — как знак признательности за работу поисковиков в окрестностях их хутора. «Почему я вспомнил про эту книгу, сам не знаю, — признался мне потом Володя. — Но только прочитал я, как главный герой Санька наблюдает неравный бой горсточки красноармейцев с немецким парашютным десантом, и у меня вдруг что-то щелкнуло в голове: стоп, думаю, а ведь повесть-то автобиографическая! Значит, и в описании места, где он наблюдал бой, автор должен сохранить реальные приметы. На другой день после работы взял лопату и пошел под Галиевку. Нашел все: и кусты, откуда Саньке всего удобнее было бы наблюдать за донской переправой, и овраги через взгорье, и высоту, господствующую на всей окрестность, поэтому как нельзя лучше подходящую для огневого заслона перед наступающим противником... В общем, стал копать».

— Заразил-таки и нас, — продолжил свой рассказ Николай Львович. — К Найденову присоединились еще несколько поисковиков, и я в том числе. Работали целый месяц. И стерли в конце концов белое пятно на поисковой карте! Шесть солдат обрели достойные почести и место упокоения. Они лежали там, где их застали вражеские пули. Кто-то досылал патрон в патронник, кто-то, как пел Высоцкий, «принял пулю на вдохе» и сполз на дно своего персонального окопчика, кого-то взрывом вмяло в бруствер...

И надо было видеть, как наши юные помощники Илья и Сергей притихли, глядя на пробитые пулями каски, раздробленные осколками черепа: «Как им, наверное, хотелось жить!»

— Конечно, хотелось, — говорю ребятам. — Но они понимали, что судьбы тысяч их товарищей сейчас зависят от их стойкости. И стояли до конца.

Направив поисковиков на точное место гибели 8-й роты, Его Величество Случай еще раз вмешался потом в их работу — теперь уже прямо-таки мистическим образом, заставив довести дело до конца. На следующий день после того, как было принято решение прекратить раскопки, к Новикову пришел его заместитель по отряду «Память» Геннадий Шкурин. Рассказал, что ночью к нему во сне явился красноармеец. И сказал только одно: «Что же вы, ребята, всех взяли, а меня оставили? Я чуть подальше лежу, не в самом окопе, а в боковом отрожке...»

Шкурин был настроен решительно:

— Как хочешь, Львович, надо сходить проверить. Не поддержите меня — один пойду искать.

Новиков, хоть и не без раздумий, согласился. Мистика, конечно, но мало ли... Поисковики вновь отправились на место раскопок — и останки красноармейца нашли именно там, куда их сориентировал вещей, как оказалось, сон.

Что это было? Новиков говорит так:

— Судьба специально дает нам зацепки для того, чтобы найти всех убиенных воинов, не обретших должного покоя. Видно, Богу угодно, чтобы не поросло быльем наше прошлое, а его герои не были забыты.

Ну, а сегодняшнее время, организующее таких людей, как Николай Новиков, заботится о том, чтобы было кому на Руси слышать Бога. Посвятив свою жизнь духовно-нравственному и патриотическому воспитанию молодежи, он постоянно расширяет рамки этой благородной миссии. Сегодня в отряде «Память» работают не только богучарцы, но и жители Петропавловского, Верхнеамонского, Кантемировского, Россошанского районов. В 2007 году на базе отряда «Память» был создан клуб с таким же названием, открывший новые перспективы и новые масштабы воспитательной работы с молодежью. Членами клуба могут быть все желающие в возрасте от 14 до 40 лет, отказов нет никому. Лишь бы человек искренне хотел помочь восстановлению и сохранению памяти о прошлом, не был равнодушен к судьбам Родины.

Сегодня в клубе 80 человек. Молодые люди готовятся к ответственной взрослой жизни, в том числе к службе в армии, учебе в военных вузах. Получают навыки научных изысканий в области археологии и истории. Нарбатывают опыт участия в научно-практических конференциях, сборах и чтениях.

А в начале нынешнего века — как раз в первый его год — по инициативе Николая Львовича был создан молодежный археологический лагерь «Возвращение к истокам», который он же и возглавил. На лагерные сборы, помимо богучарских школьников, приглашаются студенты Воронежского педуниверситета, их научную работу курирует доцент этого вуза Валерий Березуцкий. За прошедшие годы ребята раскопали около двадцати древних курганов, обнажив огромный исторический пласт — от эпохи ранней бронзы до Золотой Орды. Ежегодно то в одном уголке Богучарщины, то в другом вырастают палаточные городки — работа продолжается. От желающих попасть туда нет отбоя. Еще бы: интереснейшие находки, ночевки в палатках, песни у костра... Хотя иногда случается такое, что никому не до песен. Как правило, когда вскрываются захоронения жрецов тех или иных племен. Словно бы духи из некоего астрального мира мстят за потревоженный прах своих адептов.

Один такой случай произошел, считай, на моих глазах. Да что там на моих — в свидетелях оказались сотни жителей Богучара и окрестных сел. Было это лет шесть назад. В один из жарких августовских дней я услышал за окнами своего дома раскаты грома. Темнеющее вечернее небо беспрерывно, одна за другой, пронизывали гигантские молнии. Присмотревшись к этой огненной феерии, я заметил, что она как бы каймой охватывает город: молнии били по его периметру, не достигая установленных на въездах в Богучар освященных крестов-оберегов. Глядя в центр этой дуги, я постепенно начал о чем-то догадываться. Но догадки были настолько фантастичны, что просто не умещались в голове: неужели действительно все дело в том, что происходит в данный момент вблизи Богучара?

Дня через три после этого я встретил в городе Новикова. И не преминул остановиться:

— Николай Львович, вы не удивляйтесь вопросу: что вы делали в прошлый четверг?

Он сразу понял, о чем речь:

— Что, напугала гроза? А если бы вы видели, что творилось у нас в лагере...

Оказывается, в тот день, уже ближе к вечеру, ребята из новиковского археологического лагеря вскрыли очередное древнее захоронение.

— Яма оказалась трехметровой глубины. Такой же высоты был, видимо, и курган, но распахали его уже почти под ноль. Еще бы немного, может, каких-нибудь два-три года — и место захоронения мы вряд ли обнаружили бы. Представьте: три с половиной тысячи лет стоял себе курган, нас дожидаясь. А что такое три года по сравнению с тремя тысячелетиями? Миг один! И вдруг мы бы на этот миг опоздали! А захоронение-то было интересное. Типичное для так называемой срубной культуры — ее представители кочевали по здешним местам во второй половине второго тысячелетия до нашей эры. Разводили скот, воевали с соседними племенами. И в том и в другом были великими мастерами. А свою знать хоронили в деревянных срубах, над которыми насыпали курганы — чем выше был соплеменник в иерархии, тем выше курган. Но, как оказалось, знатный «срубник» был в этом кургане «подселенцем» более раннего покойника — жреца эпохи катакомбной культуры. О принадлежности последнего к высшей касте говорили искусственно деформированный при жизни череп — знак отметки богов, молитвенно сложенные руки, жаровня для благовоний. В ногах и у головы — по глиняному сосуду: один с дарами для богов, другой — для личного пропитания в мире ином. Обнажили мы останки и пошабашили до следующего утра.

После ужина ребята сидели с гитарой у костра, а я в своей палатке делал записи по итогам дня. И вдруг как грохнет в небе! У меня аж уши заложило. Выскочил из палатки — над головой дикая гроза. «Опять!» — мелькнуло у меня в голове. И еще одна мысль: «Только бы не в ребят! Я руковожу раскопками — я за все и в ответе».

— А что вы имели в виду, когда подумали «опять»?

— Да то, что гром и молнии — это уж, как я заметил, такой обязательный «салют» при раскопках древних курганов, если в них находим останки служителей культа. Прямо с первого началось. В 2000 году — это дата начала работы нашей археологической экспедиции — после вскрытия катакомбы, где опять-таки был похоронен жрец, мы так же точно попали под «перекрестный огонь»: молнии били в открытый раскоп, плыли над ним шарами, а ночью разразилась такая гроза, что просто чудо, что ничего не загорелось в близлежащей Веревковке. Как видно, не это было целью...

Так что же выходит: это действительно месть высших древних сил? Неужели в самом деле те жрецы, шаманы и колдуны обладали такой властью и такими возможностями, которые проявляют и сегодня? Ни у кого, по словам Николая Львовича, нет и не может быть рационального объяснения этому огненному феномену. Что же касается мистики... Народы, населявшие в то время нашу местность, исповедовали многобожие (до 350 богов, а то и больше). Были среди них и боги, под покровительство которых отдавались захоронения и покой могущественных духов жрецов и вождей. Вскрывая курганы, не вызываем ли мы их ярость?

И вообще, может, не трогать эти курганы? Не есть ли это кощунство и осквернение могил?

— Я бы не стал употреблять такие слова: они категорически не подходят для характеристики нашей работы, — твердо говорит Н.Л. Новиков. — Цели нашей археологической деятельности — научная и педагогическая. Благородные цели. Не случайно каждый сезон начало работы освящается православными священниками. А в нынешнем году с нами вообще работал священник из Борисоглебска. «Грابتь могилы — великий грех, а трудиться для блага науки, как вы, в том греха нет никакого», — таково его мнение.

По итогам раскопок в Богучарском районе Валерий Березуцкий выпустил уже

несколько солидных монографий, в том числе в соавторстве с Николаем Новиковым. Тиражи у них небольшие, но уж в богучарских музеях и школах они, конечно, имеются. И надо видеть лица юных археологов, своими руками добывавших ценный научный материал, когда они листают эти книжки!

Краеведческая и археологическая деятельность дубравских школьников легла в основу районного научного общества «Танаис», объединяющего сотни учащихся школ района. Эти ребята учатся смотреть в прошлое своей малой и большой Родины открытыми глазами, чтобы видеть в нем не бледные тени людей и событий, а живую жизнь во всех красках.

— Краеведение и археология, — убежден Николай Новиков, — должны лежать в основе духовно-нравственного и патриотического воспитания каждого поколения, вступающего в жизнь. Без этого любой объем исторических сведений о своей Родине — не более чем интеллектуальный груз, хранящийся в голове, а не в сердце. В час испытаний он не поддержит, в смертном бою в атаку не поднимет, в чужих краях ностальгией не замучит. Костяные бусинки маленькой модницы и меч вождя, извлеченные юным археологом из могильного кургана, намного больше расскажут ему о скифской эпохе воронежского Придонья, чем строчки из учебника. А пробитая пулей каска или полустлевший медальон на солдатских останках глубже оставят след, чем сто фильмов о войне. След в душе. А мы ведь, кроме души, ничего с собой и не возьмем на Высший Суд.

Евгений Павлович Романов родился в 1955 году в селе Радченское Богучарского района. Окончил Воронежский государственный педагогический институт. Работал учителем, директором ряда школ района, школы №1 г. Богучара. Публиковался в региональной печати. Автор более 300 статей по истории Богучарского края, монографии об истории создания и боевом пути 40-й Богучарской стрелковой дивизии. Награжден знаками «Отличник просвещения», «За заслуги перед Богучарским районом». Живет в Богучаре.

Евгений Романов

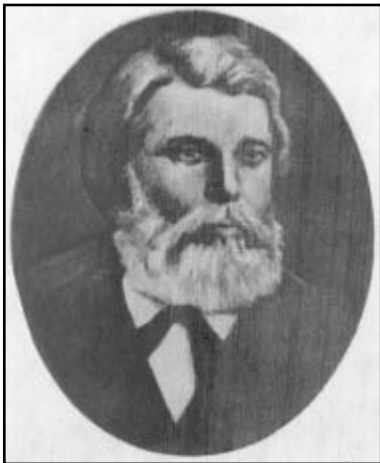
ЧЕХОВСКИЕ КОРНИ

Наверное, символично то, что А.П. Чехов родился за год до отмены крепостного права. Ведь именно на долю чеховского поколения русских людей выпала суровая судьба. Крестьянам было позволено выкупать себя из крепостного права, но для этого надо было непомерно трудиться. Дед писателя, Егор Михайлович Чехов, ценой напряженного труда, скопив три с половиной тысячи рублей, сумел выкупить из крепостного состояния всю семью к 1841 году. Известно, что род А.П. Чехова неразрывно был связан с Богучарским краем. Но ранее практически ни в одной публикации не сообщалось, а как же протекала жизнь Чеховых в с. Твердохлебовка.

Егор Михайлович вспоминал о получении вольной: «Я обратился к помещику с просьбой об освобождении меня и моей семьи от крепостничества. Помещик подсчитал всех членов семьи и нашел, что для выкупа моей дочери Александры денег не хватает, и он отдал мне ее бесплатно, как малоценный товар». Когда были оформлены документы, помещик подарил Егору Михайловичу «... две телеги с парой лошадей каждая». Он также рассказывает: «Собрав свой скудный скарб, среди которого я вез два короба книг и журналов, подаренных мне членами семьи помещика, на другой день ранним утром, простившись со своим учителем грамоты Сидором и его семьей, я покинул место мрачной жизни крепостного раба — имение Ольховатку (после выкупа на волю Егор Михайлович

прожил в Ольховатке с семьей еще два года. — *Е.Р.*)». Путь его семьи лежал через Россось, мимо Митрофановки, села Райновское и хутор Даниловку. Только к вечеру в субботу он прибыл в деревню Константиновку (ныне Кантемировка). На другой день, в воскресенье, проехав деревни Талы, Писаревку, они прибыли в село Твердохлебовку, чтобы здесь выдать свою дочь Александру замуж, поясняя, что «она была очень юная, и я боялся везти ее в город, ибо там жулики ее могут обмануть. Дочь была выдана замуж за сельского писаря Василия Григорьевича Кожевникова, грамотного человека, которого сочли достойным дочери». Сохранились воспоминания о деде писателя Егоре Михайловиче Чехове и семье его дочери Александры Егоровны, записанные К.А. Руденко со слов своей матери Веры Васильевны Руденко, дочери А.Е. Чеховой (Кожевниковой). Как сообщалось в записях: «Егор Михайлович Чех, отец моей матери Александры Егоровны Кожевниковой, часто навещал свою дочь, проживающую в Твердохлебовке Воронежской губернии в 15-ти верстах от уездного города Богучара. Это посещение обычно приурочивалось к осени, после окончания сельскохозяйственных работ в имении помещика Платова на Донщине, где Егор Михайлович работал управляющим его имения. Путь в село Твердохлебовку был нелегким, так как большую часть его надо было преодолевать на лошадях в дождливую осеннюю погоду. Для всех нас его приезд был радостным и желательным, особенно для его дочери, нашей матери, которая очень тосковала за своими родными, будучи оторванной от них с юношеских лет своей жизни. Егор Михайлович тоже охотно проводил зиму у своей дочери Егоровны (так он ее именовал), питая к ней особенное чувство трогательной жалости из-за ее постоянной тоски по матери... Нас в семье было пять человек. Три старших сестры: Анастасия, Мария, Анна, брат Василий и я — младшая дочь Вера. Отец мой, Василий Григорьевич (Кожевников), был сельским писарем и работал в волостном управлении села Твердохлебовка. Целыми днями он был занят писанием и переписыванием служебных бумаг. Иногда он не успевал выполнять всю работу и приносил домой целую сумку таких бумаг, за которыми просиживал до поздней ночи. При такой нагрузке служебными делами мой отец мало помогал в домашних делах... Усаживаясь в углу за длинным столом, он размещал всех вокруг стола, а меня (младшую дочь Александры Егоровны), всегда сажал рядом с собой, чтобы мне лучше было видеть в книжке картинки. Надевал очки, и начиналось чтение. Иногда он прерывал его, объясняя прочитанное своими словами. Особенно интересны были его рассказы из прошлой жизни. Кроме нашей семьи, его приходили слушать соседи, учитель церковно-приходской школы, местный лекарь и даже священник».

Егор Михайлович, давая землякам практические советы по сельскому хозяйству и пчеловодству, пользовался заслуженным авторитетом не только у жителей Твердохлебовки, но и в земской управе г. Богучар, куда его практически в каждый приезд к дочери приглашали для участия в заседаниях управы. «В знак глубокого уважения Егору Михайловичу присылали из управы газеты и всевозможную литературу, которую он с большим интересом прочитывал. По словам детей Александры Егоровны, Егор Михайлович был очень умным и начитанным человеком, который на все вопросы давал разумные ответы». Ефросинья Емельянова и Егор Михайлович переживали, что дочь Александра не могла учиться, ведь ее брат Павел (отец А.П. Чехова) учился в гимназии. Вместе с тем Александра отмечает, что «три дочери и сын обучались грамоте в местной приходской школе, а младшую дочь Верочку, любимую внучку, он обучал грамоте сам и, обучая, всегда приговаривал: «Учись, Верочка, и знай, что неграмотный человек — это слепой человек». Далее он давал ей советы читать книги, которые дают человеку знание о многом невиданном... На приусадебном участке Егор Михайлович помог организовать пасеку и посадить огородные растения.

Егор Михайлович Чехов.
Фото 60-х годов XIX века

л-ом Павловым из деревни Верхняя Гнилуша. «Он начал советовать дочери об устройстве семейной жизни второй ее дочери Марии, что и было сделано через год после замужества первой дочери. Уже через год с помощью мужа второй дочери Павлова знакомится Егор Михайлович с уроженцем станицы Журавка (Донская) Сереженко Никитой, проживающим небольшой торговлей, и просит его побывать в доме дочери в Т., где тот знакомится с внучкой Анной и делает ей предложение о совместной их жизни». Сам Егор Михайлович проживал в г. Таганроге, куда к нему навевывались дети и внуки. Однажды во время разлива, когда к г. Богучару по реке стали проходить баржи и пассажирские пароходы, Александра вместе Верой, простившись у пристани с Анастасией (Кудиновой) отправилась по Дону в имение Платова, где жил Егор Михайлович. «На другой день утром мы прибыли к месту жительства Егора Михайловича, где он нас встретил и повел в свой домик. Открыв дверь, мы увидели старенькую, слабенькую женщину, сидевшую на постели с протянутыми к нам руками. Моя мама с рыданиями бросилась к ней, упала перед ней на колени и без конца целовала бабушкины руки. Я повторяла за мамой то же самое и громко плакала...»

Через сутки они вернулись в Богучар, а затем в Твердохлебовку. В этом же году в июле Ефросинья Емельяновна умерла. В начале октября Егор Михайлович в сопровождении сына Митрофана Егоровича приехал в с. Твердохлебовку с просьбой в Василию Кожевникову помочь с ликвидацией дел в имении Платова. Митрофан Егорович пробыл в Твердохлебовке три дня и уехал. В конце лета и осенью 1878 года Е.М. Чехов побывал у внуков в Таганроге, Москве, Калуге, а затем в новый год прибыл в Богучар и Твердохлебовку.

Вера вспоминала: «Приближались рождественские праздники, и Егор Михайлович, несмотря на большие морозы, решил посетить все церковные службы. В его адрес были получены поздравительные праздничные послания от сыновей, знакомых и работников земской управы г. Богучара, что очень обрадовало его. В конце января земская управа все же решила сделать ему приглашение приехать на совещание, от чего он отказался по состоянию здоровья и просил при надобности прислать к нему агронома, где он сможет дать какие-либо советы. Что и было сделано. Прошли морозные месяцы, приближалась весна, и Егор Михайлович стал тяготиться своим бездельем, начал вспоминать свою трудную жизнь с самых ран-

Вскоре семью постигло горе: муж Александры Кожевниковой (Чеховой), Василий Григорьевич, потерял зрение. «К этому времени детей у Александры Егоровны было уже пять человек — четыре дочери и один сын. Положение сделалось затруднительным, во главе семьи стал несовершеннолетний сын Василий, который вел небольшую торговлю при доме и смотрел с сестрами за пасекой и огородом». Однажды Егор Михайлович был приглашен на заседание управы. В поездку он взял с собой внуков. В Богучаре он познакомился с одним из сотрудников управы Акимом Кудиновым, работающим там около четырех лет и проживающим в г. Богучаре. Прошло некоторое время, и Егор Михайлович предложил Александре Егоровне устроить семейную жизнь ее старшей дочери Анастасии с Кудиновым. Впоследствии они поженились. Здесь же в Богучаре Егор Михайлович знакомится с торговцем оптовой продажи мануфактуры Михаилом Павловым из деревни Верхняя Гнилуша.

них лет. Дочь Александра Егоровна и внук Василий успокаивали его, говоря: «Отдохнешь хорошо и снова начнешь трудиться». Но время больше не пришло. Егор Михайлович начал жаловаться на недомогание и большую слабость. Уставал даже читать и просил меня, внучку, помогать ему в этом. Читали мы больше на религиозные темы и журналы по сельскому хозяйству. Внук Василий с ведома Егора Михайловича обратился в сельскую управу с просьбой прислать врача проверить состояние здоровья дедушки. Врач нашел у Егора Михайловича большую слабость относительно физической нагрузки прошлого, отразившейся на сердечной деятельности».

Видя ухудшающееся состояние здоровья дедушки, мать написала всем дочерям письма с просьбой навестить дедушку. Внучки своим приездом очень обрадовали Егора Михайловича. При этом Егор Михайлович высказал мысль пригласить сына Митрофана приехать его проведать, так как он уже плох и не может никуда двинуться. Письмо брату Александра Егоровна написала, и он уже через неделю приехал в Твердохлебовку. Егор Михайлович настолько обрадовался, что от радости расплакался. Мы все очень разволновались и с трудом успокоили дедушку».

Предчувствуя близкую кончину, Егор Михайлович решил посетить родственников. В письме, направленном отцу Антона Павловича Чехова его братом Митрофаном, сообщалось: «В воскресенье 11 числа он был в Богучаре в гостях у Настеньки. Прощаясь с ними... он им пророчески сказал: теперь я всех детей и внуков проведать и благословил — так, как Исаак Якова, Яков Иосифа и братию его; этим я приготовил себя к погребению». 12 марта Егор Михайлович вернулся в Твердохлебовку и «почувствовал дурноту». К нему был приглашен священник для исповеди. «После окончания таинства священника он попытался пройти по комнате поддерживаемый с одной стороны Василием Георгиевичам, а с другой — сестрой. На поворот обратно он преклонил колена, и более у нас не стало отца, благодетеля...» Случилось это «в 5 часов по полудню». Священник отец Константин

Родственники А.П. Чехова по линии Кожевниковых.
Фото начала XX века, г. Богучар

прочитал отходную молитву. Иван Феофанович Луценко тотчас направил телеграммы всем детям Егора Михайловича. Митрофан Егорович и Людмила Павловна ответили сразу же и попросили, чтобы отца не хоронили без них. Уже 14 числа в 11 часов вечера они прибыли из Ростова в Кантемировку, где их встретил Иван Феофанович. Через час, проехав на лошадях 45 верст, к 7 часам утра в четверг 15-го они были в Твердохлебовке. Тело покойного все это время лежало в местной церкви. Состоялись похороны 15 марта 1897 года на местном кладбище. Егора Михайловича похоронили с почестями, как сообщал в письме Митрофан Егорович, «такого не видели даже в городе. На могиле был поставлен дубовый крест с резьбой имени и фамилии, кто здесь покоится».

6 апреля 1897 года было отправлено первое письмо отцу А.П. Чехова, в котором Митрофан и Людмила Чеховы, побывавшие в Твердохлебовке, подробно описали последние дни жизни и похороны их отца. Они попросили прочитать письмо Михаилу Михайловичу, а потом отправить его в Калугу с просьбой впоследствии прислать письмо обратно в Таганрог. Письмо это по-своему бесценно. Оно было найдено в Государственном историческом музее в Москве Е. Пажитковым. Выдержки из этого письма частично были использованы мною при написании данной статьи. Интересно, что в нем описано, как проходили последние дни деда А.П. Чехова, подробно изложено, как проходили сами похороны. Сейчас часто можно встретить в печати, как проходили свадьбы, народные праздники, но практически нет описаний похорон. Эти сведения, как правило, передаются из поколения в поколение нашими бабушками и священнослужителями. В письме, в частности, пишется: «Через час после нашего приезда отслужена была панихида.... через два часа явилось все духовенство — три священника, дьякон и причетники, и опять служили панихиду... Вынос тела на крыльцо, во двор и при выносе за двор трижды сопровождалось чтением св. Евангелия. На колокольне производился печальный протяжный звон. Шествие из церкви началось похоронным пением... на старинный напев, после этого остановились. На протяжении всего пути до храма останавливались два раза. Здесь была отслужена литургия по покойнику. При отпевании погребения и прочтения отцом Михаилом надгробной проповеди вся слобода держала гроб с покойником на руках. Шествие на кладбище шло медленно и сопровождалось пением и чтением Евангелия...»

Второе письмо было написано на адрес Павла Егоровича и Евгении Михайловны 29 апреля 1897 года из Таганрога. В нем писалось, что «завтра... ему исполнится 40 дней», описывались переживания и давались обещания отслужить завтра литургию и панихиду в церкви Детского приюта. Содержание этих писем публикуется впервые. Полный их текст еще требует детального изучения и, конечно, публикации.

Е. Пажитков в разговоре отметил, что эти письма по картотеке Государственного исторического музея он скопировал первым. После этого посетил Таганрог, Богучар, Твердохлебовку, куда с ним приехала родственница А.П. Чехова. Неутомимый исследователь собрал богатейший материал родословной А.П. Чехова. Перед ним было неловко. Ведь на Богучарской земле похоронен дед знаменитого писателя, а могила остается безвестной. Так же, как и то, что его родственник Кожевников вместе с женой работал в местных школах: заместителем директора, учителем начальных классов, русского языка и литературы в Луговской и Твердохлебовской школах. А многие ли знают, как жили и что делали Чеховы на Богучарщине? Настоящая публикация только чуточку приоткрывает страницы прошлого. Эти хроники достойны детального изучения. Чтобы мы жили и помнили.

ПРООБРАЗЫ ЧЕВЕНГУРА

(Андрей Платонов и Богучарщина)

22 января 1921 года в здании местного городского ревкома выступил электрик Андрей Платонов, который сделал доклад «О частной электрификации Богучара при использовании вод реки Дон». Тема была фантастически интересной. Немного погодя будущий известный писатель в газете «Воронежская коммуна» подчеркивал: «Электрификация есть начало освобождения человека от угнетения материей, от борьбы с природой...»

Сама давняя командировка для молодого электрика была весьма запоминающейся. Не случайно высказывается мнение, что именно эти места стали прообразом его экзотического Чевенгура. Ситуация тогда в уезде была очень сложная: из-за засухи и гражданской войны разразился страшный голод. В Богучаре жители съели всех кошек и собак. Газета «Воронежская коммуна» в июне 1922 года писала: «Голод в уезде большой. Вот цифры: в январе по 12 волостям умерло 221 человек (150 от голода), в феврале 295 (148 от голода), в марте 549 (255 от голода). В уезде участились случаи людоедства. Так, в селе Бычек умер в одной семье мальчик. Его родные отрезали часть еще не остывшего трупа и утолили голод». Нуждающимся помогали всем миром. Так, в 1921 году в Богучарском уезде в помощь голодающим было собрано два миллиона рублей. Но и с другими воронежцы делились последним. С заготовительных пунктов на станции Кантемировка и Митрофановка в Царицын было отправлено 50 тысяч пудов, в Оренбург — 36 тысяч пудов зерна. Вместе с тем газета отмечает и некоторые позитивные перемены в уезде: «Работа понемногу входит в колею, функционирует молочная ферма. Молоко передается детским приютам и больницам, началась работа колбасной фабрики».

Очень трудным для богучарцев был 1922 год. Но, несмотря на трудности, город жил и трудился. 1 апреля был открыт районный краеведческий музей, «имевший до 2000 отдельных предметов, преимущественно от эпохи гражданской войны».

В романе «Чевенгур» писатель описал и события, происходившие в уезде в двадцатые годы: «В Россоши — по рассуждениям самих чевенгурцев — народ тяжеловатый, пригнетенный помыслами к земле. В Богучаре же — воздушный, добрый. Божьи люди. До революции Богучарский уезд был центром федоровщины — апокалиптического сектантского движения, сотни тысяч приверженцев которого упорно жили в безгрешности и аскезе, со дня на день ожидая второго пришествия и Страшного суда. Видя такое настроение населения, большевики устроили федорцам второе пришествие: почти все они сгинули в лагерях».

Связь А. Платонова с богучарцами была обоюдопользительной. Скважина в районе городской электростанции была маломощной, и жители обратились к А. Платонову, представителю губисполкома, с просьбой соорудить водопровод. 14 октября 1924 года члены исполкома писали: «Просить тов. Платонова, как ознакомившегося с этим положением на месте — поддержать ходатайство перед губисполкомом и губземотделом». Андрей Платонов занимал должность председателя комиссии по гидрофикации губернского земельного управления, первоначально называвшейся чрезвычайной комиссией по борьбе с засухой, или Земчека. Название должности несколько раз менялось. Под его руководством в Богучаре стала работать электростанция. «Ее мощность 1000 осветительных единиц. В сеть включено 300 электрических лампочек». Губернский мелиоратор (он же производитель работ по электрификации) оставил после себя нечто большее, чем срубываемые колодцы и паровые движки.

21 мая 1925 года в Воронеж прилетел корреспондент газет «Правда» и «Гудок» Виктор Шкловский. Его задачей было создание авиаклубов под лозунгом «Авиаким лицом к деревне!» В редакции «Воронежская коммуна» В.Б. Шкловский познакомился с Платоновым и пригласил его полетать с ним по области на шестиместном «Юнкерсе». Посетили они и Богучарский уезд. Тем более, что была весома причина: богучарцы заработали и передали в фонд эскадрильи «Наш ответ Чемберлену» 524 рубля; 3440 юношей и девушек вступили в ОСОАВИАХИМ. Журналист, естественно, заинтересовался этими фактами. Самолет сел на реке Дон в районе х. Галиевка. Это путешествие в губернии, в том числе в Богучар, он описал в книге «Третья фабрика» (глава «Богучарская Сибирь»): «Платонов понимал деревню. Я пролетел над ней аэропланом. У нас что-то не ладилось. Пели мы «Кирпичики» в кабине. Аэроплан летел ушибленным жуком. Стороной проходил косой дождь. Ночевали на берегу в аэроплане, покрывая его брезентом. Видали детский дом. 400 подкидышей. По трое в кровати. Они больны малярией и госпитализмом. Отсутствием личной судьбы. Ребенку она нужна. Фамилии у этих детей новые: Тургенев, Достоевский... Пеленки перечеркнуты крест-накрест. Чтобы не воровали. Деревни огромные — их не натопишь. В них люди, видавшие революцию. Им скучно, они хотят в город. Деревня хочет быть городом. Около аэроплана толпа всю ночь и дежурили милицейские. Старики спрашивали нас: «А что за хмарой?» Хмара — это облако. «За хмарой бога нет», — отвечает летчик. Он спорит о боге и уличает образа в том, что у Ильи-пророка на колеснице отточенные спицы. А тогда не было токарных станков. Деревня не спорит. Ей скучно, а мы прилетели. Она спрашивает, сколько стоит полет. И собралась бы на полет в избах без стекол...» В «Воронежской коммуне» Шкловский напечатал заметку «Лицом к Воронежу». Впоследствии Платонов изобразил Шкловского в образе Сербинова в романе «Чевенгур». Обращает на себя внимание и такой факт. Андрею Платонову была выделена машина марки «Форд». В книге Шкловский отмечал: «Товарищ Платонов ездит на мужественном корыте, называемом «авто-

Митинг в Галиевке, у переправы через Дон.
Выступает Виктор Шкловский. 1925 год

Андрей Платонов (слева второй) с командой агитсамолета в Богучарском уезде. 1925 год

мобиль»...» Кстати, Валентина Трошкина в своих воспоминаниях тоже писала, что «на нем (на Платонове. — Е.Р.) всегда была гимнастерка, вечно засаленная, потому что он постоянно возился с механизмами, инструментами, все изобретал, ремонтировал чего-то...»

Писатель отмечает, что под руководством товарища Платонова были построены десятки плотин, вырыты сотни прудов и колодцев, сделаны электростанции в Богучаре и Рогачевке. В. Шкловский описывал свою встречу с Платоновым так: «Качать воду должен был двигатель. Но доставали ее из другого колодца пружинным насосом. Пружина вбегала в воду и бежала обратно, а вода за нее цепляется. Крутили колесо пружины две девки. «При аграрном перенаселении деревни, при воронежском голоде, — сказал мне Платонов, — нет двигателя дешевле деревенской девки. Она не требует амортизации». Сад стоял, наливаясь. Когда наступил час вечера, солнце закатилось и стало темно».

Андрею Платонову приходилось работать и много писать. Так, вместе со своим тестем они соорудили мельницу в самом центре Воронежа, «на которой мололи муку даром для всех желающих». Но обстановка иногда была невыносимо трудной. «Выстроенная ими позже электростанция в деревне Рогачевке, проработав менее года, в 1925 была кем-то подожжена и сгорела дотла вместе со всем оборудованием».

В 1926 году Платонов переезжает в Москву, решив стать профессиональным писателем. Работы по мелиорации практически были свернуты. Сезон засушливого лета прошел, наступили дождливые дни. Многие его товарищи и сотрудники в период с 1929 года по 1937 год будут арестованы. Отданный в 1930 году в печать «Чевенгур» был одобрен редактором Всеволодом Ивановым, но в последний момент набор рассыпали. Возможно, это и спасло Платонову жизнь.

Нескольким мелиоративным товариществам впоследствии было присвоено имя Андрея Платонова. Среди них Лысогорскому и Ольховскому Богучарского уезда, а также товариществу, созданному в х. Лебяжье.

Геннадий Иванович Собко родился в 1944 году в городе Богучаре. Окончил Старооскольский геологоразведочный техникум. Работал шахтером в Донбассе, служил в ансамбле Краснознаменного Тихоокеанского Флота на Дальнем Востоке. С 1968 года — художник, заведующий Богучарской районной художественной мастерской. Публиковался в региональной периодической печати, в сборнике «Поэтический Богучар». Автор книги «На свете есть только один Богучар». Почетный гражданин города Богучара. Живет в Богучаре.

Геннадий Собко

ШОЛОХОВСКАЯ ТАЙНА

Шолохов и Богучар — многолетняя, закрытая тема, предмет долгого и упорного умолчания и в то же время реально существующая, сложная и противоречивая связь.

Значение Богучара в жизни юного Шолохова важно и весомо тем, что именно годы учебы в гимназии дали ему возможность пребывать в мире людей всесторонне образованных, с особо пристальным вниманием способных рассмотреть в ученике ярко одаренную личность с задатками очень большого таланта и умеющих тут же дать дальнейшее развитие первым росткам этих качеств.

В итоге их усилий даже неполный курс гимназии, ставший единственным официальным образованием молодого прозаика, помог ему найти путь в мир большого творчества и разбудил в нем самом недюжинной силы потребность и способность к самообразованию, которые в свою очередь сделали из провинциального парня академика и нобелевского лауреата.

Эту мысль полностью подтверждает А.В. Калинин, известный писатель и исследователь творчества Шолохова, в своем очерке «Время «Тихого Дона»: «А этот «самородок» еще в стенах Богучарской гимназии, известной на Дону своими педагогами, поражает их и своих одноклассников не только своими способностями и познаниями из области отечественной истории и словесности, далеко перешагнувшими рамки учебных программ, но уже в тринадцать лет

выносит на их суд, читая вслух рассказы на исторические темы и на темы казачьей жизни...»

И совершенно не случайно первые юношеские рассказы, по свидетельству того же А.В. Калинина, а также сверстников юного писателя, в том числе по свидетельству его самого, написаны именно в гимназические годы. Известно, что в одном из рассказов литературно представлена местная легенда о Петре I «Сия Богу чарка!», что дает право считать Богучар творческой родиной Шолохова.

Очень немаловажен факт из родословной писателя. Целая ветвь предков Шолохова — выходцы из богучарских мест. В частности, родная бабушка писателя по отцовской линии, Мария Васильевна Мохова-Шолохова, — дочь богучарского купца. Это подтверждает известный ростовский историк и исследователь Верхнего Дона В.Н. Королев в своей книге «Старые Вешки»:

«Богучарские купцы Моховы имели лавки и в Еланской станице. Эта купеческая семья, как известно, под собственной фамилией фигурирует в шолоховском «Тихом Доне», и, без сомнения, не случайно: дед писателя, Михаил Михайлович, приехавший в Вешки из Зарайска, работал приказчиком в лавке Василия Мохова, женился на его дочери Марии Васильевне и сам стал купцом третьей гильдии».

Известен даже такой факт, что большой, двухэтажный дом первых купцов Шолоховых в центре Вешек в начале прошлого века был построен богучарским прадедом писателя, Василием Тимофеевичем Моховым.

Но, невзирая на все вышеизложенное, богучарский период жизни писателя (1915 — 1918 гг.) отсутствует почти во всех работах его многочисленных биографов, а сама его биография странным образом перепрыгивает из 1914 года прямо в 1918-й. Да и сам писатель крайне сдержан на этот счет и в воспоминаниях, и в творчестве.

Что же стало причиной многолетнего и упорного замалчивания?

Люди старшего поколения сразу же дадут ответ: застарелая вражда, ставшая следствием кровавой резни вешенцев с богучарцами в годы гражданской войны. Но что же все-таки не поделили вешенцы и богучарцы и что именно столкнуло близких соседей в беспощадной, кровавой схватке? Ответ на этот и ряд других вопросов без труда можно найти в творчестве М.А. Шолохова. В «Тихом Доне» (часть 2, глава VI) Михаил Александрович называет одну из главных причин этой трагедии — сословную рознь, в течение нескольких столетий заботливо внедряемую в сознание казаков, сильно осложнившую отношения с неказачьим населением Дона. Это явление, до предела обостренное гражданской войной, неизбежно повлекло за собой катастрофические последствия.

А начало кровавым событиям положил ставший в начале 1918 года донским войсковым атаманом печально известный генерал П.Н. Краснов. Происходивший из вешенских казаков, достаточно образованный, он был одержим идеями сепаратизма и создания независимого казачьего государства под названием Дно-Кавказский Союз с присоединением к нему царицынских и воронежских земель, а также Донбасса и пр.

Летом 1918 года красновцы, представляющие Донскую армию, силами в несколько дивизий под командованием генерала Алферова вторглись на территорию южных уездов Воронежской губернии, где совсем недавно была установлена советская власть: «... боевые единицы, скомпонованные из сотен мигулинских, мешковских, казанских и шумилинских казаков... повели осаду уездного города Богучара» («Тихий Дон», часть 6, глава II).

9 августа 1918 года город был казаками взят. Краснов считал Богучар исконно своим ввиду того, что город был когда-то отобран Петром I у Войска Донского. В Богучар вошли части, укомплектованные в основном уроженцами соседних верхнедонских станиц. Сразу же были казнены все члены Совета во главе с

Делегация богучарцев в гостях у Михаила Шолохова

И.П. Белогубовым, председателем УИК, Н. Гармашовым и А. Плетенским. Был полностью уничтожен красноармейский госпиталь вместе с медперсоналом (теперь на этом месте улица Павших Стрелков). В окрестных селах каждый житель был обложен налогом в 3000 рублей. Карательные отряды истребляли весь сознательный элемент. Каждую ночь расстреливали 15 — 20 человек. Пытались провести мобилизацию, но все боеспособное население добровольно служило у красных. Были зарублены староверы-пацифисты за отказ служить. Были казнены родственники Шолоховых — братья Шерстюковы. Был зарублен Константин Подтыкайло, отец Георгия Подтыкайло (одноклассника М. Шолохова). Огромное количество людей подвергалось пыткам, повальными были грабежи и поджоги.

Богучарцы — народ вольный, сами потомки мятежных булавинцев и слободских казаков — боевой дух предков не утратили и сопротивление оказали сразу же неожиданно яростное. Целыми слободами вступали в схватки: Подколодновка, Журавка, Талы, Дерезовка и другие создавали отряды самообороны, вооружаясь чем попало, добывая оружие в бою. На помощь восставшим пришел из-под Павловска батальон 1-го Богучарского советского полка под командованием Г.И. Бондарева. В яростных атаках вместе с восставшими батальон занял Богучар, захватив 200 пленных, орудия и пулеметы, но удержать город долго не смог и вынужден был отступить к основным силам.

И только 17 января 1919 года Богучар был освобожден силами Богучарского полка при поддержке других частей 2-й Воронежской дивизии.

Более пяти месяцев Богучарский край истекал кровью под властью генерала Краснова. И столько же времени он сопротивлялся, потеряв в боях многие сотни людей.

Из числа защитников Богучарщины выковались командные кадры будущей 40-й Богучарской дивизии: М.И. Ермоленко, А.П. Денисенко, Н.В. Урывский, Н.М. Дронов (сподвижник Подтелкова), М.И. Веремеев, М.А. Пархоменко и многие другие.

Поражение Краснова было так ощутимо, что верхнедонские станицы под вли-

анием фронтовиков вышли из состава его Донской армии и, провозгласив у себя советскую власть, пустили на свою территорию красные части 8-й и 9-й армий РККА Южфронта, воюющие одновременно с Донской армией Краснова и Добровольческой армией Деникина. Обе последние воевали порознь, каждая за свои интересы, и эта несогласованность давала большой козырь красным.

Но неожиданно в марте 1919 года в верхнедонских, лояльных к советской власти станицах — Вешенской, Казанской, Мешковской, Букановской и других — вспыхнуло мощное восстание, вызванное непродуманными, нелепыми действиями новых властей по расказачиванию населения, инициированными Львом Троцким. Без суда варварски были расстреляны сотни подозреваемых во враждебности к новой власти казаков, в том числе уважаемые на Дону старики, придерживающиеся старорежимных взглядов. К тому же на вербованные в красные части уголовники были неуправляемы и творили массу бесчинств и насилий. Восстание, небывалое по масштабам и сути, под красными флагами и лозунгом «За Советы без большевиков!», всколыхнуло Донской край.

На огромной территории восставшими была в считанные дни сформирована целая армия. «...25 тысяч казаков сели на конь. Десять тысяч пехоты выставили хутора Верхне-Донского округа... Тридцать пять тысяч повстанцев делились на пять дивизий и шестую по счету отдельную бригаду...» («Тихий Дон», часть 6, глава XXXVIII). Сюда же влились несколько местных иногородних дружин и взбунтовавшийся красный Сердобский полк. Полностью вооружившись за счет разбитых красных частей артиллерией и пулеметами, 35000 активных сабель и штыков создали смертельную опасность в глубоком тылу воюющих ниже по Дону 8-й и 9-й армий Южфронта. В.И. Ленин срочно издал указ о прекращении процесса расказачивания, но было уже очень поздно. Маховик гигантского мятежа не-удержимо набирал обороты.

Естественно, в причинах этого взрыва уже никто разбираться не собирался, восстание сводило на нет все усилия РККА по овладению Доном, и необходимо было хотя бы его локализовать. При острой нехватке военной силы пришлось наспех сформировывать экспедиционную дивизию: «...экипажи матросов... надежнейшие полки, команды бронепоездов, наиболее лихие кавалерийские части. С фронта целиком были сняты пять полков боевой Богучарской дивизии, насчитывающей до восьми тысяч штыков при нескольких батареях и пятистах пулеметах... Рязанские и тамбовские курсы... часть школы ВЦИКа... латышские стрелки» («Тихий Дон», часть 6, глава XXXVIII).

Эта очень боеспособная, но в численности сильно уступающая восставшим группировка РККА (всего войска не набиралось и двадцати тысяч человек) с самоубийственной решимостью достаточно глубоко вклинилась с севера в мятежную территорию. Закрепившись в нескольких населенных пунктах и оттянув на себя значительные силы восставших, она дала возможность Южфронту перегруппировать свои части согласно возникшей ситуации.

Роль главного тарана в этом прорыве сыграл 103-й Богучарский полк под командованием В.А. Малаховского. Полк партизанский, по-землячески сплоченный, имеющий приличный боевой опыт, награжденный Красным знаменем ВЦИК, к тому же после вторжения красновцев в Богучарский уезд хорошо знакомый с тактикой боевых действий соседей-казаков.

Разумеется, недавний кровавый полугодовой разгул верхнедонцев на Богучарщине сыграл роль мощного стимулятора.

Поддержки долго не было, только в мае подошла на подмогу 33-я кубанская дивизия, в составе которой 103-й Богучарский полк взял станицы Казанскую и Вешенскую — центр восстания. Но силы были неравны (2 дивизии против 6), а время упущено.

7 июля 1919 года Донская дивизия генерала Секретарева (более 20000 сабель) при большом количестве артиллерии и пулеметов прорвала Южный фронт и соединилась с восставшими. Были полностью разбиты красные Кронштадтский и 104-й Бобровский полки. Остальные несли огромные потери. С жестокими боями были оставлены Вешенская, Казанская, Богучар, Бычок, Калач, Бутурлиновка, Верхний Мамон и Павловск. Необыкновенную стойкость проявил 103-й Богучарский полк. Он отходил последним, бесконечно контратакуя и прикрывая собой отступающие части и многотысячные колонны беженцев. Уходили целыми семьями и селами. Тогда же в бою был тяжело ранен комполк В.А. Малаховский. За эту особую доблесть в боях экспедиционной дивизии было присвоено звание 40-й Богучарской.

18 июля 1919 года Богучар вновь заняли бывшие красновцы, которые теперь объединились с денкиинцами. Они сполна припомнили богучарцам прорыв на Верхний Дон. Снова бесконечные расправы, расстрелы, виселицы, грабежи и пожары. Так, в «Тихом Доне» читаем: «...Грабеж на войне всегда был для казаков важнейшей движущей силой». Далее Пантелей Прокофьевич о сыне Петре: «... Ихний... полк за Калачом зараз... Я, сынок, поджился там не плохо... Он мне чувал одежи дал, коня, сахару... Конь справный...» («Тихий Дон», часть 6, глава IX). (Калач в те годы — слобода Богучарского уезда). И снова упорное сопротивление жителей.

И только 19 декабря 1919 года, через полгода после захвата, знаменитый кавкорпус Б. Думенко совместно с частями Богучарской дивизии выбил белых из Богучара и буквально на их плечах вошел в Донскую область.

Разумеется, богучарцы тоже не церемонились с теми, у кого находили свое награбленное имущество, инвентарь, лошадей и пр. Заполыхали ответные пожары. Невозможно было сдержать людей, потерявших своих близких, жилье, имущество.

И лес рубился, и щепки летели. Но все же главную роль в этом жесточайшем отмщении играла местная беднота из казаков. Известна группа красных казаков из отряда Ф. Подтелкова, — отряда, обманным путем разоруженного и варварски казненного белыми. Эти казаки, каким-то чудом избежавшие жуткой участи своих сподвижников, сражались в составе одного из кавэскадронов 40-й Богучарской дивизии (командир эскадрона Н.М. Дронов). Естественно, что, вернувшись в свои станицы, они никому ничего не прощали и беспощадно мстили за мученическую смерть своих соратников. В «Тихом Доне» (часть 6, глава LXV) М. Кошевой, не ведая жалости, рубил пленных повстанцев и, предав огню сотни полторы их дворов, ослепленный ненавистью за казненных товарищей, расстреливал даже вырывающийся из горящих сараев скот. Кровь за кровь, смерть за смерть.

По два раза с оружием в руках сходили друг к другу «в гости» близкие соседи, встречая и провожая друг друга градом пуль и блеском клинков. И не было конца этому кровавому пиру, потому что уже в конце 1920 года повсеместно заполыхали кулацкие мятежи и крестьянские восстания, вызванные драконовской продразверсткой.

И в Богучарском уезде тоже. По словам П. Зыкова («Тихий Дон», часть 8, глава VII), «в Монастырщине, в Сухом Донце, в Пасеке, в Старой и Новой Калитве и ишо где-то там. Восстание... огромное».

И даже в самом Богучаре. Хотя об этом говорить было не принято. Ведь негоже исконно красному Богучару иметь свои кулацкие мятежи. Но старожилы рассказывали, что однажды огромная богучарская площадь заполнилась многими сотнями доведенных продразверсткой до крайности людей, и среди них было много красных партизан. Толпа бушевала и требовала объяснений у власти. Так продолжалось два или три дня, и с каждым днем толпа увеличивалась, требования

становились настойчивее. У некоторых в руках якобы появилось оружие. И якобы в целях пресечения возможных погромов и грабежей по толпе был открыт пулеметный огонь с крыш всех высоких домов. В страшной кровавой кутерьме одни бежали с площади, другие возвращались на площадь вооруженные чем попало: кольями, вилами, цепями. Довершили дело пулеметчиков два эскадрона конных. Рассыпавшись, они кромсали шашками бегущих на всех прилегающих к площади улицах.

Известно, что в рядах войск, направленных сюда из разных соседних мест, в подавлении особенно преуспевал вешенский контингент: 2 батальона, караульный эскадрон, пулеметный взвод и 2 заградотряда. В «Тихом Доне» (часть 8, главы VII и VIII) Я. Фомин (тогда еще командир караульного эскадрона) сообщает: «В Богучарском уезде восстание. Нынче выступаем на подавление...», и позже: «Рубили мы, ребята, хохлов не плохо...» Только под Сухим Донцом порублено около 170 человек. В самом же Богучаре, по воспоминаниям свидетелей тех событий, было от 300 до 500 убитых. Таким образом, состоялось третье пришествие верхнедонцев на Богучарщину. И в этой кровавой круговерти разверзлась зияющая, глубочайшая трещина междоусобной вражды, с годами заполнившаяся глупой трясинной неприязни.

Именно поэтому о Богучаре молчали все биографы Шолохова, именно поэтому молчал он сам. Было и чувство немалой обиды у старых богучарцев, и были упреки: мол, неужели Шолохов забыл все то ценное, что дал ему Богучар? Нет, он ничего не забыл, как не забывает любой ученик свои золотые школьные годы. Но, оказавшись между двух огней, Шолохов, даже с его неоспоримым авторитетом, не мог, не имел права вступать в противоречия с общими настроениями края, в котором родился и прожил жизнь. И потому молчал, мудро полагая, что зарубцевать глубокие раны может только очень большое время.

А время это приходило не сразу, ведь сначала нужно было научиться уважать друг в друге сильного противника.

По этим же причинам Шолохов с гимназических времен ни разу не бывал в городе своего детства, но всегда находил время для общения с посещающими его богучарцами, избирался депутатом Верховного Совета СССР от Богучарского округа, безотказно помогал в трудных ситуациях.

Время пришло только в 1979 году, когда первый секретарь Богучарского райкома КПСС Н.И. Морозов с делегацией известных в Богучаре людей прибыл к Шолохову с предложением о присвоении ему звания «Почетный гражданин города Богучара». Предложение это писатель с уважением принял. Говорят, всякая дорога начинается с первого шага, и этот решительный шаг на сближение был сделан.

А следующие шаги уже делала и делает Богучарская школа-интернат, бывшая гимназия, через годы буквально вернувшая Богучару имя его знаменитого гимназиста и получившая звание школы имени Шолохова. Уже давно красуются памятные гранитные доски с именем писателя на стенах дома, где он жил, и школы, где он учился, на улице его же имени. Здесь распахнул свои двери школьный музей Шолохова (его создательница А.В. Кондарюк, воспитатель школы-интерната). Появились монументальный памятный знак в школьном дворе (автор Н. Мосин, воспитанник школы-интерната) и шолоховская аллея в парке с великолепным памятником-бюстом, творением рук нашего земляка, в настоящее время знаменитого ростовского скульптора А.М. Дементьева и богучарского архитектора В.И. Салазкина. Памятник был воздвигнут в честь 100-летнего юбилея писателя силами, средствами, инициативой и буквально руками воспитанников, преподавателей и дирекции школы-интерната при безотказной поддержке местного руководства. Выпущена книга «Шолоховская весна» четырех соавторов: Л.И. Пу-

гаченко, Н.И. Иващенко, В.В. Васильева и А.М. Шолохова (внука писателя). Книга рассказывает об огромной работе по изучению и увековечению шолоховского наследия, ведущейся в школе-интернате. Стали традиционными посещения шолоховских мероприятий и шолоховских мест в Вешенской и близкое общение с родственниками писателя.

Поражает неиссякаемый энтузиазм и богатейший педагогический и методический потенциал, наработанный по шолоховской тематике заместителем директора и почетным работником общего образования РФ Л.И. Пугаченко, учителями русского языка и литературы Н.Н. Шевцовой и Е.В. Еремченко, историком, краеведом и заведующим школьным шолоховским музеем В.И. Червонным, чей труд отмечен медалью к 100-летию со дня рождения М.А. Шолохова, которую ему вручила Российская муниципальная академия.

По инициативе администрации ГООУ «Богучарская школа-интернат для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей» налажено тесное сотрудничество педагогического коллектива с представителями высшей школы: заведующим кафедрой педагогики и психологии профессором Воронежского областного института повышения квалификации и переподготовки работников образования В.В. Васильевым, заведующей кафедрой литературы, русского и иностранных языков этого института доцентом Н.Г. Корниенко, главным методистом Л.А. Межуевой, заведующим кафедрой русской литературы XX века и зарубежной литературы ВГПУ профессором А.Б. Удодовым, студентами филологического факультета педагогического университета. Стало традиционным проведение открытых уроков, шолоховских встреч, конференций с участием приглашенных на них директоров, преподавателей и учащихся школ-интернатов и общеобразовательных школ из других районов Воронежской области.

А 31 марта 2006 года приказом № 188 главного управления образования Воронежской области на базе Богучарской школы-интерната открыта областная опытно-экспериментальная площадка. Был создан научно-методический региональный центр (НМРЦ) изучения творчества М.А. Шолохова, который объединил деятельность научных и методических подразделений Воронежского института повышения квалификации и переподготовки работников образования и Воронежского государственного педагогического университета, педагогов и учащихся Богучарской школы-интерната, а также общеобразовательных школ станицы Вешенской Ростовской области, Семилукской СОШ № 2, СОШ № 5 г. Воронежа, Новохоперской гимназии № 1 при поддержке главного управления образования Воронежской области.

Время пришло, и Шолохов вернулся в Богучар. Радостно, что нынешние поколения вешенцев и богучарцев уже давно радушно встречают друг друга хлебом-солью и доброй чаркой в честь Великого Вешенца и Почетного Богучарца, сроднившего станицу Вешенскую и город Богучар. И терзают иногда сомнения: надо ли все это, давно минувшее, теперь ворошить? Ведь кто старое помянет, тому глаз вон. Но давняя, очень гуманная мудрость эта имеет продолжение, наполненное неумолимой житейской философией: а кто забудет, тому оба. Ибо только глухая слепота беспамятства способна совершать и повторять роковые ошибки.

В заключение несколько слов о 40-й Богучарской дивизии, участнице тех давних трагических событий. Этой легендарно-доблестной боевой единице Красной Армии долго пытались, да и сейчас еще пытаются, прицепить ярлык карательной. За боевые действия на Верхнем Дону в 1918-1919 годах.

Но разве может быть карательной партизанская дивизия, которая, выполняя приказ, почти в одиночку вступила в бой с шестью казачьими дивизиями на казачьей земле? Просто богучарцы умели воевать. В плен не сдавались, с позиций без приказа не отходили. В составе 2-й Конной армии Богучарская дивизия штурмо-

вала Новочеркасск и Ростов, с боями дошла до Кавказа и Крыма. Доблесть бойцов дивизии была так высока, что белые отказывались выходить на позиции, узнав, что перед ними богучарцы.

Могучий бронепоезд 8-й армии Южфронта РККА, этакий сухопутный дредноут гражданской войны, громивший белых на линиях ЮВЖД, носил название «Красный Богучар». Такова честь маленькому степному городу, который и железной дороги-то отродясь не имел.

Но самой высокой оценкой удивительной боеспособности Богучарской дивизии считается фраза самого генерала Деникина, сказанная в Ростове в 1920 году: «Если бы вы, господа офицеры, сражались, как богучарцы, мы были бы сейчас в Москве, а не находились в столь плачевном положении...»

Эта дивизия — боевая гордость Богучара. В 2008 году наш город отметил 90-летие легендарной своей дивизии.

Долгие годы тщательно замалчиваемые сведения о подавленном в начале 1920-х годов Богучарском восстании были недавно обнаружены краеведом Н.Ф. Дядиным в книге эмигранта В.Е. Шамбарова «Белогвардейщина». Автор подчеркивает, что «... в конце 1920-1921 годов начали восставать самые революционные районы... В Воронежской губернии — Богучарский уезд, где обычно формировались войска для борьбы с казачеством... для подавления богучарцев бросили донских казаков, которых те подавляли раньше».

Таким образом, древний принцип стравливания «разделяй и властвуй» в руках любой власти действовал безотказно.

Галина Яковлевна Сысоева родилась в городе Богучаре Воронежской области. Окончила дирижерско-хоровое отделение Воронежского музыкального училища, Воронежский государственный институт искусств (1978, класс профессора О.А. Шепеля). Профессор кафедры этномузыкологии Воронежской государственной академии искусств. Автор более 50 исследовательских работ. Художественный руководитель фольклорного ансамбля «Воля». Заслуженный деятель искусств РФ, член Союза композиторов России с 2003 года. Живет в Воронеже.

Галина Сысоева

ГДЕ СТАРОСТА С БУЯРИНОМ, ТАМ И СВАТ С ДРУЖКОЙ

(Особенности традиционной культуры
Богучарского района)

Исторически сложилось так, что народные традиции в селах Богучарского района складывались под влиянием разных этнокультурных ориентиров. Чересполосное заселение края с начала XVIII века русскими казаками и черкасами (а так называли в то время украинских казаков) определило своеобразие традиционной культуры Богучарского района.

Вольная колонизация края русскими началась раньше государственной. Богучар как определенное место на карте впервые упоминается в документе середины XVI века «Роспись от Воронежа Доном рекою до Азова до Черного моря»¹. Здесь, видимо, находили временное пристанище люди, занимающиеся рыболовством, охотою, а позже оседали беглые рабочие люди, отказывающиеся и от уплаты налогов, и от переписи. За непокорность царской власти такие самовольные поселения на юге России в конце XVII — начале XVIII века были сожжены или разорены, в том числе и Богучар.

С 1704 года началась правительственная колонизация края, и этот год стал официальной датой основания Богучара. Массовое переселе-

ние украинцев на Богучарскую землю начинается с 1717 года, когда полковник Иван Тевяшов привел часть украинских черкас из Острогожска в Богучар, где сформировал Богучарскую сотню Острогожского полка. Многие хутора и села на Богучарщине были основаны в первой половине XVIII века войсковыми обывателями украинского происхождения: Старотолучеево, Журавка, Подколотновка, Дьяченково, Терешково, Загребайловка (сейчас — Луговое), Филоново, Купянка и другие. Традиционная культура в этих селах складывалась на основе украинского языка (слобожанского диалекта) и украинских обычаев.

Когда в 1765 году Острогожский полк был упразднен, командный состав полка превратился в крупных землевладельцев, а на вновь приобретенные земли они стали переселять крепостных крестьян с Украины, закрепощали вольных украинских переселенцев. Так, например, отставной офицер из Богучара Петр Лофицкий основал на своих землях села Лофицкое, Плесновка².

Традиционная культура украинских переселенцев слабо изучена. В середине XIX века появилось несколько статей уроженца села Дьяченково молодого этнографа Г.Г. Ткачёва, который, к сожалению, скоропостижно умер на двадцатом году жизни. Его заметки остались едва ли не единственными описаниями украинского быта на Богучарщине³.

Центром русской традиционной культуры в Богучарском районе являются село Монастырщина (известное с 1696 года) и расположенное рядом село Сухой Донец. Оба они заселялись монастырскими крестьянами из центральных губерний России. Здесь находили пристанище также вольные донские казаки. Русские хутора Белая Горка Первая и Белая Горка Вторая, село Каразеево являются выселками от Сухого Донца.

Еще один «куст» русских сел — это Лебединка и Батовка, где основная часть коренных жителей, как они сами считают, переселенцы из Верхнемамонского района. Прилегающие к ним хутора уже не существуют в результате политики укрупнения сел, проведенной в 60-е годы XX века, например, хутора Перекрестово, Попасное и другие. Мало того, в настоящее время большинство жителей Лебединки и Батовки — это турки-месхетинцы, переселенные сюда в 90-е годы XX века из Средней Азии в результате межэтнического конфликта.

Сведений о том, какие села в настоящее время можно отнести к русским, а какие — к украинским, нельзя найти ни в одном справочнике, ни в одной энциклопедии, даже такой основательной, как «Богучарский край от А до Я». Об этом могут достоверно сказать только исследователи традиционной культуры по этническим маркерам, которые хоть и слабеют с каждым новым поколением, но все еще проявляются в говорах, этнографии, фольклоре. Об этом свидетельствуют материалы музыкально-этнографических экспедиций Воронежской государственной академии искусств 1997, 1998, 2001, 2009-2013 годов.

Несмотря на то, что украинский субстрат в традиционной культуре Богучарского района превалирует, в настоящее время в этническом самоопределении местного населения почти исчез этноним «украинцы». Большинство опрошенных жителей из украинских сел считают себя русскими — «по паспорту» (хотя в паспортах графы «национальность» уже нет), но «хохлами» — по самоопределению.

В бытовой культуре Богучарского района до настоящего времени сохраняется противопоставление национальных прозвищ: «хохлы» и «москалы», возникших, видимо, еще в XVIII веке. Определение «хохлы» закрепилось за украинцами за пышные и кудрявые чубы, похожие на хохолки. «Москалями» называли русских, выходцев из Московской Руси.

Определение собственной национальности затрудняется для многих бытовым двуязычием: украинский диалект используется как разговорный, а русский

Запись песен в с. Подколodновка

язык — в качестве языка профессионального общения, делопроизводства и обучения. В селе Твердохлебовка Богучарского района Воронежской области в 2000 году были записаны от местной жительницы Марии Васильевны Максименко, 1930 г.р., традиционные песни на слобожанском диалекте украинского языка, духовные стихи и псалмы — на русском, поскольку она учила их от русских. Кроме того, эта исполнительница сочиняла песни (тексты и напевы): о маме, о гибели отца на фронте — на украинском языке, духовные песни (тоже собственного сочинения) — на русском.

Большинство лиц украинского происхождения, причисляя себя к русским, не являются при этом носителями традиционной русской культуры, зато сохраняют устойчивые признаки именно украинского этнического стереотипа поведения в области норм и правил бытового общения. Это проявляется в большом и малом даже сейчас: пожилые украинки предпочитают носить белые, а не цветные платки, не едят холодец с квасом, не знают народного празднования Троицы, обращаются к родителям на «вы». А русские не готовят ряженку (*роблену сметану*), не носят кутью по домам под Рождество, не празднуют Ивана Купала, не привязывают каждому гостю на свадьбе бумажные цветы. Знающий человек даже на базаре легко угадает украинцев: они, например, выращенный лук сухой ботвой сплетают в косу, а русские приносят на продажу лук в ведре⁴.

Проблема этнической самоидентификации украинского населения в Богучарском районе (как и в других селах, основанных украинскими переселенцами на территории России) усугубилась в результате крайне непоследовательной национальной политики, проводимой в XX веке советской властью. В 1920-е годы те районы, где украинцы составляли большинство населения (Богучарский — в том числе), были охвачены так называемой «украинизацией», то есть переводом делопроизводства, школьного обучения, местных газет на украинский язык. С отменой этой политики в 1930-е годы и, особенно в послевоенное время, начался обратный процесс активной русификации. При получении паспортов, особенно в сельской местности, национальную принадлежность записывали со слов получателя паспорта, так многие стали причислять себя к русским.

Выявляется много причин, породивших это явление — *изменение этнической самоидентификации*, среди них:

- маргинальность украинских поселений на юге России (оторванных от привычной среды, не принявших окончательно русского языка и традиций, поэтому находящихся в состоянии промежуточном, пограничном);
- утрата письменной культуры (запрет на газеты и делопроизводство на украинском языке, начиная с 1929 года);
- прекращение обучения на украинском языке (с 1928-29 гг.);
- отсутствие государственной поддержки в сфере массовой и традиционной культуры на украинском языке;
- длительность этнокультурного и хозяйственного контакта с русским населением как титульной нацией.

Сегодня украинские переселенцы (*хохлы*) не идентифицируют себя с украинцами, потому что ощущают большие утраты в языке, считают его не украинским, но производным от него (*мы — пэрэвэртни*), плохо понимают литературную украинскую речь. Процессы этноязыкового и культурного взаимодействия подробно описаны Л.Н. Чижиковой в монографии «Русско-украинское пограничье: история и судьбы традиционно-бытовой культуры»⁵.

Перемена этнической самоидентификации привела к тому, что традиционная народная украинская духовная культура усваивалась фрагментарно, а русскую — не от кого было усваивать. Именно этим можно объяснить иногда странные записи, сделанные студентами в экспедициях от носителей якобы русской культуры с маркерами украинской народной традиции.

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ КАЛЕНДАРНЫХ ОБЫЧАЕВ

Хотя восточнославянская общность русских, белорусских и украинских обрядов ярко выявляется именно в системе народного календаря, в этом комплексе существуют и национальные различия. Они обнаруживаются и в традиционной культуре Богучарского района. Несмотря на длительное совместное проживание русских и украинцев, взаимодействие и взаимопроникновение национальных культур слабо коснулось сферы обрядов и праздников.

В зимнем святочном комплексе, например, обряды русских и украинцев имеют как общеславянские обычаи, так и специфические национальные. Календарный святочный обход дворов с поздравительными песнями — благопожеланиями фиксируется и у русских, и у украинцев.

В русских селах о колядовании под Рождество собрано сведений мало, а тексты колядок были записаны в фрагментарном виде без напевов.

В украинских селах также редко фиксируется и колядование как обряд, и сами колядки. Ниже и далее все украинские тексты приводятся в написании русскими буквами, так, как это принято в настоящее время в народной традиции.

Колядын, колядын,
Я у бабки одын,
А у матери — два,
Дай, бабка, пирога.
Нэ дасышь пирога —
Возьму козу за рога⁶.

Как видим, в этом тексте отсутствует заговорно-магическая формула благопожелания, закладывающая программу на весь предстоящий год. Эту функцию выполняет другой обычай, сохраняющийся до настоящего времени в украинских селах: носить кутью (*носить кутю*) в рождественский сочельник (*пид Риздво*) —

6 января⁷. В старину кутью варили из зерен пшеницы, которые толкли в деревянной ступе, кашу обычно заправляли медом, в настоящее время кутью варят чаще всего из риса, сдобренного изюмом. Миску с кашей носили по родственникам и знакомым. Входили в дом со словами:

— *Здрастуйтэ, батько й матэ прислалы вам вэчэрю.*

Хозяева съедали из миски 2-3 ложки и туда же добавляли своей каши. *Риздвянам* (тем, кто разносил рождественскую кашу) давали угощение в виде продуктов, деньги.

Зерно символизировало в народном сознании начало и венец развития, каша из зерен — изобилие, а поедание каши — приобщение к таинству зарождения новой жизни и нового урожая. Таким образом, *носить кутью* — это не что иное, как акт продуцирующей магии, своеобразной годовой программы, направленной и на новый урожай, и на семейное благополучие. Выходит, чем больше разнесешь каши, тем больше раздашь добра и соберешь его лично для себя в предстоящем году.

Другая важнейшая дата зимних святок — это Новый год, который отмечается по новому стилю 14 января. Вечером, в канун этого праздника повсеместно на юге России было принято и в русских, и в украинских селах совершать обход дворов с поздравлениями. Во многих русских селах *кликали авсень*, однако в Богучарском районе этот обряд не был выявлен.

Зато в украинских селах был широко распространен обычай под Старый Новый год *щедровать* и *мэланкувать*, то есть обходить дворы с исполнением специальных песен — *щедровок* и *маланок*. *Щедровки* получили свое название за рефрен «Щедрый вечер», поскольку к ужину было принято готовить особенно пышный и богатый (щедрый) стол в отличие от предрождественского постного ужина. *Маланками* назывались поздравительные песенки, в которых упоминались святая Меланья (день ее памяти — 13 января) и святой Василий (день памяти епископа Василия Кесарийского — 14 января, а его канун называли *Васильев вечер*). Проникновение христианских мотивов в тексты величально-поздравительных песен вполне объяснимо: ведь сам Иисус Христос, Пречистая Мать Мария, все святые выступают покровителями рода человеческого.

Щедровать могли и взрослые, но чаще — дети, причем смешанными группами, а вот *меланковать* ходили только девочки.

Языческие и христианские представления смешались в этом обряде самым причудливым образом. Например, в с. Дьяченково девочки наряжались в жениха и невесту, изображая святого Василия и святую Меланью, и в этом создании брачной пары видны рудименты древних народных представлений о том, что эротическими силами человека можно разбудить от зимнего сна спящую землю: солнце-то повернуло «на лето»! Однако в поздравительных текстах Василий выступает отцом Меланьи. Это противоречие и есть отражение различных пластов в формировании обряда: дохристианских и христианских.

Мэланка ходыла,
Васыльку просыла:
Васыльку, мий батько,
Пусты мэна в хатку,
Я жито нэ жала —
Черный хрэст дэржала.
А вы, люды, радийтэся,
Богу свэчу ставтэ,
А нам пириг дайтэ.
Хочь малэнькый, а пивнэнькый,
Шоб з рукамы, тай з ногамы,
Шоб побиг слидом за намы⁸.

Кроме того, еще одним архаичным элементом обряда является то, что *мэланкувать* девочки ходили с козой (наряжали кого-либо в вывороченную шубу и приделывали на шапку рога)⁹. И это является своеобразным знаком заклинания на будущий урожай, поскольку соотносится с широко распространенным на Украине приговором «Дэ коза рогом — там жито стогом».

И обряд, и термин *мэланкувать* хоть и ушли из праздничного быта, однако сведения об их бытовании удалось собрать в селах Твердохлебовка, Лофицкое, Поповка, Дьяченково, Грушовое.

Щедровки были зафиксированы повсеместно в двух исполнительских формах: как поздравительная песня и как приговор.

Як на рички, на Йордани там Прэчиста рызы прала.
Щедрый вэчэр и добрый вэчэр и добрым людям и на здоровья.
И попрала, повишала на калыну, на малыну.
Щедрый вэчэр и добрый вэчэр и добрым людям и на здоровья.
Дэ ны взялысь ангэлята — взялы рызы на крылята.
Щедрый вэчэр и добрый вэчэр и добрым людям и на здоровья.
Понэслы рызы по-над нэбэсамы.
Щедрый вэчэр и добрый вэчэр и добрым людям и на здоровья.
Там ворота отворылысь, и вси святы поклонылысь.
Щедрый вэчэр и добрый вэчэр и добрым людям и на здоровья¹⁰.

Такие *щедровки* на типологически схожий напев можно записать практически в каждом украинском селе, причем как в одноголосном, так и многоголосном вариантах.

Щедровки-приговоры используются для выспрашивания подаяния.

Щедрибочка щедрувала,
До виконця прыпадала.
Шо ты, тетко, наварыла,
Шо ты, тетко, напэкла?
Нэсы скорий до викна.
Нэ кусай, нэ ломай, а по цилому давай¹¹.

Новогоднее посевание зерном совершали рано утром 14 января только мальчики или мужчины и в русских, и в украинских селах с одинаковым приговором:

Зароды, Боже,
Жито, пшэныцю,
Горох, чэчэвыцю —
На всяку пашныцю,
И дитэй копыцю.

Ярким национальным признаком является выделение разных дат в качестве главного летнего календарного праздника: у русских доминантой летнего периода является народное празднование Троицы (50 день после Пасхи и вся последующая троицкая неделя), у украинцев — Ивана Купала (7 июля).

Этнографическое обследование русских сел Богучарского района показало почти полное разрушение комплекса народных троицких обрядов: не было зафиксировано ни кумления девушек, ни обрядового хождения и хороводов, ни ритуального обливания водой, ни проводов русалок, ни даже народного гуляния и специальных песен. Единственный сохранившийся обычай, который является общеславянским — это украшение дворов и жилища зеленью (*кличаньем* — по-украински). Однако в ментальности русского человека Троица остается величайшим народным праздником, гораздо большим и значимым, чем Ивана Купала и Петров день.

В украинской же традиции центральное место в летнем календарном цикле

Иван Григорьевич Гладченко, с. Луговое

занимает праздник Ивана Купала, который сопровождается обрядом с разным названием: «*вышнюю робыть*» или «*Маринку водыть*». По содержанию он относится к обрядам перехода (от поздней весны к лету) и знаменует наступление высшей точки расцвета природы. Символом этого расцвета в купальских обрядах Богучарского района выступает вишневое деревцо (или ветка) с плодами и наряженная девочка, которая нарекается обрядовым именем — *Маринка*. В обряде участвуют девочки-подростки (остальные могут примыкать к ним в качестве наблюдателей). Это наталкивает на предположение об инициационном характере ритуальных действий для перехода девочек в группу молодых девушек, готовящихся к вступлению в брак. В русской традиции аналогичный инициационный смысл имеет обряд троицкого кумления девушек.

На Ивана Купала у какого-либо двора (по договоренности) собирались девочки в венках из полевых цветов, чтобы пригото-

вить главный обрядовый атрибут: вишневое дерево с плодами (вишня всегда поспевает к 7 июля), которое украшали дополнительно конфетами, ленточками. Л.В. Сушкина из с. Терешково, вспоминая о своем детстве, рассказывает следующее. В саду выкашивали место, ставили туда вишню, наряжали ее. Мать выносила девочкам вареники с вишнями, компот из вишен, мед. Мальчики не участвовали. Собирались старшие девочки — отдельно, младшие — отдельно... Затем шли вместе с деревцем к реке, топили его, бросали в воду венки, купались...¹²

Река — главное место действия обрядового таинства: Дон — в Подколодновке, Терешково; Богучарка — в Дьяченково, Купянке, Полтавке. В селах, где нет реки, обряд не фиксируется.

Маринкой называли и само деревце (в с. Подколодновка), и девочку — самую красивую для этой роли (в с. Дьяченково, Купянка), которую наряжали ветками, цветами, торжественно вели по селу, а затем бросали в одежде в воду. Проводной смысл обряда заключался в том, что нужно было обозначить завершение времени расцвета и начало нового периода — вызревания плодов. На вопрос, для чего совершали обряд, информанты обычно отвечали: «Для урожая, чтоб вишни, ягоды были». Языческий культ умирающего и воскресающего божества, известный всем земледельческим народам мира, просматривается и в содержании описанного нами купальского обряда: утопленная красота (дерева, девочки-Маринки) должна возродиться в прежнем цветущем качестве на следующий год.

Купание в реке имело выраженный ритуальный характер и символизировало своеобразное крещение, посвящение, тем более что обряд совершался в день памяти Иоанна Крестителя.

Обрядовых и приуроченных песен информанты не помнят, но о характерном припеве упоминают все:

Иван Купав у воду упав.
А сонцэ выграло на Пэтра.

СВАДЕБНЫЕ ОБЫЧАИ

Сравнивая русские и украинские свадебные обычаи на территории Богучарского района, следует отметить их схожесть по содержанию и семантике обрядовых действий и существенную разницу в народной терминологии, песенном наполнении.

Традиционная свадьба (по-украински — *вэсилля*, на местном диалекте украинского языка — *свальба*) в настоящее время мало сохранила элементов народного ритуала и обрядовых песен как в живом бытовании, так и в коллективной памяти информантов. Тем не менее, по отдельным репортажам все же можно реконструировать русский и украинский типовые свадебные сценарии.

Свадьба в русских селах по содержанию, драматургии, песенному наполнению близка обрядам Верхнемамонского района Воронежской области¹³. Что касается украинской свадьбы, то наиболее полную реконструкцию обряда удалось выполнить по записям, сделанным в селе Твердохлебовка в 2001 году¹⁴. Ее типовой характер подтверждается репортажами из других сел района.

Специфика украинской свадьбы проявляется в названии свадебных чинов, обрядовых действий, ритуальных атрибутов и интерпретации их роли в обряде. Здесь сватов называют *старостами*, дружку со стороны жениха — *буярином*, старшую подругу невесты — *дружкой*, младшую сестру невесты — *светилкой*, специальную распорядительницу со стороны жениха — *свашкой* (ею могла быть крестная мать, старшая сестра или тетка), жениха — *молодым*, невесту — *молодой*.

Этапы свадебного сценария схожи по содержанию, функции, структуре, но имеют разные названия.

1. Сватовство (у русских) — *старосты* (во всех украинских селах), *лады* (с. *Старотолучеево*). Сваты (старосты) — это близкие родственники со стороны жениха: отец, дядя жениха, крестная мать, редко — родная мать. Отправляясь в дом невесты, они брали с собой в узелке хлеб (*хлэбыну*), соль, две ложки, перевязанные красной ленточкой, выпивку. В случае согласия невеста сама разрежала хлеб и угощала всех гостей. Скрепляя решение о свадьбе, молились Богу, выпивали (*пылы могорыч*). Если родители невесты или она сама отказывали сватам, то вручали им тыкву (*гарбуз*).

После сватовства в украинских селах считалось допустимым, что жених оставался ночевать у невесты при условии сохранения целомудренных отношений между ними.

2. Осмотр женихова подворья родственниками невесты: *полати глядеть, загнетку глядеть* (у русских), *домовыны, оглядыны, розглядыны* (у украинцев). Этот обычай уже давно утратил свой первоначальный смысл и превратился в обычное гостевание. Хотя еще в 70-е годы XX века родственники замеряли двери и окна, поскольку невеста обязана была приготовить для них новые занавески и шторы.

3. *Запой* (у русских), *могорыч* (у украинцев). На пропой в дом невесты съезжались все ближайшие родственники с двух сторон для знакомства, официального представления жениха и невесты. После этого отказ от свадьбы был невозможен. Этот съезд двух родов был обязателен для русской свадьбы и не столь обязателен для украинской.

4. *Девишник* (у русских), *варэныкы* (у украинцев). В самый канун свадьбы в доме невесты устраивали прощальный вечер. По русской традиции на *девишник* приглашались только девушки (как со стороны невесты, так и со стороны жениха). Подруги невесты шли по селу с песней и обязательно при этом били в косу.

Как во саду было, садику,
Во зеленом виноградику,
Сокаталися два яблочка,
Два яблочка, два садовые...¹⁵

На *девишнике* невесте расплетали и чесали косу, при этом она причитала, исполнялись специальные прощальные песни.

В украинских селах этот предсвадебный прощальный вечер назывался *варэньки*, куда приглашали уже не только девушек, но и ребят, и даже самого жениха. Пели песни, танцевали краковяк, барыню. Здесь, таким образом, прощальная функция молодежного вечера слабо угадывается, а прощальные песни невесты не фиксируются, в отличие от соседних русских сел.

Вечером накануне свадебного дня (иногда — за 2-3 дня) в украинских селах девушки собирались в доме невесты, чтобы приготовить для нее свадебный головной убор — венок из бумажных цветов, который так и назывался — *цветок* или *квиток*.

Вечером накануне свадьбы и в русских, и в украинских селах от невесты посылали свадебный наряд для жениха.

5. Обрядовая выпечка: *пирог, каравай* (у русских), *коровай, шишки* (у украинцев). Свадебные *караваи* (*короваи*) пекли в обоих домах, невестин украшали калиной, а в украинских селах готовили также и специальное украшение: *ризку* — веточку, обернутую тестом и запеченную в печи, украшенную бумажными цветами¹⁶. Кроме того, в украинских селах пекли *шишки* — маленькие булочки для каждого гостя на свадьбе. Обряды и приговоры, сопровождающие изготовление обрядовой выпечки, уже записать не удалось.

6. Выезд за невестой: свадебный поезд (у русских), *свыта* (у украинцев). *Поезд* собирался у жениха и отправлялся за невестой, возглавлял его дружка (у русских), *буярин* (у украинцев).

Жених должен был дать выкуп за право войти во двор, дом, найти невесту (ее прятали, выводили другую), этот момент свадьбы сопровождался корильными припевками, адресованными родне жениха. После первого посада молодых, короткого застолья и благословения невесты все переезжали в дом жениха. Венчание или регистрация брака в сельсовете могли совершаться в любой другой день, не обязательно в день свадьбы.

По русскому обычаю провожали невесту специальными прощальными песнями.

Перепелушка да па садику летая,
Ю ладо, ладо, ю ладо мое, летая.
Чисто пава по деревьям пырхая,
Ю ладо, ладо, ю ладо мое, пырхая...¹⁷

7. Главное свадебное застолье. И в русской, и в украинской свадьбе свадебное застолье устраивали в доме жениха, здесь же происходили обряды общинной санкции брака: *повивание* (*покрыванка*), деление *каравая*, величание молодых, *дары*.

Свадебный *поезд* и молодых встречали у порога отец и мать жениха с иконой, хлебом-солью (*короваем*). Молодых посыпали шишечками хмеля, связывали руки рушником или домашней пряжей — *жичкой* (при этом завязывали множество узелков от сглаза), заводили в дом и усаживали за стол, ложки у молодых тоже были связаны (за столом они ничего не ели, их положено было кормить потом отдельно).

В украинских селах на столе напротив молодых устанавливали вишневое дерево или ветку, украшенную фантиками, ленточками, в зимнее время — мочеными грушами, яблоками. Это дерево называлось *садок молодых* и символизировало

ровало будущую счастливую семейную жизнь¹⁸. Возле деревца ставили сторожа с палкой и репейником на конце, чтоб никто не мог украсть деревце. Его разбирали уже после даров.

8. Обряд символического посвящения девушки в женщину: *повивание* (у русских), *покрыванка* (у украинцев). Ритуал заключался в смене девичьей прически и головного убора на женский. В русских селах обряд совершали сразу после венчания в церковной пристройке — *калаурке*. Невесте заплетали две косы как знак того, что у нее теперь две воли: своя и мужнина, затем надевали *колпак* — головной убор из темно-красного бархата в виде чепца, украшенного позументом и блестками¹⁹. Более традиционный вариант *повивания* — перед свадебным застольем в доме жениха²⁰.

В украинских селах *робылы покрыванку* в доме жениха уже после даров. У невесты снимали с головы венок (*цвиток*), покрывали платком. «Як молоду розбирають, так співають: «Тай испеклы мы та из хлебины полянцю, а з дивчины зробили жь молодицю». Молоду розбирають, як уже кончилася свальба, знимають цвиток, закручивають ей волосы в дулю и надивають на нэй платочок и прыспивують свашкам:

Свашка — нэлипашка,
Шишок нэ липыла.
Шишок нэ липыла,
Дружок нэ дарыла.
Одну излипыла —
Тай ту засушила.
З зэлэного сина —
Тай ту сама згыла...»²¹.

9. *Дары* (у русских и украинцев). Ритуал даров в традиционной свадьбе предусматривал прежде всего прилюдное одаривание невестой ближайшей родни жениха: она дарила рубахи (*сорочки*), холсты, рушники, скатерти. Одаривали и молодых. Каждому гостю во время даров подносили рюмку и кусок *каравая* (*короваля*). В украинской свадьбе еще положено было давать каждому дарившему специальные булочки — *шишкы*, которые они, как правило, уносили домой.

10. Музыка на свадьбе. Свадебное веселье сопровождалось пением и плясками, для чего приглашали на свадьбу гармониста, а в украинских селах обязательно — цимбалиста. В 1970 и 1971 годах я лично присутствовала на свадьбах в Богучаре с участием цимбалиста.

11. Постельные обычаи: *комора* (у украинцев). В украинской свадьбе обязательное освидетельствование молодой во время брачного обряда совершалось только в старину и называлось *комора*. Утром второго дня свадьбы свекровь выносила простыню на всеобщее обозрение. Если невеста была честная, то все гости шли по улице *с беседой* (с песнями, плясками) в дом невесты для продолжения свадьбы под красным флагом, если нечестная — под белым²². Впрочем, молодые старались не допускать демонстрации утраченной невинности.

12. Испытания невесты на второй день свадьбы. В доме жениха рано утром принято было испытать *молодую* на сноровку, честность, терпение: ее посылали за водой (а по пути выливали воду из ведер), заставляли подметать пол, бросали деньги и следили, вернет ли или оставит себе, царапали печь и заставляли невесту подмазывать и пр.

13. Свадебный стол в доме невесты. На второй день свадьбы, как бы скромна она ни была, положено было молодым и гостям собираться у невесты: жених должен был прилюдно поблагодарить тещу за дочь.

Украинский обычай на второй день катать тещу и тестя на тележке, в корыте, вываливать их в грязь, затем обмывать, — это, вероятно, идущий из древности и

превращенный в фарс ритуал сближения родов, устранения границ между *своими* и *чужими*.

14. Свадебные песни. Песенное наполнение свадьбы ритуальными напевами у русских и украинцев существенно различается, прежде всего в жанровом отношении.

В русский свадебный цикл входят песни и припевки, ритуализирующие обряд и комментирующие его так называемые прощальные песни невесты, причитания, величальные песни для каждого гостя, корильные песни для свадебных чинов со стороны жениха. Каждый из этих жанров представлен своими типовыми формами, а в структуре ощущается влияние, с одной стороны, хороводно-плясового жанра, а с другой — протяжной песни.

Системный анализ свадебного фольклора украинских сел свидетельствует о принципиально другом типе музыкального мышления. Весь свадебный репертуар основывается всего на двух типовых ритмоинтонационных формах, на которые исполняется множество коротких текстов. Такие песни называются припевками (*приспівками*) и прикрепляются точно к определенным моментам свадьбы.

К сожалению, и свадебные песни, и сам традиционный обряд в настоящее время не сохранились в живом бытовании.

НЕОБРЯДОВЫЙ ПЕСЕННЫЙ ФОЛЬКЛОР

Сравнительный анализ русских традиционных песен, записанных в Богучарском районе с соседними локальными песенными традициями, показал, что свадебные песни по репертуару близки к верхнемамонским, а вот необрядовый песенный фольклор испытал сильнейшее влияние казачьей среднедонской традиции. Строевых казачьих песен в репертуаре русских сел нет, не зафиксированы и песни бивуачные с исторической тематикой, но лирических протяжных (*с коленами*) и плясовых достаточно много. Так, например, в селах Сухой Донец, Монастырщина, Каразеево были записаны типичные казачьи песни и по сюжетам, и по музыкальной стилистике: со множеством распевов, словообрывов, с дишкантом. Ярким примером может служить песня «Черные брови».

Черные брови, ани мене манють, размають,
Тай поведаю, шо я не жани... ой, не жанился.
Если верно я ты мене любишь, разлюбишь,
Тай пойдём с тобой а мы павенча... павенчаемси.
Как пашли жа а мы ка венчанью, развенчанью,
Тай попа дома, дома яво не... ох, не было.
Как пашли жа а мы ка другому, раздругому,
Тай все речки жа ани паразли... паразлилися.
Знать судьба жа наша ды такая, растакая
Да доля наша ана нещасчасли... несчастливая²³.

К казачьим плясовым относятся песни «Находила на нас поляя вода», «Все бы я на лавочке сидела», «Ой, что у нас ранешенько на дворе» и другие.

В каждом русском селе именно от русских в обилии были записаны песни украинские, что свидетельствует о фольклорном двуязычии русских бытовых ансамблей в Богучарском районе.

Украинская необрядовая лирическая песня представлена в записях преимущественно напевами и текстами позднестилистического музыкально-фольклорного пласта. Практически все украинские народные песни Богучарского района фиксируются и в метрополии — на самой Украине во множестве популярных фольклорных сборников. Самые ранние традиционные украинские песни можно отне-

сти к концу XVIII — началу XIX вв. Например, «Зибралыся вси бурлаки», в которой казаки ругают Екатерину II, разогнавшую Запорожскую сечь.

Зибралыся вси бурлаки
До ридной хаты,
Тут им мыло, тут им любо
Журбы заспиваты.

Зибралыся, як ти орлы,
Добычу дилыты,
З дивчатамы жартуваты,
Щей горилку пыты.

Катэрына, вражъя баба,
Шо ж ты наробыла:
Степ широкий, край вэсэлый
Ты занапастыла.

Катэрына, вражъя баба,
Змылуйся над намы,
Ой, вэрны нам стэп широкий
З старымы правамы²⁴.

Картины старого быта украинской деревни в таких традиционных лирических песнях, как «*Нэма гири нікому, як ти сиротыни*», «*Туга за тугою, журба за журбою*», «*Васыль сино косэ*». Одним из ярких образцов традиционной лирической песни является данная песня:

Тай уси горы зелэниють,
Дэ богати жито сиють.
Одна гора стоить чорна,
Дэ сияла бидна вдова.
Тай вона сияла, тай волочила,
Слизонькамы прымочила
Тай чорна хмара наступала,
Сэстра з братом розмовляла.

Музей традиционной культуры, с. Полтавка

Ой, мий братыку, мий сокилку,
 Тай возьмы сэстру на зиму.
 Ой, сэстрыцю, тай пэрэрилко,
 А диток у тэбэ стилко?
 Тай в мэнэ диток нэ богато:
 Аж восьмирко — я дивьята.
 Буду брата й уважаты,
 Тай як будэш обидаты,
 Буду диток з хаты выражаты.
 Тай идуть диточки из хаты —
 Тай будэ дядько обидать сидаты.
 Тай щей дядько нэ пообидав,
 Старший сын батько отвидав:
 «Тай вставай, тату, тай вставай з ямы,
 Тай гирко жыты нам з дядькамы.
 Тай, вставай, тату, тай вставай з гробу,
 Тай гирок жыты нам бэз роду».
 Тай пишлы диточки ярамы —
 Умываюгця слезамы²⁵.

Маркером украинской культуры в Богучарском районе являются песни «*Шлы коровы из дибровы*» и «*Ой, вышэнька, чэрэшэнька*». Заимствования украинцами русских песен и обрядов практически не было, поскольку русских было мало, к тому же они были достаточно закрыты и обособлены.

Сближение русской и украинской культур происходит на более позднем стилистическом уровне — в позднетрадиционной песне. Так, например, в селе Галиевка удалось записать украинскую песню о Первой мировой войне «*Убыт, убыт мий мылый*» на мотив русской песни «*Цветочек мой, цветочек, роскошно ты цветешь*». Нередко в песнях в стиле народного романса исполнители поют несколько куплетов на украинском, затем переходят на русский и снова — на украинском.

Особую группу сверхпопулярных песен и среди русских, и среди украинцев составляют песни «*Посияла огирочки*», «*На городи взрба рясна*», «*Ой, хмэлю, мий хмэлю*», «*Стоить гора высокая*», «*Ни тучкы, ни хмаркы*», «*По-за гаем зэлэнькым*». Однако и этот пласт любимых народных песен истончается, поскольку к нему совершенно не приобщаются молодые.

Музыкально-этнографическое обследование сел Богучарского района показало, что угасание традиционной песни среди русского населения произошло более стремительно, и к настоящему времени не существует уже ни одного бытового ансамбля. Этому способствовала слабая консолидация русских сел.

В украинских селах, которые составляют большинство в Богучарском районе, сложилась к концу XIX века устойчивая консолидированная песенная система, в которой обрядовый слой угас к середине XX века, а необрядовая лирика сохранялась в живом бытовании вплоть до начала XXI века.

Сохранность и возрождение русского и украинского фольклора во многом будет зависеть от культурной политики органов государственного управления, от конкретной помощи культурологов, фольклористов, этнографов, краеведов. Пожелаем традиционной культуре Богучарского района всесторонней поддержки, а носителям традиции — внимания, востребованности от молодого поколения, благодарности за сохранение коллективной памяти.

¹ Богучарский край от А до Я: Краткая краеведческая энциклопедия. — Воронеж: Кварта. — 2006. С. 27.

² Там же. С. 141.

³ Г.Г. Ткачев. Этнографические очерки Богучарского уезда // Памятная книжка 1865-1866. Воронеж, 1866; Ярмарка в Богучарском уезде // Воронежские Губернские Ведомости. — 1865, № 1-2; Исторические указания на местность и народонаселение Богучарского уезда // Воронежские Губернские Ведомости. — 1865, №№ 16, 19, 20, 25; Число жителей в Богучарском уезде // Воронежские Губернские Ведомости. — 1865, № 26.

⁴ Такая картина наблюдается на базаре в г. Богучаре Воронежской области.

⁵ Чижилова Л.Н. Русско-украинское пограничье: история и судьбы традиционно-бытовой культуры. — М., 1988.

⁶ Записано в с. Дьяченково Богучарского района Воронежской области экспедицией ВГАИ 13.07.2013 г. от Сергиенко А.С., 1935 г.р. Архив КНМ ВГАИ, № МТ 0317.

⁷ Здесь и далее все даты даются по новому стилю.

⁸ Записано в с. Дьяченково Богучарского района Воронежской области экспедицией ВГАИ 13.07.2013 г. от Копенкиной А.П., 1970 г.р., которая получила знания от своей бабушки. Архив КНМ ВГАИ, № МТ 0317.

⁹ Там же.

¹⁰ Записано экспедицией ВГАИ в с. Полтавка Богучарского района Воронежской области 12.07.2013 г. Архив КНМ ВГАИ, № файла ЗА 004. Исполнители: Сушкина А.В., 1927 г.р., Беркутова Л.Д., 1938 г.р. Петренко В.Н., 1939 г.р., Кравцова М.М., 1939 г.р., Малеванная Л.Г., 1954 г.р.

¹¹ Записано экспедицией ВГАИ в с. Журавка Богучарского района Воронежской области 15.07.2013 г. Архив КНМ ВГАИ. № файла МТ 428. Сообщила Бондарева М. П., 1931 г.р.

¹² Записано в с. Полтавка Богучарского района Воронежской области экспедицией ВГАИ 12.07.2013 от Сушкиной Л.В. Архив КНМ ВГАИ, № МТ 02816.

¹³ Свадебные песни Верхнемамонского района Воронежской области. СП / Т.Ф. Пухова, Г.Я. Сысоева. Нотная публикация Г.Я. Сысоевой. — Воронеж, 1999.

¹⁴ Записано в с. Твердохлебовка Богучарского района Воронежской области Сысоевой Г.Я. от Максименко М.В., 1930 г.р. Архив КНМ ВГАИ, инв. № № 1215.

¹⁵ Записано в с. Монастырщина Богучарского района Воронежской области экспедицией ВГАИ от Анниковой М.В., 1905 г.р. Архив КНМ ВГАИ, № 442/43.

¹⁶ Записано в с. Твердохлебовка Богучарского района Воронежской области Сысоевой Г.Я. от Максименко М.В., 1930 г.р. Архив КНМ ВГАИ, инв. № 1215/23.

¹⁷ Записано в с. Монастырщина Богучарского района Воронежской области экспедицией ВГАИ в 1998 г. от Калининой М.М., 1914 г.р. Архив КНМ ВГАИ, № 443/56.

¹⁸ Записано в с. Криница Богучарского района Воронежской области экспедицией ВГАИ 14.07.2013 г. от Толокольниковой Р.М., 1943 г.р. и Лукьяновой М.П., 1941 г.р. Архив КНМ ВГАИ, № МТ 326.

¹⁹ Записано в с. Монастырщина Богучарского района Воронежской области экспедицией ВГАИ в 1998 г. от Анниковой М.В., 1905 г.р. Архив КНМ ВГАИ, № 443/11.

²⁰ Записано в с. Сухой Донец Богучарского района Воронежской области экспедицией ВГАИ в 1998 г. от Плаховой Н.С., 1916 г.р., Архив КНМ ВГАИ, № 442/43.

²¹ Записано в с. Твердохлебовка Богучарского района Воронежской области Сысоевой Г.Я. от Максименко М.В., 1930 г.р. Архив КНМ ВГАИ, инв. № № 1215/1-4.

²² Сообщила моя мама Ткачева Т.К., 1911 г.р., уроженка с. Галиевка Богучарского района Воронежской области.

²³ Записана в с. Каразеево Богучарского района Воронежской области экспедицией ВГАИ в 1998 г. от местного фольклорного ансамбля. Архив КНМ ВГАИ, инв. 446.

²⁴ Записана Г.Я. Сысоевой 31.07.2012 г. в с. Залиман Богучарского района от жителей села Грушовое Богучарского района Воронежской области Золотаревой Л.М., 1931 г.р., и Чалой Н.В., 1937 г.р. Файл № 143.

²⁵ Записана в 2001 г. в с. Твердохлебовка Богучарского района Воронежской области Сысоевой Г.Я. Исполнители: Максименко М.В., 1930 г.р., Тимошенко Е.Н., 1930 г.р., Сухопарова Р.Ф., 1926 г.р., Захарченко А.Н., 1924 г.р., Таранова М.Г., 1931 г.р. Архив КНМ ВГАИ. № 1216/7.

Любовь Николаевна Герусова родилась в селе Великомихайловка Новооскольского района Белгородской области. Окончила Воронежский государственный университет. Работает обозревателем в районной газете «Сельская новь». Член совета Богучарского краеведческого музея, редколлегии энциклопедии «Богучарский край от А до Я». Публиковалась в областной и центральной печати. Живет в Богучаре.

Елена Александровна Филатова родилась в городе Воронеже. По образованию — учитель. Работала в городских школах Россоши и Богучара, в Богучарском краеведческом музее. Член редколлегии энциклопедии «Богучарский край от А до Я». Автор ряда статей в краеведческих изданиях. Живет в Богучаре.

**Любовь Герусова,
Елена Филатова**

«ЛЮБОВЬ БЫЛА НИСПОСЛАНА МНЕ, КАК САМА ЖИЗНЬ...»

(Комполка Малаховский и его музы)

Валентин Александрович Малаховский. Что известно о нем? То, что в гражданскую командовал Богучарским полком в 40-й стрелковой дивизии, освобождал Богучар; что первой его женой стала дочь местного купца, красавица Нила Яковлевна Гончарова. Что за долгие годы армейской службы он дослужился до генерал-майора, после XX съезда КПСС подвергся гонениям. Последние годы он жил в Риге, где и умер, а его вдова, З.В. Малаховская, после распада СССР доживала свои дни в интернате для ветеранов в г. Калаче Воронежской области.

Но мало кто знает, что суровый военачальник, каким Малаховский представлялся со стороны, имел нежное сердце, был поклонником красивых женщин и поэзии.

«РОМАНТИК И БРОДЯГА...»

Таковыми словами характеризует себя в своем письме Валентин Малаховский — один из заметных персонажей Октябрьской революции и гражданской войны в России начала XX века, чья судьба очень тесно была связана с историей Богучарщины.

Когда читаешь его письма, записки и собственноручно интерпретированную биографию, то легко убеждаешься, что это и впрямь так, сказано не для красного словца. Его дед и отец были военными: дед в звании рядового воевал

в Севастополе в 1854-1855 годах, отличился столь славно, что был произведен в прапорщики. При выходе в отставку (по ранению, к тому времени ему исполнилось 25 лет) он имел чин подпоручика с полным пенсионным обеспечением, что позволило ему дать военное образование сыну Александру, отцу Валентина Малаховского.

«В г. Харькове, где я родился, и вокруг него в конце XIX столетия были сосредоточены большие военные силы. В этой обстановке, насыщенной воспоминаниями о былой казацкой вольнице, среди военных разных родов войск началось мое детство, — вспоминает в рукописях В.А. Малаховский. — Отец часто брал меня еще маленьким с собой в лагерь и иногда на полевые учения. Но к военной службе я, как и отец, особой склонности никогда не имел и не собирался посвящать свою жизнь военной деятельности. Меня всегда привлекала мысль побывать в невиданных прекрасных странах, мне хотелось стать моряком и путешественником. Научившись грамоте, я пристрастился к чтению и сохранил эту благородную страсть на всю жизнь».

Семья Малаховских жила материально очень скромно, однако душа Валентина просила простора. Природа наградила его сильным телом и вольнолюбивым характером, на формирование которого повлияли впечатления от долгого времяпрепровождения на улице, чтение книг и прогрессивные, судя по всему, умонастроения матери.

Именно мать и привила ему страсть к чтению и поэзии, через которую он, не обремененный классическим образованием, пытался выразить свои чувства. А их при его пылкой и порывистой натуре всегда было достаточно.

Неуемный темперамент и привел Валентина Малаховского к тому, что в 15 лет он вытребовал у отца свой паспорт и подался бродяжить по «разным местам Российской империи», как писал он сам, перечисляя ипостаси своей жизни: работал грабарем-землекопом, бортовым рабочим, рыбаком-забродчи-

ком, матросом, кузнецом-молотобойцем. Чернигов, Одесская губерния, города Грозный, Николаев... В Николаеве в 1912 году он активно влился в революционную борьбу, руководил забастовками портовых рабочих, был избран ими для переговоров с руководством портов о повышении зарплаты и улучшению бытовых условий. Ему было всего 18 лет, но он уже поймал, как говорится, свою волну.

Начало Первой мировой войны, предреволюционная ситуация в России только добавляли новых красок в его жизнь, открывая новые возможности и таланты его разносторонней натуры. Уже в 1915 году его награждают Георгиевским крестом за храбрость в боях на Юго-Западном фронте; в следующем году в ходе Брусиловского прорыва Малаховский вновь отличился — после гибели командира принял на себя командование батальоном, тем самым боевая задача была выполнена, а он в очередной раз был отмечен.

Как имеющему образование и боевые награды, ему было предложено поступить в школу прапорщиков. Но он отказался: «Я остался с моими друзьями — окопными солдатами», — написал он.

Как и для деда, все это могло стать ступенью для его армейской карьеры, однако ему нужно было больше, чем звания и награды — ему нужен был весь мир. И идея всемирной революции подходила для этого как нельзя кстати. В 1917 году он возглавил восстание солдат на Юго-Западном фронте, где был избран членом полкового комитета и полкового суда, а затем и Военно-революционного комитета в Финляндском стрелковом полку. Малаховский, между прочим, лично участвовал в пленении восставшими солдатами штаба 7-й армии и ее командного состава.

Судьба ударила в галоп. И муза Революции — прекрасная, как его юная мечта о путешествиях в дальние страны, — благосклонно улыбнулась ему из седла. И он влюбился в нее со всей пылкостью, на которую только был спосо-

Нила Гончарова-Малаховская

бен. Да так, что и хлынувшие за ней реки крови не охладили этот пыл. И в минуту особо страстного накала он нередко брался за карандаш для того, чтобы зарифмовать свои чувства.

«ЦВЕТОК БОГУЧАРА»

Весной 1918 года к южным границам Воронежской губернии подошли регулярные части германских войск. В это время в Богучарском уезде действовали несколько революционных отрядов, однако без единого командования они не представляли серьезной угрозы для оккупационных войск. И тут появляется Валентин Малаховский, в свои 24 года уже закаленный в боях с немцами и «куриями смерти» — войсками Украинской Центральной рады. Ему предстояло объединить разрозненные партизанские отряды в Богучарский Советский полк и возглавить борьбу сначала с оккупантами, а затем и с остальными врагами Советской власти. Их оказалось предостаточно, поэтому и Богучар, и Малаховский на несколько лет были втянуты в круговорот эпохальных событий.

«Я простой солдат, и не знаю слов любви», — мог бы сказать Валентин Малаховский словами одного литературного персонажа. Мог бы сказать — и жизнь к тому располагала, но... встретил богучарскую купчиху Нилочку Гон-

чарову. И муза Любви нежно улыбнулась ему из седла.

Лучше его самого, наверное, никто не расскажет о том, как любила его она, как любил он, что чувствовал. Спустя многие годы он перечитал бережно сохранные письма, воскресил образы и написал воспоминания о своей любви к Нилочке. Записки назвал нежным именем, которое не по святцам ей когда-то дал, «Цветок Богучара». Вот они.

«Теперь вкратце опишу так давно интересующие данные о жизни и смерти моей жены Нилы Яковлевны Гончаровой-Малаховской. Это было в первые годы новой невиданной эпохи, когда на Земном шаре, вслед за длительной и кровавой Первой мировой войной, началась еще более жестокая борьба — борьба восставшего народа бывшей царской империи против своих и чужеземных поработителей...

Среди этих борцов за свободу на одном из главнейших направлений Южного фронта, к югу от Воронежа, бились под Красными знаменами революции знаменитые богучарские партизаны, объединенные в прославленный Богучарский Советский полк, который по своей силе и боевому значению далеко превосходил дивизию...

Запуганные провокационной пропагандой белых, что якобы Богучарский полк творит зверства над мирным населением, буржуазия и их прихлебатели в массовом порядке покидали города и слободы. И бежали к югу на Ростов. Брошенная мной в погоню Богучарская кавалерия и пехота на санях догнали значительную часть этих беженцев и вернули их по домам. В числе возвращенных была и Нила Гончарова со своими родными.

Отец Нилочки был богатый купец г. Богучара, в то время глубокий старик. Мать ее умерла, когда Нила была еще ребенком.

По окончании гимназии Нила училась в Ростовском институте сельского хозяйства, но в связи с начавшейся гражданской войной институт закрыл-

ся; она возвратилась домой, жила у отца в Богучаре.

В январе 1919 г. я близко увидел ее в штабе полка, куда она приходила по какому-то делу. Эта встреча положила начало нашему близкому знакомству. Нилочке тогда, вероятно, было около 21 года, а мне шел 25-й год.

С тех пор прекрасных чувств стремленья
Закон любви в нас заронил.
И чудной силою творенья
Для счастья нас соединил...

Небольшого роста, хорошо сложенная, темная шатенка с большими черными искрящимися задором глазами на нежном, привлекательном лице, она приносила с собой жизнерадостность и то, уже оформившееся, женское обаяние, которое так очаровывает собеседника, особенно после долгих лет пребывания в окопах и боях среди всех ужасов войны.

При ее появлении все как-то оживлялись и суровые лица солдат принимали ласковое выражение, а когда это хрупкое и нежное создание начинало шалить, то невольно появлялись улыбки.

Вскоре мне с Нилой пришлось расстаться. Обстановка на фронте быстро менялась и я спешно выехал из Богучара, направляясь с полком вслед за отступавшими в беспорядке белыми.

И чудный голос зазвучал
В душе ликующей моей.
И вновь, как прежде, услышал
Слова любви твоей...

Нилочка стала писать мне в полк из Богучара.

«1919-2/III

Валентин Александрович!

Жаль, жаль, что от Вас нет никакой весточки, а я все ждала, но, кажется, напрасно. Скажите откровенно, Ваши чувства ко мне уже, вероятно, переменились — правда? Получили ли Вы мои письма, которые я давно-таки Вам передала. Знаете, Валентин Александрович, одно время мне страшно хотелось поехать к Вам, и я чуть-было не сделала этой непроститель-

ной глупости. Теперь радуюсь, что вовремя одумалась. Скажите, скоро ли я Вас увижу. Очень и очень хотелось бы встретиться с Вами, но, кажется, судьба против этого.

Валентин Александрович, скажите: хотели бы Вы, чтобы я приехала к Вам или нет. Вероятно, последнее, потому что едва ли (по-моему) Вы питаете ко мне какое-либо чувство.

Всего хорошего. Нила

P.S. Знайте, что я люблю Вас по-прежнему».

Когда меня ранили под хутором Лютов-Сухоборацких, я остался в строю, но ранение осложнилось, и через некоторое время меня вызвали в высший штаб и приказали ехать лечиться... Конечно, я поехал в Богучар, меня неодолимо влекло желание вновь увидеть Нилу.

Приехав в Богучар для лечения, я опять стал встречаться с Нилой. А между тем военные события нарастали с потрясающей неожиданностью. Вспыхнувшее восстание донских казаков в тылу наших, изнемогавших в неравной борьбе армий, разливалось молниеносно вширь и вглубь, и грозило перекинуться на Богучарщину и другие местности, где враги Советской власти тоже не дремали, а действовали восставшим казакам...

В эти дни мы часто встречались с Нилой, так как сформированный мной штаб по борьбе с повстанцами еще находился в Богучаре.

...Наконец приблизился день, когда я должен был выехать в направлении к станции Мешковской, ближе к центру восстания... Я не обманул Нилу и сказал, что ожидает ее со мной и даже несколько сгустил краски... Но она, невзирая ни на что, согласилась стать моей женой и тайно от отца ушла ко мне, решив разделить мою судьбу до конца...

Брак наш был зарегистрирован в г. Богучаре... О венчании в церкви, что было тогда весьма модно, у нас не было и разговора... Насколько я помню, Нила была совершенно равнодушна к вопросам религии... Несмотря на свое проис-

хождение, Нила верила в справедливость нашей борьбы. Наша любовь не омрачалась разностью мировоззрений, хотя об этом мы также специально не говорили...

Ее чистая, по-детски искренняя и сильная любовь была ниспослана мне, как сама жизнь, как бы самим провидением в награду за все перенесенные мною лишения. И я понял, что такое счастье...

Уход Нилочки от отца и разрыв с ним, ее выход за меня замуж, быстро стали известны всему Богучару и пошли самые фантастические толки. Когда мы появлялись вместе на танцевальных вечерах в гимназии, народном доме, то все внимание было обращено на нас. В то время контраст был действительно разительный. Вооруженный с ног до головы, довольно рослый и плечистый «партизан-большевик», о котором ходили самые удивительные слухи, и его молодая жена, с виду «кисейная» барышня-подросток, дочь богатого купца, а, значит, контрреволюционера, не могли не возбудить интереса у публики, столь много к тому же наслышанной.

Я не умел, к сожалению, танцевать и только сопровождал Нилу и смотрел, как другие танцуют. Но она любила и умела танцевать. Танцевала Нила очень грациозно, особенно прекрасные старинные вальсы. В партнерах она, конечно, никогда недостатка не чувствовала... Откровенно говоря, хоть я не умел танцевать, но смотреть, когда красиво танцуют, я люблю. И особенно мне доставляло большое удовольствие смотреть, как танцует Нилочка, этот нежный и жизнерадостный цветок Богучара...

Несмотря на близость фронта, я решил движение по городу до двух часов ночи, а танцы и другие увеселения даже поощрял, чтобы поддерживать бодрый дух среди населения, а не создавать ненужными огорчениями уныние и страх. Однако, когда солдаты-богучарцы узнали, что я женился, да еще на дочери купца, то поползли недобрые вести о том, что она меня погубит, то

есть, я стану робок в боях... Зная хорошо богучарцев, я вынужден был принять некоторые предосторожности и решил не брать жену с собой. Кроме того, я вообще боялся за ее жизнь и хотел, чтобы она в передовой линии, безусловно, не была. Да в этом и не было необходимости. Она вначале послушалась и осталась в Богучаре, где жила с семьей Ковалева, бывшего моего начальника штаба, когда я был командующим Богучарским партизанским фронтом...

С отцом Нилы я вообще не встречался, а он при случайных встречах в городе обходил меня, как говорят, за два квартала. Вероятно, он, кроме всего прочего, еще и побаивался меня...

Когда я был уже в станции Мешковской и богучарцы вели напряженнейшие бои с восставшими казаками, Нила писала мне:

«Валька! Я сержусь на тебя. Мне так обидно, что ты до сих пор ничего не писал. Вот Рачков, так пишет своей жене целые листы, а ты хоть бы строчку. Нехороший ты, Валька! Я так соскучилась по тебе, а ты, вероятно, уже забыл меня. Валька, ты должен писать мне чаще, хотя бы понемногу. А ну-ка, скажи мне, как тебе там спится в школе под столом. Хорошо? Бедная детка, ты сидишь голодный, мне очень жалко моего любимого Валька. Всего доброго, мой милый мальчик.

Твой Нилочка».

И, действительно, солдаты-богучарцы переносили невероятные лишения, выполняя свой долг, а нас так снабжали, что даже командир знаменитых богучарцев вынужден был голодать... А Нила писала:

«Валечка, мой милый мальчик, я безумно скучаю без тебя, уже сил не хватает жить вдали от моей любимой детки. Если еще один-два дня тебя не увижу, то, честное слово — возьму и приеду к тебе прямо на передовую линию. Котик мой, лучше пусть убьет меня пуля неприятеля, чем здесь си-

деть и так адски мучиться. Валечек, день и ночь почти я все плачу. Настроение убийственное, кажется, если бы я увидела тебя, так и то мне стало бы легче. Валечек милый, ну скажи, как мне можно увидеть тебя хотя бы на несколько минут.

Пиши обязательно. Навсегда твоя, Нила».

Читая ее письма, я забывал все лишения и опасности. Мысль о ней доставляла мне несказанную радость, и я видел ее одухотворенное лицо и слышал нежный, просящий голос.

Нила тогда служила в отделе народного хозяйства исполкома Уездного совета. Даже не дожждав ответа на свои письма, она сама явилась в район боевых действий, в котором наш тыл очень часто наводнялся проникавшими в разрывы между частями разбегдами повстанцев-казаков, и подвоз боеприпасов и продовольствия передовым частям производился под усиленной охраной...

О приезде Нилы я узнал следующим образом. Однажды мне вручили письмо и компас от Нилы и вместе с тем сказали, что встретили ее уже на обратном пути в Богучар, так как она не смогла сама добраться до полка, а ответа от меня на посланные ею письма не было. Видимо, некоторые письма Нилы не дошли до меня. Причин для этого тогда, конечно, было достаточно... В полуценном мною письме Нила писала:

«Валечка, родной мой, любимый! Я приехала сюда только лишь из-за того, чтобы увидеть тебя. Я так соскучилась по тебе, а тут еще ты абсолютно ничего не пишешь. Вот я и решила ехать к тебе...

Валечка, милый, неужели нельзя видеть тебя, хоть одну минуточку. Мне бы взглянуть только на тебя, а потом бы я уехала опять в Богучар. Валя, если тебе нельзя приехать, то, может, мне разрешишь приехать к тебе в полк, я сейчас же и обратно уеду, только посмотрю на тебя. Валечка милый, можно? Я подожду ответа в Чернецкой.

Потом я бы просила тебя, а впро-

чем, не нужно, потому что, несмотря ни на какие просьбы, ты будешь рисковать своей жизнью и быть в самом опасном месте. Так что я уже не решаюсь просить тебя, чтобы ты помнил, что тебя любят. Валентин, если вдруг ты почему-либо умрешь, то знай, что я этого тоже не переживу. Без тебя я не могла бы жить. Помнишь, ты подарил мне браунинг... Вероятно, завтра придется ехать обратно в Богучар. До свидания, Валя, жаль, что мы с тобой не скоро увидимся. Навсегда твоя, Нила.

Не забывай, что я безумно люблю тебя.

9 мая 1919 года.

P.S. Вчера вечером мы хотели проехать прямо в цепь вашу, но, доехав до хутора Варваринского, остановились и хотели переночевать. К сожалению, там все сожгли и жителей никого не осталось. Вот мы и повернули обратно в Чернецкую. Я жалею, что вчера мы не проехали прямо в полк. До свидания, Валька! Пиши.

Целую крепко, крепко. Твоя Нила.

Валька, ты забыл свой компас, я привезла его, тебе передадут».

Но не прошло и нескольких часов, как я был поражен ее неожиданным появлением в разгар боя. Она, кажется, возвратилась с дороги, не доехав до Богучара. Вернуть ее тотчас же обратно не представлялось возможным. Под звуки ружейной и пулеметной стрельбы, под гул артиллерийской канонады, кипевшего боя, я целовал миниатюрные ручки этого отчаянного ребенка, говоря о необдуманности ее поступка, об угрожавшей ей опасности. Но, откровенно говоря, в душе был несказанно рад, что она приехала.

Кажется, на следующий день она смогла уехать, послушавшись моих настоятельных просьб, так как наше положение среди восставших казаков было чрезвычайно опасно... Я облегченно вздохнул, когда получил от нее письмо и узнал, что она благополучно доехала до Богучара...

Она же вновь писала:

«13 мая 1919 года.

Валечка, родной мой! Вот уже два дня, как я в Богучаре, но меня уже опять тянет к тебе. Валя, зачем ты меня отправил из полка? Дорогой мой, пойми же ты, что я не имею сил жить вдали от тебя. Если бы знал, как мучительно, как тяжело думать, что моя любимая, бесконечно дорогая детка далеко-далеко от меня, что ты всегда подвергаешься опасности.

Валечка, радость моя, я хочу все время, каждую минутку быть с тобой, и, если нужно, умереть возле тебя. Ты думаешь, что я могу долго пробыть в Богучаре? Нет, быть может, неделю или две самое большее, а затем опять поеду к тебе. Ну, что ж из того, что там опасно, ну и пусть, а я все равно хочу быть с тобой. Ведь ты же веришь мне, что я тебя безумно люблю, что ты для меня дороже жизни, что для меня гораздо лучше быть с тобой в самых неудобных условиях, чем жить вдали от тебя. Веришь, скажи? Валечка, любимый, счастье мое, возьми меня к себе!

P.S. Сейчас встретила Дронова на площади. Он говорит, что недавно приехал из полка. Почему ты с ним не передал письмо?

Валечка, милый, пиши мне чаще, прошу тебя! Ты знаешь, у меня в настоящее время такое отвратительное настроение, что я, право, жалею, что не попала в плен к казакам. Если бы это случилось, то меня, вероятно, уж не было бы в живых. И так, кажется, было бы лучше.

Кончаю писать, солдат меня просит скорее отпустить его.

Целую тебя, мой любимый — крепко-крепко. Твоя Нила».

Когда богучарцы под моей командой, сломив упорное сопротивление донских казаков в районах станиц Мешковской и Мигулинской, с боем начали вновь продвигаться к центру восстания — станице Вешенской, Нила, не пробыв в Богучаре даже недели, как писала, вновь поехала на поиски Богучарского полка по разоренным станицам и хуторам...

Кажется, в районе хутора Водянский, где богучарцы вели бой — уже почти окруженные со всех сторон казаками, мне донесли, что с успевшей прорваться к нам, посланной мной богучарской кавалерийской сотней доставлены в полк не только долгожданные боеприпасы и продовольствие, но также Нилочка, которую я уже здесь никак не ожидал. В свое оправдание Нила дала мне письмо, которое она не смогла передать мне. В этом письме она писала:

«Милый Валька! В пятницу утром я выезжаю из Богучара, еду к тебе с Гришей Чередниковым. Наш маршрут: Красножженовка, Журавка и Мешков. Необходимо видеть тебя и посоветоваться. Не сердись, что я опять еду к тебе. Я ведь всего на один день, а потом, если бы мое положение не было бы так серьезно, то я бы не поехала. Жаль, что в Богучар приехал Рачков, а не ты. Хотя он и говорит, что ты должен скоро приехать, но мне не верится.

*Всего доброго, целую. Твоя Нила.
21 мая 1919 г.»*

Что я мог сказать той, которая так любила меня...

Вокруг кипел бой и надвигалось самое страшное... Почти одновременно пришло тревожное донесение. Единственная, оставшаяся по временам свободной, дорога у реки Дон, теперь окончательно была занята крупными силами повстанцев. А вокруг по балкам сосредотачивались большие силы казаков. С этого дня мы были окружены со всех сторон донскими казаками, и связь с внешним миром совершенно оборвалась. Мы не знали, что в эту ночь наш штаб экспедиционной бригады, стоявшей в станице Мешковской, и резервы, расположенные по хуторам, уже были уничтожены казаками... Спаслись бегством немногие...

Богучарский же полк продолжал выполнение плана «концентрического наступления», лишь догадываясь, что этот план уже провалился.

Как потом оказалось, в это время по-

что все части, выполнявшие план наступления, были уже или разбиты совершенно, или захвачены в плен, или сами сдались, а некоторые едва успели отступить с большими потерями.

Все силы казаков были тогда сосредоточены против богучарцев... Но богучарцы приказ выполнили. С боем дошли до станицы Вешенская и, не дождавшись остальных частей, вынуждены были пробиваться обратно, сопровождаемые «почетным конвоем» донских казаков, нападавших на нас со всех сторон.

Нилочка вместе со всеми богучарцами участвовала в этой единственной своего рода операции, когда боевые порядки знаменитых солдат-богучарцев простреливались насквозь со всех сторон опытнейшими воинами, донскими казаками... Раненых мы везли на повозках с боеприпасами, прикрываемых боевыми порядками солдат со всех четырех сторон.

После всего случившегося, Нила стала весьма популярна в полку... Ее веселый характер и личное обаяние, ее беззащитность прелестного ребенка, как-то странно сочетавшиеся с проявляемой ею отвагой в боях и мальчишескими выходками, ее неизмеримая любовь ко мне, все это невольно покоряло сердца не только близко знавших ее... Изменили свое мнение и намерение и закаленные в боях солдаты-богучарцы... Ее везде встречали приветливо...

Хотя, откровенно говоря, боясь за ее жизнь, я под всякими предложениями отправлял ее в тыл: сперва — в Богучар, а когда покинули Богучар и все время были в движении, то в обоз 1 разряда, так как дальше в тыл она ехать не согласилась. Но она, пробыв там короткое время, тоже находила предлог и вновь возвращалась ко мне...

Когда однажды Нила коснулась вопроса, касающегося происходившего спешного отступления наших войск, начавшейся паники среди населения и циркулировавших еще более панических слухов, я не скрыл от нее серьезности положения, и как-то необдуманно указал ей на возможность выбора

идти ли со мной почти на верную гибель или остаться у родных. Глаза ее засверкали гневным и вместе с тем вдохновенным огнем, вся она преобразилась. Я с удивлением смотрел на нее, это не был шаловливый ребенок, каким я ее считал. Со всем пылом своей благородной души любящей женщины, Нила сказала мне, что ни за что не останется с родными и будет только со мной, где бы я ни был и что бы со мной ни случилось. Хотя я только такого ответа и ожидал от нее, но почему-то мне стало на душе невыразимо легко и радостно... Мне показалось, что самое страшное миновало... Жизнь делалась прекрасней... Я чувствовал то, чего не может выразить мой слабый язык...

И от доброго, теплого слова
Своей нежной подруги-жены
Мы становимся бодрыми снова,
И враги нам тогда не страшны.

Нила теперь значительное время была со мной, и только иногда мне удавалось уговорить ее побыть и отдохнуть во 2-м эшелоне. Я вновь начал командовать группами полков и бригадами богучарцев. Продолжались непрерывные бои... Но не проходило и дня, чтобы она не выискивала предлога вновь побыть со мной, как только по какой-либо причине уезжала во 2-й эшелон... И вновь мне привозили ее родные письма, и вновь она писала:

«Валечек, радость моя, прости, что я тебя бомбардирую письмами, но я так соскучилась без тебя, так хочу видеть мою детку, что пользуюсь всяким случаем, чтобы попросить тебя взять меня скорее к себе. Валечка, любимый мой, когда же я тебя увижу! Пиши. Навсегда твоя, Нила. Воронцовка (а числа не знаю)».

Нила хотела всегда быть со мной, особенно в самые опасные моменты. Никакие лишения и неудобства не могли ее остановить. Свое желание она умела осуществлять и помимо меня, так как у нее появилось среди богучарцев много явных и тайных союзников, которые ей

охотно шли навстречу и о которых я зачастую не знал.

Мои просьбы и запреты по этому вопросу теперь мало действовали, и я уже реже настаивал на ее отъезде. Ее присутствие стало для меня необходимым. При виде ее проходили все мои тревоги. Я становился спокоен и более уверен в себе. Страх смерти покидал меня...

Однако, боясь потерять Нилу, я в предвидении самых опасных периодов сражений все же старался направлять ее в наш тыл, изобретая для этого какие-либо благовидные поводы...

Находясь непрерывно в длительных и тяжелых отступательных боях, я 1 августа 1919 года опять был тяжело ранен, но, не желая бросать богучарцев, в самый критический момент остался с ними.

Думая о Ниле в эти дни и перечитывая ее письма, я мысленно благодарил ее за то счастье, которое она дала мне... Увижу ли я ее, пронеслось в моем мозгу... И разум, этот высший и беспристрастный судья, не предвещал этой встречи...

Со всей неумолимостью логика вещей говорила, что невозможно и дальше ожидать только счастливых случайностей. Огромные массы убитых и искалеченных солдат были грозным аргументом. Но мысль о Ниле согревала мое сердце и облегчала мой крестный путь за справедливое дело освобождения угнетенного и обездоленного человечества, и я с благоговением произносил слова любви и благодарности, обращенные к ней, так самоотверженно любившей меня...

Мое присутствие среди богучарцев, особенно во время боя, с забинтованной головой, хорошо поддерживало боеспособность солдат и командиров.

Однако о моем ранении я приказал Нилочке не говорить, боясь, чтобы она не совершила какого-либо необдуманного поступка. В это время она была в Воронеже, возле которого находились и некоторые тылы 40-й Богучарской дивизии. В эти дни Нила писала мне:

«3-го августа 1919 г.

Валька, ты противный, нехороший мальчишка, до сих пор еще не прислал за своей женой лошадей. Пойми же ты, что я хочу видеть тебя и быть с тобой. Валька, мне знакомые из Политотдела 8-й Армии говорили, что Малаховский назначен командиром бригады. Если это правда, то разреши-те, Валентин Александрович, Вас поздравить!!!

Но все же прошу не забывать, что в Воронеже бедная Ваша жена невыразимо грустит и скучает без вас. Валечек, родной мой, возьми меня к себе поскорее, страшно тяжело жить здесь вдали от тебя. Вчера в Воронеж приезжал Дронов, ночью собирается ехать в Богучарский полк.

Хочу безумно к тебе! Присылай скорей, скорей, скорей!!!

Твоя Нелли».

...Нилочка, незадолго перед наступлением приехавшая ко мне, категорически заявила, что уж теперь она от меня никуда не поедет. Я не в состоянии передать переживаний Нилы, когда она увидела вновь забинтованную мою голову и узнала от врача, что и на этот раз я был на волосок от смерти. Могу только сказать, что встреча с ней для меня была самым лучшим средством к скорейшему выздоровлению не только от пулевого ранения, но и от психических травм, которые не менее опасны, но лечение их требует больше времени и специальных условий...

Не помню уже, при каких обстоятельствах, но Нила в середине октября наперекор ее желанию вынуждена была выехать во 2-й эшелон и вновь, как и прежде, она писала мне, чтобы скорее прислал за ней.

«Валечка мой родной, сделай так, как я прошу. Милый, мне лучше быть с тобой вместе на дожде, на холоде, голодной, чем жить вдали от тебя. Валечка, солнышко мое, исполни мою просьбу. Смотри, теперь от тебя зависит, буду ли я с тобой или останусь у казаков. Валечка, радость моя, я умо-

ляю тебя, если ты меня любишь, хоть немножко, возьми меня к себе, котик мой, возьми!

*Пиши скорее — жду. Твоя Нила.
22-го октября 1919 г.»*

Так писала Нилочка — это прелестное дитя, как только расставалась со мной на самое короткое время. И часто, не дождавшись даже ответа, Нила сама приезжала в передовую линию, чтобы быть со мной... Иногда она переодевалась в форму солдата и сопровождала меня верхом на лошади.

Мысль о ней, ее письма и особенно ее присутствие были мне целительным бальзамом от всех невзгод того прекрасного и страшного времени...

Талисманом в кровавых сражениях
От ударов презренных врагов,
Мне служили мое вдохновение,
И ее дорогая любовь...

Случаи рыцарского ухаживания за Нилой со стороны штабс-капитана Степанова, подпоручика Рачкова, донского казака Дронова и других, конечно, были... Все мы были молоды и жизнерадостны, а Нилочка была так шаловлива и очаровательна... Даже старик генерал Грживо-Домбровский, случайно увидев Нилу со мной, изумился и обиделся, что я ее якобы прячу и просил обязательно приехать с ней к нему в гости...

Во время наступления наших войск уже в конце 1919 года Нила поехала на лошадях за советом к врачу по поводу своей беременности. Дорогой поднялся снежный буран, Нилочка простудилась, слегла и, недолго проболев, умерла от воспаления легких и тифа 21 декабря 1919 года в городе Боброве... Тело ее было перевезено в родной Богучар и погребено на городском кладбище среди вековых деревьев.

Когда замерзшие комья земли застучали в крышку ее гроба, я пришел в себя и со всей остротой невыразимого ужаса понял, что никогда больше ее не увижу. Ни с чем несравнимое чувство пустоты и одиночества овладело мной. Казалось, я остался один перед лицом мертвой Вселенной.

Все разошлись с кладбища. Передо мной была ее могила — небольшой холм глинистой земли. Здесь было погребено все мое богатство и счастье, и я с безыходной тоской в сердце вновь почувствовал себя одиноким бродягой.

Так безвременно сгорел в огне гражданской войны прелестный цветок Богучара, свет моих очей...

Заросла в старой роще могила,
Вереницей промчались года,
Но все слышу, как ты говорила,
Говорила: «Люблю навсегда...»

И столетья пройдут, как мгновенье,
Не нарушив твой вечный покой,
Не смутит соловьиное пение,
Не встревожит и голос родной...

После похорон, кажется, в тот же день вечером, я заболел тифом в тяжелой форме и потерял надолго сознание, находясь в сильном бреду... Все же мой богатырский организм выдержал все ужасы тифозной эпидемии, и я стал поправляться. Когда я выздоровел и вновь узнал, что Нилочки нет в живых, демон смерти вошел в мою душу. Я понял, что не был достоин такой чистой и самоотверженной любви и сожалел, что не ушел вместе с ней...

Время шло, и прошлое уходило вдаль, но грустные мысли сопровождали меня всюду...

«Так окончилась сказка любви дорогой...», — завершает свой рассказ Малаховский.

«ЛЕТУЧИЙ ГОЛЛАНДЕЦ» ЛЮБВИ

Его новой музой на долгие-долгие годы стала его вторая жена Зинаида Васильевна Малаховская (Николенко). Они встретились в Керчи в 1921 году, и сердце уже пережившего потерю одной любимой Малаховского раскрылось навстречу новой любви, которой он пел дифирамбы до конца своих дней. Пел в прямом смысле слова, вновь и вновь в своих стихотворных обращениях к ней на разные лады повторяя: «Люблю! Люблю!». И тогда, в 27 лет, когда толь-

ко-только познакомились, и много-много лет спустя, когда из-под генеральской папахи уже выбивался седой чуб.

Ноябрь, 1951 год. 57-летний Малаховский дома, в Риге, жена отдыхает в Сочи. Размашистые строчки ложатся на лист, он не стесняется править здесь же — ведь и в этом его чувства к ней, такие же горячие и порывистые, как и тридцать лет назад. И она должна знать об этом. Но потом переписывает начисто: о любви вчерне — это не для него.

«Здравствуй, любимая Зиночка! В день тридцатилетия нашей любви и дружбы шлю тебе мой низкий поклон, сердечное спасибо и много наилучших пожеланий за великую дружбу, искреннюю любовь и истинное счастье, которые ты подарила мне...»

В этот счастливый день мне захотелось сообщить тебе главное из нашего «договора» о вечной любви и дружбе и написать о своих переживаниях...».

И он приводит выписку из акта о браке за № 1199, г. Керчь, 26 ноября 1921 года. Для него это не просто бумажка. А и 30 лет спустя — «договор о вечной любви и дружбе».

И тут же стихи. Может, с точки зре-

ния стихосложения, не очень и ладные, но такие звеняще-искренние: «Я бы пел тебе песни любви, замирал у тебя на груди... Я бы вечно смотрел в твои очи, не страшась бесконечности ночи...»

30 лет вместе, а такая страсть!

Представьте только страшную зиму 1942-го. «И черпаю в любви к тебе силы свои...», — пишет Малаховский жене. Сколько таких писем летело тогда на фронт и с фронта, так помогая кому-то сделать еще один шаг — к подвигу ли, к Победе...

Тогда, за все годы войны, много получила Зинаида Васильевна стихотворных посланий, в каждом из которых она, единственная, оставалась его музой. Но однажды он отправит ей стихотворное послание, когда-то предназначенное Ниле Гончаровой, словно объединив двух любимых им женщин в единое целое.

Если пасть на поле битвы
Мне предначертано
судьбой,
К тебе, любимая, молитвы
Я вознесу в час роковой...

Такие строки пишет он ей в г. Киров, где она работала врачом в госпитале. Зиночке, кстати, это не очень понрави-

Валентин Малаховский и Зинаида Николенко. 1920-е годы

Супруги Малаховские на склоне лет

лось. Близкие к семье рассказывали, что однажды она нашла в постоянно закрытом шкафчике секретера чай-то бережно хранимый мужем газовый шарфик. Оказалось, Нилочкин. Скандал был грандиозным, чуть не до развода. Но любви ничто помешать не может — ни война, ни разлука, ни ревность. Невзгоды только укрепляют настоящее чувство. «И ты щитом любви прикрыла меня в тех сечах роковых...» — звучит проникновенно и патетически. Его, потомственного кадрового военного, никогда не страшила сеча. Он боялся лишь одного — разлуки с ней, единственной, любимой. «Ты уехала, и в доме настала какая-то зловещая тишина... Я чувствовал себя, как на покинутом всеми корабле, вроде «летучего голландца». Несмотря на то, что наша квартира в центре города, кажет-

ся, что на много тысяч километров вокруг — ни одной живой души. Я забарикадировал известную тебе комнату, опустил шторы...

Сегодня съел последнюю ватрушку, и она показалась мне такой вкусной! Не потому, что последняя, а потому, что ее испекла ты, а не кто-либо другой...».

«Даже мухи погибли, — пишет он ей, — не выдержав той тоски, что поселилась в квартире без тебя...»

Такая вот всепоглощающая любовь была им дана. Они пронесли ее через три войны — Валентин и Зиночка, Зинуся, как звал он ее. Их уже нет. Остались лишь старые снимки, запечатлевшие их счастливыми и красивыми от этого чувства. А еще — не очень умелые, но теплые стихотворные строки. О любви, которой ему хватило на всю долгую жизнь.

Эдуард Петрович Ефремов родился в 1946 году в селе Козловка Бутурлиновского района Воронежской области. Окончил филологический факультет Воронежского государственного университета. Собственный корреспондент газеты «Сельская жизнь». Автор многих проблемных публикаций на темы культуры, пьесы «По минному полю», поставленной на сцене Воронежского театра юного зрителя. Живет в Воронеже.

Эдуард Ефремов

И ШЛИ МАЛЬЧИШКИ ПО МИННОМУ ПОЛЮ

Н а долгие годы мальчишки из 1943 года стали мне больше, чем друзьями. На многое открыли глаза, о многом заставили задуматься. Ничего в жизни не бывает случайного. Все предопределено. Началось с банальной подготовки к Новому году, 1983-му. Мой друг, геолог Владимир Чесноков, пытался навести порядок — освобождался от накопившихся бумаг, газет...

Машинально поднимаю с пола пожелтевший листок из ученической тетради. Расплывшиеся буквы, написанные химическим карандашом: «...Пули ложатся рядом. Стараюсь своим телом прикрывать Володеньку. Эта записка предсмертная. Если меня убьют, а сын останется жив, то пусть написанное будет для него материнским напутствием...

Милый и родной мальчик, кровиночка моя! Не знаю, что тебя ждет в жизни. В любом случае, жизнь легкой не будет. Ты должен многое знать, чтобы стать на верную дорогу...»

— Володя, что это?!

— Надо же! А я уж думал, что мамино письмо навсегда исчезло. Затерялось в бумагах... Если бы ты не пришел, то через минуту всю эту макулатуру сгреб и вынес бы на мусорку. Вот тогда бы весточка из войны была бы утрачена безвозвратно...

Несколько минут Владимир Семенович молчал. Вспоминал? Сосредотачивался? По щекам бежали слезы. Потом стал рассказывать. Расстались мы далеко за полночь. Запечатлевшиеся в памяти картины...

...Немецкое наступление было стремительным. Жители в панике бежали из города. Матери Володи недавно в больнице вырезали аппендицит. Еле ноги переставляла. Она только и успела, что выйти за ворота и при виде фашистов упасть с сыном в придорожные заросли.

Смерть въезжала в Богучар на мотоциклах. Семилетний мальчишка лежал в полынных зарослях и, оцепенев от ужаса, смотрел. Иногда некоторые из этих чудищ в касках, похожих на котелки, притормаживали и, привстав на подножках, как на стременах, давали очередь из автомата. Мальчишка закрывал глаза, вжимался лицом в землю и прощался с жизнью. Одна очередь прошла совсем рядом, пули срезали метелки полыни и взбурили пересохшую почву. Полынный запах смешивался с пылью...

С Чесноковым мы познакомились, когда он был в Воронеже довольно известным человеком — поэт; геологом полстраны исходил, диссертацию защитил, сына вырастил, который ему внука подарил. Он один из родоначальников знаменитых университетских «Дней поэзии»...

— Знаешь, для меня полынь — трава, приносящая счастье. Ее запах — как талисман. Закрою глаза и представляю себя маленького, которого спасли заросли, укрыли от фашистов. А что творилось в сердце моей мамы?! В принципе, я был обречен на роль изгоя общества — отца, как «врага народа», расстреляли незадолго до войны. Папа и мама у меня были учителями. О том, что отец не в «командировке», а расстрелян, узнал гораздо позже... Я был не одиноким, у многих мальчишек Богучарщины отцы — «противники советской власти», были расстреляны во дворе тюрьмы, которая стояла на окраине города. Закопали их где-то во рву рядом с тюремным забором. Но не знаю ни одного случая, чтобы с приходом немцев кто-то из семей «врагов народа» пришел к ним сотрудничать. Во мне мама воспитала любовь к родине. Родина есть родина — что бы с ней ни было, кто бы в ней ни бесчинствовал. У нее один защитник — ты...

По-настоящему смерть за нами охотилась даже не в то время, когда в Богучаре хозяйничали немцы. Она распоясалась, когда фашисты ушли. Мне кажется, именно тогда я стал взрослым...

Когда седеют взрослые — понятно, но когда дети...

...С 16 по 30 декабря 1942 года советскими войсками была блестяще проведена операция «Малый Сатурн». Враг был отброшен. Но возвращение населения к мирному труду было проблемой проблем.

— Ни в лес, ни в поле нельзя было шагнуть. Если где-то раздавался взрыв, то мы стремглав бежали домой, чтобы матери увидели нас, чтобы знали — на сей раз несчастье их дом миновало...

Фронт проходил уже далеко от этих мест, но здесь ежедневно гибли люди. В селах не жизнь, а сплошной ужас! Над каждым витал рок смерти. Жизнь в окружении мин. Надо было дрова заготавливать, надо к севу готовиться — и люди подрывались и подрывались, гибли на минных полях. Чтобы выжить, надо покорить бескрайние поля смерти. Хлеб на минах не растет.

— Военкоматы осаждали мальчишки. Просились на фронт. Это были особые мальчишки: всю оккупацию просидели в погребах, лесных землянках, чтобы не быть угнанными в качестве рабсилы в Германию. Теперь они вышли из подполья и чувствовали неоплаченный долг перед Родиной: кто-то воевал, а они что же — «отсживались»?

Не удалось установить, кому из подростков пришла в голову идея, и они с ней пришли в военкомат: не пускаете на фронт — доверьте разминирование. Положение сложное. Катастрофически не хватало людей. И при военкоматах, в Богучаре и Верхнем Мамоне, создали отряды минеров из мальчишек-добровольцев. Шли в минеры с согласия матерей. Проходили кратковременные курсы — и на поля.

Итальянские мины были очень красивыми. Я нашел одну такую «игрушку». Притащил домой. Уединился. Стал отвинчивать какие-то болтики, винтики...

Чистая случайность — рядом оказался мой двоюродный брат Женя Седов. Он вырвал у меня «итальянский подарок», швырнул его за забор, а меня сбил с ног и навалился на меня. Раздался взрыв одновременно с моим падением на землю. Бог миловал — осколки пролетели мимо. Зато от Женьки после получил хорошую взбучку. Ему было пятнадцать лет — взрослый и серьезный человек. Он стал в числе первых мальчишек-добровольцев, пришедших в военкомат. Это он сказал командиру: «Неужели вы не понимаете, дети на минных полях гибнут, а мы, взрослые, будем и дальше сидеть, сложа руки?» Ему и его сверстникам были вверены наши судьбы. Вскоре о нем распространилась слава как о самом опытном минере. К нему приходили со всего Богучара: «Жень, мы во дворе нашли то ли снаряд, то ли мину — прийди разберись, обезвредь ее». Он знал все типы мин, умел с ними обращаться. Но в 1944-м, уже имея год практики по обезвреживанию взрывоопасных предметов, он шел по полю в цепи вместе со сверстниками. Обнаружил мину. Осторожно освободил ее от земли. Обезвредил один взрыватель, второй, приподнял... В миг перед смертью успел крикнуть: «Ложись! У нее еще один взрыватель!»

Неделю мы ходили собирать то, что осталось от брата: клочок документа, часть одежды, какие-то части тела. Я видел, как седыми становились его сверстники...

...У меня была очередная командировка в Верхнемамонский район. Заезжаю в Осетровку. Тамошняя школа запомнилась прекрасным музеем. Думаю: «Как же получилось? Был в музее, мне много ребята и учителя рассказывали о войне, но никто не вспоминал юных минеров... Наверное, эта ситуация для них была обычной, а я просто-напросто просмотрел материал о героях-мальчишках...» В школьном музее не нашел каких-либо документальных подтверждений тому, о чем узнал от Чеснокова. Задаю вопросы директору. Он как-то смутился, но четко отрубил: «Вам сказку кто-то рассказал. Не было этого.

Советская власть на минные поля детей не посылала...»

Что же получается? Володька врет?! Такого быть не может. Захожу в сельсовет. Там тоже какое-то странное поведение председателя — ни да, ни нет. Выхожу на улицу и к первому встречному: «Вы не подскажете адрес хотя бы одного человека, который в 1943 году занимался разминированием?» «Не только подскажу, но и доведу. Мой сосед Мишка Дергунов в минерах был...»

В доме хозяину объясняю, кто я и с какой целью к нему зашел. А он — шапку в руки, фуфайку накинул: «Посиди минуточку! Я мигом всех соберу!» Минут через пятнадцать собралось довольно-таки много мужиков. Кто без ноги, кто без руки, кто с искореженным лицом, у кого повязка перекрывает один глаз... Ни одного без «отметин». Какое-то время «немая сцена». Потом вдруг все заговорили разом. Некоторые не просто плакали — рыдали. Но вскоре успокоились, пошел обстоятельный разговор.

«Если тебя, корреспондент, к нам прислали, значит, наконец-то и про нас вспомнили. А то мы тут годами живем какими-то обсевками никому не нужными — только глаза мозолим. После войны, когда мы очистили поля от мин, у нас поотбирали справки, выданные в военкомате. Мол, забудьте и не вспоминайте — ошибочка вышла... Некрасиво получается — дети в посевную сделали больше, чем взрослые. И погибали вы, увечья получали не по приказу военного времени, а по своей мальчишеской глупости. Если вам когда потребуется какая помощь — обращайтесь... Нас всех будто обухом по голове.

Самые тяжелые времена наступили, когда стали праздновать День Победы. Всех на торжества приглашают, чувствуют. Гуляет народ, радуется! А мы соберемся отдельно да и загорюем по полной...»

Рассказываю, что меня к ним не «власть прислала». Удивился непонятному поведению директора школы, председателя сельсовета. Меня сюда привел случайный прохожий... И — волна негодования!

«Директор школы так-то?! Да ты что?! Ты обратил внимание, что он хромой? Да кому же доверили детей учить?! Он же на тех минных полях в детстве подорвался... И он вам сказал, что все про нас — сказки, что «советская власть на минные поля детей не посылала»?!» Да причем тут советская власть? Мы сами шли на те поля. А что же он тебя к памятнику не подвел, который ему глаза мозолит прямо напротив окон школы?..»

На территории сельского кладбища в пятидесяти метрах от школы — могила, заросшая бурьяном. На жестяной пирамидке, сваренной наспех, нет никакой надписи. Учащиеся не знают, что это могила Николая Шокорова и Василия Лацыгина, шестнадцатилетних парней, погибших при разминировании...

В райкоме комсомола мне объяснили: «Мужики ввели в заблуждение. На Осетровском плацдарме сооружаем мемориальный комплекс, где будет увековечен подвиг мальчишек...» С неохотой молодой парень соглашается выехать на «мемориальную высоту». Все верно: строительство комплекса намечено. Есть проект. Но только он посвящен памяти воинов, освобождавших эту землю. О ребятах — никакого упоминания.

Никак не увековечена в колхозе «Осетровский» память об И.М. Ильгове. Только что вернулся с фронта с тяжелым ранением. Считался асом по разминированию. Он с мальчишками на полях пропадал целыми днями. Сколько жизней детских он отвел от смерти. Подорвался в 1944-м. Пошел первым по полю, чтобы проверить, нет ли на нем каких «сюрпризов».

Н. Крахтинов, Н. Косых, В. Топорков, Г. Кобзев, С. Горячин, В. Левин, Н. Дергунов, В. Неврев, В. Покачалов, Г. Загорулько, И. Илларионов, М. Дергунов — вот мы с кем познакомились в теплом доме Михаила Дмитриевича Дергунова. Вышли на улицу. Через несколько дворов начинается поле. Первое поле его жизни и смерти. Он с друзьями много пройдет таких полей:

— Знаете, что я вам скажу — в первое время из нашего брата мало кто под-

Владимир Чесноков

Иван Павленко

Иван Татаренков

рывался. Мы жили одними «уроками», которые получали от Ильгова. Минные поля снились ночами. Вот мне снилось одно и то же — осторожно прощупываю сантиметр за сантиметром землю, нежно скольжу пальцами по треклятой железке. В нас не было мальчишества. Куда оно только делось? Страх за жизнь сидел в каждом. Поэтому и осторожными были. Рваться в основном стали после, когда от усталости прямо-таки стариками становились. Я на противопехотную в сорок шестом нарвался. С той поры и скриплю протезом...

Стоим на краю поля. Молчим. Помянули? Передохнули? Продолжим дальше:

— Если говорить о страхе, тяжести, то скажу по совести, были тут у нас еще суровее дела — от трупов поля освобождали. Как снег растаял, они все и обнаружили на поверхности. Это, поверьте, пострашнее мин.

В райкоме комсомола заведующий орготделом В. Ильинов рассказывал то, что слышал от старших: когда возвращались в 1943 году в освобожденную Дерезовку, то матери детям завязывали глаза, когда шли тропинкой через эти поля. Жуткое зрелище.

Михаил Дмитриевич:

— В Осетровке не к чему было завязывать глаза. Поле — вот оно — все на виду. К тому же, так вышло, что Осетровка не успела эвакуироваться, так что у нас повидали смертей столько, что на все глаза не завяжешь. Село было окружено минами. В два ряда, плотно друг к другу, были уложены противотанковые мины. Они не так страшны: на них влиял вес за 75 килограммов, а в нас-то, прозрачных от голодухи, вообще если половина тех килограммов была, и то хорошо. Первое время с нами по минным полям ходили и наши матери. Так им как-то спокойнее было...

Лет за десять до встречи с минерами в Богучаре и Верхнемамонском районе в «Комсомольской правде» была опубликована статья о подвиге Анатолия Мерзлова, который ценою своей жизни, когда возник пожар на хлебном поле, спас трактор. Страна спорила, стоило ли

из-за какой-то «жестянки» парню идти в огонь? К тому давнему спору у Дергунова свое отношение:

— В первый весенний сев, скажу безо всякого сомнения, трактор был дороже человеческой жизни. Он у нас один был на несколько хозяйств. Ни коров, ни лошадей не было — один трактор. Взлети он на воздух... Да что говорить: трудно представить, сколько бы после детей от голода пухли. Вот мы и шли впереди трактора. Так и пахали, так и сеяли. Обычное дело все это. Как на войне. Мои старшие братья на фронте были. Георгий вернулся инвалидом, а Карп на девятый день войны погиб, так что у меня, выходит, своя война была — в окопе не отсиديшься...

Федор Григорьевич Сарычев в годы войны был заместителем председателя райисполкома:

— Сложное время пережили. Поначалу далеко не все шли в отряд по разминированию — матери не пускали. Потом, когда началась работа, не так-то просто все стало складываться. Одни парни подвергают себя риску, а другие... В селе так не принято. Все, так все. Многие стали разминировать, не имея на то разрешения. Когда их приглашали в сельсовет получить справки — с гордостью отказывались... Долго утрясалось дело с Василием Поповым. Разминировал без справки, в отряде не числился. В руках у него разорвалась каверзная итальянская «игрушка» с секретом. Без рук остался парень...

Еду в Богучар. Сколько же их погибло, мальчишек, благодаря которым начался сев на берегах освобожденного Дона? Запомнилось сказанное Владимиром Семеновичем Чесноковым: «Сколько мальчишек погибло от мин? Могу ручаться только за две богучарские улицы, на которых жили знакомые мне ребята: из составов отрядов минеров и просто по воле случая на минах подорвалось около семидесяти процентов мальчишек, проживавших на улицах моего детства...»

Одна из первых богучарских встреч — развеселый и бесшабашный Иван Иванович Татаренков:

— О-о! Ты, корреспондент, вовремя явился. Я тут по дури помирать собрался... Прихватило так, что ни дыхания, ни сердцбиения... Чувствую, призывают небеса. И так мне почему-то эту землю жалко стало! Да на кого же я ее покину?! Как же она без меня? Жить-то так хорошо на белом свете! Ну, думаю, прощаться так прощаться!

Сел на мотоцикл да как вжарил! Я же почти глухой, но ветер так от скорости свистел в ушах, что куда там Шопен с Бетховеном — такую музыку отходную, слышу, никому еще не играли! Сделал поворотом глухой головы назад, а за мною с включенной сиреной гаишники вдогонку. Я им и показал, как в цирке, номер: бросил руль и на руках дождливо дал понять — хрен догонишь, а догонишь, не возьмешь! И еще поддал газу! Опредил я их с великим превосходством! Ворвался на кладбище, оставил в кустах мотоцикл... Они подлетают — вязать меня! Мол, пьяный. Стою в слезах перед могилой друга своего Жени Седова и говорю: «Какой пьяный?! Фуражки снимите... Женька-то во святых там, а я, грешный, вряд ли к нему попаду. Болезнь скрутила — попрощаться пришел...» Не знаю, что произошло, но в тот раз почему-то не помер, хотя готовность была номер один...

...Заночевал не в гостинице, а у Ивана Ивановича. Передать образность языка Татаренкова невозможно — такие самородки не просто все видят и все понимают, но и все желают по-своему, «по-справедливому» переустроить. Отсюда нелады и с собой, и с начальством. Зато как его любил Богучар! Он работал не просто фотокорреспондентом в районке — «карточками» обеспечивал все население. Кроме этого, ему заказывали написать картины, сыграть на свадьбе... Из тех умельцев, которые все могут и могут весело, талантливо, с душой, готовой всегда любому прийти на помощь... Он мне рассказывал, играл на баяне, читал свои стихи, пел песни... И вдруг:

— Ты же, наверное, писать о минерах собираешься... Сразу тебе скажу, я в полжизненные герои не гожусь — трус. Я

самый натуральный трус. Представляешь, идешь по полю с другом. Он впереди тебя. Вдруг взрыв! Приходишь в себя, а то, что от друга осталось, на телефонных проводах повисло. Соберем окровавленные куски, завернем в фуфайку и несем матери. Похороним, окаменелые отстоим у гроба, а утром опять на минные поля идти... Самое тяжелое — преодолеть страх. Однажды в очередной раз рвануло рядом. Погиб мой лучший друг Жора Зайцев. Меня отбросило волной. Сильно контузило. Потерял слух. Отвалялся несколько дней — все потихоньку стало возвращаться в норму. Но преодолеть страх не могу. Весь день просидел на краю поля, так и не вступив на него. Уговорил маму идти к военкому и просить его, чтобы меня призвали в армию. Сходил на службу в церковь. Знаешь, надвратную икону Иоанну Воину я написал. Подарил батюшке и молитв его перед уходом на фронт просил. Приписал я себе почти два года. На комиссии удалось скрыть глухоту... Попал в снайперы. Скажу, на войне так страшно не было, как в нашем «тылу». Служил хорошо, есть на счету далеко не один фашист. Отомстил я и за Женю Седова, и за остальных ребят. Пришел с войны. Первым делом — опять в храм. Благодарственный молебен батюшка отслужил. И написал я вторую икону Иоанну Воину — она в самом храме хранится...

...Долгие годы дружбы. Они были освящены той первой встречей, первым разговором-откровением. Просыпаюсь — в глаза светит какое-то странное солнце. Я же точно помню, что комната, в которую меня определили, не с солнечной стороны. Надеваю очки, стараюсь понять, в чем дело? И — замираю. Прямо напротив лучезарная картина утра на Дону. Восходит искрящееся солнце, его подсвечивает свет из коридора, — вот такая небывалая иллюзия восхода, созданная художником Иваном Татаренковым.

За все эти годы так и не мог получить ответа, почему мальчишки шли на минные поля? Находил тому несколько объяснений: необузданная юношеская

Сцена из спектакля «По минному полю»

беспшибашность: где-то воюют, под танки со связками гранат бросаются, в самолетах горят, а мы тут, маменькины сыночки, прохлаждаемся... Не мог себе объяснить, как матери каждое утро отпускали своих сыновей на смертельно опасную работу?

Через много лет эти вопросы задал Ивану Ивановичу. Очень он удивился: — Я думал, ты грамотный человек. Да какое же тебе тут объяснение надо? Ведь мы же все православные, верующие. А в нашей вере главное что? «За други своя» погибнуть — святое дело. На твою землю пришел антихрист. В первую голову надо спасать Отечество, а уж потом думать обо всем остальном. Наши матери были по-настоящему верующими. И они нас не «отпускали» на минные поля, а благословляли: с молитвой мы уходили на смерть ради жизни в родном доме. Мы все тут были и остались верующими. Вот о Малаховском, командире Богучарской дивизии, наверное, слышан? Книжку «Богучарцы» читал? Так вот, комдив любил не только своих сослуживцев и участников войны — он нас, мальчишек, вровень с ними всегда ставил. От книжки «Богучарцы» он был не в восторге. Говорил, совсем не пока-

заны душевные страдания человека, отсутствует духовность в героях.

Примем «фронтовые» сто граммов, обнимемся и во всю ширину богучарских улиц такой шеренгой и пройдем с казачьими песнями, что всем атакам атака — нами любовались, с нас пример молодежь брала. Но было еще одно такое, которое узким кругом с Малаховским до хрипоты пытались разрешить, да не разрешалось... Комдив, коммунист из коммунистов, первым заговорил об ошибках Ленина и Карла Маркса. Знаешь, какую он книжку взял на вооружение, и ею все труды основоположников марксизма-ленинизма перекрыл? Библию! И Евангелие! Читал и записки делал. Он так и говорил: если бы нас не одурачили в молодости, и мы бы наряду с книгами Ленина, Карла Маркса изучили Библию и Евангелие, то никакой бы революции и Гражданской войны не было. (В краеведческом музее Богучара можно познакомиться с дневниковыми записями Малаховского, в которых прослеживается его духовное возрождение, обращение к православию, — Э.Е.)

...Приезжает однажды в гости Григорий Ефимович Мануйлов из Грушевого.

Обычный набор: в белоснежном холщевом мешочке подсолнечные семечки, приличный шмат вкуснейшего соленого сала и, разумеется, бутылка «не той гадости, шо у магазинах дураки купляют. Свою не для дури, а для здоровья гоним». Приехал и явно стесняется начать разговор. Потом настроился:

— Петрович, звиняй, но ты, кажись, дописався... Вызывают на днях в район и говорят: «Получи, инвалид, «Запорожец». А вин, мне, по правде сказать, не положен — у райсобесе давно объяснили. У меня же одна рука только покареженная действует и нога одна короче другой... Не положен мини «Запорожец», а тут — получите. Конечно, спасибо, но я к тебе вот с какой просьбой... У того «Запорожца» джуге гарный мотор. Я сделал самодельный трактор, и к нему в наилучшем виде подошел мотор от «Запорожца». А мой брат, як увидав, та и кажэ: «Гришка, сделай и мини такой трактор»... Други хороши люди тоже просят... Ты напиши, куда ты там пишешь, чтобы они мини вместо «Запорожца» несколько моторов от него прислали...

Ярчайшая фигура — Иван Васильевич Павленко. Богатырь! Когда мы с режиссерами Воронежского театра юного зрителя Михаилом Логвиновым, Владимиром Кузнецовым и художником Валерием Бабановым приехали к нему с тем, чтобы актеры смогли «почувствовать натуру», Иван Васильевич только и бросил: «Погодьте...» Минут пятнадцать его не было. Вошел, а мы уже приготавились. На столе бутылочки, колбаска нарезана, сырок... Жена принесла арбуз: «Пока Вани нет, угощайтесь...»

Ваня молча сел рядом. Выпили по первой — молчание. И никакого притрагивания к закуске. Второй стаканчик пошел — та же мизансцена. Выпивает, молчит, к закуске не притрагивается. Держим паузу. Но у него это получается лучше, поэтому мы не выдерживаем — делаем третий заход. Иван Васильевич выпивает, отщипывает от арбуза кусочек и как бы между прочим спрашивает: «Ну, зачем ото приихалы?» Эта фраза

явилась как бы сигналом. Дверь распахнулась, и на пороге хозяйка с подносом дымящейся ароматной баранины, а хозяин прокомментировал: «Я ж ото чабан, овэц пасу, а вы до мини с якимися чертивыми минами. Нычого хорошего я вам про них не скажу».

Заход за заходом, и он наконец-то оказался на своем «поле» — разговорился, поражая мелодичным хохлячьим наречием:

— Война мини усю жизнь сгубыла. Меня нимцы сразу определыли — шось там случилось, они до мэнэ: «Партизан!» Який я там партизан, а шо зробыв, так это я зробыв. Партизаныв, господа хвашисты, не путайте... Ну, воны мэнэ и рещыли ото повесить... Кажу вам, штука неприятна, но терпима... Люди добрые спаслы мэнэ... А вот як я с сестрой у переплет попал, так уж лучше бы тоди повесыли — нэ мучался бы так...

Сестра у лесу наступила таким образом на дурацку нэмэцку мину, шо глазом не успешь моргнуть — на воздух взлэтыть! Я туточки рядом оказався. Схватив оцю мину, зажав взрыватель... Врэмя йдэть, а я не знаю, шо робыти... Пошевалымся — на воздух взлетим. Вона плаче: «Ваня, сам спасайся, бросай мэнэ...» «Дура, — кажу, — взрыв будэ для нас двоих один — умести погубнем. Потерпи, тоби ж не одной погубать веселее». Четыре часа я думал. Представлял соби, як эта нэмэцка зараза устроена, и шо з нею можно зробыть у последний момент... Кажется, придумав, и я сделал так, шо мина не взорвалась... Меня уси прохвессором по разминированию считали — любу мину разгадаю! Румыньска, нэмэцька, итальянска... Не моя вина — рядом друг подорвался. Вин — у ключья, а мини бок вырвало — легки, видать, як воны квочуть кровью, руку оторвало, шею пербило... Привезли меня у военный госпиталь — хата така була. Хирург як глянув, та и кажэ: «Толку нэма, счас вмерэть». И положили меня у порога. Сырость, холод, сквозняки... Несколько дней лежу, нэ вмираю. Сестра пидходе до хирурга: «Зробыть, хоть шо-ни-

будь. У Ваньки уже кругом черви завелись...» Ну, хирург минэ пополосувал, пополосувал — забирайте, кажэ.

Я соби усэ время пиле того смэрть шукав. Ходю, як гусак — шыя не повертается. Уместо бока якась пленочка — уси внутренности видать... И руки одной нэмае... Из отряда, понятно дило, мэнэ склЮчили... Став работать на дому. Хтось найде мыну, до мэнэ: «Ваня, безврежуй!» Приноровывся одной рукой с оцей гадостью справляться — ни разу промашка не случилась.

И тоди вдруг до мэнэ дурна мысль прийшла, а шо если жениться?! Взяв минеров с отряда, пошел з ними до Марии свататься. Она мэне увидала — у слезы: «Який же вин мини такой урод нужен?! Вин же весь сплошна болячка!» А старша сестра ей кажэ: «Дура ты, Машка, дура! Мужиков-то нету... Где нормального войзмыш? Бери, не пожалеешь...» И что же?! Отлично живем! Четверо детей у нас. У колхозе уси на грады наши.

Печаль главна та, шо спивать нэ можу... Ни, я спиваю, но для сэбэ. Мий голос, кажуть грамотни люды, такой, шо у Москве и Ленинграде не сыщешь. Приезжали спецыялисты, приглашали у разни хоры... Та як же я без руки и с шией, яка нэ повертается, выходить на сцену буду?!»

Каждый из минеров личность, достойная отдельного повествования. Василий Кузьмич Полтавский, бригадир овощеводов колхоза «Россия». Тяжелое ранение в обе ноги. Николай Петрович Олейников, столяр из колхоза имени Калинина. Юрий Михайлович Близнюков, уехавший после ранения в Донбасс добывать уголь...

Писался очерк, снимались телепередачи, поставлен на сцене театра спектакль. И за все годы, пока были живы минеры-подростки, помянутые здесь, никто больше не заявлял, что он, мол, тоже был минером. Да, в Богучаре был не один, а три отряда из минеров-подростков. Когда я пошел по дворам «согласно предъявленным спискам», то, надо отдать должное многим: честно

признались, что они «оставили это опасное дело». Их никто не неволил. Дело добровольное. Сохранились письма, разъясняющие сложившуюся ситуацию весной 1943 года: «Конечно, кого-то теперь бесит, что они оказались не в чести... Два отряда сняли какую-то часть мин у села Гадючье, а потом потихоньку прекратили свою деятельность... Мы же прошли почти все минные поля Богучарского района... Были потери, ранения, но, видно, такая нам выпала судьба... Разное воспитание, хоть и школа у всех была одна — советская...»

Правда, были «подметные» письма. Но они только сыграли на пользу делу. Авторство одного письма принадлежит известному в прошлом воронежскому журналисту. Все логично, доказательно про «придуманную сказку». Была создана в области квалифицированная комиссия, досконально проверившая все факты — «второй фронт», так и не открывшись, успокоился. Прошло достаточно времени. Нет-нет, а кто-то вдруг попытается посеять среди земляков дух сомнения... Уходят свидетели тех далеких героических событий. Некому переписчиков истории поставить на место — вот так мы и допускаем размывание истинной правды. Не верьте, что кто-то знает больше тех, которые с минных полей ушли с тяжелыми ранениями, но с совестью чистой перед людьми и Господом.

...Когда был поставлен спектакль, минеров пригласили на премьеру. В последний момент ее запретила... цензура. Мотив обычный: «Это что же получается — советская власть детей на минные поля посылала?» Неожиданно для себя ляпнул: «А что же делать? Я на премьеру Вадима Николаевича Игнатова пригласил». Разумеется, первого секретаря обкома партии я никуда не приглашал, но слово не воробей. А вдруг придет? И дано добро на «подцензурную премьеру». Актерам важно было запомнить, не что говорить, а что не говорить, что вычеркнул из текста цензор. Сидим с Логвиновым и Кузнецовым в зале, как в

тумане — на сцене явное не то! Занавес. И — тишина. Какое-то мгновение плачущий зал встает и взрывается аплодисментами. На сцену выходят не сценические, а реальные герои — Николай Дергунов, Иван Павленко, Григорий Мануйлов... Зритель вырвался на сцену и буквально задавал их своими объятиями. В зале оказалась представительница министерства культуры. Она вышла на сцену и заявила: «Со спектаклем «По минному полю» ТЮЗ на гастроли в дни празднования Победы приглашается в Москву».

Ужин. Яков Бабкин, актер, бывший солист театра оперы и балета, расчувствовавшийся, встает и обращается к минерам:

— Для вас, мои дорогие, я исполню арию из оперы «Князь Игорь»...

И запел Яков Яковлевич, да так запел, что все пришли в удивление, а затем в восторг. Сидят мужики и подталкивают: «Иван, Иван, давай, спой и ты чего-нибудь...» Иван Васильевич поднялся над столом. Взял ногу — сразу все затихло. Что там опера?! Даже если бы в ней не Бабкин, а сам Шаляпин пел! Онемение публики! Восторг! И вдруг — всхлипы... Оказывается, в уголке, присев за ширмой, плакал... восьмиклассник Сергей, сын Ивана Васильевича. К нему с вопросами: «Что с тобой, мальчик?» А он сквозь слезы: «Я впервые в жизни услышал, как папа поет...»

Потом триумф Павленко был в Москве. Окончился спектакль на сцене Московского театра юного зрителя. Расселись за буфетными столиками. Жаркий май. Окна распахнуты. И вдруг голоса снизу: «Минеры, песню давайте!»

При сем надо было присутствовать — не рассказывая, не передашь пережитого и увиденного, прочувствованного. Иван Васильевич встал на подоконник и над Москвою грянуло лихое, разухабистое, всепобеждающее: «Любо, братцы, любо, любо, братцы, жить, с нашим атаманом не приходится тужить...» А далее рвались в ночь победную «Едут, едут по Берлину наши казаки...», «Синенький скромный платочек...», «Бьет-

ся в тесной печурке огонь, на поленьях смола, как слеза...», «Враги сожгли родную хату...» Народ все собирался внизу под окнами и собирался... И никто в толк не мог взять, что это за знаменитость такая неизвестная объявилась? На память от того импровизированного концерта, к которому Иван Васильевич, разумеется, готовился, остался текст песни, которая появилась в памятном для него 1943-м. Прихватил на всякий случай — вдруг слова забудутся. Стихи И. Френкеля, музыка Михаила Гальперина «О жизни»:

На войне о смерти мало говорят,
В день ее встречают много раз подряд.
Слишком много этих смертных дней,
Так чего же ради говорить о ней?

На войне о жизни любят говорить,
Благо, жизнь солдата тонкая, как нить.
Тонкая, но как бы ни была тонка,
Как бы ни рвалась, все равно сладка...

Был уверен, если в Воронеже «заставили» петь, то в Москве, коль пригласили, пусть тоже слушают.

...Для спектакля много сделали композитор С. Березовский, сотрудники любительской киностудии «Кадр» Л. Чердакли, А. Раджабли, А. Пауков.

Добрые отзывы о спектакле были в «Правде», «Известиях», «Комсомольской правде», «Советской культуре», «Московской правде», «Вечерней Москве», в журнале «Театральная жизнь»...

После публикации очерка о мальчишках-минерах в «Советской культуре» и после московских гастролей ТЮЗа со спектаклем «По минному полю» в Богучар, театр юного зрителя пошли письма из разных городов России, Украины, Белоруссии — всюду одна и та же проблема: мальчишек-минеров не желали признавать участниками Великой Отечественной. Одно из характерных писем:

«Уважаемый Иван Иванович!

Пишет Вам рабочий Харьковского трубного завода Виктор Александрович Замба... Тоже принадлежу к юным героям огненных дорог... У нас тоже под-

рывались женщины, старики. Особенно много погибло детей... Коварными были немецкие «лягушки». Вот что любил делать: разминируешь и пересчитываешь находившиеся внутри никелированные шарики. Поражала немецкая точность — шариков в mine всегда было ровно 360. Технике разминирования научился у одного солдата-сапера, который в нашем селе остался после ранения. Он научил пользоваться бикфордовыми детонирующими шнурами. В 1943 году, когда освободили наше село Волховяр, пытался уйти с войсками на фронт, но потерпел поражение. В свои четырнадцать выглядел невзрачным, хилым... К концу 1943 года на моем счету были уже десятки тысяч обезвреженных мин. На мою «инициативу» обратил внимание Балаклеяский райком партии — организовали отряд из допризывников. 10 человек таких, как я, и медсестра. Вскоре был ранен. Обо мне писали газеты. В райкоме партии уведомили, что представлен к ордену Ленина и направлен в школу РККА. Орден по каким-то причинам я так и не получил, в школу РККА не направили. Разминировать продолжал до 1946 года. В 1947 году наградили медалью «За боевые заслуги»...

В 1978 году начало сдавать здоровье, нервы сдают — дают о себе знать ранения, переживания. Нам надо объединяться — меня тоже не считают участником Великой Отечественной. Несправедливость. Мы, мальчишки, тоже многое сделали и внесли свою частичку в Победу. Разминирование — продолжение войны с фашистами. О нас с вами как пишут? «Тысячу раз встречались со смертью»... Летом обязательно приеду к вам в гости. Нам надо дружить...

Февраль 1985 года.

«Дорогие артисты!

Какую важную тему вы подняли! Вот на каких жизненных примерах надо воспитывать наших детей... Верю, что наши партийные руководители читают газеты и примут вер-

ное решение — наградят оставшихся в живых бывших подростков. Увековечат память павших... Просто это люди чрезвычайной скромности. Они молчали, но о них сегодня заговорили — праздник на нашей общей улице!..

Сергей Дубарин, Москва»

В пятом номере журнала «Подъём» за этот год опубликован материал Валерия Черкесова «Героям было по шестнадцать». Мало что изменилось за прошедшее тридцатилетие. Автор призывает поисковые молодежные отряды продолжить работу по увековечиванию памяти мальчишек, погибших при разминировании в разных областях, где проходили боевые действия. Приводит письмо П. Мишенина, помещенное в «Комсомольской правде» 22 июня 1984 года. Это отклик патриота на опубликованный в «Советской культуре» очерк «По минному полю». Точнее, продолжение поднятой проблемы. Письма от Петра Терентьевича Мишенина с непониманием того, каким образом на Белгородчине мальчишки-минеры оказались «в тени», получил в 1984 году и я.

«...Сорок лет прошло с тех пор, как я был таким же мальчишкой-минером, как Ваши богучарцы и верхнемамонцы. Состоял в команде Краснояружского РВК Курской области. Ныне это Ракирянский район Белгородской области. Нас было 29 подростков, очищавших от мин поля, луга, леса... Ежедневно нас на поля провожали старушки и дети, а вечером мы, чтобы всем поднять настроение, строим с песней входили в село...»

«...После Вашей статьи мною заинтересовались. Звонили следопыты, четвероклассники из 36-й школы Белгорода. Звонил кинодокументалист Михаил Литвяков — обещал ко мне в Ленинград приехать. Отослал в вашу газету статью «За спиной стояла мать». Моя мама пережила четыре войны, родила 11 детей. В живых осталось только шестеро. Пятеро умерли от болезней и голода. Чудом выжил

на минных полях я... У мамы рано умерли родители, и она, самая старшая в семье, одна подняла на ноги шесть сирот, своих братьев и сестер. В войну она спасла от расстрела пятерых наших бойцов — укрывала раненых, рискуя своей жизнью, нашими жизнями... В августе 1943-го она на рассвете под пулеметными очередями и разрывами снарядов по-пластунски пробиралась на передовую линию наших бойцов — поила их молоком, кормила картошкой, свежими огурцами. Говорила так: «Мои детки тоже где-то воюют, и им, голодным, вот так же есть приносит чья-то мать, такая же, как я». Смерть она презирала, не боялась ее... Хрупкая, маленькая, удивительная женщина умерла в 1970 году. Мой отец, прошедший войну, всегда говорил, что смелее мамы он на свете человека не знал...»

«Снова забыты?» — вопрошает Черкесов. И приводит ответ на свой запрос члена Федерального Собрания РФ, председателя попечительского совета «Прохоровское поле» Н.И. Рыжкова: «...Будучи депутатом Государственной Думы, пробивал, чтобы в Закон о ветеранах были внесены несовершеннолетние участники разминирования...» По поводу до сих пор не установленного памятника юным героям заметил: «Несправедливость надо обязательно исправить»...

В масштабе государства эти дети как были забытыми, таковыми и остались. Правда, на местах что-то делается. В частности, в Богучаре есть улица имени Жени Седова, установлен обелиск памяти героических мальчишек в городском парке, обустроены могилы мигров на городском и сельских кладбищах. Подобное же внимание местных властей и в Верхнемамонском районе.

В очерке «По минному полю» газета ЦК КПСС «Советская культура» развернула обсуждение проблемы «забывчивости» стоящих у власти верхних эшелонов. Во всякий приезд в Богучар от И.В. Павленко слышал:

— Петрович, и на шо оно ото тоби

надо?! Як же нэ поймишь ты, шо мы не за наград или яких-то там льгот былись с минами... Йисты надо було. Дети с голуду пухли — вот и мы, як могли, организовывали посевные...»

...Последняя встреча с Иваном Васильевичем. После статей в разных изданиях, передач на радио и телевидении местных и центральных редакций, которые оканчивались безуспешно по линии «пробивания» льгот, мы приехали с кинодокументалистами из Ростовской киностудии. Павленко тяжело болен. Жена говорит: безнадежен. Захожу в комнату. Вместо богатыря лежит желтый иссохший скелет. С трудом открывает глаза. Еле шепчет: «Погодь... Ото выйди, я сам до вас прыйду...» Подумалось, что в бреду человек... Стоим с ребятами. Вдруг на крыльце появляется в новеньком, «приготовленном», черном костюме Павленко. Тяжело дышит:

— Петрович, шо хочу казать... Ты був прав, оих бисовых льгот все же добиваться надо... Вже не для мэнэ — для других... Я нищими сделал усих родычей — оцей рак стильки у нас денег съев, шо мини стыдно... Я им кажу, нэ тратьтэсь, а воны нэ слухають... Були б льготы, я бы их нэ разорыв... Стыдно мини, Петрович...

Передохнул. За перилы держится крепко:

— Як же, Петрович, мини вас усих за хлопоты отблагодарыть? Прости, но я для тэбэ и твоих друзей малость спивать буду...

Опять молчание. Собрал последние силы. И — не верится! — от него до Дона, затем ввысь пошел такой чистый и могучий голос:

Родина слышит, родина знает,
Где ее сын в облаках пролетает...

Хватило сил только на один куплет. Закачался. Мы его с домашними подхватили, а он виновато, еле слышно: «Дороги гостечки, звывняйте...» Через два года его не стало. Знаю, что документалисты успели включить кинокамеру, да только кому теперь нужна эта неспетая песня?

Валерий Дмитриевич Березуцкий родился в 1953 году в селе Рождественская Хава Новоусманского района Воронежской области. Окончил исторический факультет Воронежского государственного университета. В настоящее время — доцент кафедры истории России Воронежского государственного педагогического университета. Кандидат исторических наук. Живет в Воронеже.

Валерий Березуцкий

СОКРОВИЩА ДРЕВНИХ КУРГАНОВ

БОГУЧАРСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ

Когда мы стремимся искать неведомое нам, то становимся лучше, мужественнее и деятельнее тех, кто полагает, будто неизвестное нельзя найти и незачем искать.

Платон (древнегреческий философ
V-IV вв. до н.э.)

Когда в нашем сознании возникает понятие «археология», почему-то обязательно далее следуют представления о «кладах», «золоте», «подземных ходах», «сундуках с драгоценностями» и «золотых каретах»... А зарыли их знаменитые и богатые люди — Стенька Разин, разбойник Кудеяр или, если ближе к богучарским сказаниям — разбойник Рыжка. Легенды об этом издавна ходили в народе. Ходят и сегодня. Видно, представления о безоблачном счастье напрямую были связаны с этими кладами и золотом в сундуках, через находки которых и обретается счастье.

Легенды и сказания — это народное творчество со свойственными ему представлениями об истории, исторических личностях. В них не все выдумка, часто упоминаются реальные географические места событий, исторические личности... Но все же они к реальности имеют отдаленное отношение или не имеют вовсе. Научные же представления о прошлом основаны на реальных фактах, доказательствах, а не на отвлеченных от документов мнениях и рассуждениях. Что же говорит археология о прошлом Богучарской земли? Когда и кто тут проживал и какой след оставил?

Богучарский край долго был «белым пятном» на археологической карте Воронежской области. Между тем южные лесостепные районы области, граничащие со степными донскими пространствами, представляют собой значительный научный интерес. Долины рек Дона, Богучарки с древнейших времен были заселены

людьми. Здесь обитали в разные периоды истории племена каменного, бронзового, раннего железного веков (киммерийцы, скифские племена, сарматы), средневековых кочевников (половцы, кочевники Золотой Орды). Дон и его притоки притягивали тех, кто средства к существованию находил в рыболовстве и охоте, кто осваивал основы земледелия и скотоводства.

Сообщения о различных археологических находках в крае стали поступать еще с XVIII-XIX вв. Местные жители время от времени находили свидетельства далекого прошлого в окрестностях сел Журавка, Подколodновка, слободы Толучеево. Научное же изучение края начинается только в начале 1970-х годов, когда экспедиция ВГПИ (сегодня ВГПУ) под руководством А.Т. Синюка исследовала курган у хутора Краснодар с несколькими погребениями бронзового века (II тыс. до н.э.).

Случайные находки, время от времени попадавшие в руки счастливых, часто становились стимулом к научным исследованиям. В 1975 году у с. Терешково местными ребятами были найдены бронзовый «кувшинчик» (он, к сожалению, затерялся), а прибывшие из Воронежа археологи нашли на месте его нахождения клад бронзовых предметов позднего бронзового века (конец второй половины II тыс. до н.э.). Изделия из клада хранятся в Воронежском областном краеведческом музее: два топора-кельта с ушками для крепления рукояти (она изгибом вставлялась в отверстие и привязывалась к топору), два косаря (для срезания растений) и предмет, называемый археологами «бритва». Показательные и редкие предметы прошлого...

В 1980-х годах начинается интенсивное проведение археологических разведок в районе. Тогда в СССР была разработана программа, целью которой было выявить археологические памятники в областях страны, дать им описание, интерпретацию и поставить на учет. В итоге должен был появиться большой труд — «Свод памятников истории и культуры СССР». Благородной идее не суждено было сбыться по банальной и так хорошо знакомой нам и сегодня причине — не хватило денег. Но и сделано в районе было немало: на карту, главным образом по рекам Дон и Богучарка, было нанесено более семидесяти археологических объектов — курганов, курганных групп, поселе-

ний, случайных находок от эпохи бронзы (II тыс. до н.э.) до позднего средневековья (XVI-XVII вв.).

Время от времени в районе производились раскопки курганов отрядами археологической экспедиции ВГПИ под руководством В.И. Погорелова у сел Лофицкое, Радченское, А.А. Бойкова у с. Лофицкое, Острая могила. Результатами раскопок стали погребения бронзового века. Большую научную значимость получили раскопки А.Т. Синюком в 1989 году поселения и погребений у с. Терешково (Терешковский вал). Были обнаружены уникальные погребения раннего бронзового века (вторая половина III — начало II тыс. до н.э.) — 4-4,5 тысяч лет назад. Погребенных сопровождали изумительные по качеству изготовления — кремневые наконечники стрел, другие изделия из камня, кости. На месте поселения с конца II тыс. до н.э. поселились племена финала бронзового века (более трех тысяч лет назад), которые занимались выплавкой медной руды. Развалы медеплавильных горнов были найдены в ходе раскопок.

Сенсационный для донской лесостепи материал по эпохе золотоордынского времени (XIII-XIV вв.) был получен при исследовании курганов на Высокой горе у с. Дьяченково, открытых и раскопанных в 1988-1991 гг. А.А. Бойковым.

В 1993-1994 гг. археологическая экспедиция ВГПИ исследует несколько курганов в окрестностях Богучара, что было связано с передислокацией танковых войск из Германии и отводом в их пользование земель.

Новая страница в археологическом изучении края была открыта в 2000 году, когда в Богучарском районе при поддержке местной администрации, директора Твердохлебовской СОШ П.Л. Демченко, учителя истории этой же школы, выпускника исторического факультета ВГПИ С.А. Скоморохина начинает работу полевой школьный археологический лагерь «Возвращение к истокам». Затем работу по организации лагеря учащихся, его жизнедеятельности проводит учитель и краевед, руководитель поискового отряда «Память» из пос. Дубрава Н.Л. Новиков. С 2000 года по сегодняшний день школьники совместно со студентами исследовали без малого 12 курганов с погребениями эпохи бронзы, раннего желез-

ного века, средневековья. Изучены оборонительные укрепления городища «Рыжжик кордон». По материалам раскопок в Богучарском районе на средства богучарцев, неравнодушных к исторической памяти, подготовлена к изданию книга «Археологические древности земли Воронежской. Край Богучарский» (авторы В.Д. Березуцкий, П.М. Золотарев, В.В. Кравец, Н.Л. Новиков). В ней собраны наиболее яркие свидетельства далекого прошлого края, многие из которых будут удивительны для жителей района.

ЛЕГЕНДЫ И БЫЛЬ О КУРГАНАХ

*Нам миллионы лет. Мы старцы и младенцы.
И чтобы мы бесследно не ушли,
Как Спаса лик на чистом полотенце,
Осталась в нас история земли.*

В. Лещинский

Курганы... Тянутся они цепочкой по крутому правому берегу Дона, его притоков, высятся на владениях ветра — водоразделах. Они издали маячат путника своим непонятым могуществом, неведомой скрытой силой. На некоторых еще сохранилась первозданная ковыль и шумит она на ветру, как будто песню поет. Вот только язык непонятен: слушать — слушай, а о чем — тайна за семью печатями.

Эти загадочные степные холмы создавали древние скотоводы бронзового века и последующих времен. Вплоть до XV века, когда язычество в степи было окончательно вытеснено исламом и последние последователи курганной традиции — кочевники отказались от традиции предков. Их, совсем небольших холмиков, едва заметных, и гигантов, поражающих своими размерами, немало в Богучарском крае.

Что это такое — курган? Слово это из тюркского языка и переводится как «земляной холм», «могила» (тюркоязычными племенами были печенеги, гузы, половцы, хазары и др. Слово «тюрк» переводится как «сильный», «крепкий»).

О курганах немало сложено легенд. В народе многие из них и названия имеют, и свою историю-легенду: «Два брата», «Острая Могила», «Царский курган»... Память народная уходит вглубь истории в лучшем

случае до татар, самое древнее — до XIII-XIV веков. Киевская Русь IX-XII вв. уже не помнится. А что уж говорить о трех-четыре тысяч лет назад. Отсюда много сказаний о царевнах татарских, захороненных в курганах, о скрытых в них кладах татарских или разбойных.

Еще одна легенда: курганы насыпались для наблюдения за татарами. Многие курганы действительно использовались для наблюдения за продвижением татар. Запорожские казаки в XVI-XVII вв. стерегли татар через каждые 2-3 километра, используя для наблюдения высокие курганы. И в XIX веке были исследователи, которые считали курганы результатом создания сторожевых вышек. Но даже и они полагали, что таких холмов должно быть не так много, что в степи всегда найдутся курганы, которые можно использовать как сторожевые посты. Раскопки курганов на Украине не подтвердили идею создания специально насыпанных курганов для устройства сторожевых постов. То же касается и территории донских казаков, а лучшим доказательством не сторожевого назначения курганов являются их раскопки. Ни один из раскопанных курганов, к примеру, Воронежского края не сооружался в качестве сторожевого поста. Другое дело, что на высоких курганах устраивались сторожевые вышки в виде скрепленных лестниц для наблюдения за степью. Но насыпать для этого курган высотой в несколько метров, да зачем-то рядом еще десяток разной высоты — это уже против всякой логики и здравого смысла.

Но зачем тогда создавали древние люди эти земляные махины? Уже первые раскопки курганов в XVIII-XIX вв. привели к обнаружению в них погребений людей, поэтому долгое время, вплоть до 60-х годов прошлого века курганы считали земляными насыпями над могилами умерших. Но уже тогда же появились мнения о сложных устройствах курганов: стали находить в насыпях камни, глину, остатки деревянных конструкций. Было постепенно установлено, что многие курганы не просто насыпали в один прием, а создавали, досыпая в течение какого-то времени. И так до десятка и более раз! Археологам стали встречаться курганы, сложенные из плиток дерна. И тогда форма этих курганов походила на пирамиды!

ЗМЕЕБОРЦЫ

В начале 1980-х годов были открыты другие тайны курганов. Они оказались связанными с календарями и древними обсерваториями для наблюдения за звездами. Появляются первые попытки расшифровать древние мифы, которые могли отразиться в устройстве курганов и погребений. Все большее число археологов приходит к выводу: в курганах похоронены вовсе не все представители общества, а лишь жреческое сословие, его обслуживающий персонал, а также вожди племен, жертвы богам. Курганы появляются в конце медно-каменного века (вторая половина IV тыс. до н.э.) — в самом начале бронзового века — III тыс. до н.э., т.е. примерно 5-4,5 тысячи лет назад. Родина кургана — степь Юго-Восточной Европы. Курганная традиция быстро получает распространение в результате развития кочевого скотоводства и быстрыми передвижениями кочевников.

В кургане, как теперь установлено, отражены примерно те же идеи, что и в других монументальных погребальных сооружениях — стремление выделить представителей знати. Чем выше курган, тем ближе к богам душа умершего. От рядовых могил погребения в кургане отличаются большими размерами, огромными трудозатратами на их сооружение, человеческими и животными жертвоприношениями. Полагают, что в создании кургана заложена информация из древнейшего мифа о сотворении жизни на земле после потопа: в безбрежном океане появилась гора, первая часть суши, давшая основу всей земной жизни.

Большинство курганов в нынешнем Богучарском крае имеют вид полушара. Или их насыпи вытянуты и тогда они похожи на гигантские земляные «огурцы». Но это вовсе не значит, что такую форму они имели и раньше. Археологическими раскопками на Украине, где из-за характера грунта лучше сохраняются следы создания насыпей, было отмечено, что есть курганы, которые изначально имели вовсе не полушарую форму, а коническую, или усеченно-коническую. Полушарьями они стали со временем, когда дожди, ветер в течение тысячелетий сделали их таковыми. И все же загадки курганов далеки от разрешения... Еще немало предстоит приложить усилий в поисках ответов на многие вопросы, связанные с курганами...

Успешно напал он на врагов.

Острым быком рассекал он крепости.

Индра дал отвесть Вритре дубины грома,

Он исполнил свой замысел, торжествуя.

Ригведа (сборник древнейших заклинаний, молитв ариев. Записан в начале новой эры)

На глиняных сосудах эпохи бронзы почти всегда что-то изображено. Чаще всего — это различные линии, зигзаги, точки, треугольники, ромбы и т.д. Смотришь на них и невольно закрадывается мысль: не случайно все это изображено, все имеет какую-то систему и смысл... Но расшифровать эти сложные комбинации пока не удастся, хотя и сделано в этом направлении немало. Исследователи установили в частности, что все эти «рисунки» не для красоты. А для чего же тогда?

Изучение древнего искусства показало, что в древних обществах, где еще не произошло выделение человека со своим «я» от коллектива, отношение к искусству было иным, нежели сейчас. Сейчас каждый может творить, что хочет, в зависимости от своих личных пристрастий, своего «я». Захотел нарисовать цветок на горшке — вот цветок. Красиво! Еще нарисуем. Но такое явление, когда «я хочу изобразить это» не существовало вечно. Оно появилось в начале человеческой цивилизации у древних греков, а раньше — никакой личности! Вспомним, что в древних сказаниях действуют только боги и герои-полубоги (даже в Греции, где личность отдельного человека уже понималась и воспринималась, тот же герой Геракл был сыном самого Зевса! Хотя его матерью и была простая смертная Алкмена). В древних обществах «я» — это царь, фараон, вождь, но не простой пастух, землепашец, ремесленник. Поэтому все, что «рисовалось», изображалось на горшке — это не результат творчества личности, индивидуального человека. Это результат творчества коллектива, его мировоззрения, его истории, которая заложена в орнаменты. А вовсе не мысли гончара.

В связи с этим, посмотрим на небольшой по своим размерам курган у с. Монастырщина, который представил удивительные

находки эпохи бронзы, среди которых — небольшой лепной горшок.

— На нем змея ползет! — сказал один из школьников так, невзначай, не ожидая последствий. Тут же раздался девичий визг, перепугавший всех. А-а-а, вот в чем дело... Подумали в горшке змея спряталась... Рассматриваем диковинного змея. Действительно змей. Нанесен точками, ползет справа налево, где изображены насечки по глине в виде трезубцев. Один из знаков очень похож на изображение быка с рогами. Именно такие изображения нередко встречаются на глиняных горшках бронзового века, в так называемой срубной культуре второй половины II тыс. до н.э. (названа так по конструкции погребальных сооружений — срубов). Изображения змеи были распространены в срубной культуре в самых различных вариантах.

В верованиях индоевропейских народов змей был олицетворением Луны. Луна почиталась многими народами древности, а ее фазы считались священными. Сам символ Луна-змея выполнял, как это было принято тогда, не одно смысловое значение, а минимум двойное. Причем это нашло отражение и в орнаменте. В одних случаях змея — основной элемент в орнаменте, в других случаях — второстепенный. В соответствии с этим она и играла то положительную роль (например, символизировала плодородие, богатство), то отрицательную (например, отражала царство мертвых).

В одних случаях змей изображался в виде треугольников, обвивших сосуд. Заштрихованные треугольники прерываются не заштрихованными, которым выделили голову змеи. Часто изображение таково, что змея как бы проглатывает свой хвост. Кроме орнамента в виде змеи, встречаются и более сложные композиции.

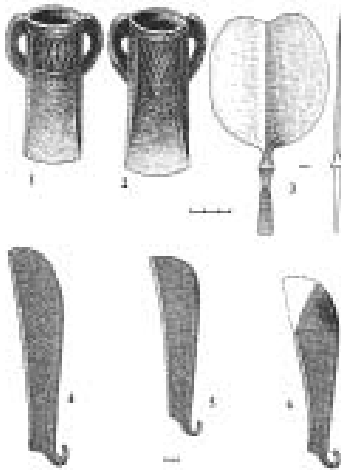
В одном из срубных погребений у с. Советское в Калачеевском районе Воронежской области археологи из ВГУ Ю.П. Матвеев и И.Е. Сафонов нашли глиняный сосуд с изображением змея, а напротив него — человекоподобная фигура с оружием в руках. Оружие представляет собой трезубец. Вероятно, и на сосуде из кургана у с. Монастырщина изображен сюжет борьбы змея с богом-громовержцем. Причем Индра часто представлялся в

мифах в виде быка (он изображен на сосуде перед змеем). Посмотрим еще раз на строки из Ригведы, где говорится об Индре: «Острым быком рассекал он крепости».

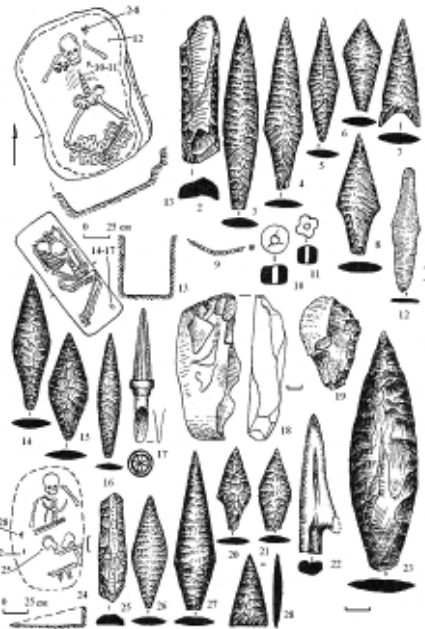
Ниже расположено несколько знаков, напоминающих трезубцы. К сожалению, в центре композиции сосуд надломан, и интересный знак между быком (Индрой) и змеем оказался не понятным.

Ю.П. Матвеев и И.Е. Сафонов отмечают, что на сосуде из погребения у с. Советское, видимо, отражен распространенный сюжет из индоевропейской мифологии — поединок бога-громовержца со змеем. У арийских племен это поединок добра и зла. Добро олицетворял арийский бог-громовержец Индра, а зло — змеем Вритру. Индра побеждает Вритру. Но, как и у многих народов древности, один символ, например, поединок героя со змеем имел много значений: он обозначал и смену времен года, и борьбу разных стихий природы, борьбу небесного и земного начал. Все, видимо, зависело от того, что хотели древние выделить именно в этом сюжете. Но громовержец всегда представлял верхний, небесный мир, змей — нижний, загробный. Бог-громовержец убивает своего противника, после чего проливается дождь, освобождаются воды. В мифе у арийских племен Вритру перегородил реку Дан-апр (под этим названием многие видят название реки Днепр), чем вызвал недостаток воды, а после гибели змея воды освободились от плена. Похожий миф существовал и у греков — поединок Зевса и Трифона, у хеттов — Тархунта и Иллуянки, Перуна и Велеса (или Волоса) у славян.

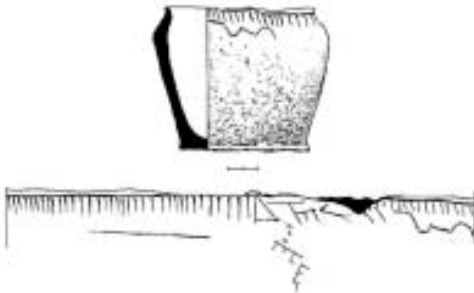
Заметим, что такие аналогии вовсе не свидетельствуют о том, что славяне — это арии, как и греки или хетты. Этот миф — отголосок некогда единых представлений народов, живших еще в единстве («индоевропейское единство»), до своего разделения. И Перун, так почитаемый славянами, вовсе не славянский, а наследие того же индоевропейского былого единства народов. В Прибалтике он — Перкунас, Перкунайтис, в Древней Индии — Парджанья, в Хеттском царстве — Пирва, у фракийцев — Перкон и т.д.

Терешковский клад. 1,2 — кельты; 3 — бритва; 4-6 — косари (все-бронза)

Материалы раскопок дюны Терешковский вал (по А.Т. Синюку)

Змеборческий сюжет на монастырщинском сосуде

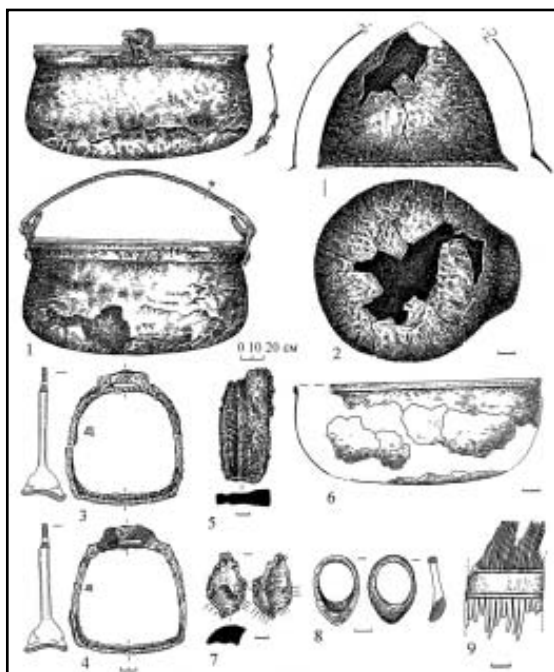
Змеборческий мотив на сосуде из кургана у с. Советское (по Ю.П. Матвееву и И.Е. Сафонову)

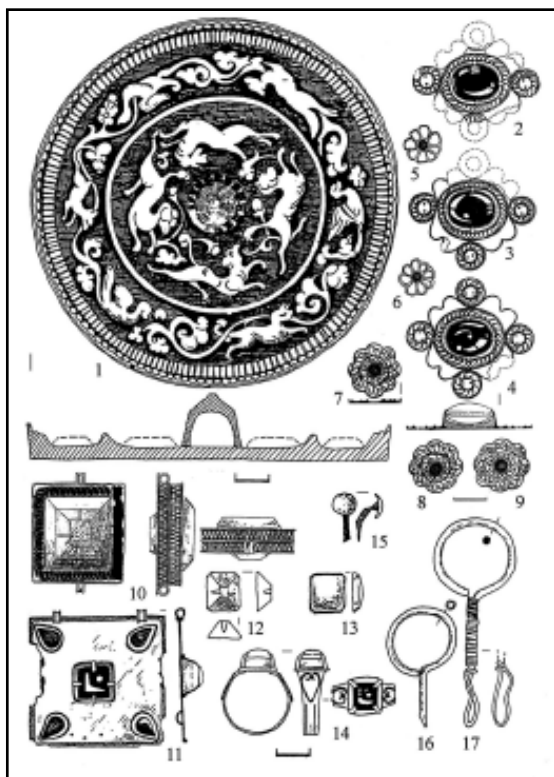
Ножи Центральной Азии и монастырщинский нож (справа)

Киммерийцы(?). Изображение на вазе VI в. до н.э.

- Высокая гора.
 Курган 2, погребение 1.
 1 — медный казан;
 2 — железный шлем;
 3, 4 — железные стремена;
 5 — фрагмент железного кресала;
 6 — серебряная пиала;
 7 — кремь;
 8 — кольцо для предохранения
 пальца при стрельбе из лука;
 9 — деревянный гребень

- Высокая гора.
 Курган 3, погребение 2.
 1 — металлическое зеркало;
 2-14 — украшения (золото, стекло);
 15 — серебряный «гвоздь»;
 16, 17 — золотые подвески

КИММЕРИЕЦ С ДАЛЕКОГО ВОСТОКА

*Закатилось солнце, и покрылись
тьмою все пути, а судно наше достигло
пределов глубокого океана. Там народ и
город людей киммерийских, окутанные
мглою и тучами; и никогда сияющее
солнце не заглядывает к ним своими
лучами — ни тогда, когда восходит на
звездное небо, ни тогда, когда с неба
склоняется назад к земле, но непрогляд-
ная ночь распростерта над жалкими
смертными.*

Гомер. Одиссея.

В кургане у с. Монастырщина было обнаружено еще одно интересное с научной точки зрения погребение, но уже начала железного века, которое относится к началу I тыс. до н. э., то есть примерно около трех тысяч лет назад. Это было время не только изобретения способа выплавки железа из железной руды, но и время больших переселений людей. Именно в это время из-за засушливости климата и похолодания многие племена перешли к «чистому» кочеванию. Скотоводство стало единственным источником существования. Другим подспорьем в нелегкой жизни кочевника стал военный грабеж. Это было время создания военных союзов, войн из-за пастбищ и военной добычи...

Тогда и всплывает из тьмы веков первое название кочевого народа железного века — киммерийцы (в других вариантах «гиммири», «гаммири»). Наиболее правдоподобное объяснение названия с древнеиранского «подвижный отряд», хотя есть и другие суждения. Первые сведения о киммерийцах содержатся в «Одиссее» Гомера. Герой Одиссей во время своего путешествия попал в эту далекую и таинственную страну, которую греки почти не знали, а только слышали о ней. В «Илиаде» упоминается о народе — «удивительных доильщиках кобылиц — млекоедах, бедных и справедливейших из смертных». Жили они к северу от Трои — «за конторными фракийцами и сражающимися в рукопашную миссийцами». Это территория Северного Причерноморья. О киммерийцах знал древнегреческий историк Геродот (середина V в. до н.э.), который хотя и не застал киммерийцев, но знал «Киммерийские переправы», «Киммерийские стены», «Киммерийский Боспор». О походах киммерийцев в страны Востока сообщает древний

географ Страбон (63 г. до н.э. — 23 г. н.э.). Киммерийцы носили на голове характерные головные уборы — клобуки (кожаные шапки в виде колпака). Судя по некоторым изображениям, в сражениях киммерийцы использовали боевых собак.

Исследователям стало ясно, что киммерийцы жили еще в эпоху бронзового века в Северном Причерноморье. Поэтому им и приписывали разные культуры этой территории. Сегодня имеются свидетельства того, что основу этих кочевников составляли не местные, а пришлые племена с востока. Они частично уничтожили своих врагов, частично смешались с ними. В пользу восточной версии происхождения киммерийцев дало погребение из монастырщинского кургана.

Начало железного века привело к значительным изменениям в погребальном обряде народов. Вместо скорченного положения умершего в бронзовом веке появляется вытянутое на спине положение погребенного с вытянутыми вдоль тела руками. Обычная ориентировка — головой на запад. При этом погребенный повернут лицом на восток. В эту сторону он и должен был встать, воскреснуть. Подобные представления идут с более ранних эпох.

В Монастырщинском кургане лежали два скелета по «классическому» обряду раннего железного века — вытянуто на спине головой на запад, один над другим. Еще во время начала раскопок было замечено: верхний скелет (молодая женщина) сохранился полностью, а нижний только частями. Археологам известен этот обряд. По каким-то причинам устройителям похорон не удалось похоронить умершего мужчину полностью. Возможно, он погиб в бою и собрать удалось только части его тела. Их уложили в более-менее анатомическом порядке и с соблюдением погребальных правил. Женщину же, по-видимому, принесли в жертву, положили сверху, не снабдив ее никакими украшениями или сосудами. Вероятнее всего, ее социальное положение было очень низким (рабыня?) Мужчине же положили медный нож. Он совсем не похож на ножи бронзового века. Поиски похожих ножей привели в Центральную Азию — Восточный Казахстан, Минусинскую котловину.

О чем свидетельствует эта находка — медный нож? Спор археологов о происхождении племен предскифского периода все более находит сторонников восточного происхождения киммерийцев. С их появлением

распространяются каменные стелы (грубые скульптуры воинов), ничего подобного в эпоху бронзы на местной территории нет. Ножи, кинжалы, мечи, конская упряжь восточного происхождения, они не имеют местных корней в памятниках позднего бронзового века. Так выделилась группа ученых, отстаивавших восточное происхождение киммерийцев. Нож из монастырщенского кургана и есть свидетельство восточной культуры.

Как он попал на территорию Богучарского края? Можно, конечно, предположить и торговый вариант. Но так можно поступить, не зная древних обычаев: такими предметами, как мечи, кинжалы, ножи просто так не торговали. Это были не просто предметы вооружения, а предметы еще и культовые, магические. В них была заложена, по представлениям древних, частица силы рода, племени. Такие предметы передавали по наследству, а не пытались выгодно обменять. Даже до наших дней дожили эти представления. Разве отдал на торг настоящий казак шашку, которой сражался его прадед? Разве сын отдал на торг семейную реликвию, передававшуюся из поколения в поколение? Прибавим к этому, что в древности действовали не законы нынешней морали («выгодно — продам»), а куда более мощные силы — колдовство, магия, заветы предков. Отступить от них означало тогда — крах всего. Об этом зачастую забывают археологи, объясняя проникновение инородных вещей исключительно результатом торговли, обмена.

АЛТАЙСКИЙ ТЮРОК НА БОГУЧАРСКОЙ ЗЕМЛЕ

У кочевников нет постоянного дома, и они никогда не знают, где они будут завтра... Каждый вождь, согласно тому, сколько он имеет людей под своим командованием, знает, где проходят границы его пастбища... У богатого монгола или татарина имеется от ста до двухсот телег с сундуками... Этим утром мы встретили повозки Джагатая, везшие его семейство, и я подумал, что вижу, как на меня движется город...

Гийом де Рубрук
«Путешествие в монгольскую империю»

В конце 1980-х — начале 1990-х годов коренной богучарец Александр Бойков, работавший тогда составе археологической

экспедиции ВГПИ, решил исследовать небольшие курганы у с. Дьяченково. Мыс, выступающий в глубокую лощину, у местного населения назывался Высокая гора. Так и вошли в историю археологических открытий эти курганы — курганы Высокой горы.

— Тут яма какая-то странная, — из глубокой погребальной ямы доносится голос студента-раскопщика. — Их две, вернее, одна, только разделена на две части бревнами...

Археологи медленно, сантиметр за сантиметром расчищают деревянную перегородку. В одной — пусто. Что во второй? Ясно: что-то необычное копаем, но что?

— Гроб! — всех не столько удивил возглас одного из студентов, сколько информация. Гроб — это что же, христианина копаем? Да нет, курган же, какой христианин в кургане? И все же странно — гроб.

Еще больше было удивления, когда как из рога изобилия посыпались находки: большой медный котел, две серебряные пиалы, золотое кольцо у черепа умершего блестит, будто только что почищено, кольчуга, шлем, колчан со стрелами, копье, наконец, пояс серебряный с позолотой, а на нем совершенно неожиданные изображения птенца цапли, а рядом — распускающийся лотос... От такого изобилия археологи буквально ошалели и долго не могли прийти в себя... А какой сложный состав курганной насыпи! Каменные кладки со следами костров, костями животных, перекрытие над могилой в виде шатра из жердей... Не сразу, но стало ясно — погребен золотордынец второй половины XIII–XIV вв. Помогли выяснить это наконечники стрел, которые были типично монгольские. Но все необычно: нехарактерная для ордынцев яма, пояс... А на копье была надета птица, может, тот же птенец цапли... Все необычно и требовало поиска. Удивил и второй курган. В нем как две капли воды похожее погребение, только захоронена женщина. И тоже с медным котлом, золотыми украшениями, пиалой, а также бронзовым зеркалом, в расшитой золотом одежде. Так кто же это? Но сначала о Золотой Орде.

Золотая Орда была одним из крупнейших государственных образований средневековья. Ее владения простирались и по просторам Азии, и по территории Европы. Один из улусов наследников Чингисхана находился на территории нынешних южных районов обла-

сти, в том числе в Богучарском крае. Золотая Орда своей сильной военной мощью постоянно держала в напряжении соседей. Столица Орды была крупнейшей торговой базой между Востоком и Западом. Откуда она появилась, эта Золотая Орда?

В 1206 году на съезде степной монгольской аристократии был выбран верховный правитель образованного монгольского государства — Тэмуджин, получивший титул «всемирного повелителя» — Чингис Кагана (в русском языке — Чингисхан, Великий хан). Первый правитель единой Монголии создал мощное, хорошо организованное и дисциплинированное войско и начал подчинение окружающих племен. В 1215 году монголы взяли Пекин, в 1218 году начали покорение Ирана. В 1219-1223 годах они завоевали Среднюю Азию. После смерти Чингисхана (1227 г.) его наследники продолжили завоевательную политику.

Во второй половине XIII века огромная территория от Тихого океана до Дуная оказалась под властью наследников Чингисхана — Чингизидов. Старший сын Чингисхана — Джучи владел улусом (наделом) от Иртыша до Яика (р. Урал). В 1235 году на курултае было решено оказать военную и иную помощь сыновьям Джучи — Орда-Ичону и Бату в завоевании Восточной Европы. Возглавил поход второй сын Джучи — хан Бату.

В 1236 году орда Бату разгромила Волжскую Болгарию (она после этого исчезла с географической карты). В 1237-1242 годах Бату покорил Русь, подчинил себе половецкие кочевья, Польшу, Чехию, Венгрию и вышел к границе Германии и побережью Адриатического моря. Европа в страхе ждала нового вторжения, но его не случилось. Орда развернулась и ушла в волжские и прикаспийские степи. Эта территория и стала ядром будущего государства — Золотой Орды.

Свое название государство монголов получило не сразу. Русские князья в XIII в. употребляли термин «татары Батыевы», а возвращались «ис татар». Только в конце XIII в. укрепились термин «орда». Такое обозначение государства просуществовало до полного распада государства Джучидов. Полагают, что уже в XIV в. закрепился термин «Золотая Орда», который широко употреблялся в разговорной речи. Но в летописях слова «орда» есть, а «золотая» нет. Ведь по-русски «золотой» — значит хороший, светлый, чего нельзя

было сказать об угнетателях Руси. Только по прошествии долгого времени, когда стерлась память о монгольских погромах и сожженных городах, появился термин «Золотая Орда». В Западной Европе государство монголов на Каспии и Волге называли по-старому — «Страна Команов» («команами» в Европе называли половцев). «Орда» — это ставка хана. «Золотой» она стала из-за позолоченной парадной юрты хана. Один из путешественников XIV в. так описал это сооружение применительно к хану Узбеку: «Узбек садится в шатер, называемый золотым шатром, разукрашенный и дикийвинный. Он состоит из деревянных прутьев, обтянутых золотыми листками. Посредине его деревянный престол, обложенный серебряными позолоченными листками, ножки его из серебра, а верх усыпан драгоценными камнями».

Но самих монголов в походе на страны Европы было немного, по некоторым подсчетам — не более 30 тысяч. Они командовали воинскими подразделениями, составляли личную охрану хана. Основная же часть войска состояла из подчиненных монголами различных племен и народов Средней Азии, Казахстана, Алтая, Тувы, Сибири... Одни вынуждены были предоставить воинов в поход, опасаясь мести монголов, другие шли добровольно, мечтая получить богатство путем грабежа других народов. Так что в южно-русские степи пришли не столько монголы, сколько подвластные им кочевники под предводительством монголов. Они, эти кочевники, принесли с собой и свои языческие обряды погребения — под курганами (монголы в курганах не хоронили умерших сородичей). Необычные могилы, разделенные перегордой на две части встречаются на Алтае среди тюркских племен. В ранний период, до монгольского завоевания, в первой половине ямы укладывали коня, а во второй размещали умершего. В монгольское время обряд погребения коня исчезает, и камера остается пустой.

Мы уже отмечали «не местные» признаки обряда, обнаруженные в высокогорских погребениях. Это именно те кочевники, которые были втянуты монголами в их движение на запад. Захоронения такого высокого социального ранга могли быть осуществлены, конечно, не где попало, а в родовых владениях этого хана (князя). Окружающие могилы земли по Дону и были, видимо, его владениями.

Что касается погребения женщины, то наиболее вероятной представляется мнение о погребении жены хана. Вообще же, отношение к женщине в кочевых обществах было особое. Женщин почитали, они играли большую роль в хозяйственной и политической жизни коллектива. Путешественники, дипломаты с нескрываемым интересом пишут о положении женщин у кочевников (ниже речь идет о кочевниках Монголии, державы Чингисхана). Путешественник из Марокко, мусульманин по вере Ибн Батута (1304—1377) пишет так: «Я был свидетелем в этой стране одной удивительной вещи — уважения, которым пользуются женщины: они имеют действительно более высокий ранг, чем ранг, занимаемый мужчинами... Я заметил принцессу в повозке. Вся повозка была покрыта голубым дорогостоящим сукном; окошки и двери балдахина были открыты. Перед принцессой сидели четыре молодые женщины удивительной красоты и прекрасно одетые. За этой каретой ехали другие кареты, где находились молодые женщины, которые ее обслуживали... Женщины тюрок не носят чадру и не закрывают лицо... Часто жену сопровождает ее муж, которого многие принимают за одного из ее слуг».

Добавим к этому, что монгольские женщины были регентшами (соправительницами) при малолетних сыновьях — правителях. Например, Туракина после смерти Угэдэя управляла Монголией около пяти лет. Известны и другие подобные случаи.

В глубокую первобытность ушли времена, когда жену хоронили вместе с мужем, убивая ее. Об этих временах вряд ли кто и помнил в эпоху Золотой Орды. Женщину в высокогорском кургане похоронили после ее естественной смерти и это наиболее вероятная версия. Женщина обладала, как и мужчина, высоким социальным положением, которое вряд ли могла иметь даже самая любимая наложница. О ее высоком социальном положении свидетельствует, в частности, наличие медного котла. У кочевников котел символизировал силу, власть его владельца, который время от времени собирал вокруг своего очага своих воинов. Устройство гробницы, похожей на ханскую, также могло иметь место для женщины очень высокого ранга, если она претендовала на те же обрядовые установки, что и мужчина.

Вот так далеко на Дону оказались представители безымянного для нас племени с терри-

тории Алтая. Здесь они кочевали, здесь они нашли свой последний приют. А археологам еще предстоит немало исследовать из того, что раскопано. И в первую очередь — поиски символа птицы, надетой на копье. Еще предстоит работа по выяснению значения изображения птенца цапли на поясе хана. Ведь владелец пояса носил такие украшения, которые касались его исторической судьбы, принадлежности к роду. Часто поясные изображения характеризовали характер человека, его склонности. Например, у тюрок в первой половине VIII века вожди говорили так: «Великому и достойному полководцу нужно обладать десятью из свойств зверей — мужеством петуха, склонностью к спору куницы, сердцем льва, натиском дикого кабана, лукавством лисицы, терпением пса, высотой полета сокола, чуткостью журавля, алчностью волка, жиром нугайра, а это мелкое животное в Харасане, которое жиреет, несмотря на трудности и бедствия». Изображения подходящих под вождя птиц и животных встречаются на различных предметах тюркских воинов — поясах, колчанах, седлах и т.д. Так, на поясах чингизидов изображали львов. Несомненно, что птенец цапли — символ тюркского рода, возможно, его древний тотем, что не могло не запечатлеться в эпосах, сказках тюркских народов Алтая.

Как-то в археологический музей гуманитарного факультета ВГПУ зашел эксперт-криминалист Александр Липецкий (экспертно-криминалистическая служба УФССКМ). Он обратил внимание на хорошо сохранившийся череп хана и предложил сделать антропологическую реконструкцию. Кто же откажется? И вот перед нами «наш» тюрок. Близко посаженные друг к другу глаза, вытянутое лицо, искривленный нос... А. Липецкий добавил к этому внешнему впечатлению: нос искривлен с детства, череп проломлен ударом сбоку сзади тупым тяжелым предметом (боевой топор?) Видимо, от этого удара пострадал даже шлем. Умерший мужчина (а ему было 25–30 лет) с детства страдал головными болями из-за неравномерной развитости черепа — одна сторона перележала в люльке.

Закрыта еще одна страница, а сколько их было в необъятной книге времени? Соприкоснуться с этой книгой, значит, не только узнать больше, но и понять, где мы и кто мы, прописавшиеся на одной из ее страниц.

Евгений Романов

ПРИТЧИ ДОНСКОЙ ЗЕМЛИ

РЕЛИКВИИ СВЯТОЙ ОБИТЕЛИ

Четыре столетия разделяют нас с того периода, «как вдали от границ тогдашней Москвы — России, среди малолюдных степей, по которым блуждали шайки бездомных бродяг, беглых стрельцов, невзлюбивших нововведений Великого Петра», в районе нынешнего села Монастырщина возникла святая обитель. Много легенд и тайн хранит она. В одной из них рассказывается, как Петр I при своем походе в Азов встретил на этом месте старца-пустынника, который благословил царя и предсказал ему победу. Так это было или нет, но эта легенда имеет веские основания. В «Походных журналах 1696 года» имеется запись: «В 8 день (это 8 мая 1696 года. — *Е.Р.*), в 5-м часу прошли монастырь Донецкий, стоит на берегу на правой стороне, после полдень прошли городок Донецкий, стоит на левой стороне на берегу, да речку Донец, ниже городка впала в Дон с левой стороны, да проехали Казанку».

Сама пустынь вблизи Абросимова караула была построена раньше, где-то в 1571 году, еще до посещения ее царем. Тем не менее основателем Донецкой Успенской пустыни был старец-монах, «может быть, из упраздненной Пристанской пустыни, находившейся в Донецком юрте». Об этом писал преосвященный Дмитрий. Сюда и был переведен Азовский Предтечев монастырь,

получивший в дальнейшем название Донского Предтечева монастыря.

Место было выбрано не случайно, именно здесь остановился в Богучарском крае Петр Великий при своем возврате из Азовского похода. И этому имеется подтверждение в «Походных журналах 1696 года»: «В 10 день (10 сентября 1696 года. — *Е.Р.*), день был красный и холодный, приехали к городку Донецкому, и ночь была холодная, и ночевали». Возможно, именно здесь и состоялся разговор за чаркой вина с донскими казаками, где и был уроженец Донецкого — Кондратий Булавин, которым царь разрешил селиться по речке Богучар. Петр I предписал перенести Азовский Предтечев монастырь на место Успенской Донской обители в благодарность за предсказания старца, хотя были и более близкие пустыни в Усть-Медведецкой и Троицко-Мигулинской.

Вскоре к монастырю были переселены бывшие ступинские крестьяне, переведенные из села Орловки Донковского уезда Рязанской губернии.

В 1711 году для строительства и служения в Предтечев монастырь было разрешено архимандриту Иосафу перевести с 30 человеками братии в Успенскую Донскую пустынь, для чего пожаловано было монастырю пустующий юрт бывшей Донецкой станицы, уничтоженной Петром I. Юрт был длиной 50 верст и шириною 20 верст. В 20 верстах от монастыря была мельница в войсковых дачах казацкой Донской станице, «с 2-м я

поставами двумя колодцами ступ с суконными терлами». Среди вещей, привезенных в Новодонецкую Предтечеву обитель, было нижеследующее имущество: «Иконостас Азовский, столярной работы; Напрестольное Евангелие, печатанное в 1694 году; Крест Напрестольный с позолотой, 20 февраля 1697 году пожалованный самим Петром, весом 1 фунт 50 золотников; Крест серебряный позолоченный, весом 2 фунта 22 золотника и другая церковная утварь».

Практически в Успенской обители, а впоследствии в Донском Предтечевом монастыре было две иконы Иоанна Предтечи. Одна большая местная, без металлического оклада, была укреплена золотыми венчиками и усыпана богатыми камнями.

Другая икона Иоанна Предтечи, вывезенная из Азова, была писана на кедровой доске. Первоначально ее поставили в старой Успенской обители, затем перенесли в новый Предтечев монастырь, размещенный где-то в восьми верстах от с. Монастырщина. Святость Азовской иконы и ее легендарная история прежде всего связана с 1637 годом, когда донские казаки овладели Азовом и несколько лет сражались со сотысячным войском татар и турок. Вторым важным событием чудотворной иконы, как пишет Г. Броневский в «Истории войска Донского», было следующее: «... Когда де донские казаки при осаде их в городе Азове защищались более чем против 100 тысяч турок, и, изнемогши, хотели оставить оный, в то время одному из старцев в сие явилась прекрасная жена, одетая в багрянцу ризу, и древний муж, властный и босой, обещавший защиту и помощь за их истое и христианское терпение. Тут казаки обратились с молитвою в церковь и увидели, что на иконе Иоанна Предтечи, хранившейся в Азовской церкви, потекли слезы, как роса. Эти теплейшие слезы Угодника Христова были так сильны и чудотворны, что неприятель, как видно утраченный, сам отступил от городских стен и обратился в бегство».

Хранилась икона в Азове еще до прихода казаков и была оставлена в храме древнегреческим торговцами. Когда казаки уходили из Азова, то икону закопали — то ли под церковь, то ли в церковную стену. В 1696 году при штурме Азова войсками Петра I вместе с казаками одно из ядер угодило в цер-

ковную стену, откуда выпала святая икона. Есть и другая версия возвращения иконы. Когда Петр I приступал к возведению нового крепостного вала, то «нашел в земле вместе с рывшими ров казаками две иконы: одну Знамения Божьей Матери, начертанной на внутренней стороне большой раковины, которую царь пожертвовал в новый Азовский собор, и другую св. Иоанна Предтечи».

Рисунок иконы был следующий: «Предтеча изображен готовым идти из пустыни в мир на проповедь. Строгое загорелое его лицо выражает пустынножителя, просиявшего в посте и молитве. Оно продолговато, нос горбинкой, глаза поникшие, волосы всколоченные, борода небольшими прядями. Роста высокого, телом тощ, верблюжья его одежда охвачена поясом. В левой руке у него трость с витком, где написана славяно-греческая надпись...».

Икона «Иоанна Предтечи в пустыне» была красива, поля иконы были убраны серебром. Во всем окладе два фунта 80 золотников. Длина 13,5 вершков, а ширина 9,5 вершков.

Из древностей Азовского монастыря, привезенных в Донецкое (Монастырщину) был и 115-пудовый колокол. Надпись на колоколе была дана самим Петром Великим и гласила: «Лета 7205, то есть 1697 года, ноября в первый день во славу Всемогущего в Троице Святой славимого Богу, появлением Благочестивейшего Великого Государя царя и Великого Князя Петра Алексеевича и Малыя и Белья России Самодержавца и многих государств и земель восточных и западных и северных Отчича и Дедича и Наследника и Государя и обладателя вылить колокол сей в завоеванном Его Великого Государя городе Азове, который от войцк Великого Государя взят из повладения султана турецкого Мустафы в прошлом 7204 году июля 19, в монастырь честного славного Пророка Предтечи и Крестителя Господня Иоанна, в честь имени Его Святого во благочестие и радость православным христианам, а на посрамление нечестивым магометанам».

Когда на каторгах в Донецкое была привезена церковная утварь, то при разгрузке колокол упал на церковную утварь и угодил прямо в икону Иоанна Предтечи; чудотворность иконы позволила ей уцелеть, а коло-

кол был разбит. Был отлит новый колокол. Интересно, что когда был построен новый Предтечев монастырь в 8 верстах от Монастырщины, случился небольшой «бабий бунт». Когда за подаренным Петром I колоколом приехал обоз, женщины «ухватили за веревки, за колеса, за грядки телег, положились на землю перед колокольней, набились на ея лесенки, — и заставили обратиться вспять монастырский обоз».

В начале села, где ранее был монастырь, и сейчас есть пустырь, на котором расположено несколько жилых домов и помещения бывшей животноводческой фермы. Возле одного из жилых домов недавно случился провал, который завалили бетонной плитой. Как говорят старожилы, от монастыря в сторону с. Пасека шли подземные хода, выложенные кирпичной кладкой. Другой провал произошел под зданием лесхоза где-то в 1990-х годах, примерно в 350 метрах от предыдущего провала.

А сама чудотворная икона много странствовала по России. Сейчас следы ее затерялись.

РЫЖКИНА БАЛКА И ЗОЛОТОЙ ШЕЛОМ

Легенду о знаменитой Рыжкиной балке впервые услышал от стариков из сел Монастырщина и Сухой Донец, а затем уже от богучарских краеведов. Впоследствии в Воронежском государственном архиве и архивах Богучарского краеведческого музея в трудах краеведов и летописцев XIV и XIX веков удалось найти и некоторые документальные подтверждения увлекательных рассказов.

По утверждению диакона Игнатия, который проплывал в 1389 году через весь Придонской край, «кругом была одна пустыня, не видно было там ни города, ни села, а бывшие древние города прекрасными и красивыми на видных местах, пuste же все и не населено». То есть в южной части Богучарского края, что подтверждается и историком А.П. Беляевым, стояли пустые половецкие, а, возможно, еще хазарские города. Историк и краевед Беляев даже указывает их предположительные названия: Балин, Чехлоев.

По мнению некоторых ученых, пределы

Богучарского края в XII веке были густо населены. По берегу Дона в XII-XIV веках существовала крупная и развитая в экономическом отношении область под названием Червлень Яр — с селами, городами и монастырями. Через нее пролегалы кратчайшие торговые пути из стран Востока в Киев и Волжскую Булгарию, в Ростово-Суздальское княжество и Рязань, а оттуда — в далекий Новгород. В период татаро-монгольского ига Червлень Яр входил, возможно, в состав Синей Орды.

Достаточно сказать, что в 1997 году отряд археологической экспедиции ВГПУ по правому берегу Дона от с. Красногоровки до с. Абросимово нашел восемь археологических памятников. Среди них два городища, два курганных могильника, два одиночных кургана, одна стоянка и одно местонахождение керамики эпохи бронзы. Учеными было установлено, что протяженность «турецкого вала» составляет 540 метров, «с юга городище укреплено валом и рвом». Сейчас через вход в городище проходит дорога из с. Красногоровка на Рыжкин кордон. Об этом знаменитом вале и серебряном колодце рассказывали и жители с. Красногоровка.

Писатель-этнограф Г.Г. Ткачев писал об этих местах: «От татар кроме курганов еще остались два колодца: один в яру, около слободы Колесниковки, не обделанный и называется Криницей; другой верстах в пяти от сл. Красногоровки на высокой горе, на дне круглой ямы. Последний очень неглубок, — воды в нем всего на три аршина; как все здешние колодцы, внутри он выложен камнем; наверху дубовый сруб, но без «журавля».

С преданием об остатке этого колодца от татар у красногоровцев соединен еще религиозный обычай: каждый год весной освящать в этом колодце воду, вследствие того, что будто бы если не освятить в нем весной воду, то в этот год будет неурожаем и засуха. В народе говорят, что Красногоровский колодец серебряный и лечит от бесплодия, и в нем лежит клад.

Именно в этом городище и находился когда-то, по утверждению жителей с. Сухой Донец, в частности моего отца Романова П.И., то ли турецкий, то ли хазарский дворец. Еще до войны, как рассказывал отец, он видел тесанные из камня арочные воро-

та, которые еще его дед называл «железные ворота». А за ними площадка 40 на 40 метров, вымощенная камнем. Говорили, что стены дворца разобрали на фундаменты домов, в частности на фундамент больницы в с. Монастырщина. Здесь также находили искривленные мечи длиной с руку.

Известно, что местный краевед-поисковик Н.Л. Новиков нашел на площади городища фрагмент каменной колонны из серого песчаника длиной 40 сантиметров. Под прямоугольником вокруг колонны расположены окрашенные синей краской треугольники вершинами вниз. То, что здесь жили «огоряне», подтверждается и изысканиями XIX века краеведа Г.Г. Ткачева в его описаниях края: «В народе тоже долго ходили предания о Донском походе и предания собственно о герое похода Мономахе, как он пил Дон золотым шлемом, как загнал окаянных огарян за «железные ворота». Шелом (шлем) — это воинский головной убор с высокой колоколовидной тульей и длинным шпилем на вершине. Шлемы богатых воинов отделялись серебром и золотом, а иногда были целиком позолоченные. В древнерусских сказаниях о шлемах говорится в поэтической форме: «Сядем, братие, на свои орски комони, испием, братие, шелоом своим воды быстрого Дона, испытыем мечи свои булатные...»

Где же это место древних городов, золотых шеломов и железных ворот? Как утверждает легенда, это и есть район Рыжковой балки. Возможно, именно здесь Мономах убил на охоте последнего богучарского льва. «Верстах в семи от села Красногоровка находится Рыжкина балка — луг, окаймленный с трех сторон в виде полукруга рекой Доном, с четвертой стороны замыкаемой возвышенностью, которая служит как бы хордою дуги, образуемой рекой Дон.

Г.Г. Ткачев пишет: «Все почти жители Богучарского уезда говорят, что когда-то, очень давно, на месте этого уезда жили мамаи; некоторые из жителей указывают даже место на левом берегу Дона, против села Монастырщины, называемого Селищем, где жили мамаи. В селе Монастырщине говорят, что мамаи жили до потопа и пришли издалека. Потом, по рассказам, мамаи куда-то исчезли и на место их явились корсаки, киргизы, татары, хапуны и калмыки».

По словам одного из «черных» кладовщиков, летом и осенью 2010 года на этом месте были найдены серебряные монеты времен татаро-монгольского ига, мечи, крестики, медные монеты времен Петра I, наконечники стрел. По описанию дьякона Попова Н.А., рассказанного воронежскому краеведу Е. Маркову в конце XIX века, еще и до 1861 года вдоль реки Богучарки и реки Дона от Казанского перелазы до Белого затона (с. Верхний Мамон) стояли большей частью дремучие дубовые леса, «... по Дону солнца, бывало, до полудня не увидишь».

«Это место очень живописно, оно имеет в окружности около трех верст, на нем много кустарников. На одном конце возвышенности или хорды находятся два кургана из цельного камня, называемого Вальковым, а на другом — неглубокий Скрынников байрак (яр, покрытый мелким лесом), за которым следует довольно высокая гора. От Вальковых курганов до Скрынникова байрака идет ров, глубиной аршина три и такой же высоты вал. И тот и другой пересекаются площадкой «для ворот», этот вал был укреплением балки, как говорит народ», отмечали изыскатели. Где-то в этом районе возможно и находился город скифов или хазар, а может, половцев или татар. Н.Л. Новиковым здесь был обнаружен наконечник стрелы, который, по утверждению ученого-археолога А.П. Медведова, был распространен в Монголии в XIII-XIV веке. Аналогичные наконечники найдены также в столице Чингисхана — Каракоруме.

Одно появление красных шапок у богучарцев напоминало о рыжих татарах. Г.Г. Ткачев писал: «О набегах татар в устах веселых стариков сохранился следующий анекдот. Однажды жители одного из окрестных богучарских хуторов, кажется, Раскова, в настоящее время слободы, увидели, что из высокой травы показываются часто красные верхушки шапок, похожих на татарские. Хуторяне, думая, что татары ждут ночи, чтобы сделать нападение, переполошились и почти все бросились в Богучар, делая на пути тоже тревогу. В Богучаре собралось очень много людей и приготовились к защите и даже стреляли, но дня два неприятель не показывался, тогда богучарцы сделали вылазку.... Но каково было их удивле-

ние, когда они вместо татар увидели вполне распутившиеся большие красные цветы одного растения, будяка, которых в тихую погоду за высокой травой было не видно, но когда был маленький ветерок, то трава наклонялась, а растение, имея негибкий стебель, стояло покойно. А как трава постоянно то подымалась, то опускалась, то очень легко можно было вообразить богучарцам, что это выглядывают красныя верхушки шапок».

Место района Рыжкиной балки издавна вызывало страх у жителей. С понятием о разбойнике Рыжке, который жил в этих местах на рубеже XVII-XVIII веков. В различных воспоминаниях говорится, что «у народа соединено и понятие о страшном колдуне, знакомом черту. Так, например, его пулей нельзя застрелить, цепью заковать, потому что он знает заговор и заклятие, а его можно застрелить золотой пуговицей, удержать, только связав веревкой, потому что от этого нет заговора. Даже нельзя наказать, если он не захочет, потому что были случаи, как при всех на эшафот клали и привязывали к кобылке разбойника, а через несколько минут он стоял около кобылки, а палач сек не его, а кобылку». По словам предания, Рыжка с большой шайкой останавливал идущие по Дону каторги и барки цепью, перетянутой через весь Дон. К тому преданию добавилось в XIX веке утверждения о том, что «... москали и французы и теперь говорят: «Пойдем к Рыжкину выручать дедов брыль (шляпу)». На берегу Дона, у Рыжкина кордона, рядом с городищем и поныне существует полуразрушенная каменная пещера. Старожилы рассказывали, что разбойники сидели в пещере, куда с Дона от цепей на веревках тянулись колокольчики, а когда барки проходили по реке, то дном цепляли за цепь и колокольчики звенели.

Словом, место тут непростое, мистическое. У местных рыбаков из сел Сухой Донец и Монастырщина, даже существует примета, что когда проплываешь у берегов Рыжкина кордона по реке Дон, то может резко подняться ветер, а то в мгновение наступит жуткая тишина, и становится не по себе, как говорят, «аж в ушах звенит».

Возможно, на этом месте жил и не разбойник, а место это прозвали Рыжкиным потому, что здесь часто грабили народ ры-

жие татары. Нападения эти продолжались до конца XVII века. Документальные подтверждения этому факту имеются многочисленные. Так, в апреле 1645 татары напали на стрельца Ивашку Сомарина с одиннадцатью товарищами «государевой откупной вотчины, с Боучара», которые занимались промыслом. В государственной отписке впервые упоминается и нынешнее село Абросимово. «И апреля де, государь, в 8 день, как они будут ниже откупной вотчины Богучара, против Обросимова караулу, и их де громили в полночь воровские черкасы, конные и пешие и в судах рекою Доном, взяли де у них те черкасы трех человек живых да одного убили до смерти из пищали, а их де ушло семь человек. А по смете де тех воровских черкас была человек с триста и больше».

Ивашке Сомарину удалось спастись. Впоследствии он рассказывал, что два дня пролежал в камышах и слышал, что на утренней заре была большая стрельба, но не понятно, с кем был бой, и говорили нападавшие русским языком, а не по-черкасски. Потом он перебрался на противоположный берег, поднялся на курган на Крымской стороне у Абросимова караула и видел много пеших и конных людей, да стада лошадей. О нападении черкасов докладывали в этом же году и крестьянин Гордюшка Кузьмин из села Юрлыкова, который зимовал с товарищами в казачьем городке на Хопре. Кузьмин жаловался, что когда проезжали Боучарский юрт, то «у Абросимова караулу и их погромили воровские черкасы с Крымской стороны и с Ногайской стороны, конные и пешие, и рекою судовые».

Участь крестьян, которые плыли с Гордюшкою, была страшной: «...Петрушку Самойлова, Сидорку Филатьева срубили, а ево де Гордюшку повели черкасы сечь, и он де Гордюшка утек у них связан».

Вообще, в народе рыжий — цвет охры, красный, огненный, смесь цветов: красного, желтого и бурого, разных теней и оттенков. Рыжий цвет в народе обычно ассоциируется с нечистой силой. Существуют множество поговорок о рыжих: «С рыжим дружбы не води, с черным в лес не ходи», «Рыжий, как огонь», «Рыжий да красный, человек опасный», «Рыжих и во святых нет», «Зырянин рыж от Бога, татарин рыж от черта». По рассказам одного из жителей с. Филоново, ко-

торый после войны был надзирателем в Богучарской тюрьме, один из заключенных рассказывал, что видел карту, где в Рыжкиной балке обозначено место расположения клада, что место это действительно существует и к нему в свое время стремились добраться турки, французы и немцы.

Один из ныне здравствующих сторожиков села Сухой Донец рассказывал, что в детстве с мальчишками лет десяти — двенадцати, они нашли две каменные пещеры: одна была у берега реки Дон, вторая чуть выше. В той, что возле Дона, ничего не нашли, а вот в другой хранились сабли, мечи, колчуги и шлемы. Одну из сабель он забрал с собой и стал играть. Сабля была тяжелой и острой. Вырвавшись из руки, сабля ударила лезвием по ноге и рассекла ее. С тех пор на ноге остался шрам. Позже, будучи юношей, он пытался найти пещеру, но не смог.

Так это было или не так, но легенда утверждает, что в районе Рыжкиной балки зарыт драгоценный клад. И он хранится там поныне — в рыжей или красной шапке, наполненной драгоценными камнями и золотом. А зарыли его то ли скифы, то ли мамы, то ли знаменитый разбойник Рыжка. Возможно, на дне реки Дон в этом месте лежит золотой шлем Моноха.

К сожалению, многие «черные» кладоискатели выкапывают раритеты, уничтожают ориентиры, по которым можно было бы найти этот клад. Ведь иногда даже один наконечник стрелы может рассказать о том, кто жил в этой местности, как одевался, что ел и откуда пришел.

ИЩИТЕ И ОБРЯЩЕТЕ!..

«В некоем царстве жил-был старик со старухой в великой бедности. Ни много, ни мало прошло времени — померла старуха. Решил старик ее похоронить, да денег нет. Пошел старик к попу деньги просить. Поп не захотел и речей стариковых слушать: «Коли нет денег, не смей и ходить сюда!»

«Что делать, — думает старик, — пойду на кладбище, вырою кое-как могилу и похороню сам старуху». Вот он захватил топор да лопату и пошел на кладбище; пришел и зачал могилу готовить: срубил сверху мерзлую землю топором, а там и за лопату

взялся, копал-копал и выкопал котелок, глянул — а он полнехонько червонцами насыпан, как жар блестят! Крепко старик возрадовался: «Слава тебе господи! Будет на что и похоронить, и помянуть старуху». Не стал больше могилу рыть, взял котелок с золотом и понес домой...»

Так записал народную сказку «Клад» всемирно известный богучарский сказочник А.Н. Афанасьев. Финал этой сказки печален. Клад удачи не принес. Действительно, с этими захоронениями не все так уж однозначно. Как-то мне довелось беседовать с нумизматом, который имел внушительную коллекцию золотых и серебряных монет. Уезжая навсегда из Богучара, он невзначай посетовал на то, что никто из детей не хочет заниматься нумизматикой, дескать, придется свою коллекцию зарыть ее в землю, когда-то кто-то клад. Но, как говорится в русской поговорке: «Без хозяина деньги — черепки». Природа кладов, сокровищ настолько таинственна, что есть большая опасность, прочтя эту главу, по естественным причинам устремиться на их поиск. Однако не спешите! В народе утверждают, что у них есть надежные сторожа. Не верите?

В семи верстах от Богучара есть большой земляной вал. «Под праздник Воскресения в одном месте вала каждый год горит свеча. Один смельчак, убежденный, что там непременно должен быть клад, решил, во что бы то ни стало достать его. Взяв с собой заступ и необходимые вещи, он отправился туда. Как только пришел к месту, где горела свеча, он увидел себя окруженным со всех сторон страшными чудовищами огромного роста. Они спросили: «Ты зачем сюда пришел? Мы поставлены сторожами и знай, что тебе не удастся овладеть сокровищами». Страх овладел кладоискателем, он сделался несчастной жертвой чудовищ и собственной смелости». Это отрывок из статьи богучарского краеведа XIX века Г.Г. Ткачева, помещенной в воронежской газете в 1865 году. Место, о котором идет речь, хорошо видно со скифского кургана, который расположен к северу от села Залиман. Называется оно залиманцами «могилой». Как бы то ни было, но данный клад был найден в конце 1980-х — начале 1990-х годов. В нем содержались роскошные одежды, прошитые золотыми нитями, золотые украшения,

серебряные чаши — пиалы, пояс, украшенный серебряными с позолотой бляшками. Курганная группа, в которой были найдены эти сокровища, принадлежала погребению эпохи бронзы и скифского времени V-IV вв. до нашей эры. В одном из них были захоронены представители золотоордынской знати XII-XIV веков. Согласно исследованиям ученого-археолога В.Д. Березуцкого, аналогичные погребения были обнаружены в землях Алтая и Тувы. Возможно, данные люди пришли сюда вместе с монголами. Но открытием захоронения эта история не закончилась. Рассказывают, что один из археологов, который нашел сокровища, вскоре неожиданно погиб — не иначе, стал жертвой «сторожей-чудищ».

Существует крылатая фраза «Зарыть талант в землю». «Талант» с греческого и латинского переводится как вес. Одно из многочисленных поучений Иисуса сводилось к тому, что некий человек, уезжая, оставил рабам свои деньги на хранение: одному пять талантов серебра, другому — два, третьему — один. Первые двое пустили таланты в оборот и получили прибыль. А третий пошел и спрятал серебро господина своего, закопав его в землю, за что и был наказан.

А еще есть примета: «За найденный клад должна быть отдана одна человеческая жизнь». Каждому знакомо выражение: «Класть деньги в кубышку». Действительно, в глубокой древности деньги прятали в кубышку — небольшой глиняный горшочек, который наполняли золотыми, серебряными монетами и драгоценными камнями, а потом прятали. Искали место — высокий холм, пещеру, старое крепкое здание, дерево, как правило, дуб или грушу, а, возможно, и высокий речной берег.

В народе говорят: «Деньги счет любят». Как правило, любят они и место свое, а также сохранность. На Руси лучше всего деньги сохраняла земля. Гончары изготавливали специальные горшочки и кувшинчики для скромных кладов. Зарывали их в землю, если внезапно приходили враги, лихие люди, а иногда и просто от чужого взгляда. Во время войн количество кладов возрастало. Увы, умерший, убитый или угнанный в неволю владелец клада уносил с собой и его тайну. Волшебное таинство клада, мгновенное обогащение за счет этого закладывается в нашем

сознании с детства. Взять хотя бы детские игры: написал записку, спрятал ее в бутылку, зарыл в землю и установил срок, описание клада и как его найти. А кому-то поручалось найти этот клад по описанию...

А раскопки Меркулова кургана у Михаила Шолохова в «Тихом Доне». Не говоря уже о знаменитом романе А. Дюма «Граф Монте Кристо», который прочитал практически каждый подросток,

Клады бывают разные: эпохи каменного и бронзового века, хазарские и скифские, купеческие и казацкие, разбойничьи и трудовые. Существует поверье, что тот, кто сумеет найти цветущий папоротник, станет богатым и мудрым. И еще цветущий папоротник может открывать места, где зарыты клады.

Жителям с. Подколодновка знаком клад, спрятанный мельником возле одной из многочисленных мельниц XIX века. Клад был зарыт в период революционных потрясений и гражданской войны. В 1930-1940-х годах в село вернулся старый мельник. Приехал он не один, а в сопровождении родственников: дети и внуки. Зашел в сельский совет и сказал, что оставил возле мельницы, в месте известном только ему, клад. По договоренности с властью каждому из родственников мельника должен был достаться один золотой червонец. Вскоре в показанном мельником месте начали копать, и нашли кубышку с золотыми червонцами. Родственники получили обещанные червонцы, остальное сдали в милицию. И с миром разошлись.

Клады бывают не только золотые. Встречаются и «пьяные». Еще до революции, в 1913 году, купец, проживающий по улице Дворянской, в доме № 9, решил расчистить подвал, который во время наводнения залило. Как рассказывал В.Н. Пушкарев, они с товарищами взялись за эту работу. Вдруг под лопатой раздался скрежет по стеклу, а вскоре показались бутылки. Всего их было выкопано более 200. Когда открыли одну из них, то обнаружили там вино. Сообщили хозяину дома, тот ничего об этом не знал и был приятно удивлен. Несколько бутылок работники украли и выпили. Долго еще вспоминал Пушкарев, что после выпитого голова была «светлая», но встать на ноги и идти домой он не мог.

Интересна история с кладом, найденном

в 1950-х годах в подсобке с химическими реактивами Богучарской аптеки, расположенной на улице Дзержинского в доме № 32. Здесь при ремонте бетонных полов был найден кувшин с серебряными и золотыми монетами. По городу ходили слухи, что на эти деньги была построена Богучарская больница. Но в действительности, это только разговоры, клад был сдан государству. Аналогично в городе Богучаре на улице Театральной в доме, где было расположено РСУ, при расчистке старых конюшен, был найден кувшин с золотыми червонцами и серебряными монетами.

А еще около 800 серебряных монет было найдено во дворе дома № 14 на улице Кирова. Ребята разбирали старый сарай, и на чердаке обнаружили ведро, которое поднять было очень трудно. Когда спустили ведро вниз, оно оказалось доверху набито «николаевскими» рублями и «полтинниками». В этом доме, как удалось выяснить в 1920-1930-х годах жил работник НКВД. Возможно, это деньги какого-нибудь купца.

По рассказам Инны Щербань, которая проживала в доме № 11 по улице Театральной, в 1970-е годы в доме № 13 делали капитальный ремонт — полностью сносили старую постройку, обновляли фундамент и строили новые стены. До революции дом принадлежал одному из купцов. При раскопке фундамента нашли клад — в глиняном горшке лежали серебряные монеты. Смотреть можно было всем желающим, потом эти серебряники куда-то забрали.

При исследовании кургана у села Веревковка археологи под руководством А. Т. Синюка обнаружили серебряную монету времен Золотой Орды XII — XIV веков. Данная монета считается старейшей из найденных на территории Богучарского края. У древних греков мелкую монету клали в рот умершего человека. Этот обычай называли «обол мертвых». Обол предназначался для платы Харону — перевозчику душ умерших через реку подземного царства. Такой обычай сохранился и в средние века, да и в наше время, поэтому в могилах и курганах часто находят только одну монету.

Такая монета 1830 года, достоинством в одну копейку, была найдена в одной из могил в селе Филоново, когда к школе монтировали водопровод. У села Монастырщина

в 1970-х годах найдены монеты, от которых пошло название копейка. На одной стороне такой монеты чеканилось имя царя, при котором она выпущена, на другой — герб, изображающий всадника с копьем. Поступи эти монеты в музей, была бы доказана гипотеза, что казацкая станция действительно была заселена мящерскими казаками еще в XV веке, но, к сожалению, они разошлась по нумизматам.

Несколько слов о монетах из богучарских кладов и «черных копателях». В коллекции богучарских нумизматов хранится много монет времен Петра Великого, Елизаветы Петровны и Екатерины II. В основном распространены монеты Елизаветы Петровны периода 1741—1761 годов, а так же монеты Екатерины II с 1762 года по 1796 год. В основном это «пятаки». Внешне они отличаются только вензелем. Так, монеты Елизаветы Петровны отличаются симметричным вензелем, прозванным в народе «решетом». Подбрасывая монету, гадали, как она упадет: «копьем аль решкой», «орлом или решкой». Возможно, именно отсюда пошло название «орел» и «решка».

Много «потрудились» копатели в районе старой базарной площади, что за «маленьким мостиком». В частности там была найдена польская монета один злотый 1838 года и две свинцовые пломбы, на которых выдвинуто название города «Лодзь». Находили и грузинские монеты 1810 года номиналом одна биста. На ярмарку в Богучар приезжали из Саратовский, Астраханской, Киевской, Новгородской губерний. Возможно, был польский и грузинский товар, а соответственно и торговцы — поляки и грузины.

По одной монете можно многое установить. Взять хотя бы монету, найденную Новиковым Н.Л. в селе Дубрава. Большая турецкая серебряная монета: номинал — куруш султана Мустафы III, чеканилась в Стамбуле (Константинополь), ориентировочно в 1766-1767 годах.

В начале 1980-х годов в селе Терешково при расчистке свинарника, расположенного на берегу Дона, был найден клад с серебряными монетами в глиняном кувшине. Как утверждали очевидцы, это были деньги периода правления Петра Великого, Елизаветы Петровны и Екатерины II и нидерландские талеры — всего около ста монет отличной

сохранности. Клад был сдан в милицию. Но, конечно, после того, как его «изучили» нумизматы. Часть монет осела в их коллекции.

Известен также клад, найденный терешковскими мальчишками в 1975 году. Дети, играя на крутом донском берегу в двустах метрах от села, увидели круглую дырочку, раскопали. Обнаружили бронзовый кувшинчик с орнаментом в виде ромбов и круглыми выпуклостями в центре, а так же топор — кельт. После мальчишек там побывали археологи. Клад эпохи бронзы, как потом написали ученые-археологи, состоял из семи предметов: два топора — кельта, три серпа — косаря и нож — «бритва». Находка хранится в Воронежском краеведческом музее. Клад датируется II тысячелетием до нашей эры.

Клад найти просто, бери лопату и копай, а иногда он просто лежит на поверхности. Но, к сожалению, «черные копатели» не знают, а может, чувство мгновенного обогащения затмевает разум, и люди не понимают, что отсутствие даже одной монеты или вещи из клада существенно изменяют его значение. Клады, поступающие в музеи целиком, представляют огромную ценность. Множество монет было изъято из земли «черными копателями» в последнее время и продано на рынках Богучара, Лосева, Павловска, Калача, Воронежа.

Так, в 2003 году в Богучарском уезде был найден небольшой клад в 100 монет. Это пятикопеечные медные монеты времен правления Елизаветы Петровны и Екатерины II. В 2005 году найден клад в 60 серебряных монет. В составе клада только рубли. Период чеканки монет: 1721—1777 года. В 2008 году поднят клад серебряных монет (около 40 штук) в районе села Старо-Толучеево. Ни одна из них не поступила в Богучарский краеведческий музей. Таких примеров, к сожалению, много.

Как рассказывают жители села Монастырщина, много серебряных монет периода Золотой Орды, крестиков, мечей и ятаганов было выкопано в районе Селища в последние годы. В одном месте, практически на одном квадратном метре, было найдено пять нательных крестов. Возможно, это было местом казни казаков Донецкой станицы. Тут летели буйные головушки, а кресты падали на землю.

Здесь же была обнаружена часть царской казны, которую вез полковник Бильс в Азов. Казаки Донецкой встретили Бильса с почестями, но как только он отплыл за поворот, то был ограблен. Денежная казна, по архивным данным, насчитывала 2000 рублей. Каждому из нападавших, а их было около 100 человек, досталось по два рубля с гривной, атаману Никите Кольчеву в десять раз больше — 21 рубль.

В 2008 году экспедиция кладоискателей из трех человек вышла на Донецкий городок. Здесь было найдено несколько ядер, ведро пуль свинцовых, керамика, а на глубине 40 сантиметров обнаружили кубышку. В глиняном горшке оказались 2100 монет петровской «чешуи», как раз на 21 рубль. По всей видимости, это была доля атаманов Микулы и Никиты Кольчевых. Говорят, что был найден еще один клад чешуи россыпью и несколько монет Золотой Орды. Информация об этом упоминалась в статье «Дети подземелья» в воронежской газете «Мое» в 2009 году.

В районе бывшего монастыря у села Монастырщина в 2010 году проводились раскопки. Рассказывают, что еще раньше там уже находили глиняный кувшин с золотом, как будто бы спрятанный еще служителями монастыря. Там же был найден и кувшин с серебряными «крестовиками», талерами. Клад, к сожалению, разошелся по жителям села. Где-то в селе Монастырщина хранится и золото, награбленное разбойником Чекушей в годы гражданской войны.

Из детства мне хорошо помнится история, как в 1966 году нашли клад купца Селиверстова. В городе достраивалось здание Богучарской типографии, его восточная часть. И тут разнеслась весть — нашли клад серебряных и золотых монет. Случилось так, что двое мальчишек, Петя Чернов и Вова Котов, из соседнего дома наблюдали, как тракторист грузил на машину землю из котлована. Вдруг из ковша вместе с землей посыпался золотой дождь из раздавленного деревянного ларца. Тракторист с землей в ковше и водитель автомобиля сразу уехали. Как рассказывал один из мальчишек (было ему тогда лет девять), они с ребятами спустились в котлован и набили карманы золотые десятирублевыми червонцами. Потом стреляли ими из рогатки по воробьям. Но ско-

ре о находке сообщили в милицию. Котлован сразу же оцепили. Шофера и экскаваторщика быстро поймали, землю просеяли. Всю ночь возле котлована стояли дежурные, топились люди. Утром прибыл представитель из Москвы. В руках он держал бумажный кулек, свернутый наспех, и в него бросали найденные в земле золотые и серебряные монеты. Это были золотые червонцы — золотые монеты номиналом в 5 рублей, 7 рублей 50 копеек, 15 рублей и 37 рублей 50 копеек, а также серебряные «николаевские» рубли и полтинники. Всего было сдано в местное отделение Госбанка 235 золотых монет нарицательной стоимостью 1470 рублей. По нынешнему курсу — на сумму более двух миллионов 300 тысяч рублей. Более 600 монет ушли на сторону. Зато богучарцев появились золотые зубы, сережки, перстни и новые автомобили.

Из рассказа сторожила города Юрия Вострухина удалось узнать, что клады находили в Богучаре и в других местах. Нередко они не отражались в милицейских хрониках и архивах, а найденные деньги, не сдавались в банк. Один из таких кладов, к примеру, был найден в 1960-е годы при строительстве дома № 2 по улице Ленина.

Из архива мне удалось узнать, что в квартале, где стоят здания женской гимназии, «пожарки» и нынешнего магазина «Эльдорадо», хранится в подземных ходах клад Богучарского собора. По рассказу директора Богучарской средней школы № 1 С. Т. Сергуткина, однажды в школу привезли краску. На автомобиле было около десяти 200 литровых бочек. Когда автомобиль стал разворачиваться в школьном дворе, то неожиданно задние колеса его провалились под землю. Осмотр провала показал, что под землей находится ход со сводами, выложенными из кирпичей. Аналогичный ход вел и в сторону собора, куда по сей день сливается канализация из здания бывшей женской гимназии.

Как рассказывают очевидцы, подземные хода Богучарского собора ведут и в здание «Эльдорадо», и к зданию нынешнего краеведческого музея, и даже через улицу Халтурина в селе Залиман в сторону Галиевских пещер. И это не байка. Подтверждение этому есть. Во-первых, на улице Халтурина стоит дом, в котором жила старая учительни-

ца. У нее был во дворе погреб, в котором, почти как в известной сказке о Буратино, есть потайная железная дверь, которая открывает вход в подземелье. Во-вторых, в конце 1970-х годов рабочие МПМК-897 достраивали здание райкома партии на месте, где стоял дом самого богатого купца Куранова. Во дворе райкома партии рабочими был обнаружен вход в подземелье, но его засыпали. Сейчас в подземелье уходит вода из ливневки внутренней части здания. Возможно, где-то рядом с памятником В.И. Ленину остался и клад купца Куранова.

А говорят, такие подземные хода были практически под каждой церковью. Да и много еще разных потайных мест по сей день хранят богучарские сокровища. Но пойдут ли они впрок тому, кто их найдет? Люди, сочинившие сказку о кладе, как мы знаем, в этом сомневались.

ЧТО В ИМЕНИ ТВОЕМ...

Для историков, географов топонимика всегда представляла большой интерес. В последние десятилетия наиболее важным в этой области являются исследования доктора исторических наук, профессора ВГУ В.П. Загоровского. В книгах «О древнем Воронеже» и слове «Воронеж» (1971 г.) «Как возникли названия городов и сел Воронежской области» (1966 г.) и «Историческая топонимика Воронежского края» (1973 г.) он рассматривает историческое развитие в происхождении географических названий в Воронежском крае. В его работах исследуются и названия населенных пунктов Богучарского района.

Интересна и работа по географической терминологии Центрального Черноземья воронежского историка-краеведа В.А. Прохорова, который в книге «Надпись на карте» (1977 г.) опубликовал большой историко-топонимический словарь населенных мест Воронежской области. Среди географических названий (топонимиков), которые размещены на Богучарщине, в книгах В.П. Загоровского и В.А. Прохорова упоминаются: г. Богучар, села Толучеево, Лофицкое, Луговое и др.

Между тем за последние двадцать лет наука накопила много нового в этой области, что значительно обогатило историю, язы-

кознание и географию края. Каждая расшифровка топонимов иногда приводит к научным открытиям. В основу исследования положена история нашей местности, начиная с периода VIII-XIII веков, ее география (связь с местным рельефом) и, конечно, языкознанием. Самым старым памятником топонимики, несомненно, для нашего края являются половецкие и скифские названия наших рек и местности. Это Каразеево (ранее Пасековские Дворики), Толучеево, Богучар и другие. Первые упоминания в русских документах местных рек относятся к XVI веку. Оттуда к нам пришли названия рек Богучар и Толучеева. Переведены они могут быть как тюрко-язычными кочевниками во время татаро-монгольского нашествия, так и в более поздний период. Легко переводится с тюркского языка название села Каразеево. Очевидно, в период заселения этого места половцами слово звучало как «карасе», а уже позже оно дополнилось русским грамматическим суффиксом, обычным в топонимическом образовании России «ево», и стало произноситься как «Каразеево». В переводе с тюркского языка «кара» означает черный (более древний тюркский — «кара» означает «земля», «се» — ручей, равнина). Действительно, в селе находится родник, который промыл сейчас большой овраг.

Раньше он был почти на поверхности. Само поселение на месте села Каразеево появилось значительно позже — в XVIII веке. Его название принесли украинцы, которые пришли на это место из села Пасека. Первоначально село называлось Пасековскими выселками.

Отдельные тюркские названия почти не изменились, начиная с 1571 года, когда впервые упоминается Тулучеевский ухажей, река называется Тулучеево, но еще и до этого название менялось. Русские документы XVI века называют реку Тулучеевой, причем так называется и современная речка Толучеевка. Без русского суффикса она называлась, возможно, Толучей или Талачей, что у Э.М. Мурзаева в «Очерках топонимики» объясняется в переводе с тюркского, как плоская равнинная река.

Почти то же значение слова «тала» употреблялось и в Индостане, т.е. равнина, а «чай» — русло временной реки. У многих

народов существует слово, как правило, «тул» — название местности, к примеру, полезгински означающей территорию, земельный участок, равнину, ровный участок в пересеченной местности.

Впоследствии село Старотолучеево стало отражать в названии старший возраст села по сравнению с расположенными в Воробьевском районе селами Новотолучеево и Верхнетолучеево.

В тюркских языках «тала» — это степь, равнина. Тюркоязычные народы (хазары, печенеги, половцы, татары) называли так речку, текущую от меловых гор по равнине к Дону.

Одна из труднейших задач, которую решали многие ученые, историки, краеведы при изучении названий рек, а, следовательно, и города Богучара, не имела достаточно точного и весомого обоснования.

Профессор В.П. Загоровский еще в 1966 году в своей книге «Как возникли названия городов и сел Воронежской области» утверждает, что слово «Богучар» сначала звучало как «баурча», что в переводе с тюркского означает «речка, текущая по отлогому склону горы». В.А. Прохоров в книге «Надпись на карте», опираясь на исследования О.И. Трубочева, приводит доказательства, что составная часть «чар» происходит от древне — иракского «двигаться», обоснование же первой части «бау» не дает. Ранее в книге «Вся Воронежская земля» он опровергает В.П. Загоровского о том, что речка называлась «Баурча», так как это слово нигде не зафиксировано в документах, и нынешнюю реку Богучарку никак нельзя представить в силе горного потока. Здесь же он дает и такое толкование, что на иракском «баг» — веревка, «учар» — рынок. Это утверждение тоже неверное, так как первое слово «Богучар» появилось как «боучар» (упоминается впервые как название реки в 1595 году) и лишь в конце XVII века в названии реки добавляется буква «г». Хотя на всех иностранных картах обозначается как *Voegohar* или *Voegotzar*. В последних трудах В.П. Загоровский пишет, что слово «Баучар», вероятно, тюркское.

Есть и другое толкование. Слово «бугучар» в переводе с монгольского языка оно означает олень. Охотник на оленей переводится как бугуч. Почему бугучар? Дело в

том, что практически на всех старинных картах XVI — XVII веков река, вотчина обозначена как Бугучар и нарисованы олени. Подтверждением этого являются и многочисленные документы этого периода, где упоминается Бугучар.

Известно также, что когда в Монголии жили уйгуры, ханом их государства Хара-Балгасуне, был Богучар. Сын названного хана Богучар вступил на престол в 746 году и правил до 759 года, нося титул «хан, правитель страны, ниспосланной небом». Памятник этому хану, высеченный из камня, в настоящее время стоит у истоков реки Могай-гол.

Есть немало других толкований. Можно, к примеру, перевести название как река у холма. И все же это только предположение, точное происхождение слова Бугучар пока не выяснено. Несостоятельно и утверждение отдельных краеведов, связывающих название города Богучар с деятельностью Петра I, приписывая ему основание города, так как река упоминается в 1595 году, а царь проплывал здесь спустя столетие и на берегу реки ночевал 11 сентября 1696 года. Мало того, именно здесь по указанию Петра I был сначала заселен, а потом сожжен казачий городок в 1705 году.

И все же название его тюркское и пришло оно к нам через века, почти не изменившись. В описании «Об уездах Воронежского наместничества» содержится богатый гидронимический материал, своеобразный каталог водных источников каждого уезда. О Богучарском крае пишется: «В уезде... 1 река Дон и 9 речек. Река Дон входит из Павловской округи и протекает чрез Богучарский уезд в земли Войска Донского. В него впадают из вершин в сем уезде речки: правая Богучар с вливающейся в нее левым Богучаром, Сухой Донец, Бычок, да входящая из Саратовского наместничества Тулучеева со впадающими в нее из того ж наместничества Кривушиного, да из вершины в Богучарской округе Меловатка, а в нее впадает выходящая из земель Войска Донского Манина, а в сию из вершины в Богучарской округе Подгорная...»

Э.М. Мурзаев в «Очерках топонимики» объясняет, что специфика как иракоязычного, так и тюркоязычного слова такова, что оно может быть как двухсложным, так и

трехсложным, то есть «Ба — уч — ар», а не двухсложным, как предполагалось до этого. В этом слове «ба» означает «большой» или «горный», «уч» — «река» или «вода», «ар» является типичным тюркским суффиксом, который употребляется в случае единственного наименования двух речек стекающих с противоположных сторон одного хребта и сближающихся. Вероятно, поэтому и у притока Богучарки нет названия кроме Левого Богучарки. Кстати, труд Э.М. Мурзаева изучал лично и впервые предположил, что слово Богучар трехсложное. В своем ответе мне воронежский краевед, профессор В.П. Загоревский, которому я изложил свой вариант происхождения названия города, согласился, что данная версия имеет под собой грамотное научное обоснование и имеет место быть. Впоследствии отдельные краеведы публиковали эту версию без ссылки на автора, что недопустимо.

Рядом с Богучаром располагались две слободы Лысогорка и Песковатка. Обычно Лысогоркой называли крутой склон реки с обнаженными подпочвами или коренными породами. Песковатка — это местность, где почвы в основном песчаные.

Получается, что «Баучар» переводится с тюркского, как Большая река, состоящая из двух притоков, которые стекают с противоположных сторон одного хребта, что и есть в действительности.

Развитие топонимики края особенно интенсивно шло в XVIII веке. В начале века в южной части Острогожского уезда становится много поселений. Сюда же прибыли и новые группы переселенцев с Украины. Земли, на которых появились первые населенные пункты по рекам Богучар и Толучеевой были в 1710 году отданы Богучарской сотне Острогожского полка. Большинство возникающих слобод и хуторов на территории будущего Богучарского уезда получили имена, фамилии, должности казаков и старшин Богучарской сотни.

Прежде всего это такие фамильные хутора первопоселенцев, как Твердохлебов — казака Леонтия Твердохлебова, Красноженов — казака Демьяна и Ивана Красноженовых (затем Радченское), Данцевка — казака Ильи Данцева, Дубовиково — крестьянина Ивана Дубовикова, Расковка — украинского переселенца Якова Раскова. Несколь-

ко позже, в середине XVIII века, появились слободы первопоселенцев с фамилиями казаков и впоследствии войсковых обывателей: Гадючин, Загребайлов (новое название Луговое получил в 1959 году), Дядин (на картах XVIII века обозначался как Дедин), Галиев (первое название хутор Мараховский), Дьяченко (на картах XVIII века обозначался как Дьячков), и др.

Как писал историк-краевед Г.Г. Ткачѳв в «Воронежских губернских ведомостях» в 1864 году, «...население более и более возрасало и являлись еще новые поселенцы, что первоначально населенные пункты или слободы были слишком многочисленные и малороссы стали уходить из селений в степь». Так образовались хутора, тоже названные по первопоселенцам Кравцов, Степанков (ныне Лебединка), Малеванный, а также более крупные, основанные помещиками, приказчиками. Сначала хутор, где разместила своих крепостных крестьян Варвара Пушкарева назывался Шубинкой, затем Пушкаревкой, впоследствии Варваровкой по имени помещицы. Хутор Харин и Новохариново (с 1844 года — Шуриновка) возник в конце XVIII века, называлось Новохариново по имени владельца титулярного советника — Харина Платона Стефановича. Особенно много новых названий на карте появилось после 1906 года (в период Столыпинской реформы). Это названия таких хуторов и сел, как Хрипун, Ново-Никольское, Марьевка.

Интересно, что отдельные села в своем образовании обязаны Донецкому Успенскому монастырю. Именно крестьяне, принадлежавшие этому монастырю, поселились в селах Абросимово (впервые Абросимовский караул упоминается в государственной отписке за 1645 год. По всей видимости, казак Абросимов был здесь в карауле), Донецкое (Монастырщина), Пасека (название по находившейся здесь пасеке монастыря), Архангельское (название церковное), Сухой Донец (название по пересохшему руслу реки).

Терешкин караул, перелаз и пристань, село Терешково получили свое название еще в XVI веке. Интересно, что в Сухом Донце есть Попелушный яр, который расположен в юго-восточной части села. В яру находится глина рассыпчатая, попелушного цвета. Говорят, яр назван по цвету глины. К

селу подходит и другой яр — Дегтярный. По легенде, разбойники выпили в яр деготь с ограбленного на дороге в верховьях яра купеческого обоза. Аналогично получило свое название село Красногоровка, по известному красногорью и крутым красноглиняным донским берегам. Хотя местные жители предпочитают происхождение названия по большому количеству красных тюльпанов Шренка, которые покрывали всю гору у Дона весной.

Есть предположение, что хутор Гольий при яре Голом получил свое название по месту стоянки атамана Голого, который с Кондратием Булавиным участвовал в восстании казаков. Впоследствии он стал хутором Степной.

Село Полтавка или сначала хутор Полтавский получил свое название по первопоселенцу Семену Полтавскому.

Недалеко от села Монастырщина расположена Арсенова (Попасная балка) гора. Называют ее по имени дьячка Арсена, который изготовил крылья, забрался на гору, хотел полететь, да только разбился. С тех пор гору прозвали Арсенова. В селе Пасека была расположена Яшина мельница, названная по имени хозяина Якова. В его доме находится Монастырщинская участковая больница. Старожилы еще помнят дочь Якова — Капитолину Яковлевну, богатую и богомольную, 1892 года рождения. Рядом, в селе Сухой Донец, действующая Яграница мельница названа по имени хозяина — Яграни. Говорят, что каменная мельница строилась по проекту немецкого инженера.

Многие названия сел и хуторов уезда произошли от связи с местным рельефом, особенностями местности. К ним в частности относится село Журавка. Российский натуралист Самуэль Готтлиб Гмелин, проплывая в XVIII веке мимо, записал в путевом журнале: «место, на коем она построена, славно было потому, что там водились во множестве журавли и вили себе гнезда, от коих она и имя себе получила». Село Лебединка получило свое название уже в XIX веке. Название хутора Степанков было заменено на Лебединку из-за большого количества лебедей, которые гнездились в пойме притока реки Левая Богучарка.

Наиболее устойчивыми оказались имена водных объектов и произошедшие от них

гидронимы. Это Криница, Белый Колодезь, Лиман, Залиман. Последнее село образовано в 1720 году жителями слободы Богучар, жившими на острове, а затем перешедшими «за лиман». Некоторые названия произошли от особенностей речного русла. Например, Плесновка от слова, означающего плес — «речной изгиб», когда-то протекающей протоки у хутора. В селе Белая горка есть местность, называемая Омелькины бахчи. По легенде Емеля посадил здесь бахчу. Когда жители пригласили его на свадьбу, которая продолжалась три дня, бахчу «обнесли». Большая часть дынь и арбузов была съедена на свадьбе. Это поле и прозвали «Омелькины бахчи». По большому количеству комаров получил свое название хутор Комаривка. Первоначальное название хутор Свинухи (по гранитным выступам у берега Дона, на месте, где сейчас расположен гранитный карьер), за-

тем хутор Свинухи, современное название Тихий Дон.

К сожалению, отдельные слова, в частности в период 1930 — 1950-х годов, были переименованы необдуманно. Загребайловка (название по фамилии казака Загребайлова, потомки которого стали помещиками) в 1950 году переименована в Луговое. У села Белая Горка есть поле, где расположены Дмитриевы колодезя. Жители утверждают, что там было пять или шесть колодезей хозяина по имени Дмитрий. Надо сказать, что были попытки также переименовать город Богучар. На III съезде богучарских партизан было даже принято постановление о переименовании города, так как он носит название контрреволюционное: «Бог» и «Чара». Предлагалось назвать его Радченск, но все же решили переименовать только село Красноженово и назвали его Радченским. Было это в 1930-х годах.

